ТАЙНЫ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Русы Великой Скифии

Великая Скифия – предшественница Руси

Прародина суперэтноса русов

Забытые письмена Евразии

Ю.Д. ПЕТУХОВ
Н.И. ВАСИЛЬЕВА

Ю.Д. Петухов, Н.И. Васильева

Русы Великой Скифии

Москва
«Вече»
2008

ББК 63.3(2)
П29

Scan By Vitautus

Издание второе, исправленное

Петухов Ю.Д.

П29 Русы Великой Скифии / Ю.Д. Петухов, Н.И. Васильева. — М. : Вече, 2008. — 416 с. — (Тайны Земли Русской).

ISBN 978-5-9533-1985-0

Эта книга потрясает и завораживает необычностью авторской концепции, масштабностью панорамы повествования. Перед читателем предстает евразийская история — от эпохи палеолита до наших дней. Теория суперэтноса русов, разработанная писателем и историком Юрием Дмитриевичем Петуховым, не просто оригинальна. Она представляет культурное наследие народов нашего Отечества, прежде всего русского, поистине великим и чрезвычайно важным для понимания всей эволюции человечества.

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9533-1985-0

© Петухов Ю.Д., Васильева Н.И., 2008
© ООО «Издательский дом «Вече», 2008

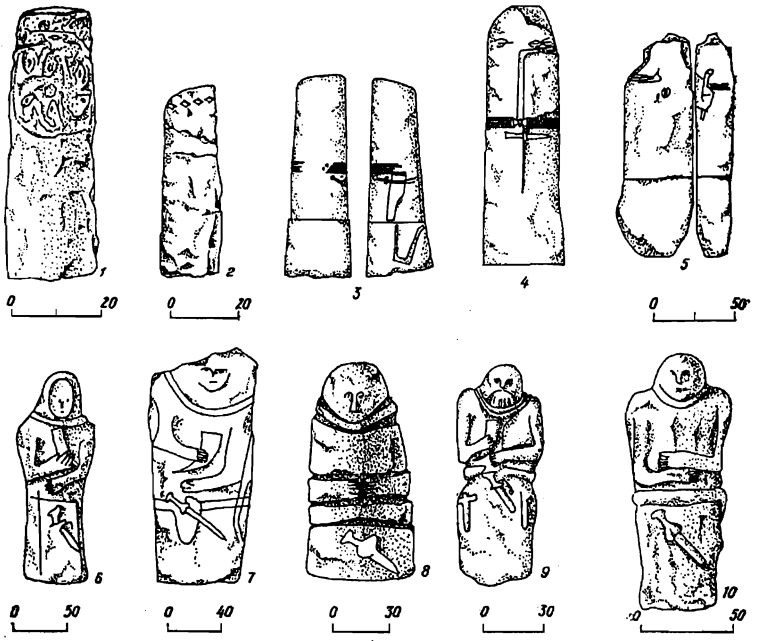
Европа как западная окраина Великого Скифского мира, Великой Цивилизации русов

Вступление

Александр Блок провиденциально отождествлял русских со скифами. Но при этом он взволнованно писал: «Да, скифы мы, да, азиаты мы, / С раскосыми и жадными очами». Поэт был прав, ставя знак равенства между скифами и их потомками — русскими. Но про «азиатов» и «раскосые» очи он явно переборщил. Поэту-романтику подобная «гипербола» простительна. Мы же, занимаясь сугубой наукой, помним, что скифы, как и мы, народ индоевропейской языковой семьи, этнос (точнее, суперэтнос в классическом понятии) европеоидный. А у европеоидов глаза не раскосые. Увы.

На мировоззрение Блока безусловно повлиял западноевропейский взгляд на Россию. Да, по мнению обитателей карликовых стран Европы, все, что восточней Польши, — это уже Азия. А Азия, в понимании европейцев, — дикая, раскосая, необузданная, алчная и при этом безвольная.

Мы, нынешние «европейски образованные» русские, впитав в себя всю мировую культуру в большей степени, чем ее впитали сами европейцы (и это очевидно), постепенно находим в себе силы избавляться от попутно впитанных «европейских» стереотипов. Мы воссоздаем нашу и не нашу историю, реконструируем прошлое, но уже без того потрясающего «немецкого романтизма», который в XVIII—XIX веках нашей эры приобрел характер эпидемии, даже пандемии и на долгие десятилетия замутил зрение не только поэтам, но и серьезным историкам, политологам, социологам.



Скифская загадка. Тысячи «загадочных» каменных изваяний стоят на колоссальных пространствах Евразии — от Дуная до берегов Тихого океана, от среднего течения Енисея, Лены, Иртыша до Инда, Ганга, Янцзы и Хуанхэ. Во всех этих «идолах» просматриваются корни одной воистину планетарных масштабов этнокультурной традиции. За тысячелетия своего существования скифы получили от разных племен и народов, от летописцев и историков множество разных названий. Но в научный обиход они вошли как археологическая культура обширного «скифо-сибирского мира», сравниться с которым по его площадям расселения и влиянию на человечество, пожалуй, не сможет ни одна из древних цивилизаций человечества. В этой книге мы попытаемся разгадать хотя бы часть «неразрешимых загадок», связанных со скифами, их предшественниками и их потомками. А здесь вы видите изваяния: 1 — из Константиновки Николаевской обл.; 2 — Верхнехортийского р-на Запорожья; 3 — Ольвии; 4 — Белограда (Болгария); 5 — Кривого Рога; 6 — Калиновки Николаевской обл.; 7 — Днепропетровской обл.; 8 — села Грушевки; 9 — Нововасильевки; 10 — ст. Бесскорбная Краснодарского края

Европа реальная, Европа, населенная европеоидами, значительно, во много раз больше той части света, которую мы именуем Европой. И если смотреть на исторический процесс с этих позиций, из центра обитания европейской — европеоидной расы, — то мы, русские, находимся нынче в самом центре Европы истинной, а та, старая «Европа» есть лишь западная окраина нашего обширного и не только обжитого нами, но и созданного нами мира.

В нашем суперэтносе во все тысячелетия и века его существования был распространен неувядающий и привлекательный тезис о «России Молодой» (по сути, это «тезис обновления», «бессмертия»). Одним казалось, что Россия Молодая началась с 1991 года, другим, что с 1917-го, третьим — с преобразований Петра, четвертым — с призвания Рюрика в 862-м, пятым — с основания Кием матери городов русских Киев-града и т.д.

В этом исследовании мы расскажем вам о России еще более молодой — России Скифской. И неважно, что в те времена такого звучного греко-латино-литературного наименования наша великая держава не носила. Главное, что она была Великая Скифия, населенная русами и прочими народами и племенами, которых русы вовлекли в стремительный бег Истории и так или иначе приобщили к строительству не только суперэтноса, но и государства, которое, трансформируясь на протяжении многих столетий, сохранилось до нашего смутного времени «крушения империй».

Безусловно, Великая Скифия не первое государство (или супергосударство — государство государств, по аналогии: союз племен — суперсоюз союзов племен) русов. Для подавляющего большинства наших предков Великая Скифия явилась очередной «Россией Молодой», затмившей предыдущие ипостаси России — от Ближневосточной изначальной Руси (Сури) и Бореальной Руси до империи хеттов и Рима расенов-этрусков.

Но здесь мы сосредоточим свое внимание именно на Скифской Руси — необъятной империи (если не «политической», то этнокультурно-языковой), раскинувшейся на гигантских просторах Евразии — и, что чрезвычайно интересно, почти совпадающей в своих границах с Российской империей XIX — нач. XX вв.

Великая Русская Скифия — часть нашей великой истории, наша прародина, забывать о которой мы не имеем права. Пом-

ня о том, что таковой прародиной для нас была и вся Центральная, Южная и Северная Европа, памятуя о наших отчинах на ее землях, мы не должны пренебрегать и евразийскими просторами, освоенными нашими бесстрашными и могучими предками — созидателями, земледельцами и воинами, истинными сынами и дочерьми первонарода нашей планеты — суперэтноса русов.

Ю.Д. Петухов

Русы Циркумпонтиды и скифо-сибирского мира. Арийская проблема

Предуведомление. В данной книге, рассматривая проблемы скифов, Скифии, мы естественным образом затрагиваем частично Ближний Восток, Индию, Среднюю Азию, Сибирь... — области, на которые русы-арии, индоевропейцы, скифы так или иначе оказали влияние. Цель настоящей публикации — уточнить некоторые аспекты сложнейшей проблемы.

Вавилон и Ассирия (Ассур-Русса). Деградация ближневосточных ариев. Крах русов Двуречья. Натиск аравийских протосемитов

Вавилон и Ассирию-Ассурию, как южную часть циркумпонтийской зоны, заселяли такие же русы, какими были русы-скифы Северного Причерноморья. Единый суперэтнос делился на несколько крупных родов. При этом русы-скифы и русы-ассуры, скажем, II тыс. до н.э. отличались друг от друга не больше, чем современные русские и малороссы. Преимущество скифов было в том, что тюркские и монголоидные этносы еще не развились в достаточной мере, чтобы угрожать им. А беда русов-ассуров состояла в постоянном давлении на них протосемитских предэтносов, идущих волнами из Аравии. Русы-ассуры были бы ассимилированы протосемитами значительно раньше. Но

«волны с севера» — выселки русов-индоевропейцев из Северного Причерноморья, периодически «накатывающие» на Ближний Восток и, в частности, в Двуречье, — спасали их от деградации, вымирания и вытеснения семитами, они подпитывали русов-ассуров генетически, антропологически, этнически. До первых веков нашей эры.

Ко времени появления Ассирийской и Вавилонской империй (по сути, это одна Ближневосточная Империя, управлявшаяся разноэтническими ассурскими и вавилоно-ниневийскими династиями) русы, еще составлявшие основу ближневосточной цивилизации, начинали терять господствующее положение на собственной прародине и повсеместно утрачивать власть.

По «классической схеме» около 1950 г. до н.э. в Месопотамию, на земли прежнего Шумера — Су-Мира и в Северное Двуречье вторглись «кочевые племена аморе́ев» и пришли ассирийцы... Началась история Вавилона на юге и Ассирии на севере, история ассирийцев и вавилонян как двух «семитских» этносов, сформировавшихся где-то и как-то... (о реальном этногенезе ассирийцев и вавилонян стыдливо умалчивается). По этой «схеме» про шумеров нам предлагается забыть — а ведь их никто не истреблял до «двенадцатого колена», забыть, несмотря на то что культура и мифология Вавилона и Ассирии были трансформированными культурой и мифологией шумеров, то есть русов и гибридных русов, несмотря на то что «племена марту» и за тысячу лет до того приходили кочевниками на земли шумеров и русов-сурийцев, не создавая при этом «царств».

По существу, «классическая» библеистическая школа пытается навязать нам мнение, что некие «аморе́и» семитического происхождения и «ассирийцы», также семиты, пришедшие неизвестно откуда (кочевники), вдруг сами, своим трудом и своим гением создали огромное государство, Ассиро-Вавилонию, на месте «разгромленного» Шумера, северных и западных княжеств... И это принимается на веру, на слепую наивную веру. Более того, это становится постулатом в учебниках, справочниках и в основополагающих учениях всех исторических школ. Фундаментом, на котором затем строится «здание» всей истории Древнего Востока. Вот этот «фундамент»: семиты создают государства Древнего Востока, одно за другим. Именно они (не считать же каких-то шумеров и хараппцев!) есть первогосударственники и создатели первых цивилизаций Древнего мира, зачинатели всей земной цивилизации. Каким образом первобытные кочевники, не дос-

Скифские мотивы в Вавилоне. Бронзовая накладка. Скифию и Ассиро-Вавилонию разделяет Черное (Русское) море. Но объединяют одни традиции суперэтноса русов. Циркумпонтида — это обширная область, охватывающая Черное-Русское море со всех четырех сторон света, включая Двуречье на юге и южно-русские степи и лесостепи на севере. Ни для русов Сури-Руси, Палестины-Ханаана, асуров-руссов Двуречья, ни для скифов Северного Причерноморья не существовало границ в этом огромном «индоевропейском котле» суперэтноса русов, вбиравшем в себя сотни и сотни предэтносовых племен, которые в смешении с родами суперэтноса на его периферии создавали устойчивый этнококон носителей гибридных традиций суперэтноса

тигшие даже уровня керамического неолита, могли создавать государства и империи, не поясняется.

С таким же успехом мы могли бы считать создателями Киевской Руси печенегов и половцев. Впрочем, и те и другие знали верховую езду и имели военную организацию. Протосемиты и семиты Древнего Востока не имели ни того, ни другого. Они пасли коз и овец. Во времена смут контролировали «большие дороги». Таборами сидели под стенами городов. Чрезвычайно активно занимались меновой торговлей (отсюда в дальнейшем наследственные профессии менял, ростовщиков и т.п.).

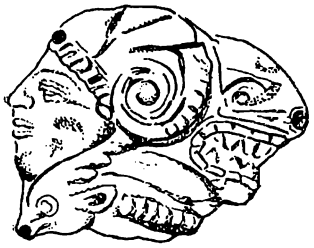
Нет, печенеги и половцы не создавали Киевской Руси, как позже пресловутые «татаро-монголы» не создавали Владимиро-Суздальской, Московской Руси... Они приходили в созданные задолго до них государства, приходили, пользуясь смутами, войнами, периодами упадка и раздробленности... Они приходили не демиургами и культуртрегерами... Шумерский эпос

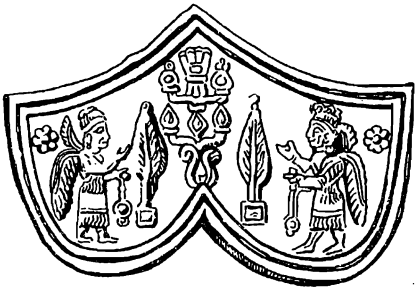
красочно описал нам «людей смерти» и всю обстановку разрухи, упадка, деградации городов-княжеств Месопотамии... И на самом деле с приходом «амореев» не возникают империи. С 1950 по 1700 г. до н.э. в Двуречье остаются все те же княжества... Они так или иначе пытаются выжить. И выживают, как выживали позже и русские княжества после «батыевых нашествий».

Смогли бы существовать эти государства, если бы «люди смерти» и мифические «ассирийцы»-семиты истребили бы все население княжеств? Нет. Значит, население, пусть и изрядно поредевшее, оставалось на землях Двуречья прежним, состоящим из индоевропейцев-русов, шумеро-русов, гибридных шумеров и ассимилированных «людей пустыни», горцев, русов-эламитов, русов-кавказоидов и арменоидных русов. Просто теперь в ряды горожан и селян вливалось все больше мигрантов-протосемитов.

Нечто похожее происходит и с нами. В настоящее время в Москву (и другие города России) переселяются десятки миллионов мигрантов (азербайджанцев, армян, таджиков, афганцев, китайцев, вьетнамцев и т.д.). Означает ли это, что данные мигранты создали Москву, Россию или на их базе создадут свое принципиально новое государство? Безусловно, нет. Данные мигранты, несмотря на их незаурядную спекулятивно-посредническую активность, не являются созидателями. Они преуспевают до тех пор, пока существует базисное, созидающее, государствообразующее население. Они существуют за счет приобретения товара у одних слоев базисного населения (или извне) и перепродажи товара другим слоям базисного населения (а также за счет всех видов криминала). Мигранты связаны родоплеменными догосударственными узами и потому незначительно поддаются ассимиляции. Но активно вносят в общество свои уклады, традиции, привычки (клановость, кумовство, гаремность, систему бакшишей-взяток, подкуп, рэкет, вымогательство, похищения и торговлю людьми, что приводит к рабовладению и работорговле, и т.п.)

Названия «ассирийцы» и «вавилоняне» не являются этнонимами. Это географическо-территориальные, топонимические понятия. Северным центром Двуречья стал город-княжество Ассур-Русса (в топониме заложен этноним «русы» — он первичен для автохтонов-основателей города-княжества, но вторичен для многочисленных и разнородных обитателей позднего Ассура-Ассирии как империи), а южным центром стал Вавилон (исходно Бабл или Библа; «библеистическая» этимология «Баб-





Скифские артефакты из Келермесского и Мельгуновского курганов говорят о тесной связи обитателей Северного Причерноморья с Междуречьем Тигра и Евфрата. Народы древности были значительно ближе друг к другу, чем нам это представляется. При этом русы-индоевропейцы, в том числе и скифы, были не просто катализаторами этнополитических процессов в Циркумпонтийской зоне и народообразующим началом, но и тем «этническим цементом», который скреплял между собой эти народы-этносы

или» = «ворота богов» неверна, здесь очевиден подгон под псевдоиврит задним числом. Интересна очевидная языковая связь с другими городами русов Губла-Эбла-Библ-Библа — флексии «-ла, -ля» предполагают, что топонимы были женского рода).

Два города-центра неслучайно возродились, окрепли и усилились буквально через век-полтора после пика упадка и деградации Шумера — Су-Мира. И, разумеется, не благодаря пришельцам-кочевникам. Эти два центра выделились как наиболее жизнестойкие очаги сопротивления всеуничтожающим племенам «марту» («амореям» и прочим протосемитам). Вместе с тем, давая решительный отпор прямым вторжениям, Вавилон и Ассур-Русса, втягивали в свои орбиты не только соседние

города-княжества, но и наиболее цивилизованную часть «амореев»-кочевников, используя их мобильность, способность к торговле... Это превратило Вавилон и Ассур в крупные торговые центры.

Староассирийский и старовавилонский периоды истории Месопотамии (1800—1550 гг. до н.э.) показали, что никакой смены населения (якобы шумеро-индоевропейского на семитское) не было. Все центры ирригационного земледелия в Двуречье были восстановлены. «Люди пустыни» не смогли бы этого добиться ни при каких обстоятельствах, для такого прорыва им потребовалось бы десять — двенадцать тысяч лет, чтобы самостоятельно войти в фазу производящего хозяйствования. Каналы, поля, амбары-храмы для зерна, силосные башни, мельницы восстанавливали и налаживали коренные жители Двуречья: русы, гибридные русы — при возможном участии сезонной наемной рабочей силы из наиболее развитых протосемитов. Часть «патриархов» наиболее обеспеченных родов протосемитов становилась землевладельцами, интегрируясь в вавилонское или ассирийское общество.

В любом случае после ряда вторжений кочевников, очередных миграций гибридных русов с Армянского нагорья, из Элама, Митанни, Сурии-Палестины этнический состав Вавилона и Ассура-Руссы становился все более пестрым и разнородным.

После Старовавилонского и Староассирийского периодов мы не можем говорить ни об одном государстве Месопотамии как о моноэтническом. Все они становятся полиэтническими. Но традиции, культура, мифология этих государств продолжают оставаться в рамках традиций суперэтноса русов, заложенных и творчески переработанных еще в эпоху развитого Шумера-Всемира и Сурии-Русии-Палестины. Даже известная всем царица Семирамида (пример искажения имен) носит шумеро-ассуровавилоно-русское имя: Шаммурамат — Сама-Мира-Мат = «Самодержица Мира-Мать» или «Всего Мира Мать» (Шумер = «Все-Мир»).

В Вавилоне и Ассирии, а, по сути, в одной обширной империи, менявшей свои центры: Вавилон — Ассур — Вавилон — Ассур — Ниневия (сравни: Киев — Владимир — Москва — Петербург — Москва), происходило множество событий: войн, переворотов, смен династий, вторжений иноземцев, широко описанных в научной и популярной литературе. Но главным событием был почти незамеченный исследователями процесс

растворения русов, а позже гибридных русов в этносах бывшего этнококона, окружавшего месопотамские роды суперэтноса. Об этом не принято писать в научной литературе, имеющей табуизированные темы. Но главное в Истории не история государств, династий, то есть не придворная хроника, а история этносов — их зарождение, становление, перерождение, гибель, иногда возрождение...

Мы четко видим государственные образования.

Но мы видим и тех, кем они создавались. И кем разрушались.

После этого утверждать, что все этносы равны, что все они несут в себе равносозидающее и равноразрушающее начала, было бы антинаучно, лженаучно и просто ложно. Оседлые земледельцы древних и средневековых цивилизаций знали это из собственного опыта: для них кочевые народы были вполне олицетворением разрушения, горя, страданий и смерти. Поэтому их и называли «людьми смерти». Налет кочевников на селение нес смерть быструю. Инфильтрация кочевых родов в оседлое общество несла обществу смерть медленную, растянутую в веках...

Поздний полиэтнический Ассур-Вавилония — не «царство», а империя, включающая в себя различные «царства»-княжества и многие народы, перемешанные в метрополии. Именно в полиэтническом Вавилоне русы и вычленившиеся из суперэтноса народности начали утрачивать ощущение родства и воспринимать друг друга разными «языками». Отсюда сюжет о Вавилонской башне, о едином народе, едином языке и Вседержителе, который за гордыню разделил этот единый род людской на семьдесят два «языка-племени». Сюжет предельно историчен: до Вавилона автохтоны Месопотамии и Ближнего Востока ощущали себя (несмотря на диалектные и этнические различия) единым большим народом (суперэтносом русов во всем его многообразии). Даже молодые вычленившиеся из первонарода народности еще связывали себя с ним, говорили на понятных диалектах первоязыка. Но в Старовавилонский и Средневавилонский периоды различия стали слишком заметны. Молодые этносы Древнего Востока перестали воспринимать друг друга родственными, вышедшими из одного лона. И все же речь в сюжете о Вавилонской башне идет не о множестве различных народов, собравшихся воедино, чтобы построить огромный столп-зиккурат, а об одном первонароде с одним первоязыком и,

главное, о разделении изначального народа и разделении изначального языка. Интеллектуальная элита того времени, прежде всего жрецы-волхвы, хранившие устное предание и записавшие данный сюжет, знали, как «образуются народы». Они были современниками, очевидцами этногенеза в Вавилонии и Ассуре. И мы вполне можем им доверять.

Упоминания о собственно семитских богах в Месопотамии вообще отсутствуют. Это общепризнанный научный факт. Если бы семиты той эпохи имели своих собственных богов и активно участвовали в духовно-культурной жизни Вавилона-Ассура, то их божества непременно вошли бы в общий пантеон империи. Этого не случилось. Все божества вавилонян и ассирийцев имели шумеро-аккадское происхождение. Это лучшее доказательство прямой этнокультурно-языковой преемственности от русов к шумерам и далее — ассуро-вавилонянам (руссо-вавилонянам).

В результате цепи неблагоприятных событий (вторжений, войн, разрухи...) на первый план вышел культ «темной» ипостаси Рода-Вседержителя, а именно Велес-Ваал-Баал-Бел. Он занял главенствующее место в вавилонском пантеоне под эпитетом Смертный Дух или Смерти Дух = Мардух, Мардук («мара» = «смерть»). Этимологии, приводимые в энциклопедиях и учебниках, не заслуживают внимания. Суровое время возвело на трон суровых богов (но не новых, а традиционных). И кровавые человеческие жертвы приносились именно такому богу, богу-духу смерти-мары, повелителю загробного мира, земных богатств и земной власти (вспомним, что Вол-Вел-Ваал происходит из корневой основы «вл-» = «власть, владеть»).

На севере в Ассуре закрепился культ бога-героя Ашшура-Ассура, то есть Руса. И это естественно, север в большей степени сопротивлялся растворению русов в иноэтнических массах пришельцев. Ашшур-Рус был не просто богом-героем, он был знаменем единения и борьбы. Ашшур-Рус — прямая светлая ипостась рода, в его теониме заключен сам этноним рода — «рус». Именно поэтому он становится в Ассурии единым божеством. Жрецы-волхвы русов, осознавая, что первоэтнос стремительно растворяется в смыкающемся этнококоне, сделали отчаянную попытку объединить всех (русов, гибридных русов, семитов, кавказоидов) под Единым Богом суперэтноса, то есть объединить духовно.

Но если чисто антропологические различия в подобном единении не существенны (например, сейчас русскими называют

себя люди разных антропологических типов и подрас), то диалектно-языковое напластование век за веком видоизменяло сам первоязык и, соответственно, культуру, уклад, традиции... Под воздействием все новых и новых волн мигрантов русы и гибридные русы утрачивали свои исходные признаки. Вавилоно-ассирийская империя теряла свое «национальное лицо».

Ассур XIII—VII веков до н.э. можно сравнить, скорее, не с имперской Россией, а с Советским Союзом, в котором доля русских в верхних и средних эшелонах власти, в среде научной и творческой интеллигенции была снижена до минимума. В Советской России это снижение было произведено искусственно с 1917 по 1928 г., когда этнические русские истреблялись и изгонялись из страны, а их социально-экологическую нишу занимали представители «этнококона» (грузины, армяне, латыши, евреи, поляки и т.д.). Вместо этнических русов Романовых* страной стали править: еврей Ленин-Бланк, грузин Сталин-Джугашвили, грузинский еврей Берия, гибридный татаро-малоросс Хрущев, гибридный романо (молдавано) малоросс Брежнев и т.п. Несмотря на это Советская Россия оставалась Россией и значительную ее часть составляли русские (прямые и косвенные потомки русов).

В Ассуре-Руссе процесс ассимиляции не имел, как в раннем СССР, характера искусственно разжигаемой тотальной «классово-антишовинистической» ненависти. Ассимиляция, а точнее, вычленение малых этносов из суперэтноса и параллельное смешение исходных русов с мигрантами из уже вычленившихся прежде предэтносов и этносов, проходили более естественно, без инспирированных верхами «теорий» и без уничтожения коренной нации страны под видом всеобщей «интернационализации».

Ассур-Руссу I тыс. до н.э. вполне можно было назвать многонациональной державой. И все же держава эта, огромная

---

* Версия о том, что Россией под фамилией Романовых правили немцы, есть целенаправленная инсинуация, рассчитанная на неподготовленного доверчивого читателя. Фактически Восточная и Центральная Германия (особенно в княжеских династиях), несмотря на языковую германизацию, была и остается землей этнических русов-славян, их антропологической «кладовой». Исконные русы Романовы брали в жены девиц из исконных родов русов, зная, что «интернационализация» династии приведет к катастрофе как саму Империю, так и населяющие ее народы.

империя, раскинувшаяся от Персидского залива до Средиземного моря, держалась не на вычленившихся малых этносах, не на мигрантах, не на амореях, арамеях, касситах, арменоидах, протоевреях, митаннийцах и мифических, «обобщенных» ассирийцах (термин, сходный с понятием «советский народ»), а на вполне конкретной государствообразующей исходной основе, на русах. Причем русы той эпохи не имели никакой собственной этнической организации (представительства, землячества, старост от «клана-тейпа» и т.д.), они на Ближнем Востоке уже давно вышли из стадии родоплеменных отношений, перепоручив функции глав, судей и воинов рода государству. Государственный же механизм в свою очередь работал (и работает до наших дней) не по этническим законам, предоставляя места во власти и экономике не по этнической принадлежности, а по раскладу сил. В результате, как это и бывает повсеместно в крупных наднациональных государствах, империях, коренной государствообразующий этнос оказался безоружным перед малыми этносами, пользующимися равными правами с ним, но имеющими дополнительно четкую, сильную племенную организацию и нерушимые родовые узы (вплоть до «семьи»-мафии).

Нет ничего странного в том, что приход к экономической и политической власти инородных мафиозных кланов стал началом конца цивилизации Двуречья и катастрофой для патриархально-земледельческих общин Вавилонии-Ассура, катастрофой для всех русов (в том числе и гибридных), своим трудом создавших в болотистой и знойной Месопотамии подлинный «рай на земле», величайшую цивилизацию древности.

Недаром Вавилон среднего и позднего периода, насквозь пропитанный духом торгашества, продажности, город-вертеп разлагающегося ростовщического и рабовладельческого «интернационала» в последующей оценке христианских философов получил звание «блудницы» («вавилонская блудница») и стал символом «золотого тельца», бездуховности, бесчеловечности, «пира во время чумы». Власть бывших кочевников, профессиональных менял, ростовщиков, торговцев и стала таким нескончаемым «пиром» посреди «чумы», которой было подвергнуто коренное население, ведущее производящий образ хозяйствования. Рано или поздно вавилонская финансово-ростовщическая «пирамида» (как и все последующие «пирамиды») должна была обрушиться.

Очень долго, несколько веков, власть торгового «интернационала», особенно в Ассуре-Руссе, оставалась за ширмой. А на переднем плане, как на знаменитых ассирийских рельефах, были статные, длинноволосые и русобородые цари, князья, сановники и военачальники, охотящиеся на могучих львов с колесниц. Типичные индоевропейские, арийские сюжеты, арийские колесницы, арийские благородные цари-воины кшатрийской касты (арийско-кавказоидная подраса). Никаких намеков на диких кочевников-семитов с их овцами (переднеазиатская подраса).

Навязанное нам представление о том, что в древности весь Ближний Восток был заполнен семитами и что именно они делали историю, есть, мягко говоря, совершенно фантастическая гипербола. Не только Малая Азия и Палестина, но и вся Сурия-Русия, вся Северная и Средняя Месопотамия были плотно заселены помимо самих исходных русов-индоевропейцев сыновними индоевропейскими народами, вычленившимися из суперэтноса. Огромная держава индоевропейцев — Митанни — простиралась от Персии-Порусии до Ханаана. Митаннийцы были индоевропейцами последней генерации (скифами), пришедшими в Северную Месопотамию из Северного Причерноморья и принесшими (наряду с хеттами в Малой Азии) индоевропейский культ коня и боевых колесниц. Их огромное царство (1500—1330 гг. до н.э.) распалось после вторжения родственных родов хеттов. Но сами индоевропейцы-митаннийцы никуда не исчезли, они остались на Ближнем Востоке. И именно их династии привили русам и гибридным русам Ассура-Руссы любовь к колесницам, охоте на львов и прочим воинским потехам. Еще раньше в Ассур с Армянского нагорья волнами спускались хурриты, арменоидные русы-индоевропейцы. А с восточных Загросских гор приходили индоевропейцы-касситы, народ, вычленившийся из суперэтноса под воздействием эламитов и кавказоидных русов. Одни династии сменяли другие, но население Ассура-Руссы оставалось в рамках традиций суперэтноса.

На упомянутых рельефах и фресках, которые автору довелось изучать в Британском музее, Лувре и в других исторических сокровищницах мира, мы видим отнюдь не семитов, а индоевропейцев с выраженными арменоидными и кавказоидными чертами, которые русы приобрели на Армянском нагорье и в Закавказье-Загроссе. Именно по этим чертам индоевропейцев в научном мире XIX—XX вв. было принято называть «кавказской расой».

Огромный научный материал (лингвистический, топонимический, археологический, антропологический и т.д.) позволяет нам утверждать, что Ближний Восток был вплоть до I тыс. до н.э. не только родиной индоевропейцев, но и их абсолютной, практически не делимой ни с каким иным большим народом или государственным объединением вотчиной. Постепенно отдаляющиеся этнически друг от друга индоевропейские народы (сыновние этносы суперэтноса) воевали между собой, воевали с собратьями-хеттами из Малой Азии, воевали с Египтом, делили престолы, обладали по отдельности и вместе колоссальной силой... Но были бессильны против постепенной и на первый взгляд малозначительной инфильтрации семитов Аравии в их земли. Если бы протосемиты пришли в Ассур большой могучей армией, они были бы разбиты, развеяны по сторонам света... Но они приходили «патриархальными» таборами. И спасения от них не было.

К эпохе гибели Вавилона и Ассура-Руссы семиты составляли значительное меньшинство населения этих пульсирующих империй. Чрезвычайно активное меньшинство. А в истории зачастую остается тот, кто активно заявляет о себе. Но даже при самых больших натяжках и допусках мы не можем считать Ассур-Руссу семитским, арменоидно-кавказоидным или каким-либо этнически иным государственным образованием. Причисление Ассура-Ассирии к государствам Древнего Востока, созданным семитами, что мы часто встречаем в научных трудах, учебниках и энциклопедиях, глубоко ошибочно. Протосемиты, семиты на поздних этапах существования ближневосточных княжеств, царств и империй научились входить во власть, использовать ее и весь механизм государства в своих целях. Но отнюдь не они были создателями этих государств (Ассирии, Вавилона, Израиля, Иудеи, Финикии и др.). Как не были создателями России (Советской России) большевики-«революционеры», в подавляющем большинстве своем этнические евреи-семиты, которые в 1917 г. захватили власть и использовали уже имеющиеся рычаги и механизмы этой власти, отлаженного государственного аппарата. То, что они в дальнейшем в силу внегосударственного менталитета разладили этот аппарат, не удивительно. За две тысячи лет «рассеяния» евреям, несмотря на их феноменальные способности и «избранность», создать где-либо государство не удалось. (Израиль не исключение, он существует за счет колоссальных дотаций США, ФРГ и СССР-Рос-

сии, по сути, он и создан был по воле Сталина и Рузвельта, то есть извне.) Прочие семитские государства (арабские) можно назвать, скорее, родоплеменными анклавами, существующими за счет продажи исполинских запасов нефти. Мне, как историку и социологу, неизвестно ни одно государство семитов, созданное семитами по классической схеме: многовековым трудом коренного населения и организационным гением его вождей. И в таком выводе нет ничего уничижительного для народов хамито-семитской языковой семьи. Так как в общеземной цивилизации каждый народ играет свою и только свою роль. Не нам дано определять степень «полезности» или «бесполезности» этносов. Это касается и кочевых народностей Аравии, по-своему боровшихся за свое выживание.

История чрезвычайно маловариантна. Из тысячелетия в тысячелетие, пусть и на «новых витках спирали», повторяются одни и те же сюжеты. Индоевропейские народы и народности последовательно и повсеместно отступают перед последовательным и повсеместным «вторжением» потомков семитов. И это несмотря на ветхозаветное пророчество, в коем сказано было, что со временем, дескать, Иафет войдет хозяином в шатры Симовы.

В Двуречье, в частности в Вавилоне-Ассуре, потомки Сима, в совокупности с арменоидами и кавказоидами, к началу VI в. до н.э. весьма основательно ассимилировали и потеснили исходных русов-иафетитов-индоевропейцев — вошли во дворцы Иафетовы.

Вторжение в Месопотамию русов-ариев Персии — По-Русии. Держава Александра Македонского. Агония русов на Ближнем Востоке

Прежде полного и окончательного исчезновения русов (решение «русского вопроса» на прародине русов) в данном регионе были еще Персидское и Македонские царства — попытки возрождения былых государств русов на Ближнем Востоке.

В 539 г. до н.э. войска персов завоевали Вавилон, разрушили его. И немногим позже, покорив всю Ассуро-Вавилонскую империю (а затем еще и Малую Азию, Македонию, Фракию) создали на ее месте Персидское царство, включавшее саму Пер-

сию, а также земли до Инда, заселенные русами-индоариями (скифами).

Что представлял собой Вавилон-Ассур в середине VI в. до н.э.? При всех кажущихся достижениях империя находилась в стадии упадка и деградации. Она повторяла судьбу Шумера, Хараппы и многих других цивилизаций, подвергшихся интенсивной и многовековой инфильтрации инородного элемента. Империя ассуров ощутила этот натиск на себе в большей степени, чем ее предшественники. К концу ее существования русы и гибридные русы были растворены в иноэтнических массивах и отстранены от власти. Властные структуры находились в руках имперского «интернационала» (касситы, арменоиды, семиты и пр.). В большей степени русы были представлены в среде земледельцев и жрецов-волхвов. Но там и тут были уже гибридные русы.

В целом Ассуро-Вавилонию в I тыс. до н.э. мы уже не можем признавать как державу русов. Ее население, смешанное и утрачивающее исходные признаки, можно рассматривать как тупиковую ветвь на древе суперэтноса — ветвь, принявшую в себя столь много посторонних побегов, что она не выдержала своей тяжести, обломилась и отвалилась от ствола этнодрева.

Ассуро-Вавилония, насквозь прогнившая в результате привнесенных в чрево земледельческо-созидательной цивилизации уклада кочевников-потребителей, деградировала без всяких вторжений. Участь ее была предрешена — полная разруха, хаос, вымирание населения и переселение торгового и правящего «интернационала» в места более «хлебные» (то есть очередной «исход»). И нам не следовало бы рассматривать поздний (Новоассирийский и Нововавилонский) период в рамках истории русов, так как сама история русов там уже практически закончилась их ассимиляцией, растворением и сложением на их месте нового синтетического (не вычленившегося, а именно синтетического) этноса.

Но даже поздний Ассуро-Вавилон хранил реминисценции традиций суперэтноса. Это первое. И второе...

Персы-порусы (или перусы), прямые арии-индоевропейцы, этнос, еще не вычленившийся из этнодрева русов, но уже находящийся в стадии вычленения, на несколько веков продлили существование и историю русов в Месопотамии. Войска персов были не столь многочисленны, чтобы полностью заселить Ближний Восток, сменить его население. Население оставалось прежним. Но администрация на многих территориях сменилась.

Скифские воины. Реконструкции: а) Д. Шевчука; б) М. Горелика. Скифы дали достойный отпор персам (порусам) «арийских веж» (Персии-Ирана), не доводя дела до кровопролитных братоубийственных сражений. Это хрестоматийный пример. Но далеко не все знают, что скифские дружины в составе войск Персии-Порусии воевали в Месопотамии, очищая её («завоевывая», как пишут в учебниках и энциклопедиях) от пришлых орд. По всей видимости, именно такие вот суровые скифы-воины наводили «имперский порядок» в деградировавших государствах меж Тигром и Евфратом, в Палестине и Ханаане, в коренной Сурии-Русии и, что особенно важно, в Северной Месопотамии, которая должна была стать вторым важнейшим плацдармом для наступления протосемитов (предков арабов) на Северное Причерноморье. Тем самым эпоха великого халифата была отодвинута почти на тысячелетие и Европа смогла подготовиться к отпору всесокрушающей «зеленой волны». То есть задолго до известных нашествий с Востока («гуннских» и «монгольских») русы уже неоднократно прикрывали собой европейские цивилизации от неминуемой гибели, выращивая, тем самым, себе же на голову лютого и непримиримого врага на все времена

На земли Двуречья, Сурии-Русии-Палестины, в Закавказье вновь был привнесен традиционный уклад суперэтноса русов.

Говоря о персах-порусах той эпохи, мы должны помнить, что этнически и антропологически они представляли собой исходных индоевропейцев (индоиранцев-ариев), которые волнами приходили из Северного Причерноморья и Северного Кавказа, со вторичной прародины русов-индоевропейцев. Персы-порусы были исходными русами с незначительными вкраплениям-примесями. Этнически, антропологически, культурно, языково они были значительно ближе к нынешним русским, чем к современному населению Ирана-Персии, которое подверглось столь сильному арабскому (семитскому) воздействию, что его нельзя считать потомками древних персов-порусов.

Завоевание Месопотамии и Ближнего Востока в целом обернулось для персов-порусов этнической трагедией. Ибо оно увело значительную часть генофонда (князья, воины, жрецы-волхвы) из Персии-Ирана на бурлящий иноэтнический запад и, в свою очередь, открыло протосемитам, семитам (арабам) ворота на восток, в Персию-Иран. В дальнейшем ответная экспансия привела к тому, что Персия-Иран вышла из ареала индоевропейских народов и вошла в зону абсолютного влияния семитов (арабов).

Но в X—IV вв. до н.э. персы-порусы были русами во всех отношениях. Создание ими Персидской империи на землях агонизирующей Месопотамии было актом реставрации власти русов над Ближним Востоком и спасения (на время) сохранившихся автохтонных русов и гибридных русов. Персы-порусы восстановили вместо кланово-родовых, основанных на «кумовстве» и взяточничестве, традиционные порядки и законы суперэтноса.

Это коснулось всех этносов и народностей. В том числе и евреев, которым разрешили вернуться из «вавилонского плена» в Ханаан-Палестину. Под влиянием персов, убежденных монотеистов, восстановивших по-своему древние верования суперэтноса, в Иерусалиме-Ярусе была создана храмовая община догматического иудаизма (Эзры и Неемии), которая должна была вернуть евреев к вере в единого бога (полученной ими от египетского волхва-руса Мосха-Моисея, но утраченной во времена «исходов», «хожений» и «пленений»). Старания персов-порусов увенчались успехом. Без них евреи утратили бы свою «избранность» и полученные от Бога заповеди. Русы-волхвы Кира Ве-

Скифские всадники V—I вв. до н.э. Реконструкция Д. Шевчука. Когда мы говорим о великих завоеваниях великого македонского (славянского) князя Александра и его особом «договоре» со скифами, мы должны помнить, что для «завоевания» огромных евразийских просторов этому гениальному полководцу-русу не хватило бы ни его славянских дружин, ни полков персов-порусов, ни воинской силы прочих союзников и «покоренных народов». Передовым отрядом в армии князя Александра были конные дружины скифов (в т.ч. сарматов и саков). Скифы знали все дороги и тропы Евразии, для них не было границ, стен и запретных зон. Именно поэтому они заслужили особое расположение Александра Великого, которого, в свою очередь, видимо, признали «царем русов» на то время

ликого не дали им этого сделать, продолжая дело египетских жрецов-волхвов (часть семитов стала евреями-«избранными» только благодаря «египетскому плену»). То есть «вторжение» русов из Персии-Порусии спасло евреев от неминуемой физической и духовной гибели. К слову, значительная часть евреев не хотела возвращаться из «вавилонского плена», так как в этом «плену» обзавелась большими земельными угодьями и множеством рабов (хорош плен!). В среде ортодоксов такие «невозвращенцы» вызвали гневное осуждение.

Власть династии персов-порусов, основанной Киром, не была долгой. Через двести лет власть над обширнейшим Персидским царством-империей перешла в руки македонской династии во главе с Александром Македонским.

Представления о глобально-тотальном сокрушительном нашествии «греков» на персов, о повсеместных блистательных победах Александра Македонского и его стремительном блицкриге на Восток явно преувеличены.

При Александре Македонском размеры и структура Персидской империи ничуть не изменились. Смена одной династии на другую произошла практически бескровно. Было несколько не очень значительных столкновений, впоследствии доведенных историографами и поэтами до уровня вселенских битв. Не было никакого противостояния народов (персов и «греков»), не было противостояния систем («греческой демократии» и «персидской тирании-деспотии»). Все это выдумано позже историками-политиканами романо-германской и библеистической школ. Ничего этого не было, потому что не было никаких «древних греков» с их «демократией» и никаких персидских «восточных деспотий». Македонцы и персы были русами-индоевропейцами, пришедшими из Северного Причерноморья: одни на запад в Македонию, другие на восток в Персию-Иран.

К V—IV вв. до н.э. персидские русы-индоевропейцы, продвигаясь на запад, создавая свое Персидское царство, замкнули кольцо и в Эгеиде и проливах (Троада, Македония, Фракия) встретились с собратьями, русами-индоевропейцами Балкан. Первые жили уже сложившейся империей. Вторые, македонцы, как и прочие русы Греции-Горицы, городами-княжествами (полисами). Все рассуждения о «демократиях» и «деспотиях», борьбе свободолюбивого Запада и тиранического Востока есть дешевая пропаганда времен холодной войны (и более ранних пропагандистских войн).

Химеры Среднего Дона. Изображения таких «чудищ» часто находят в скифских курганах Северного Причерноморья. Это работы местных мастеров. Но в них проглядывают черты традиций Ближнего Востока. Чем это можно объяснить? Не выдерживая постоянного натиска протосемитских предэтносов из Аравийских степей многие роды русов Сурии, Ассура, Хеттии... перебирались на благословенный Север. Они естественно входили в огромный и «толерантный» «скифо-сибирский мир», но при этом использовали мотивы своей прародины

Никакого соперничества между «греками» и «персами» не было. Было соперничество между двумя династиями русов. Что привело сначала к незначительным «греко-персидским войнам», то есть усобицам в пограничных районах, в основном в Эгеиде... А затем к триумфальному шествию нового царя-императора по землям «царства». Там, где наместники, лично преданные династии Кира-Дария или связанные с ними родственными узами, пытались сопротивляться, проходили бои локального значения. Поход Александра Македонского был традиционным для русов объездом князя, вступившего во княжение, своих новых земель.

Македонцы никогда не были «греками», всегда были русами-славянами (ныне просто славяне, имеющие славянский язык, очень близкий русскому) с примесью русов-индоевропейцев Северного Кавказа. Говорили македонцы, как балкано-пелопоннесские русы, на диалектах языка русов. И потому русам-македонцам для общения с русами-персами не требовалось переводчиков, они были двумя близкими родами одного народа.

Смена династий ничего не изменила в этнической карте Месопотамии и Сурии-Русии-Палестины. Процесс вытеснения и ассимиляции остатков русов продолжал идти. После смерти Александра империя распалась: у балканских русов с их полисно-княжеским укладом не хватило опыта и навыков для управления империей. То есть, по существу, рус-славянин Александр Македонский со своими дружинами нанес ощутимый вред суперэтносу на Ближнем Востоке, лишив его упорядоченной, централизованной власти, привнесенной русами Персии-Порусии.

После распада «империи Александра» остатки родов суперэтноса русов, в том числе и значительная часть персов-порусов, оставшихся в Двуречье, Палестине, Малой Азии, были обречены на растворение во все нарастающих семитском и арменоидно-кавказоидном этномассивах. В Месопотамии первых веков нашей эры мы уже практически не находим следов русов и гибридных русов. А еще позже, после тотальной арабизации и исламизации населения Месопотамии и Иранского нагорья, отыскать таковые следы становится практически невозможным делом.

Иноэтнические наслоения последних 25—15 веков на Ближнем Востоке создают иллюзию того, что эти земли всегда были такими или почти такими, как ныне, что никаких русов на них

не было. Но это иллюзии. Поверхностные иллюзии. Потому что «культурный слой» пребывания русов на Ближнем Востоке составляет не 25 веков, а тридцать пять— сорок тысячелетий. Все иноэтнические наслоения лишь тонкая (но прочная) пленка на поверхности данного исторического слоя.

Русы проиграли свою этническую битву за Ближний Восток. И были вычеркнуты из истории Ближнего Востока. Историю пишут победители и их союзники, но отнюдь не побежденные.

Нам остается только помнить, что все великие цивилизации Древнего Ближнего Востока были созданы русами. И все они были уничтожены этносами, пришедшими русам на смену.

Русь-Сурия-Палестина — Белый Стан пеласгов. Русы, гибридные русы и «люди смерти». История протосемитов, русо-евреев и евреев

В тени Шумера и Египта достижения базисного суперэтноса русов выглядели уже не столь броско и значительно. Так бывает, когда из простой сельской семьи два сына уезжают в места иные, достигают там больших высот и зачастую или стыдятся своей «простой» родни, или вовсе забывают о ней. Примерно так получилось и с двумя вычленившимися из родительского суперэтноса народностями-побегами — шумерским и египетским. Они пошли «своими путями», почти не вспоминая о тех, кто породил их.

К IV тыс. до н.э. ядро суперэтноса на Ближнем Востоке основательно ослабло и регрессировало в результате постоянного испускания из себя выселков русов по всем направлениям и, главное, вследствие просачивания внутрь этого разбухшего, аморфного ядра иноэтнического элемента и огромного давления снаружи (на каждое поселение) окружающих варварских предэтносов. Прежде всего кавказоидно-ассироидных с севера и востока и протосемитских с юга и юго-запада (из бескрайних степей Аравийского полуострова). И те и другие уже основательно проникли по всем территориям расселения ближневосточных русов. И если кавказоидно-ассироидные гибридно-реликтовые этносы, имевшие большую долю примеси русов-бореалов и русов-индоевропейцев, привносили вслед за вторжением созидательно-организующие начала (пример, гутты-кутии в Юж-

ной Месопотамии) и мирные способы производства, то протосемиты (гибридный этномассив смешанных неандерталоидов, негроидов и русов-бореалов), бывшие дикими кочевниками-номадами, несли разрушение и опустошение. Недаром они получали прозвища «хапиру» и «са-гас», что означало «подрезатели жил», «головорезы».

И тем не менее поселения, города-княжества и торговые города суперэтноса в Сурии-Русии-Палестине продолжали жить, набирать силы, мирясь с постоянным включением в свое общество пришлых «чужаков», внедряющихся «мирным» способом (наемные рабочие, торговцы, менялы, криминальный элемент, бродяги, воры, нищие-попрошайки, проститутки...).

Чужаки были выходцами из диких племен, которые вели «присваивающий образ хозяйствования» и не достигли еще высот «производящего» и накопительного. Они с завистью смотрели на коренное население городов-княжеств и не понимали, зачем надо соблюдать столько условностей, законов, традиций, когда можно просто разграбить, «присвоить» уже имеющиеся сказочные, на взгляд таборных кочевников, богатства. И при первом удобном случае, при вторжениях, волнениях, неурядицах именно чужаки первыми бросались убивать, разрушать, грабить. Таким образом часть из них накапливала «первоначальный капитал», при этом искренне считая себя гораздо умнее и практичнее «наивных и глупых» автохтонов, не умеющих пользоваться ситуацией.

Традиции и культура русов не позволяли им просто уничтожать чужаков, хотя для этого было более чем достаточно сил и возможностей. Напротив, многотысячелетний обычай отпускать на волю и принимать в свое сообщество инородных рабов, захваченных в войнах, приводил к размыванию суперэтноса.

Чужаки, внедряющиеся в общество, оседающие в нем со своим «первоначальным капиталом», привносили множество своих «традиций». И, в частности, право держать рабов пожизненно, создавая таким образом институт наследственного рабства, когда рабами становились дети и внуки их рабов.

История «классического» беспредельного рабства началась на Ближнем Востоке именно тогда, когда чужаки (в основном протосемиты) стали существенной и имущей частью в городах-княжествах деградирующего суперэтноса. Таким образом, чужаки получили возможность обогащаться за счет повсеместного и массового использования чужого труда.

Другим важнейшим моментом является постепенный размыв и постоянная деградация главного связующего начала суперэтноса русов — его языка. Под натиском говоров, предъязыков, диалектов огромного множества чужаков, проникающих в города-княжества, первоязык все более изменялся, утрачивая изначальные формы, строй, лексику. В зависимости от местонахождения поселений язык русов начинал приобретать характерные кавказоидные (Армянское нагорье, предгорья Загроса, Северо-Восточная Месопотамия, Сурия) или протосемитские и кавказоидные (Месопотамия, часть Сурии-Русии, Палестина) диалекты. Привнесенная мигрантами лексика и строй языка дали возможность современным исследователям-«библеистам» считать, что основателями цивилизаций «второй волны» на Ближнем Востоке (сер. III — II тыс. до н.э.) были протосемиты. «Библеисты» успешно справились с полученной от «библейских фондов» задачей — максимально удревнить историю определенных народностей, создать им имидж первоцивилизаторов Древнего Востока.

Фактически ни одной цивилизации и ни одного государства на Ближнем Востоке протосемиты никогда не создавали — это непреложные исторические реалии. Но они всегда приходили извне в те или иные очаги цивилизации и тем или иным образом просачивались в них, получая все большее влияние на них и власть внутри них. Такой процесс начинался изменением языка, традиций, достигал кульминации во временном подъеме данной цивилизации — всплеском ее развития (как правило, рядом победоносных жестоких войн, захватом огромной добычи, обогащением), но затем, в процессе ассимиляции и деградации коренного населения, находившегося под властью чужаков, следовал этап полного упадка, разрухи, развала и исчезновения данной цивилизации. Анализируя этот типичный, характерный процесс, мы можем сказать, что на каком-то этапе сверхпассионарность, неистовый темперамент и отсутствие сдерживающих моральных начал у получивших власть мигрантов обеспечивали подъем, даже стремительный взлет попавших под их влияние государств, городов-княжеств. Но затем наступал период истощения сил коренного населения, его вымирание и неминуемый крах.

Многие города-княжества и поселения не проходили все вышеописанные стадии, а зачастую просто разрушались и раз-

грабливались пришельцами. Но о таких мы знаем меньше, потому что от них, как правило, не оставалось «камня на камне».

Что же касается привнесения семитских языков в поселения суперэтноса, надо сказать, что сам протосемитский праязык зародился в результате смешения русов-бореалов с неандерталоидами и гибридными негроидами, зародился на Аравийском полуострове, на базе языка русов. Именно этим объясняется тот факт, что как протосемитский праязык, так и современные семитские языки имеют флективный строй, подобно их отцовскому языку — языку русов — и множество исходных словообразующих корней, взятых из языка русов. Вместе с тем этот язык (как и современные семитские) значительно проще языка русов и русского языка. Для II тыс. до н.э. протосемитский праязык можно рассматривать лишь как весьма примитивный и лексически суженный периферийный диалект языка русов. Здесь есть над чем поработать исследователям-лингвистам (и, в частности, основательно поработать с ивритом, в котором множество корней языка русов).

Новые отношения и новый расклад сил определяют формы нового бытия и новых межнациональных интересов, когда гибридные предэтносы все чаще «заявляют» о своих правах и напрямую вклиниваются во взаимоотношения различных общин русов (в основном торговцами-посредниками).

Ближневосточное ядро суперэтноса не исчезло, не пропало, не было уничтожено в результате каких-то разовых процессов или вторжений. Оно постепенно «растворилось» в огромном иноэтническом этнококоне и оставило внутри этого этнококона, занимающего уже почти всю Сурию-Русию-Палестину, вкрапления-фракции родов русов. Эти роды были основой всей ближневосточной макроцивилизации. Стоило бы их убрать, и в Сурии-Русии-Палестине воцарился бы хаос с последующей стремительной деградацией племен и предэтносов этнококона вплоть до мезолитического уровня — Ближний Восток впал бы в безысходный каменный век. Но роды русов (от самых крупных княжеско-городских общин, «союзов племен», до отдельных сельских общин-поселений) продолжали существовать и бороться за выживание в агрессивной иноэтнической среде. Самое страшное было в том, что среда эта захлестывала роды русов не только снаружи, она разъедала их изнутри. Почему? Опять и опять мы отвечаем на этот вечный вопрос. Потому что суперэтнос русов и его роды, в отличие от абсолютно закрытых

родов-кланов реликтовых горцев Кавказа или не менее закрытых кочевых племен-кланов протосемитов, были открыты для любых этновливаний извне. Такое положение сохраняется и по сию пору, по истечении многих тысячелетий: кавказцы-горцы без малейшего труда и по одиночке, и семьями расселяются по всей России среди русского населения, занимают свое место, роднятся, оседают, вливаются в местное население, признаются своими, равными и т.д.; русскому или русским вжиться в горский клан-семью, общину абсолютно невозможно, там своими, равными признают только кровно своих, любой «чужак» полностью отторгается или (если за ним нет реальной силы) обращается в «кавказского пленника-раба». Мы приводим этот пример, чтобы наглядно представить сложившуюся этноассимиляционную ситуацию в Сурии-Русии-Палестине и, шире, во всей Северной и Южной Месопотамии в III—I тыс. до н.э.

Жизнь русов в эту эпоху становилась все сложнее и опасней. Наезженные и нахоженные тысячелетиями пути-дороги становились ловушками, их уже контролировали кочевые племена-таборы, грабя всех проезжающих. Централизованной власти в Сурии-Русии-Палестине не существовало. Связи между городами-княжествами, городищами, поселениями русов осуществлялись на свой страх и риск. Те же племена номадов-протосемитов и горцев, не обладающие культурой и навыками производительного труда, обеспечивали себе достаток и процветание, переходя от прямого воровства, грабежа и разбоя к «контролированию» торговых путей, обложению данью купцов-торговцев и, частично, переходом наиболее способных членов своих племен в «купеческо-торговое сословие» в районах, где «контроль» за дорогами осуществляли их соплеменники. К концу II тыс. до н.э. Сурия-Русия-Палестина и Северная Месопотамия были опутаны паутиной «контролируемых» торговых путей и еще более сковывающей паутиной полунасильственных отношений русов с инородными «купцами»-посредниками, менялами, ростовщиками, перекупщиками, вымогателями и попросту разбойниками.

И все же массового, тотального исхода родов русов с Ближнего Востока не было. Приспосабливались как могли.

Города и поселения русов по побережью Средиземного моря становятся интернациональными. Многотысячелетние традиции суперэтноса не позволяют коренным обитателям уничтожить или изгнать чужаков, несущих свои привычки и особенности.

Но вслед за «мирными чужаками» (наемниками, купцами, менялами, ростовщиками, криминалитетом) по «протоптанной дорожке» рано или поздно приходят роды-племена, из которых они вышли (амореи, а-мар-ту, «люди смерти»). Эти орды еще не знают правил вживания в большие этносы, не знают законов торговли, обмена... они несут с собой закон силы. Так к концу III тыс. до н.э., когда «на берегах Средиземного моря обосновалась группа племен, вышедших из Северной Аравии Библ-Губла подвергается вторжению диких кочевников, постепенно скапливавшихся под его стенами. Варвары-амореи грабят город, затем сжигают его вместе с храмами *.

Мы не знаем ни одного города и ни одного поселения, основанных в Аравии протосемитами. Их и не было, так как дикие пастухи перегоняли отары коз и овец с места на место, пока травяной покров этого цветущего в ту эпоху края не был полностью уничтожен. Степи Аравии стали превращаться в Аравийскую пустыню. Кочевники-протосемиты перемещались на север, северо-восток. Так проходило их просачивание и вторжение в земли Южного и Северного Двуречья, в Сурию-Русию-Палестину. Но и здесь на протяжении двух тысячелетий мы не знаем достоверного случая, чтобы кочевники основали город, поселок или село. Такого не было. Они или кочевали между городами-княжествами, или стояли под городами и поселками табором — большим или малым, в зависимости от величины племени. В первую очередь жертвами «искателей добычи» становились маленькие села и деревни автохтонов. Поэтому их в IV—II тыс. до н.э. практически не осталось. А города вынуждены были строить основательные укрепления. К сожалению, города-княжества как Шумера, так и Русии-Сурии не могли преодолеть раздробленности, усобиц и создать сильную армию (как это было сделано в Египте), чтобы отбить натиск кочевых орд или нанести упреждающий удар.

В текстах эблаитских табличек упоминаются города Иерусалим-Яруса, Газа, Мегиддо, Асор и др., что еще раз подтверждает их существование за тысячелетия до того, как дикие предки семитов вышли из аравийских пустынь. В лучшем случае они захватывали уже имеющиеся города, в худшем просто истребляли и разрушали дотла. Ненависть к цивилизованным народам и всесокрушающая ветхозаветная зависть были основной движущей силой «племен смерти», марту, амореев и им подобных.

---

* История Древнего мира. Т.1. М., 1989, с. 238.

Но уже в I тыс. до н.э. основные торговые операции были в руках у наиболее развившихся, энергичных представителей окружающих предэтносов, выделившихся из кочевых орд и получивших навыки культуры и цивилизации в городах-княжествах русов. Неотъемлемые кочевые навыки-традиции делали их в сочетании с культурными навыками, полученными в суперэтносе, мобильными и предприимчивыми купцами, менялами, ростовщиками. Таковыми становилась незначительная часть (от силы 0,2—0,4%) из оседающих в Сурии-Русии-Палестине орд-племен диких кочевников амореев и подобных им племен из Аравии, которые именно на территории Сурии-Русии-Палестины в слиянии множества родов и обогащении языка от общения с суперэтносом переходили из протосемитской фазы своего этноязыкового развития в семитскую.

Значительную часть купцов-посредников составляли также арменоидные русы с Армянского нагорья и представители ассироидно-кавказоидных предэтносов, огромными этноволнами накатывавших с Кавказа в Сурию на протяжении VII—II тыс. до н.э. (хирбет-керакская, куро-араксская и др. культуры). Гибридные русы-кавказоиды обладали недюжинной предприимчивостью и на равных соперничали с арменоидами и протосемитами. Но основные массы кавказоидов и арменоидов оседали по землям Сурии-Русии и вели, в отличие от протосемитов, конкурирующий, но достаточно мирный образ жизни, возделывая землю и занимаясь ремесленничеством.

В крупных же городах складывались «интернациональные» купеческо-финансовые (ростовщические) прослойки. Их нельзя уже было назвать национальными, этническими, так как в них входили выходцы из кавказоидной, арменоидной, протосемитской и семито-хамитской этнических сред и непосредственно из среды ближневосточных русов. В данной прослойке традиции суперэтноса размывались в ускоренных темпах, вырабатывались свои традиции — «граждан мира», объединенных стремлением к получению максимальных прибылей вне зависимости от интересов государства, этноса, города-княжества, рода-племени. Светские власти городов ограничивали эти стремления. Но не могли их устранить полностью, ибо, перестроив экономическую систему с приоритетных производящих отраслей хозяйствования на торговые, во многом (если не полностью) зависели от торгово-финансовой «интернациональной» прослойки.

Реальная власть данной «интернациональной» прослойки «граждан мира» в не меньшей степени способствовала ассимиляционным процессам на Ближнем Востоке (вплоть до полнейшей деградации и растворения русов в иноэтнической среде), чем бесконечные вторжения амореев — а-мар-ту, «людей пустыни», «людей смерти» и прочих диких кочевников-протосемитов.

В маленьких городках, поселках и селениях влияние иноэтнической прослойки купцов-ростовщиков было незначительным. Эти поселения жили патриархальной жизнью земледельцев-ремесленников. И рядом мирно соседствовали поселки русов, русов-арменоидов, кавказоидов. Жители этих поселений говорили на сильно разошедшихся диалектах языка русов. Но они понимали друг друга, так как расхождение еще не стало столь значительным, как тысячелетия спустя. Кстати, и древние свидетельства самих аборигенов, частично собранные в сказаниях Ближнего Востока и в Ветхом Завете, напоминают нам, что все люди в ту эпоху говорили на одном языке.

Так на каком же языке они говорили? И, в частности, на каком языке говорили жители Эблы? Стараниями историков-»библеистов» нас со школьных и институтских скамей пытаются уверить, что на каком-то общесемитском или прасемитском, на каких-то диалектах семитских языков, для пущей убедительности даже деля их на восточносемитские и западносемитские. И это принимается на веру. Фактически, знакомясь с сугубо научными трудами, мы все чаще сталкиваемся с формулировками подобного типа: «принято считать», «условлено обозначать», «нет прямых доказательств, но...», «можно предположить...», «поздние записи, свидетельствующие, что здесь кочевали амореи, дают нам основания говорить о преобладании семитской языковой семьи...» и тому подобные нелепицы. Исходя из такой логики, раз по Руси кочевали половцы и печенеги, значит, русские говорили на «половецко-печенежском языке». Абсолютный абсурд выводов «библеистов» нисколько не смущает их самих.

Никаких конкретных данных о том, что в IV—I тыс. до н.э. на Ближнем Востоке господствовали семитские языки, у нас нет. И быть не может. Потому что ни семиты, ни их языки там в те времена не господствовали. Они там присутствовали. Присутствовали — кочевыми разрозненными племенами, которые бродили таборами между городами и селениями индоевропейцев и русов-кавказоидов. И языки эти были в зачаточной форме.

И все же стремление «библеистов» выделить «народ Книги» доводит их до полного абсурда. Мы приведем один пример страстного желания во что бы то ни стало превратить автохтонов в семитов. Итак, открываем труд под редакцией академика Г.М. Бонгард-Левина (История Древнего Востока. Часть вторая. Передняя Азия. М.: Наука, 1988, с. 215). Вот цитаты: «Это касается слов, написанных слоговыми знаками по-эблаитски: и они нередко выписаны не в той форме, которая ожидалась бы по грамматическому контексту, а в зазубренной писцом словарной форме», «писцы Эблы не стремились к точной передаче фонетики своего языка», «часто писали "ма-ма", "да-да", вместо "мам", "тат"; "ни-зи" вместо "иц"... среди написанных таким варварским способом эблаитских слов можно с уверенностью отождествлять с известными семитскими словами далеко не все...». Исследователи-«библеисты» осуждают «варваров»-писцов за то, что они писали не так, как хотелось бы «библеистам», что они писали не по-семитски, что они писали «ни-зи» вместо «иц». Негодуя на эблаитов-«варваров», они заключают: «Но более половины слов пока ни в каких других семитских языках не обнаружено». Вот так, «более половины» слов эблаитов-русов нет в семитских языках (а почему они должны там быть?), а меньшая половина совершенно непохожа на семитские слова, как непохожи «ни-зи» на «иц». То есть язык эблаитов определенно несемитский. Но когда нельзя, но очень хочется, то «библеистам» все можно, и они пишут в учебниках и энциклопедиях: «относится к семито-хамитской языковой семье, семитской ветви...» И это выдается за науку. И это навязывается тотально.

Подобными откровениями пестрят «труды» востоковедов, каждое слово которых принято принимать на веру. Логика аргументации «светил науки» сводится к тому, что коли сейчас «здесь проживают (вариант, кочуют) семиты, значит, они здесь жили (кочевали) всегда». Это равносильно тому, что «если сейчас в Америке живут янки, то они там жили (кочевали) всегда».

В основе ханаанейского языка лежали диалекты языка суперэтноса русов. За три тысячелетия контактов протоханаанеев и ханаанеев с шумерами, египтянами, ассиро-кавказоидами, протосемитами и семитами в состав их языка вошло множество слов, оборотов, понятий данных предэтносов и этносов. Но это ни при каких обстоятельствах не может быть причиной

объявления ханаанейского языка хамито-семитским, как не может быть оснований называть русский язык, в составе которого множество латинских и тюркских слов, татаро-латинским.

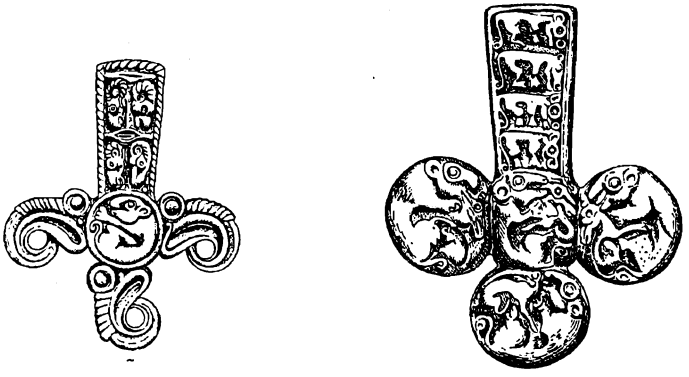
И если до наших дней арабский, арамейский языки и иврит сохранили огромное множество корней, флексий и оборотов языка русов, то для IV—II тыс. до н.э. эти корни, флексии, обороты и строй были доминирующими. Другое дело, что не все корни и выражения древних ханаанеев, шумеров, ассуров-русов, финикийцев-венетов и т.д. понятны нам теперь, но мы далеко не все понимаем и в «Слове о полку Игореве», которое от нас отделено значительно меньшим временным отрезком.

К началу II тыс. до н.э. все крупные города-княжества Сурии-Русии-Палестины во главу угла своего развития поставили торговлю. Это дало немалые блага для купеческих слоев, способствовало смешению («интернационализации»), но и предопределило вторичность данных областей, «святой земли», первичной прародины суперэтноса русов, с последующим крахом экономическим и социальным. И прежде всего этническим крахом для все более рассеивающихся и смешивающихся с пришлецами русов.

Мифология русов и предэтносовых племен

Русы Ближнего Востока и, в частности, Северной и Центральной Месопотамии, Сурии-Русии, Палестины продолжали придерживаться традиций суперэтноса с его основными «краеугольными камнями веры»: в Единого Рода Вседержителя и его ипостасей — Рожаниц: Мать-всего-сущего Богородицу Ладу (мать-сыру-землю, великую богиню, богиню-мать и т.д.) и дочь Роду-Арту (охотницу, всеподательницу благ, младшую богиню-деву, прообраз Иштар-Астарты — Яста-Роды = Сущей Роды и т.д.); владыку подземного мира (велесовых пастбищ, ирия) Волоса-Велеса (Владыку, властелина, господина всех богатств, скота, зверей и т.д.) в образе быка-вола (Рогатый или Двурогий бог) и в образе «доброго предка-домового»; в божество-солнце Хоро-Коло и его крестово-свастичные изображения-обереги всех видов и родов... в добро и зло, свет и тьму, светлое и черное.

Вместе с тем роды русов и гибридных русов на местах вырабатывали в рамках культа суперэтноса свои культы и свои мифообразы. Так, например, у ближневосточных русов и впослед-



Бронзовые кресты из скифских курганов. Крест был обережным знаком русов-индоевропейцев на всем протяжении их существования за 15 тысячелетий. Изначально крест означал Верховного Бога. Одновременно крестом обозначалось солнце. Русы знали, что без солнца нет жизни, что солнце, его свет, его тепло — это жизнь.
А значит, солнце — и есть Верховный Бог, во всяком случае, его огненное явление людям

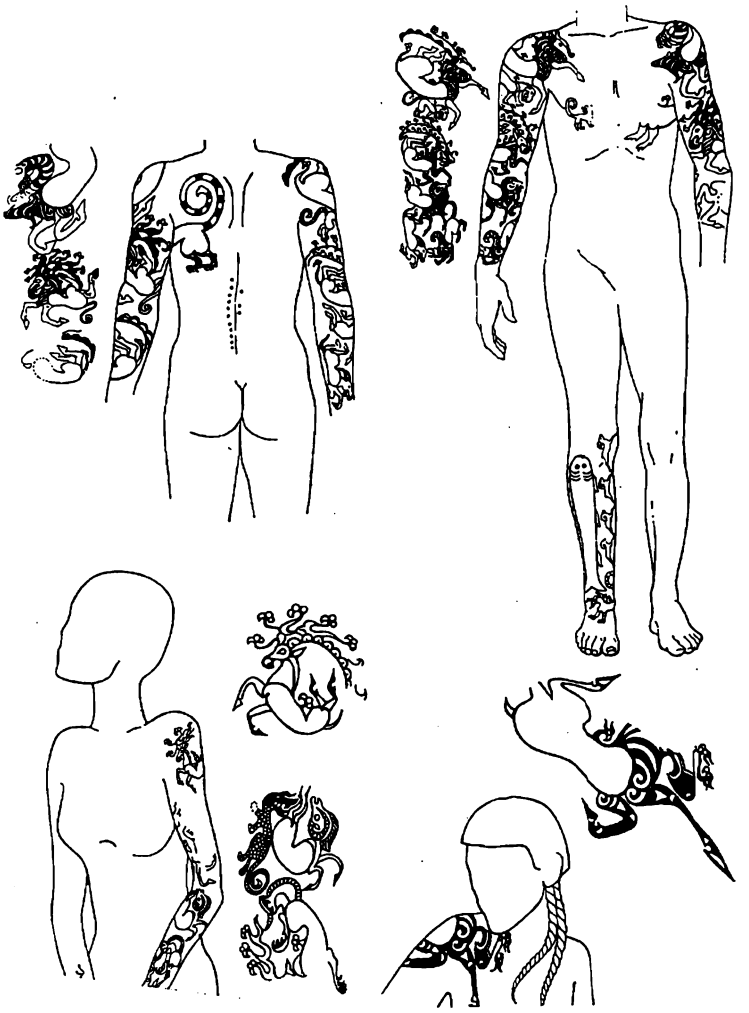
ствии ассироидно-арменоидных, протосемитских и семитских родов и предэтносов широкое распространение получил мифообраз Вела-Волоса-вола (Род в ипостаси владыки-повелителя людей, скота, богатств и загробного мира) — Рогатого бога, Господина-Владыки Бела-Баала-Бала-Ваала. Особенно широко укоренился образ Бела-Вела-Ваала у протосемитских и семитских предэтносов, тесно соседствовавших с развитыми цивилизациями русов, а позже ассироидо-арменоидов, и перенимавших у них многое из культурных достижений. Образ Велеса-Баала занял на Ближнем Востоке центральное место, вытеснив образ Вседержителя Рода на задний план. Но фактически это было не так. Баал-Велес был в большей степени «народным божеством», любимым кумиром масс.

Сейчас мы коснемся чрезвычайно деликатного аспекта основы основ религии-мифологии русов, а соответственно и всех вторичных мифологий: семитских, иудейских, «греческих», романских, германских, кельтских, индуистских, иранских и т.д. Нам надо отдавать себе отчет в том, что после тысячелетий сакрализации и поэтизации мифообразы богов стали высо-

кодуховны, поэтичны, эфемерны, величавы и отвлеченны... Но в основе своей, в изначальности, в исходной архаике они всегда чрезвычайно просты, грубы и даже порой неприличны, на наш взгляд. И тем не менее именно священническая (жреческая) каста хранит исходный («запретный») образ того неизреченного Бога, которого «простому смертному» всуе поминать не полагается.

Итак, Род, непроизносимый и табуированный, не уступал никому своего места, продолжая оставаться Единым богом суперэтноса русов, чей культ твердо хранился и поддерживался в высшей сакральной среде волхвов-жрецов. Причем именно на Ближнем Востоке и именно в VI—II тыс. до н.э. «неизреченный» Род в жреческой среде русов культивировался, как прежде всего всепорождающая основа, несущая в себе два порождающих начала: мужское «уй, ий, ийа, уйа», реже «вуй» или «уд» («фаллос») и женское «хова, хава» (русск. «женский половой орган», отсюда и Ева-Хава, первоженщина, и «ховать» — прятать). Неизреченным запретным именем Всепорождающего Божества было имя «ийе» + «хова» = УйеХава — ИйеХова — Иегова (позже у евреев Яхве-YHWH-Йахова). И этот двучленный теоним точно отражал суть самого Рода — Бога Единого, Бога-Родителя, Рождающего все из себя, а, следовательно, имеющего в себе оба начала (мужское и женское), необходимое для зачатия и рождения. Род-Родитель — основа основ, нет его с двумя его началами — нет ничего на земле, а значит (в восприятии нерожденного), и нигде во Вселенной. Какую этимологию теонима «Иегова» дают историки-библеисты, лингвисты на основе арамейского, иврита и иных языков семитской языковой семьи? Такую: «он есть жизнь», «он дает жизнь», «творец, создатель». И это стопроцентное доказательство, что теоним и мифообрах заимствованы у русов-индоевропейцев.

Наши выводы подтверждаются и «древнеегипетским» вариантом развития мифо- и лингвообраза Рода Всеродителя. В Древнем Египте Род носит эпитет Атон («сияющий солнцем» или «сиятельный»). А «Тексты саркофагов» (1.161) гласят: «Я, Атон, творец старших богов... Я дал жизнь Шу (в оригинале «SW», то есть «свету» = «сущему» — индоевропейский корень-основа языка русов, из него также: «святость, свастика» и «су» в значении «все», вспомним Шумер=Су-Мир=Весь-Мир). Я великий Он-Она». Задолго до появления евреев-иудеев египтяне знали бога «он-она» — «ийе-хову». Откуда? Источник



Татуировки русов-скифов. От агафирсов и до бореалов Пазырыка на протяжении тысячелетий скифы покрывали свои тела причудливой татуировкой «звериного стиля» и «растительного орнамента». Это не было пустым украшательством. Татуировка защитно-обережного характера отражала языческо-религиозное мировоззрение суперэтноса. Но такую татуировку надо было заслужить

один — базисная мифология и космогония русов, базисный мифообраз Всепорождающего-из-Самого-Себя Единого Рода Вседержителя. Других источников нет.

При этом сам Род в среде жрецов-русов не воспринимался двуполым существом. Он был Высшим существом, сочетающим в Себе все, что есть на свете. Но в дальнейшем, когда основы мифообразов суперэтноса были переняты наиболее интеллектуально и духовно подготовленной жреческой элитой протосемитских кочевых предэтносов (которые не имели своей мифологии, письменности и практически языка), и уже после того, как «десять колен»-племен гибридных евреев-русов расселились по Евразии, а два наименее развитых остались в Палестине, в этой смешанной среде «обрусевших» выходцев из Аравийской пустыни вызрел более конкретный образ всемогущего и всерождающего, всесильного и злобно-карающего божества (смешение образов Рода-Иеговы и Велеса-Ваала-Вельзевула, Двурогого бога «зла») — тоже неизреченного и которого нельзя видеть (не показался даже Моисею). То есть вызрел образ Иеговы-Яхве, с одной стороны, порождающего и защищающего «свой народ», с другой стороны, держащего его в вечном страхе жесточайшего наказания-кары. И этот образ позже выразился более точно у евреев-каббалистов двуполым богом-гермафродитом, двурогим, с животно-козлиным ликом (трансформация «индоевропейского» быка-вола в «семитического» козла — протосемиты и семиты пасли коз, этот образ был им ближе). И знаком этого карающего «князя мира сего» стала перевернутая пятиконечная звезда (пентаграмма) с двумя торчащими рогами (вспомним Двурогого бога; пятиконечная «звезда» — Велесов знак). То есть мы видим перед собой не что иное, как своеобразную разработку не только образа двуначального Рода, трансформировавшегося в восприятии иудеев-компиляторов в «незримо-невидимое», покрытое завесой непроницаемой тайны существо-гермафродита, но и бога-Велеса, бога-Ваала, бога-Вола, то есть «диа-Вола» (где «диа» — индоевропейское «бог»). И когда Иисус Христос в Новом Завете бросает еврейским «толкователям» свое знаменитое «отец ваш дьявол!», Он абсолютно точно знает, о чем говорит, что имеет в виду. Ибо, как ни поворачивай «перетолкованный» иудейскими жрецами образ «неизречённого» Единого Бога, в их трансформации он есть «темная», недобрая ипостась не только самого Рода, но его «тем-

ной, недоброй» ипостаси Баала-Велеса-Вельзевула, а именно «бог-Ваал», «диа-Вол» — дьявол. Нет ни малейших сомнений, что иудейские первосвященники, прошедшие великолепную школу у волхвов-жрецов русов* Ближнего Востока, знали, кому они поклоняются. Отсюда и «неизречённость», и завеса тайны.

Впрочем, они смело перенимали наработки мифологии русов. Так божество русов Сварог стало у семитов Саваофом. Абсолютное равенство лингво- и мифообраза, лингвоперехода из индоевропейского языка русов в семитские: «Сварог — Саварох (буква «р», как известно, у семитов пропадает) — Саваох-Саваоф. Все иные трактовки образа и значения теонима, которые мы встречаем в энциклопедиях и справочниках, носят вторичный характер.

Мы не будем останавливаться на других божествах Ближнего Востока, имеющих русское происхождение. Подробнее об этом и другом вы сможете прочитать в готовящейся к изданию монографии автора «Мифология русов». Это короткое отступление о генезисе мифообразов мы даем в данной работе лишь с одной целью: еще раз показать, что русы-индоевропейцы были на Ближнем Востоке первичны во всех отношениях. Протосемитам, семитам и, в частности, евреям Палестины-Израиля мы можем только выразить свою благодарность за то, что они пусть и в трансформированном виде, но все же сохранили мифообразы и сюжеты древнейшей мифологии суперэтноса русов — первонарода-автохтона Ближнего Востока.

Русы Сурии-Русии-Палестины сыграли особую роль. И самый важный, решающий, трагический заключительный акт ближневосточной трагедии в истории суперэтноса русов.

Этот акт растянулся на полтора тысячелетия (с XV—XIV вв. до н.э. и по I—II вв. н.э.). И итогом его стало не только полное

---

* Моисей (волхв-рус Мосох) недаром «водил евреев 40 лет по пустыне», и из «египетского плена» они ушли не сами, а тогда, когда им позволили это сделать волхвы-русы Древнего Египта. Искусственность происхождения (и программирования) «библейских евреев» очевидна. По замыслу волхвов, эти приручённые и обученные (запрограммированные) полусемитские роды, прошедшие подготовку в Египте, должны были остановить нарастающее наступление из Аравии на Ближневосточную Русь неисчислимых орд подлинных семитов, которых гнал из бескрайних степей-пустошей элементарный голод. У русов-индоевропейцев не было «иммунитета» против полчищ кочевников, они были обречены... «библейские евреи» должны были сыграть роль защитного этнококона.

вытеснение русов с Ближнего Востока и тотальная ассимиляция оставшихся родов русов нарастающей семитской этносредой, но и предание абсолютному забвению памяти о многотысячелетнем пребывании русов на своей первичной прародине, а также присвоение их истории, их сказаний, легенд, мифов, преданий, многих традиций иными молодыми народностями.

Трагический итог не был случаен, событий II—I тыс. до н.э. (которые по сути своей можно приравнять к беспощадному геноциду в отношении огромного народа-автохтона) стали лишь конечной фазой длительного процесса, начало которому положили десять — восемь тысячелетий назад первые выселки родов-племен протосемитов Аравийского полуострова (прародина протосемитов) в Месопотамию и Сурию-Палестину — процесса расселения протосемитов. IV—I тыс. до н.э. стали большим «испытанием на прочность» для русов Ближнего Востока. И надо сказать прямо, индоевропейцы показали, что они не выдерживают этого испытания, они не могут противостоять постоянному давлению протосемитов и уступают им по всем направлениям — медленно, отстаивая свое «право на жизнь и место под солнцем», — но уступают, несмотря на культурное и экономическое превосходство.

Топонимия русов говорит о том же. Нам известно, что топоним «Сирия» (в правильном произношении Сурия) есть лингвистический перевертыш Рус-Руса-Русия. Это бесспорно. Как бесспорно, что столица северо-месопотамской Ассирии-Ашшура-Ассура город Ашшур-Ассур есть Русса или Руса. Царей государства Урарту, расположенного на Армянском нагорье, там, где роды суперэтноса спасались от «Всемирного потопа», также традиционно звали Руса.

Город в Израильском царстве, находящийся в гористой местности у Галилейского моря, Хацор-Асор-Асур — несомненная Руса. А на побережье, в шестидесяти километрах от Асора-Русы, находится знаменитый торговый город-порт Тир. Но это только мы называем его Тиром (как Бет-Лехем мы называем по книжной традиции Вифлеемом). Исходный топоним Цур-Сур (на иврите он так и звучит Цур) есть тот же перевертыш, написанный справа налево («по-еврейски») топоним Рус. Топоним Яруса (книжное Иерусалим) остался «неперевернутым», потому это имя изначально было сакральным и не подлежало переиначиванию...

Филистимляне-пеласги (белые русы). «Народы моря». Финикийцы-венеды-венеци и «финикийская проблема» во II—I тыс. до н.э.

Если верить ветхозаветным текстам Торы-Пятикнижия-Библии и сочинениям древних и античных историков, то на Ближнем Востоке и в Средиземноморье (не говоря уже про Европу) жили многие сотни (если не тысячи) различных народов. Реально ли это? Разумеется, нет. Упомянутые историки и географы, если бы они жили сейчас и у нас, в одной Московской области нашли бы сотни «народов»: подольчан, талдомцев, люберчан, долгопрудненцев, раменцев, мытищинцев и так далее. Бесконечная путаница между понятиями этнологическими и топонимическими, географическими характерна для всех трудов древности и Средневековья. «Народы» писались по названиям городов, поселков, гор, пустынь, озер (даже наши «поляне», «древляне», «дреговичи» не есть этнонимы или названия союзов племен, это просто те, кто «жил в полях», «лесовики», «болотичи» или «жители болот»; так же и благозвучные готы-тервинги лингвистически и реально есть «тервинги» = «древники», то есть «лесовики» или «древляне» или еще проще и понятнее — «деревенки», «деревенские», ведь «деревня» от слов «дерево, деревеной, деревена»).

То же самое и на Ближнем Востоке. Когда мы сталкиваемся с бесконечными «моавитянами», «иевусеями», «едомянами», «сидонянами», «аммонеями», «назареями» и т.п., мы должны помнить, что речь идет не об этносах, а о жителях разных мест. А вот библейские «агаряне» (арабы) и «хеттеяне» (хетты) — это уже этносы. В так называемых «источниках» все перепутано и свалено в одну кучу, так, что порой теряются и историки-профессионалы (далеко не все из них являются профессиональными этнологами). Из-за этого путаница усиливается и приводит в большинстве научных трудов к полнейшей неразберихе (к «белым пятнам», «темным векам», «загадочным исчезнувшим народам» и к такой наукообразной белиберде, что неподготовленный читатель навсегда теряет интерес к истории, а коллеги-историки понимающе хранят молчание, житейски осознавая, что любое прояснение и упорядочивание исторического процесса приведет к сокращению штатов самих историков-«классиков». В одной из своих работ я назвал таких «ученых» шаманами, а их «научные» потуги шаманизмом, суть которого

в том, чтобы сделать шаманское камлание предельно недоступным для окружающих, — все недоступное, непонятное поневоле вызывает уважение и повышает авторитет шамана. Усложнить все до предела, запутать профанов окончательно и тем безмерно возвыситься над ними — вот цель «историка»-шамана. К сожалению, мы живем в эпоху повального шаманизма в науке, это надо признать: любая попытка реконструкции подлинной, реальной истории вызывает в стане «академических» шаманов сплоченный цеховой отпор. Шаманы не заинтересованы в истине. Насущная забота шаманов в том, чтобы не упустить свой шаманский бубен, кресло и кабинет для камланий. Но вернемся от «историков»-шаманов к реальной этнологии.

Настоящих народов-этносов было значительно, во много раз меньше, чем «библейско-античных». И всегда в рамках двух основных языковых семей: индоевропейской и хамито-семитской. И если из последней к сер. I тыс. до н.э. мы можем выделить лишь амореев, арамеев (под вопросом, арамеи все-таки ближе к индоевропейцам), евреев и протоарабов, то индоевропейцев, то есть сыновних этносов, вычленившихся непосредственно из суперэтноса русов, несколько больше: это кавказоидные хурриты, урарты и касситы, арменоидные русы, шумероидные вавилоняне, гибридные ассуро-русы, семитоидные русы-ханаанеи, арии-персы-порусы, хетты, русы-скифы (та часть, что вторглась в Северную Месопотамию и Сурию), ариимитаннийцы, исходные русы Сурии-Русии-Палестины, финикийцы и филистимляне.

Что касается филистимлян (на иврите — «пелиштим», на «древнегреческом» — «пеласги», на языке русов — «беласки, беляски», то есть «белые», отсюда и Палестина = «Бело-стан», «стан белых, русов», и Пелопоннес = «Белый остров»), то практически никто в научном мире не отрицает их принадлежность к индоевропейцам (русам). Но вот финикийцев (как изобретателей алфавита) историки романо-германской школы и библеисты уступать не желают, всеми средствами записывая их в семитический этнос.

Зачастую историю финикийцев начинают с V—IV тыс. до н.э. «Уже в IV тыс. до н.э. они устанавливают морские контакты Библа с Египтом»*. И далее в большинстве учебников и справочников следуют красочные описания предприимчивых семи-

* Всемирная история. Т.2. М.: АСТ, 2000.

тических торговцев и мореплавателей, их смелых путешествий и их колоний по всему Средиземноморью. Причем финикийский язык тут же причисляется к «одному из мертвых семитских языков» (Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990 и др.). «Семиты»-финикийцы выступают организаторами «цивилизованной» торговли по всему Ближнему Востоку, способствуют налаживанию международных отношений, укрепляют связи... и, главное, создают первый буквенный алфавит, который у них потом перенимают несмышленые индоевропейцы («древние греки», этруски, римляне, германцы, романцы и последними, разумеется, вообще ни на что не способные «неразумные словени»). Суть многостраничных выкладок в том, что с V тыс. семиты выступают цивилизаторами-культуртрегерами Древнего Востока и Европы. Школьники, студенты и все прочие интересующиеся историей принимают это как должное, намертво закрепляя «постулат» в своем сознании и мировоззрении.

Но искушенный исследователь обнаруживает некоторые конкретные детали и факты, которые оказываются важнее всех многотомных писаний-сочинений. Оказывается, сам этноним «финикийцы» появляется только с 1200—1100 гг. до н.э., с того времени, когда на ближневосточное побережье Средиземного моря приходят индоевропейские «народы моря», в том числе и пеласги-филистимляне-палестинцы. Причем оседают они в местах проживания коренных ближневосточных индоевропейцев Палестины-Ханаана (включая земли нынешнего Ливана). «Народы моря» воюют со всеми, от египтян до хеттов. Но никаких столкновений с родственными родами русов-индоевропейцев Тира-Цура-Руса, Сидона, Арвада и Библа у них нет, «пришельцы» воспринимаются прибрежными русами как свои. Но они и есть свои. Уже тысячелетия жители Тира, Сидона, Библа (и предшествующих им городов-княжеств) не просто торгуют по всему Восточному Средиземноморью, но отправляют роды-выселки в Малую Азию (Троада), Грецию-Горицу, на Сицилию... И потому с приходом «народов моря» в Палестину-Ханаан мы видим не нашествие «незнаемых народов», а возвращение восвояси «блудных сынов», обитателей островов и побережий Эгеиды и Средиземноморья, стронутых с мест наступлением из-за Балкан дорийцев, а затем и ахейцев. Возвращаются исходные русы, получившие название пеласгов. И если в городищах Газа, Аскелон, Асдод, Гат, Аккарон они оседа-

ют под своим именем пеласгов-филистимлян, то в упомянутых Тире-Русе, Сидоне, Библе, Арваде они вливаются составной частью в населения местных полисов-княжеств вплоть до Ацора-Асура-Русы. Именно у этих русов-индоевропейцев (с вкраплениями купцов из «торгового интернационала») в руках все Восточное Средиземноморье. И это один этнос (группа родов суперэтноса). Соперников в морских перевозках у него в III—I тыс. нет. Во II тыс. до н.э. (1300—1000 гг.) соперник появляется в лице объединенных флотов ахейцев (также русов-индоевропейцев, но других родов).

Никаких семитских этносов в V—I тыс. до н.э. (за исключением отдельных ассимилированных семитов-торговцев из «интернационала») в прибрежном регионе мы не наблюдаем. С 1200—1100 гг. до н.э. в Палестине-Ханаане появляются роды евреев, вышедших из «египетского плена». Но они кочуют вдали от побережий и не имеют ни малейшего опыта мореплавания.

Из каких же тогда «семитов» могли выйти финикийцы? Из арамеев? Нет. Арамеи есть сами семитизированные индоевропейцы. Да они и не отличались склонностью к морским путешествиям. Из аморе ев-«марту»? Нет. «Люди пустыни», «люди смерти» как смерти боялись воды. Да и в целом семиты-арабы-«агаряне» («безбожные», по летописям-хроникам) в IV—I тыс. до н.э. были первобытно-общинными раздробленными кочевыми племенами, многие из которых не имели даже языка в полном смысле этого слова. Они имели склонность к меновой торговле, длительным переходам по суше. Но они не имели ни малейших представлений даже о пиктографической письменности. И в то, что они могли за несколько веков вдруг, по мановению «волшебной палочки» (или, точнее, пера некоторых библеистических «историков»-сочинителей) саморазвиться в цивилизованнейший этнос, подаривший всему миру алфавитное письмо, вряд ли можно поверить. Это просто исключено. Как исключено, что первобытные племена Амазонки подарят нам вдруг процессоры нового поколения или разгадают генокоды человека.

Это уже позже, склонные к торговле (в том числе и работорговле) выходцы из семитских этносов пойдут проторенными дорогами Средиземноморья (и не только), постепенно вытесняя индоевропейцев. Но до конца вытеснить русов и их потомков из Срединного моря не удастся никогда. И пример тому русы-венеды, венеты, венеци от самых ранних до поздних с их Венециан-

ской торговой республикой. Вот эти торговцы-семиты (и евреи, и протоарабы, и арабы) привнесут в «торговый интернационал» свою семитскую лексику (как позже евреи, выходцы из Германии и Польши, привнесли в «русскую феню», воровской жаргон, больше половины своей лексики). Но о более или менее значительном языковом влиянии семитов на язык финикийцев можно говорить лишь для второй половины I тыс. до н.э., когда семитов как таковых становилось все больше в среде морских купцов-торговцев. Но не ранее. Именно по этой привнесенной в индоевропейский финикийский язык семитской лексике (сотням слов и выражений) историки определенного направления делают выводы о том, что финикийский есть «один из мертвых семитских языков». Выводы на основе части словарного состава позднефиникийского языка. С таким же успехом о нынешнем русском с его «брифингами», «холдингами», «саммитами», «тиви», «писи», «сиди», «пиарами» и пр. можно сказать, что это диалектный английский язык.

Фактически, и это известно лингвистам-профессионалам, древнейшие и древние финикийские надписи не расшифрованы до сих пор. Почему? Потому что они не переводятся с семитских языков. Предки финикийцев говорили на первоязыке и на его диалектах. Другого развитого языка в IV—II тыс. до н.э. в Восточном Средиземноморье не существовало. Их потомки-пеласги, вернувшиеся или периодически возвращавшиеся на родину, могли модернизировать язык русов, но в его же индоевропейских (возможно, с примесью северокавказских влияний) рамках.

Вот с их приходом-возвращением и появляется этноним «финикийцы». Этот этноним принято этимологизировать с «древнегреческого» языка, где «фенекес» или «фойникес» есть «красно-пурпурный». По официозному мнению, «древние греки» так назвали финикийцев за продаваемую ими по всей ойкумене пурпурную краску, добываемую из раковин, известных якобы только финикийцам. Надо сказать, что не только протогреки знали, что сакральный цвет русов красный, но и прочие юные народности Ближнего Востока и Средиземноморья. Сам этноним «рус», как мы писали, означает «светлый, белый» и позже «властитель, господин, красный». Могли ли «внешние наблюдатели» кого-либо, кроме хорошо известных им русов, назвать красными, пурпурно-красными? Да еще так, чтобы это «название» абсолютно совпало с еще одним этнонимом русов

«вене, венеды, венеты, венеци»? А ведь этнонимы «финикийцы» = «фенеки-фенеци» (наппример, «кесарь = цесарь») и «венеци-венеты» лингвистически абсолютно совпадают.

Фенеци-финикийцы есть венеци-венеты (сонанта «ц» естественно переходит в «т»; сравни «Цур» = «Тир»). Именно «фенеци». Как, например, исходный этноним «франков» правильно звучит «вранци-франци», отсюда и Франция, а не Франкия. Или еще пример: мы говорим Цицерон; римляне говорили Кикеро (без «н»); нынешние итальянцы — Чичеро; но ведь исходное имя одно.

Один этноним в разных произношениях. Один народ. В этом разгадка «загадочного морского народа», который подарил миру алфавит. Финикийцы — венеты-венеды. Это бесспорно. А заподозрить венетов в семитском происхождении просто невозможно.

Вот так, выясняя родословную финикийцев-венетов, мы попутно разобрали механизмы возникновения исторических мифов, навязываемых нам как постулаты. Алфавит мог появиться только в наиболее развитой, цивилизованной среде, каковой и являлась среда венетов-финикийцев, связавших заново два мира, Европу и Ближний Восток. А уже от них он был в искаженной форме заимствован и семитами, включавшимися по мере своего развития в средиземноморскую каботажно-торговую систему в I тыс. до н.э.

Очень трудно провести какую-то грань между пеласгами-филистимлянами и финикийцами-венетами. И те и другие были русами. И те и другие жили городами-княжествами (полисами). И те и другие говорили на диалектах первоязыка. И те и другие имели обширнейшие связи в Европе и Малой Азии.

И все же разница была. Пеласги-филистимляне были в большей степени воинами, и только потом торговцами. Венеты-финикийцы полностью отдали себя морской торговле (и попутно пиратству). По всему побережью Срединного моря русов (а именно так должно по праву называться Средиземное море): и в Европе, и в Северной Африке, и на Ближнем Востоке они имели свои колонии-фактории, от Гадеса в Испании (сравни с филистимлянским Гатом-Гадом) до Карфагена и островных баз на Кипре, Крите, Мальте, Сицилии, Сардинии... Даже когда еврейско-арабские морские работорговцы на сломе эр сумели вытеснить венетов-финикийцев с Ближнего Востока, из Палестины-Ханаана-Ливана, русы-венеты сумели обосноваться в Эгеиде и позже в Адриатике, восстановив свои прежние города-княжества Дубровник и в пер-

вую очередь Венетию-Венецию. Выдерживая колоссальный напор со стороны полунегроидных этносов Средиземноморья и конкурентов-семитов (арабов и «мавров»), Венецианская торговая республика продержалась чуть ли не до «промышленной революции». С каждым столетием венеты-венецианцы все больше подвергались вынужденной ассимиляции: после неудавшейся семитизации им просто некуда было деваться от практически неизбежной романизации, ведь они доживали свой «исторический век», подобно этрускам, среди романских народов (эта романизация русов-славян продолжается и поныне: все чаще повсеместно, в том числе и у нас, славянскую Черногорию называют на романский манер Монте-Негро и т.д.; наряду с романизацией идет и албанизация славянских земель и народов).

Но во II—I тыс. до н.э. финикийцы-венеты, несмотря на сменяющееся «господство» то египтян, то вавилонян, то ассуров-русов, то персов-порусов, были на взлете своей пассионарности. Они были центром «международной» торговли, связующим звеном между разошедшимися по Средиземноморью родами русов и их сыновних этносов. Видимо, по этой причине именно в их интересах было создание прообраза общего для всех алфавита, общего письма, заменяющего неоднозначные и повсюду «своеобычные» иероглифы и прочую неудобоваримую «картинкопись», в том числе и клинопись, возникшую из пиктограмм. И они, финикийцы-венеты, создали этот алфавит, его основу. Ничего более принципиально совершенного мы не имеем и поныне. Венето-финикийский алфавит был принят (и по-своему дополнен) всем цивилизованным миром. Надо отдать должное наиболее подготовленным слоям в еврейской (позже арабской) среде, которые сумели оценить нововведение русов-венетов, осмыслить его и по-своему применить его к своим диалектам.

Безусловно, что евреям Ханаана-Палестины-Ливана, находившимся в высокоразвитой среде русов-индоевропейцев и впитывающим их культуру, традиции, часть языка и т.д., сделать это было не столь уж и сложно. Особенно если учесть, что евреи в течение столетий жили внутри густонаселенного индоевропейского мира «святой земли» и были смешанным этносом. Правильнее было бы называть евреев Ханаана-Палестины не семитами, а семито-индоевропейцами или семито-русами (в отличие от полных семитов-амореев и семитов-арабов, к примеру). Лишь с восстановлением иудейского монотеизма (то есть с возвращением евреев из «вавилонского плена» персами-пору-

сами) ортодоксальный иудаист Эзра, опираясь на персидские власти, решительно изгнал из еврейских родов всех «нееврeев» (на его взгляд), прежде всего жен и наложниц нееврейского происхождения. А таковых было немало. Это случилось лишь в середине IV века до н.э. Все предыдущие восемь столетий своего пребывания в Палестине-Сурии-Двуречье-Палестине евреи столь активно смешивались с индоевропейцами (сколь активно и перенимали ипостасей их «богов», против чего яростно боролись и учителя, и судьи, и пророки, — факт, зафиксированный самими евреями в Торе и пр. источниках), что сами были уже неизвестно к кому ближе: ко времени распятия Христа и дальнейшего «рассеяния» весьма значительная часть евреев была русоволоса, светлобородa, серо- или голубоглаза, чем абсолютно выделялась из среды подлинных, исходных семитов, выходцев из Аравии. В эпоху венетов-финикийцев евреи были юной народностью, но достаточно развитой, впитавшей в себя кровь и молоко индоевропейских женщин.

К нулевой отметке между эпохами они находились на значительно более высокой стадии развития, чем во времена их мнимого «соперничества» с филистимлянами-пеласгами 1200—1000 гг. до н.э. Само это «соперничество» в основном было вымышлено поздними составителями-сочинителями «героических» эпизодов Торы-Пятикнижия. Юному народу, как и всем народам, внезапно осознавшим себя, нужна была «героическая», былинная страница истории... И эту страницу вписали. Но не полностью измыслив. А взяв вполне историческую канву, в которой филистимляне вполне исторически соседствовали с кочевыми родами предъевреев.

В подлинной истории филистимляне, которые жили по побережью моря, практически не замечали жалкие племена пастухов-голодранцев, что гоняли своих коз с пастбища на пастбище где-то у Яридона-Иордана. У филистимлян-пеласгов хватало реальных соперников: хорошо вооруженных и организованных египтян, хеттов и пр. Да, Ветхий Завет сообщает, что филистимляне брали в свою армию (дружины) крепкую еврейскую молодежь и делали из нее воинов. Но эта молодежь (за исключением Давида) так и оставалась в филистимлянском этномассиве, теряя свое «еврейство». На этом связи и отношения заканчивались.

Филистимляне были лучшими (наряду с хеттами) воинами своего времени, они были закованы в броню и имели железные

мечи, копья, ножи, дротики — тогда как практически все прочие (кроме хеттов) были вооружены медным и бронзовым оружием. А евреи — и того менее — ничего, кроме палок и камней, не имели... Никаких стычек, а тем более войн (за исключением, возможно, бесчестного убийства Давидом Галата-Голиафа) у филистимлян с евреями не было и быть не могло. Войны и захваты появились в «героических легендах». Так бывает. Именно так. Лишь очень и очень далекие потомки Давида, во II—I вв. до н.э. заняли поселения филистимлян-пеласгов. И то после того, как те сами частично ушли из Восточного Средиземноморья, частично растворились в новых народах и народностях Палестины-Ханаана.

Реальная история от «героических былин» отличается реальностью. А заслуга евреев (и их помощников-русов) в том, что они сумели написать себе такую историю, какую сами желали иметь. И мало того, что они ее написали, они сумели обучить этой своей истории весь цивилизованный мир планеты Земля. И это просто фантастическое достижение. Ничего подобного ни одному из существующих этносов добиться не удалось.

Нам же, потомкам русов и славян, надлежит помнить одну непреложную истину, подтверждаемую десятками тысяч фактов, сотнями тысяч топонимов, лингвистикой, археологией, антропологией, мифоанализом: Ближний Восток (особенно Сурия-Палестина) и Средиземноморье — это наш дом, наша земля, наша прародина, где тысячелетиями жили наши предки. Сейчас земли нашей прародины заселяют юные народности, чрезвычайно расплодившиеся и вытеснившие наших пращуров на север и на северо-восток... но сути это не меняет.

Древнехеттское царство — Империя русов. Новохеттия — сыны русов в Малой Азии

Ни у кого не вызывает сомнения, что хетты (несийцы) — индоевропейский народ (родные братья скифов, а скорее всего просто часть скифских родов), что они пришли из южно-русских степей Северного Причерноморья, что говорили они на индоевропейском языке. Это доказано. Доказано, несмотря на несколько десятилетий отчаянного неприятия этого факта историками-библеистами, а следовательно, и всем «научным миром» планеты.

Когда в 1902 г. датский лингвист Й. Кнудсон доказал, что хетты индоевропейцы, его открытие было встречено в штыки — те слои «цивилизованного мира», что оплачивали написание истории, хотели бы видеть Ближний Восток и Малую Азию исключительно как «древнейшие очаги древнейших государств древнейших семитов, от которых цивилизация как таковая и распространилась по всей Евразии». Семитам отводилась роль приоритетных народов, мудрецов, учителей человечества, философов, наставников, зачинателей наук и искусств... А «юным» индоевропейцам — роль нерадивых учеников, варваров, дикарей, постепенно перенимающих у старших этносов часть их знаний. Дальше Европы и Индии (куда якобы как-то прорвались «белокурые бестии» на своих колесницах и сокрушили древние культуры) индоевропейцев не пускали. И любые попытки найти их где-либо объявлялись шовинизмом, национализмом, а в дальнейшем чуть ли не нацизмом и фашизмом.

И тем не менее вслед за открытием Й. Кнудсона (1906 г.) в Центральной Анатолии, под Богазкеем был найден целый архив — тысячи глиняных табличек с индоевропейскими письменами. Система контроля за неугодными археологами еще не была отлажена, как в наши дни, и «законсервировать» раскопки не удалось. Правда вырвалась на свет подобно джинну, которого засадили в кувшин и замуровали семью печатями. И пошла цепная реакция... В течение последующих десятилетий были обнаружены сотни доказательств и артефактов, подтвердивших существование на Ближнем Востоке целых империй индоевропейцев, от Митаннийской до Хеттской. Причем настолько могучих, цивилизованных и культурных, что они на равных противостояли Египту и якобы «семитским» Ассирии, Вавилонии и т.п. Затем стало вдруг выясняться, что все «арменоидные» государства Закавказья и Северной Месопотамии так же были индоевропейскими, как и сами арменоиды с их индоевропейским языком. Потом оказалось, что и в Ханаане-Палестине, в Ассуре и Вавилонии жили далеко отнюдь не одни только «мудрые и древние семиты». А потом была разгадана тайна Шумера, который, как показали все исследования, оказался совершенно несемитским, а очень даже индоевропейским... Потом... А потом историки-«библеисты» и сошедшиеся с ними на финансово-политическом поприще историки романо-германской

Навершия скифских штандартов. Многие навершия скифских воинских стягов и «знамен» поразительно схожи с соответствующими воинскими артефактами Аладжи (Олешья) и Хеттской империи в целом. Но другие сочетают в себе элементы ближневосточных композиций и «звериного стиля» Севера. Одно бесспорно — вначале было нечто единое, общее. Творческие доработки появились по мере расселения воинских дружин одного пранарода русов-индоевропейцев в Цикумпонтиде

школы вдруг осознали, что отступать им дальше со своей «классической» схемой «древнего и мудрого семитического Востока» некуда. И тут же все независимые исследования в области древней истории были свернуты (остались без финансирования), а «исследователям», действующим в рамках данной школы, была предоставлена карта-бланш и право сворачивать любые работы, если там прослеживаются корни индоевропейцев и их языка. Разумеется, делалось это негласно. Но «как-то так вдруг получилось», что кладези индоевропейской, пра- и протоиндоевропейской древности (Иерихон, Чатал-уюк, Ашшур-Русса, вся Палестина-Ханаан-Филистиния, вся Анатолия и Троада и многие другие) оказались «законсервированными» (и это тогда, когда на поиски «иудейских древностей» отпускались миллиарды долларов). И тем не менее сдержать развитие науки полностью не удалось.

Примером тому «открытие» хеттов-индоевропейцев, которые также в свое время выдавались за один из семитских народов.

О хеттах в наших школах практически ничего не говорят. Хотя говорить должны обязательно и повсеместно. Ведь это Хеттская империя получила от русов Алачи-Олешья знамена (штандарты) и гербы с двуглавым орлом. Хеттская империя сделала их своим главным государственным символом. И несмотря на то что Византийская империя русов-славян возникла на землях Хеттской империи (и Троады русов-пеласгов) через века после ее распада, она не утратила государственно-исторической памяти и возродила этот символ-герб. Возродила и, в свою очередь, после своей гибели и распада передала державного двуглавого орла Российской империи. Передала именно по наследству и по назначению. Не просто в качестве приданого вместе с княжной-императрессой Софьей Палеолог. Передала единственной оставшейся в мире державе русов — России. Императоры Византии знали, что они делали, они обладали династическим, передаваемым из поколения в поколение знанием о единстве и изначальности русов, о их единой традиции... Ведь на момент передачи двуглавого орла были в мире державы и посильнее Руси-России... да, были... но они не были прямыми престолонаследниками вечно изменяющей формы и географическое положение изначальной Державы Русов. И потому Москву недаром называют Третьим Римом. Так оно и есть. Это не метафора, не эпитет. Это сакральное знание. И число в данном

случае сакральное... Третий, потому что времена более древние воспринимаются народом с трудом, народная память уже мешает их с былинами, сказками, легендами. Но историк-профессионал должен знать, что и «тридевятое», и «тридесятое» царства не есть изначальные, что каждая большая эпоха в полторы-две тысячи лет воспринимает лишь «три» начала, «три» царства, «три рима». Фактически «римов», то есть духовно-силовых престолов Державы Русов, было значительно больше.

Стольный град хеттов, а точнее, сама Хеттская империя XIX—XIV вв. до н.э. и была одним из таких Римов. И совсем не случайно египетские фараоны-энсибью, обращаясь к хеттам-несийцам, называли их царями Арцавы-Арсавы. Фараоны, сами русы и потомки русов, знали, с кем имеют дело даже во II тыс. до н.э., когда сами были уже далеко не исходными, а гибридными русами, хранящими знания и традиции суперэтноса.

Арцава-Арсава. Опять мы видим тот же корень-основу. Руса-Русава. Мы помним, что гласные в те времена не записывались, были изменчивы. Мы знаем, что арабы-семиты поздних веков называли Русь Ар-Русией. И одновременно мы видим в этом названии страны и «племени» корень языка русов «яр-». Мы видим эти два русских корня, «рус-, рос-, рас-» и «яр-, ар-», везде и повсюду, где встречаем русов или упоминания о них. И очень часто, особенно в упоминаниях соседствующих этносов, эти корни сливаются, естественно и органично: Арцава-Аросава-Яросава-Ярусова-Ярусово-Яросово... то есть мы видим в самом топониме-этнониме принадлежность, ответ на вопрос «чья? чьи? чье?» — «ярусова, ярусовы, яросово, русово, ярово, ярусово», то есть «русово» царство, «русовы» люди, «яровы» люди (арии-ярии), «ярусова» держава — Держава Яров-Русов.

И тогда уже совсем не странно, что эти «яровы-русовы» люди-хетты поклоняются богу-громовержцу Пирва (где «в» читается, как «w», то есть «у»). Громовержец Пируа, Перуа — это славянский и русский бог-громовержец Перун. Еще раз обратим внимание, что носовое «н» во множестве этнонимов, топонимов, теонимов появляется позже, со временем (пример, изначально: Аполло-Кополо, Купидо; вторично: Аполлон-Купавон, Купидон и т.д.). Этимологически хеттский «Пирва» есть русский «Перун».

Можно ли считать хеттов времен Хеттской империи русами, или все же это один из вычленившихся из суперэтноса народов?

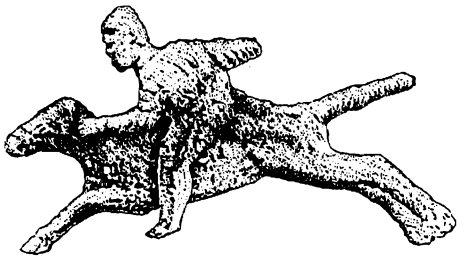
Протохетты Центральной Анатолии имели свои объединенные княжества со столицей в Олешье-Алаче (Аладжа-уюк), и они были русами с незначительными кавказоидными примесями. А учитывая то, что под «кавказоидными примесями» мы имеем в виду не реликтовых горцев Кавказа, а этноэлемент, состоящий из русов, проживших на Кавказе длительное время и перенявших некоторые признаки горцев (некоторые! оставаясь при этом русами, как остаются русскими казаки, живущие на Кавказе), то протохеттов мы можем считать практически исходными русами.

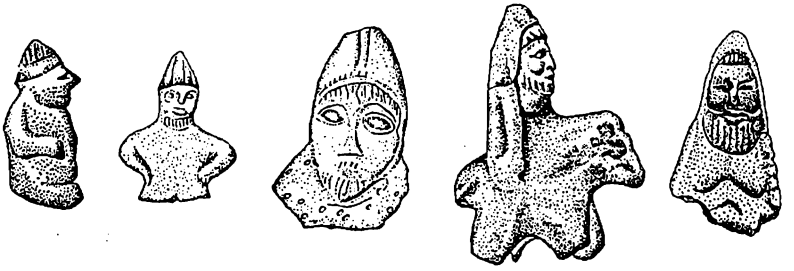
Прежде чем образовалась Хеттская империя со столицей в Хаттусе, из Северного Причерноморья в Анатолию пришли многие тысячи русов-индоевропейцев (скифов). Это они смешались с русами-протохеттами. И с незначительным числом хаттов, которых условно и бездоказательно считали кавказоидами.

Это, а также данные лингвистики, этнографии, мифологии, антропологии, археологии дают нам право считать начальных хеттов, то есть хеттов Древнехеттского царства, русами.

Этноним «хетты-хатты-хотты» был принесен русами-скифами из южнорусских степей Северного Причерноморья и с Северного Кавказа. Оттуда же были принесены русами навыки колесничной и верховой езды, железоделательной металлургии. То есть русы-арии пришли в Анатолию (и на Ближний Восток) на конях и с железными мечами в руках. Часть их родичей «хеттов-хаттов-хоттов» осталась на родине. И значительно позже, выдвинувшись на север и запад, получила название «готов». Здесь мы упоминаем о «готской проблеме» к месту, чтобы сразу понять этногенез этого рода русов и пресечь бесконечные спекуляции на тему готов-«германцев». Готы и хетты имели одних предков, собственно, они и были до разделения одним народом, русами (скифами). Жизнь развела их пути. И если в дальнейшем часть хеттов впитала в себя кровь малоазийских этносов и предэтносов, а часть готов «германизировалась», это нисколько не меняет дела: исходно и хетты, и готы есть русы, причем один большой род суперэтноса, разделившийся на две части.

Русы-протохетты Олешья-Алачи не были столь близки хеттам, как их родные братья готы. Они им были, если можно так выразиться, двоюродными братьями. И те и другие говорили на разных, но вполне понятных диалектах языка русов. Никаких столкновений у протохеттов с русами-ариями не было. Пришлые роды русов естественно влились в местное население, уси-





Скифский всадник. Глиняные фигурки скифов. Хетты, искусные наездники, конные воины, без сомнений признали бы такие изображения на конях и в хеттских шлемах своими, хеттскими. Слишком многое в традициях, культуре, языке связывает хеттов и скифов, чтобы не заметить этого. Кто первичен, кто вторичен? На уровне хеттов и скифов мы не найдем ответа на этот вопрос. Первичны их общие предки — русы-индоевропейцы, впервые приручившие коня в южнорусских степях

лив его, познакомив с железом и боевыми колесницами. И даже новую столицу Хаттусу (после первого стольного града Несы-Канеса) они выстроили совместно всего в получасе верховой езды от прежнего основного протохеттского городища Алачи-Олешья.

И Олешье-Алача и Хаттуса лежат ныне в развалинах... и даже развалинами нельзя назвать эти полосы камней, обозначающих места, где прежде были стены домов, дворцов. Но если Алача, по нашим современным меркам, это небольшой городок, то Хаттуса вполне достойный престольный град империи. Автору доводилось бывать и в Алаче, и в Хаттусе, и в Музее анатолийских цивилизаций (Анкара), где хранятся ныне основные сокровища хеттов (за исключением вывезенных англичанами и французами). И надо сказать, что даже полустертая с

лица земли Хаттуса, лежащая на плоском, лишенном растительности холме, весьма впечатляет. Это город-крепость, город царей и воинов, князей и дружинников. Остатки стен, сложенные из огромных валунов, с львами, охраняющими ворота-проходы, напоминают микенские крепости, которые по легенде построили титаны. Но при том Хаттуса значительно, во много раз превышает Микены и Тиринф вместе взятые. После всех виденных мною величественных остатков былого хеттского могущества поверить в то, что империю разгромили пришлые «народы моря», было просто невозможно. Никакой «народ моря» никогда не дошел бы до Хаттусы, которая несокрушимым бастионом стояла в центре плоскогорной Анатолии. А если бы и дошел, то лег бы костьми под ее исполинскими стенами. А ведь помимо Хаттусы у хеттов были еще сотни каменных городов-крепостей. От многих остались холмы-телли, подобные огромному кургану в Телль-Халафе (Сирия) с нынешним мусульманским кладбищем наверху. Когда я стоял на этом телле-кургане, всматриваясь в окоемные дали, а где-то внизу текла пересыхающая легендарная река Хабур, я понимал, что хетты строили свои городища-заставы вовсе не для того, чтобы они стали легкой добычей. И позже, когда в Археологическом музее Дамаска* я, пораженный архаическим величием каменных исполинов (богов-царей), стоящих на спинах каменных волов и львов, молча созерцал эти статуи, выкопанные в Телль-Халафе (они украшали вход во дворец), та же мысль владела мною... Во всем ощущался величавый и грозный имперский стиль. Именно стиль. Не попытки изобразить себя «сильными и грозными», а спокойное и достойное понимание, осознание естественности и даже божественности своей несокрушимой имперской силы.

---

* Этимология Дамаска чрезвычайно интересна! Современные арабы-сирийцы называют свою столицу Димашк. Название это очень древнее и, как отмечают лингвистические словари, досемитское. В хрониках Древнего Египта столицу Сирии-Сурии называли Тимашку (tjmsqw). И здесь мы четко видим не только корень «мс-, мес-» (смешать, объединить), но и топоним «msqw» – то есть Москва, Москов, Москоу (в любой транскрипции). Полностью: Ти-Москва, Ти-Москов = «это Москва» или «this Moscow». На первый взгляд поразительное двойное совпадение: Сурия-Русия, изначально Сурь-Русь со столицей Москва, и наша Русь со столицей Москва. Но это не совпадение и не случайность. Исходные русы, переселяясь на север, переносят с прародины привычные названия своей страны и своего города. Совпадения абсолютно исключены. Русы сурийской Руси объединялись вокруг своей изначальной Москвы, своего перво-Москова. И правил ими изначальный князь Рош-Рус (тот самый).

Потаенный проход сквозь неимоверно широкую крепостную стену в Хаттусе значительно длиннее аналогичного хода-галереи в Тиринфе. Мне не только неоднократно доводилось пробираться этими ходами туда и обратно, но и прощупывать буквально каждый камень кладки. Отличия есть, но незначительные, техника кладки, «архитектурный стиль», своды — все в одном ключе. Вполне очевидно, что эти фортификационные работы выполнялись мастерами одной культуры, одной традиции (истоки которой на Северном Кавказе) и примерно в одно время (середина II тыс. до н.э.). И уже само собой разумеющимся является тот факт, что никакие «древние греки» и прочие эльфы и тролли к сооружению данных городов-крепостей своих эфемерных рук не прикладывали. Русы-индоевропейцы, скифы Северного Причерноморья и Северного Кавказа, разные роды-выселки одного большого рода суперэтноса, двумя разными путями, одни через Балканы, другие по побережью Черного (Русского) моря, пришли, соответственно, в Грецию-Горицу, в Анатолию (промежуточные роды шли через Фракию и Македонию) — и выстроили города-крепости в той манере, которая была для них родной, то есть в одной общей традиции. Это очевидно. Это видно невооруженным глазом. Но историки романо-германской школы стараются этого не замечать. Почему? Потому что если они скажут «а», им придется сказать и «б» — то есть признать приоритет русов-индоевропейцев в создании древних государств Европы и Азии. Но у этих историков уже существуют сложившиеся приоритеты, сложившаяся шкала ценностей, в которой русам-русским отводится роль «неисторических народов».

Кстати, подобную характеристику русским (и славянам) в еще более гнусных, расистских тонах давал в своей «Секретной дипломатии» небезызвестный «основоположник» Карл Маркс, тот самый махрово-оголтелый, пещерный русофоб, огромный памятник-истукан которому стоит посреди русской столицы — русского города-героя Москвы, посреди русской России-Руси, оплеванной этим мракобесом и человеконенавистником с головы до ног. В одном иностранцы, посещающие Россию, правы — русские, любящие и уважающие весь мир, не умеют любить и уважать самих себя. Почему? Потому что русские распахнуты настежь всему миру, всей необъятной вселенной, им не до самих себя. И подобное вселенско-космическое мировосприятие генетически передалось русским от исходных русов, живших

масштабами всего населенного мира, всей ойкумены. Вселенский, всечеловеческий менталитет государствообразующей нации чаще вредил государственным образованиям русов, чем помогал им. И в этом шумеры, хараппцы, ассуры-руссы, митаннийцы, пеласги, венеты-финикийцы, протохетты и хетты были типичными русами.

У Львиных ворот в Хаттусе, так же взирая вниз на бескрайние склоны и поля, на остатки бесчисленных строений, лежащих под крепостными валами цитадели, я вдруг понял — почему о хеттах не снимают кинофильмов, почему не пишут романов, не водят сюда многочисленные орды туристов... и вообще, стараются как-то замолчать их. Причина не только в том, что хетты индоевропейцы, — главная причина в другом. Блистательная и всесильная империя хеттов уже своей имперской чистотой и мощью пугала историков, романистов, режиссеров, популяризаторов, в большинстве своем замшелых «демократов», зазубренно-попугаисто твердящих лишь о «мудрых древних семитах» и «греческих полисах-демократиях» (якобы забывая, что именно там процветали самое отъявленное бесчеловечное рабство и гнуснейшая работорговля, которых практически не знали имперские хетты и русы вообще).

Да, почему-то так сложилось, что именно хеттов, как позже византийцев, а позже «русских, зараженных имперским мировоззрением» — мировая «демократическая общественность» почему-то не полюбила. Вполне вероятно, что не за их происхождение, не за имперскую мощь и имперскую идею (которые сами по себе вызывают у разрозненных малых племен страх и зависть), а за то, что каждый народ уж как минимум шестьсот — семьсот лет непоколебимым бастионом стоял на путях физических и духовно-идеологических предков этих нынешних «демократов», объявивших всему миру, что они и только они могут давать оценки всем событиям, явлениям, народам и личностям нашей планеты.

Да, Хеттская империя шесть веков стояла преградой на пути «людей смерти» в Европу. И тем самым она давала молодой, отстающей в развитии от Ближнего Востока Европе набрать силу, накопить защитный потенциал, созреть, чтобы не оказаться безоружной перед грядущими вторжениями носителей, мягко говоря, непроизводящего способа хозяйствования...

И при всей имперской сдерживающей мощи, при всей имперской философии чистоты, порядка и приоритета созидательного

образа жизни Хеттская империя была в сотни раз демократичнее, чем «ведущие демократии мира» (от «греческой» до американской, обе построены на сверхприбыльной работорговле).

Русы-индоевропейцы, хетты были, как и все русы, чрезвычайно восприимчивым и открытым народом. И потому ко времени расцвета Новохеттского царства (1450—1200 гг. до н.э.) мы уже не можем говорить о хеттах как о русах. Хетты Нового царства есть самостоятельный индоевропейский народ, принявший в себя многие признаки от окружающих его племен. Это молодой и энергичный этнос, вычленившийся из суперэтноса и идущий своей дорогой.* Восприимчивость русов-хеттов и их потомков, поздних гибридных хеттов, переходит разумные границы — они готовы вместить в себя весь окружающий мир (тут очевидный наследник Хеттской империи — это Римская империя, затем Византия, Россия и как завершающая фаза — СССР, где русские готовы были вместить в себя тысячи «языков», культур, обычаев и всем, кроме себя, обеспечить процветание).

Малые народности и реликтовые племена цепко держатся за своих «богов и героев», воспринимая всех чужаков абсолютно неприемлемо, решительно отвергая их. Характерная черта таких племен-народностей есть практически полная невосприимчивость к чужому, изоляционизм. Для имперской нации хеттов, наоборот, практически не было своего и чужого. Хетты с готовностью вписывали в свой пантеон богов, богинь, демонов всех малых и не очень малых народностей и племен, что волей или неволей входили в их обширную империю. Так позже делали и римляне, стараясь никого не обидеть в своей империи. Рассуждения хеттских жрецов-волхвов при этом были вполне логичны и обоснованы: почему бы и не включить, если все (абсолютно все!) виды светлых и темных сил, как бы их ни называли жители тех или иных мест, есть всего лишь блики света или тени, то есть ипостаси единого и всемогущего Бога, чье запретное имя Род имеет тысячи незапретных имен и эпитетов.

Вот по этой причине исследователи прозвали хеттов «народом 1000 богов» — примерно столько теонимов входит в обшир-

* Дорогой, ведущей в тупик, к деградации и утрате своего этно-культурно-языкового лица. Как показала история, все вычленившиеся народы-этносы, несмотря на иногда блестящие взлеты и успехи, неминуемо деградировали. Продолжал развиваться, при всем видимом отступлении и расчленении, только сам суперэтнос, порождающий один этнос за другим, но не умирающий, а хранящий традиции и язык исходных руссов — свой собственный (совершенствующийся во времени) язык.

нейший пантеон-перечисление, который нам оставили на табличках писцы хеттов. Писцы эти выполняли заказ царей, для которых было престижно править не одним, пусть и чрезвычайно могучим и культурным народом, но и десятками народов иных, быть под покровительством не двух-трех, не десятка, а тысячи богов... Вот так пантеон хеттов заполнялся всевозможными Катахцифурами, Хамаселями, Касухами, Вурунсему, Цитхарийями и т.п. (эти теонимы еще ждут своей этимологизации, в них явно прослеживаются индоевропейские корни). Последними в этом обширном «великодержавном» пантеоне были боги-изгои «людей хабиру»*. Как мы писали выше, «хабиру» были семитами (протосемитами), предками евреев (многие исследователи даже выводят этноним «ибри, еврей» из «х'абри, х'ибри, хапиру». А само слово традиционно переводится как «разбойник, грабитель». Мы же дали более четкую и строгую этимологию: «хапиру» = «хапарь, хапающий», отсюда и жаргонное «хабар» — «добыча, нахапанное». Так вот, толерантно-восприимчивые русы-хетты включили в свой пантеон даже «богов-изгоев» хапиру-хапарей-грабителей, к которым отношение на Ближнем Востоке и в Малой Азии было однозначным. Это говорит о таком уровне «интернационализма» и «дружбы народов», которого нынешние псевдодемократы даже в своих пропагандистских речах и прокламациях не смогут достичь никогда (в силу врожденной ненависти к народам-«изгоям» — на современном этапе: русским, сербам, палестинцам).

Но значит ли это, что волхвы-жрецы и цари хеттов, сами коренные «государствообразующие» хетты-русы и поздние гибридные хетты помнили, знали и поклонялись всем этим «1000 богов». Разумеется, нет. Человек не может объять необъятное.

Подлинными богами-ипостасями Рода были традиционные боги русов-индоевропейцев. Это упоминавшийся бог-защитник, победоносец Пируа-Перун. Это еще один бог грозы — Тархунт, известный славяно-русский Тарх Тархович (от слова «трах»). Это бог дня и света, аналогичный Зевсу-Дию-Дню, бог-отец Сиват — то есть Свет. Это богиня с нежным именем Савушка — так хетты звали Роду-Иштар-Астарту — Яста-Роду. Этот теоним интересен еще и тем, что в его полных согласных (Савушка-Савустка явно проглядывает «свстк» = «свастика», то есть сим-

* Мифы народов мира. Т. 2, М., 1982, с. 591.

вол жизни и благополучия. В этом случае Савушка есть, скорее, не имя богини Роды-Истар, а ее эпитет «жизнедающая, благодетельница». Это и бог войны Ярри, в других вариантах у русов Яр, у славян Яровит, у «греков» Арей. Это и бог плодородия, вечно умирающий и вечно воскресающий бог Телепинус = Телепин (сравни с русским «телепень, телепаться», то есть «двигаться-болтаться туда-сюда»; воспринимается простонародно, но отражает суть явления очень точно, учитывая, что вся архаика весьма «простонародна»). Дух океана у хеттов Аруна, что есть очевидное Ярун («ярый»). Тут к слову можно заметить, что и «еврейское» Арон-Аарон также исходит из имени Ярун («ярый»), а все поздние «трактовки» этого имени из иврита вторичны и искусственны.

В лабиринте горного святилища хеттов в Язылыкае (современное турецкое название), что находится рядом с Хаттусой, в скальных породах вырезаны вереницы жрецов-волхвов, священные процессии людей и богов в высоких шапках (похожих на высокие меховые шапки русских бояр). Хетты, по древней традиции русов, еще продолжали поклоняться священным рощам, источникам, расселинам в скалах. Они еще не полностью переместили своих «кумиров» в закрытые храмы, под своды и купола. До распада своей державы они сохраняли часть обрядов далеких предков, что пришли из южнорусских лесостепей и предгорий Северного Кавказа — русов-скифов, русов-ариев, русов-яриев.

В Язылыкайском ущелье не часто бывают туристы. Возят немцев, англичан, иногда американцев и любопытных японцев... русских там не бывает. И это очень прискорбно. Посетители — иноземцы. Владельцы древностей — турки (тюркский народ). Прямые потомки хеттов — русские, малороссы, белорусы, русы-скандинавы и балты, —ничего не хотят знать о великом прошлом пращуров. Ветры и дожди постепенно стирают наскальную память... многие рельефы, вырезанные руками русов, уже сбиты, стерты или очень неумело (халтурно) подновлены. Недолог тот час, когда изображения, оставленные нам в назидание, исчезнут... Ведь у турок своя история. А нам собственная история, история наших предков, как выясняется, не нужна. Рука моя чутко прощупывала рельефы, соседние шероховатости, следы былых изображений, а в голове временами мелькала мысль: ну почему бы России не построить рядом отель для своих туристов, не профинансировать работу профессио-

нальных реставраторов (а не турецких халтурщиков), не взять под опеку хотя бы часть нашего исторического наследия? И тут же сам одергивал себя: в России все рушилось, разворовывалось, разграблялось «черными археологами», уничтожалось — все подряд, без разбора...

В хеттской мифологии присутствовали все основные индоевропейские мотивы-сюжеты мифологии суперэтноса русов: от основной темы змееборчества и героя-победоносца, поражающего злобного змея-умыкателя, до «близнечного» сюжета об инцесте брата и сестры (у хеттов — детей царицы Неси; у русских — близнецов Купалы-и-Мары, Ивана-да-Марьи).

Несмотря на множество сохранившихся сакральных статуй волов, культ Велеса-Вола-Ваала у хеттов прослеживается не столь четко, как у русов Ассура-Руссы или Ханаана-Палестины. Возможно, он остался в тени по той причине, что хетты считали себя народом-воином, равнодушно относящимся к земным богатствам и загробному миру. В период Древнего царства царей-князей хеттов по общему обычаю предавали земле по всем традициям захоронений русов. Позже, в период Среднего и Нового царств, их стали сжигать на краде, большом помосте из стволов деревьев. Остатки хоронились в погребальных камерах, в земле.

Завоевав Северную Сирию и Север Месопотамии, хетты переняли клинопись сначала в Ассуре, потом в Вавилонии. И стали записывать свои тексты (документы, хронику, предания) хоть и родственным по происхождению, но все же чужим письмом. Это внесло еще большую путаницу в хеттские архивы. Стремление «объять необъятное» и вместить в себя все, что только можно, порождало неразбериху и усложняло управление империей.

Многие исследователи пытаются вывести этнонимы (названия народов) «хатти-хатты», «хетты», топоним «Хаттуса» из вполне понятного нам слова «хата» в значении «дом». Я не берусь ни поддерживать их точку зрения, ни опровергать ее, так как за внешним созвучием не вижу пока достаточной смысловой загрузки этнонимов. Если хатты-хетты есть «хатники», то есть живущие в хатах, почему они сами (или кто-то иной) так называли себя? Мне не известны народы «домники», «избники», «шалашники», «чумники», «хаузники» и т.д. В научной печати самоназванием хеттов считается псевдоэтноним «неситы». Но он происходит от названия города Неса. А это значит, что «неситы» то же, что «московиты» или «парижане», то есть

понятие топонимическо-географическое. Разгадка этнонима «хатти-хетты-готы-геты» еще впереди. Но то, что под этим разнозвучащим этнонимом «скрывается» один из крупнейших родов суперэтноса русов, очевидно. Родов, связанных с Великой Скифией.

Хетты были имперским народом. Судьба единого могучего государства и благо окрестных племен, входивших в Империю, их волновали больше, чем собственная этническая судьба. И потому Хеттская империя, несмотря на ее власть над железом (хетты одни из первых вошли в железный век) и, казалось бы, неколебимое могущество, просуществовала не так долго, всего половину тысячелетия. В конце XIII — нач. XII в. «народы моря», по официальной версии, сокрушили великую державу. Но совершенно очевидно, что у «народов моря» (ахейцев и стронутых ими с насиженных мест пеласгов) не было достаточного потенциала, чтобы сокрушить могущественнейшую империю. Придворные историки любят сочинять красивые истории о «великих переселениях народов», «великих войнах», «вторжениях», «переворотах» и пр. В жизни иногда бывает проще. Хеттскую империю сгубила ее открытость и восприимчивость. Желание облагодетельствовать все «национальные окраины» привело к децентрализации власти, расчленению империи на отдельные княжества-государства, причем сами русы-хетты остались князьями лишь в Хаттусском княжестве и Каркемише (Карке-мес, и здесь корень «мес-меш» — «смешение, объединение»). Эти княжества принято называть новохеттскими. В прочих же «княжествах» власть взяли местные родоплеменные группировки во главе с национальными вождями-князьками. Этот распад-расчленение удивительно схож с расчленением Советского Союза, в котором «национальные окраины» решили, что смогут вполне обойтись без «центра». При этом «национальные окраины» Союза опирались на США и прочий «цивилизованный мир». А «национальные окраины» Хеттской империи — на «народы моря», Ассирию, Вавилонию, Египет и на «торговый интернационал» побережья Средиземного моря.

Эпоха иллюзорного «братства народов» закончилась для Хеттской империи (как позже и для Римской, и для Византии) полным крахом. И «народы моря» тут явились лишь косвенной причиной.

Сами хетты после развала Хеттии-Арцавы-Русии никуда не пропали, как пытаются показать историки-«библеисты». Ни-

чего подобного, хетты, как и множество прочих рассеянных родов русов и гибридных русов, и после 1200 гг. до н.э. оставались на Ближнем Востоке. Причем их там были сотни тысяч и миллионы. Но большой политической власти в их руках уже не было. В погоне за «общим счастьем» и «интернационализмом» они эту власть, могущество и свое первородство утратили.

Однако даже из библейских источников мы знаем, что «хеттеяне» жили на Ближнем Востоке еще и во времена Иисуса Христа. Как известно, Иисус был «истинным солнцем веры». А богом солнца у хеттов был Истанус, что означает «истовый, истинный».

А еще слово «ис'х'ис» у древних русов (позже у русов-пеласгов, а от них у «древних греков») означало «сын». Иисус был «солнцем веры», Богом-**Сыном** Бога-Отца-Вседержителя. И Истанус был богом-солнцем, Богом-**Сыном** Бога-Отца-Вседержителя Сивата-Света (ипостаси Рода).

Русы Индостана в IV—III тыс. до н.э. Хараппа. Мохенджо-Даро

Русы-скифы и Скифия вообще тесно связаны с индоарийской проблемой и с Индией. Но изыскания надо начинать с ранних эпох.

Цивилизация русов Хараппы, которая занимала огромную территорию (пять Шумеров) в долинах Инда, на землях нынешнего Пакистана, возникла не на пустом месте. Полуостров Индостан и особенно плодородные долины Инда начали осваивать еще проторусы XL—XXX тыс. до н.э. (кроманьонцы), которые в результате смешения с местными неандерталоидами породили дравидийскую европеоидную подрасу и некоторые реликтовые предэтносы Южной Азии. Затем многочисленными волнами на Инд и Ганг приходили русы-бореалы, оседавшие там родами-общинами в XXX—XII тыс. до н.э. В результате чего и образовалось одно из пяти основных «ядер» суперэтноса — этнокультурно-языковое ядро русов долин Инда. В XI—V тыс. до н.э. в этномассив бореалов Индостана активно внедрялись приходящие с Ближнего Востока, Иранского нагорья и Средней Азии выселки русов-индоевропейцев. Повсеместное распространение во всех поселениях того времени огромного количества геометрических микролитов (мелкие каменные резцы-ножи в форме треугольников, трапеций, квадратов), под-

утверждает наши выводы полностью, так как геометрические микролиты есть неотъемлемая часть культуры именно индоевропейцев. Антропологи подтверждают, что весь север Индостана был заселен европеоидами. На юге проживали дравиды-европеоиды и веддоиды — негроидный предэтнос так называемой австралоидной расы (гибрид кроманьонцев и архантропов Индостана). Веддоиды (не путать с ведическими народами!) вели дикий образ жизни первобытных собирателей. Они не входили даже в этнококон ядра суперэтноса. Восточнее, в долинах Ганга, также проживали многочисленные общины русов-бореалов с меньшей примесью русов-индоевропейцев. Но они не достигли высот развития Хараппы, оставаясь в основном на бореальной стадии и постепенно смешиваясь с предэтносами этнококона.

«В течение длительного времени была распространена точка зрения о пестроте хараппского населения. В настоящее время наиболее правильным следует признать мнение о преобладании европеоидных черт в расовых типах хараппских поселений»*. Даже ярые апологеты «интернационализма» и «библеизма» вынуждены признать очевидное.

До VI тыс. до н.э. долины Инда в большинстве мест были заболочены и непроходимы. Это создавало трудности в освоении пахотных земель. Однако уже к V тыс. до н.э. общины русов-земледельцев «отвоевали» у дикой природы огромные площади и вложили в них изрядную долю труда и энергии. Это и стало предпосылкой дальнейшего экономического и социального подъема.

От протогородского, предгосударственного образа жизни русы-индоевропейцы долин Инда в результате своей многовековой созидательной деятельности перешли к городскому и государственному укладу. Мы остановимся на одной из трех величайших цивилизаций древности — Хараппской цивилизации и ее основателях русах-индоевропейцах, преобразовавшихся в течение IV—III тыс. в самостоятельный сыновний этнос, который можно условно назвать хараппским или, что точнее, праарийским, праариями (протоариями были, как мы знаем теперь, русы-бореалы).

К IV тыс. до н.э. русы долин Инда имели не только высокую культуру, традиции, ремесла, развитый язык (индский диалект языка русов), но, главное, развитое прибыльное земледельче-

---

* Археология зарубежной Азии. М., 1986. С. 165.

ское хозяйство, которое давало урожаи, значительно превышающие потребность общин. Как в Египте и Шумере, избытки зерна свозились в огромные храмы-зернохранилища, объявлялись «имуществом богов» и только волхвы-жрецы распоряжались всеми запасами в интересах нации и государства. В Хараппском царстве было свыше семидесяти городов с подобными храмами-зернохранилищами. Всего в Хараппе зафиксировано не менее 800 поселений. В отличие от раннего Египта и раннего Шумера зажиточным, знатным хараппцам позволялось иметь дополнительно свои маленькие амбары. Но основной запас всегда был в руках государства. И государство это, опять-таки, как в Египте и в Шумере (традиции суперэтноса) на этапе становления, было теократическим. То есть наибольшей властью пользовались жрецы-волхвы. Их власть обожествлялась и не могла подвергаться ни малейшему сомнению. Это было единственное правильное решение. При любом ином все запасы были бы растащены, разграблены... и цивилизация не состоялась бы (как в Хараппе, так и в Шумере с Египтом). Только концентрация власти, концентрация запасов зерна и иных богатств, только священный страх и трепет перед «всевидящими» и «всемогущими», «грозными и карающими» выковали из отдельных общин-производителей русов (и гибридных русов) великую и единую культуру древности.

Мы не оговорились, назвав жрецов-князей волхвами. Волхв есть жрец Вола-Вела-Велеса, принимающего на земле облик быка-вола. Волхвы Хараппы внушали почитание Великому Единому (неназываемому Роду), матери-богине Ладе-Роде. Тому свидетельство множество канонических и неоканонический фигурок. Но особое пристрастие ощущалось (судя по найденным артефактам) к Волу-Велесу. На печатях он изображался или мужчиной с рогами, или священным волом-быком (особая порода «священных быков», почитаемых в Индии и ныне). Рогатый муж на печатях иногда стоит в окружении тигров, львов. Иногда сидит в «позе Будды». Одно лицо смотрит прямо, а по бокам видны два профиля. Это древнейший прообраз Тримурти («Трехликого»; если с языка русов, то не требует перевода, лингвистически «тримурти» = «три-морды», разумеется, без уничижительного оттенка). И это еще одно косвенное подтверждение, что мы имеем дело с суперэтносом: троичность образа трехипостасного Бога Вседержителя проходит у русов с глубокой древности до наших дней. Интересно, что у хараппцев основ-

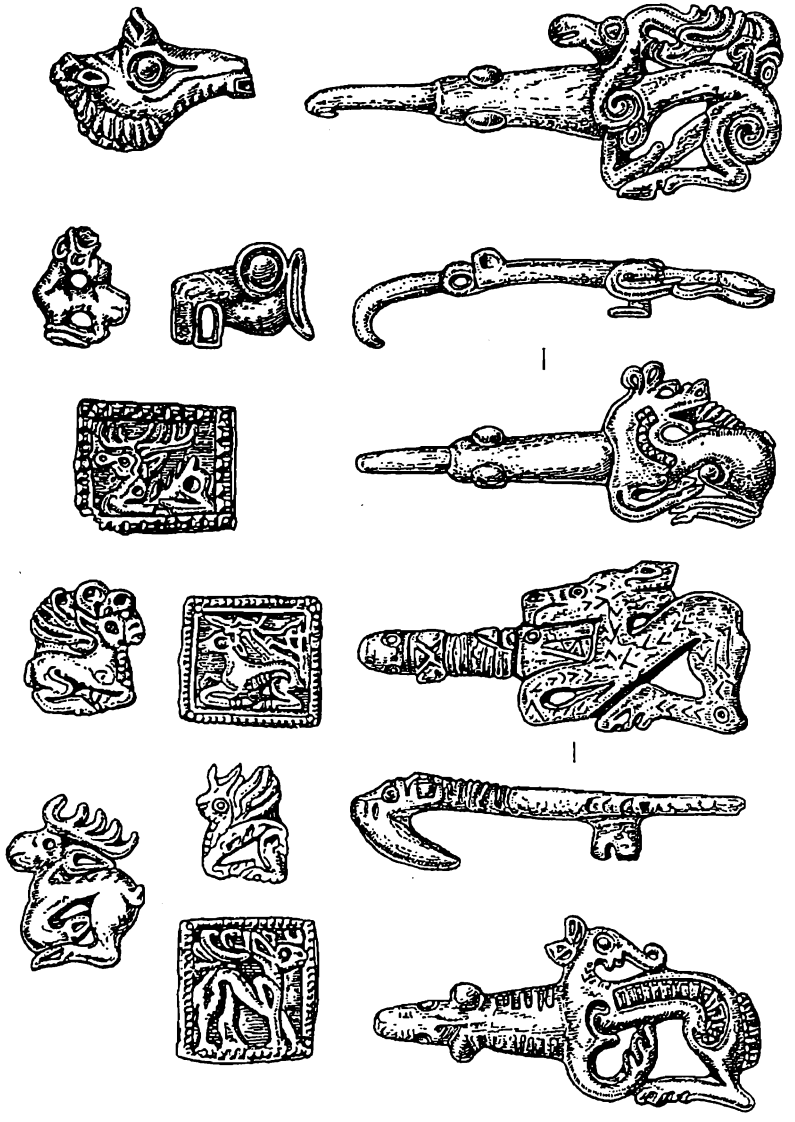
ное, прямо-смотрящее «лицо» принадлежит Волу-Велесу, в индском варианте Влаху. Отсюда и «волхвы, влахи», и Брахма («влах» = «брах»), и производное брахманы. Именно Брахма-Вол-Влах и есть Тримурти-Трехликий. Все образы исходят из мировоззрения суперэтноса — через мифологию хараппцев — к развитому (олитературенному) индуизму.

Великую цивилизацию Инда принято называть по одному из самых крупных городов — Хараппе. Как называли свое государство русы-праарии, мы не знаем. Но видим, что в самом топониме Хараппа — х-Ара-ппа содержится исходный корень-образ языка русов «ар-, яр-», в котором и заключается все, что связано с земледелием, плодородием, жизненной энергией-«ярью» и мужской воспроизводящей силой. Этот корень присутствует в топонимах многих городов царства: Чанг-ар, Чжухар, Мехрг-ар, Гхагг-ар, Руп-ар, Махешв-ар и т.д. Этот корень русы пронесли от Яр-ихо (Иерихона) — через В-ар-ку (Шумер, Сурия), Х-ар-аппу и Ар-каим — до Пешав-ара и Бело-яра. В других топонимах Хараппы основательно присутствует корень языка русов «ур-»: Рангп-ур, Аламгирп-ур, Хастинап-ура и пр. (вспомним Уры-Уруки Двуречья). Напрямую передает этноним суперэтноса хараппский город Сур-котада с его основой Рус (хараппцы писали справа налево). Перевертыш «сур» = «рус» нам хорошо знаком.

Хараппцы имели развитую рисуночно-знаковую письменность. Найдено свыше двух тысяч надписей на керамике, печатях всех видов, медных пластинках, слоновой кости, на бронзовых изделиях. Всего существовало около 400 различных знаков. Но грамотность, судя по ареалу находок, была широко распространена.

Связь Хараппы с Сурией-Русией, Месопотамией, Загросом, Иранским нагорьем неудивительна — это тысячелетиями протоптанные русами-переселенцами дороги. И потому шумерские печати (и др. артефакты) находят в Хараппе, а хараппские печати (в том числе с Волом-Влахом-Брахмой и свастиками) в Шумере, Загросе и Средней Азии (Алтын-депе; великолепнейшая хараппская печать с обережной свастикой-солнцеворотом).

Свастика вообще была одним из основных символов цивилизации русов долины Инда — обозначающим «жизнь, движение, достаток и благо». От русов, бореалов и индоевропейцев этот солнечный символ плодородия и удачи попал в Хараппу, а затем в индуизм. По нему мы определяем, что имеем дело с ин-



Скифское золото и скифская бронза. Из курганов Северного Причерноморья. Нет в Евразии такого места, куда бы первоначально русы-индоевропейцы, а затем поздние переселенцы русы-скифы не принесли своих художественных традиций. Если мы внимательно всмотримся в эти уникальные по выразительности и пластике фигурки, мы

убедимся в том, что не только Ближний Восток, но и Европа, степи Евразии, Средняя Азия, Сибирь, Дальний Восток, Индия насквозь пронизаны традиционными мотивами искусства суперэтноса русов. Великая культура, великая традиция нашла отражение практически повсеместно — там, где ступала нога человека

доевропейской цивилизацией, базировавшейся на цивилизации русов — на этнокультурно-языковом ядре суперэтноса долин Инда.

Второй крупнейший город цивилизации на Инде — Мохенджо-Даро (обычно переводят с языка синдхи как «Мертвый холм». Перевод этот не имеет отношения к хараппцам-праариям, никто не назовет так свой город. Или перевод неверный, или топоним поздний). Мохенджо-Даро имел 100 тысяч жителей и занимал площадь в 2,5 кв. км. Главные улицы достигали ширины в десять метров, планировка их была параллельно-перпендикулярной, имелась отлаженная система городских бань, водоснабжения и канализации. Город состоял из двух частей, верхней и нижней. В верхней на холме располагались храмы, хранилища, дома жрецов-волхвов, обнесенные стеной, с крутыми подъемами и всего двумя воротами. Хараппцы изготовляли высококачественное оружие: бронзовые мечи, топоры, ножи, кинжалы, наконечники копий и стрел, булавы, а также много всевозможной утвари.

Поселения Хараппской цивилизации, состоящей из множества городов (Хараппа, Мохенджо-Даро, Чанху-Даро, Калибанган, Суткагендор, Бхагатров, Банавали, Суркотада, Лотхал и др.) и селений одного типа (одной культуры) занимали территорию в 1,5 млн кв. км (полтора миллиона квадратных километров). Мало того, она расширялась на юг и на восток, в новые районы.

Хараппцы владели всеми тонкостями земледелия, скотоводства, фортификации и городского планирования, обработки камня, металла, керамики и т.д. Они использовали колесный транспорт, слонов, волов. Они изготавливали печати и имели свою собственную письменность. Они торговали практически со всем «цивилизованным» миром той эпохи. И есть все основания полагать, что именно корабли хараппцев ходили на Бахрейн-Дильмун, в Месопотамию (сами шумеры плавали по Евфрату, Тигру и Персидскому заливу (Горькая река), но не дальше островов Бабуяна (остров Буян) и Дильмуна). Именно из пред-Хараппы и Хараппы попали в Шумер многие технические достижения и незначительный дравидийский этноязыковый элемент. Европеоиды-дравиды из долин Инда (гибридные русы-бореалы) стали одной из малых этносоставляющих шумерского этноса.

Хараппцы исповедовали культ воды и чистоты, во всех городах и селениях имелись бани. Культ воды и священных омо-

вений с тех пор сохранился в Индии до наших дней. Но исходил он из традиций русов, для которых источники, вода и рощи были святы, ибо в них жила ипостась Рода, его «святой дух». Для примера можно сравнить отсутствие «культа воды, омовений и бань» у монголов, которые не мылись никогда, католиков-«европейцев» Средневековой Европы (имевших огромную негроидную средиземноморскую примесь), которые мылись два раза в жизни, и «культ омовений» у хараппцев, этрусков, римлян, русов-новгородцев с их повсеместными банями.

Развитое свиноводство еще раз подтверждало, что население было индоевропейским. Русы-индоевропейцы еще в глубокой древности овладели секретами приготовления и безвредного употребления свинины, что было недоступно протосемитским и большинству негроидных предэтносов (почему таковые объявили на свинину запрет). Крупный рогатый скот (быки, коровы, зебу) в те времена также разводили только русы-бореалы и русы-индоевропейцы. Племена предэтносов пасли коз и овец или были собирателями и охотниками. Русы-хараппцы занимались селекцией скота, улучшением породы и созданием племенных стад.

Историки-«библеисты» объявили язык хараппцев неизвестным, не поддающимся расшифровке. Однако индийские ученые, которые глубже и основательней знакомы с проблемой и ее этническими аспектами, утверждают, что хараппцы говорили на архаическом санскрите. Это полностью совпадает с нашими выводами, ибо санскрит — один из ранних индоевропейских языков, базировавшихся на языке суперэтноса (а на каком еще языке могли говорить носители индоевропейской культуры микролитов и свастик?!) В этом архаическом санскрите были корни как раннего праиндоевропейского языка, так и корни бореального праязыка, который русы-бореалы принесли на Индостан в XXX — XX тыс. до н.э.

На хараппских печатях с рогатым Велесом-Брахмой из головы этого божества растет Мировое Древо (оно и уходит корнями в «загробный мир»). А это трехчленное и четырехстороннее деление во всем, антитеза «белое-черное», «добрый-злой» и т.д. Индоевропейское мировоззрение могли иметь только индоевропейцы.

В Чанху-Даро найдены захоронения с «мертвой головой», черепом предка. Это известный культ русов, культ «доброго домового», «доброго духа», охраняющего жилье. Фигурка волх-

ва из Мохенджо-Даро была выкрашена в сакральный красный цвет русов. И волосы и борода у этого волхва прямые, без малейших признаков негроидности (курчавости, волнистости). Долины Инда были защищены от нашествий или просачиваний негроидно-веддоидных предэтносов высокими горными хребтами. Так что основная угроза русам-бореалам, русам-индоевропейцам и гибридным русам-дравидам-европеоидам исходила исключительно из окружающего их этнококона реликтовых и гибридных предэтносов, находившихся на первобытной стадии развития.

Хараппская цивилизация русов Инда существовала с XXIX по XIX в. до н.э. «Библеисты»-семитологи весьма тщательно искали в Индии и Пакистане «следы уничтожения» Хараппской цивилизации пришлыми «индоарийскими» переселенцами-«варварами», все сокрушающими на своем пути. Тщетно. Ни малейших следов опустошения, набегов, войн в долине Инда конца III — нач. II тыс. до н.э. нет. **Арии приходили волнами на протяжении многих тысячелетий, приходили как созидающая и объединяющая сила.** Непредвзятые исследователи-археологи, и прежде всего индийские и пакистанские, утверждают, что великая цивилизация прекратила свое существование в результате разложения общества, утраты сильной государственной централизованной власти, разложения властей и блюстителей порядка на местах, ослабления дисциплины и утери страха перед богами... Характерный процесс деградации изнутри. На смену крупным государственным учреждениям в Хараппе начала II тыс. до н.э. пришли мелочные торговцы, мздоимцы, казнокрады...

В Хараппе и Мохенджо-Даро нарушилась нормальная городская жизнь, которая прежде строго регламентировалась. Ослабел надзор. «На главных улицах появились гончарные печи, а вдоль дорог наспех выстроенные лавки, на развалинах заброшенных городских зданий выросли крошечные домишки...» (ИЗА, с. 168).

Великую цивилизацию погубила ее открытость. Мигранты из этнококона (гибридных предэтносов) свободно вливались в нее на протяжении веков. В результате число «торгующих и потребляющих» праздных обитателей превысило число производящих, варвары-дикари, не признающие цивилизованность, порядок, жрецов и богов Хараппы, заполонили ее, проникли в управленческие структуры...Итоги подобных процессов, ког-

да в структуры цивилизованного однородного государства проникает пришлый, организованный в первобытные «кланы-семьи» элемент, «чужаки», всегда одни — кражи, воровство, взяточничество, разрушение устоев, традиций, производства, морали... и закономерный крах цивилизации. Хараппа, не сумевшая себя защитить от внедряющихся в нее чужаков, несущих хаос и разлад, просуществовала всего одно тысячелетие и погибла, разрушенная изнутри.

Но не погибли носители культуры и традиций суперэтноса русов. Они сохранили знания, мировоззрение, мифологию, навыки, чтобы передать их последующим поколениям. Индоарии XVII—XIV вв. до н.э. (арийцы-скифы на конях и колесницах), покинувшие русские степи в Северном Причерноморье и ушедшие по следам предков на Индостан, пришли отнюдь не на пустое место.

Классические поздние русы-индоарии никогда не причисляли своих современников потомков русов-хараппцев к дасу, «неприкасаемым», «демонам» и т.д. Они точно знали, что это их братья и сестры, что это «благородные». Но различия были. Смешавшиеся с аборигенами русы-хараппцы были смуглокожими. И потому русы-арийцы II тыс. до н.э. называли себя «светлыми ариями», а потомков хараппцев «темными ариями».

Хараппцы-праарии как нация просуществовали весьма недолго, но они заложили основы индийской цивилизации в широком смысле. Их же основой было этнокультурно-языковое ядро суперэтноса русов. И потому мы имеем полное право считать хараппцев одним их великих этносов древности, вычленившимся в середине III тыс. до н.э. из суперэтноса русов, заметной и плодоносной сыновней ветвью на могучем и древнем этнодреве русов.

Русы Средней Азии

На базе Шейтунской (Джейтунской) культуры русов-бореалов и русов-индоевропейцев VI—V тыс. до н.э., состоявшей из небольших поселков и святилищ, к IV тыс. до н.э. в Средней Азии появляется несколько крупных городищ. Это Алтын-депе, Геоксюр, Намазга... Они занимают по 10—15 гектаров, а площадь Алтын-депе превышает 25 гектаров. Само Алтынское городище было обнесено стеной из сырцового кирпича с бастионами. Как и в Геоксюре, вокруг крупного городища было несколь-

ко мелких поселений — это уже не полис, а княжества, так как подчиненность поселений центру («стольному граду») в данной обстановке более чем очевидна.

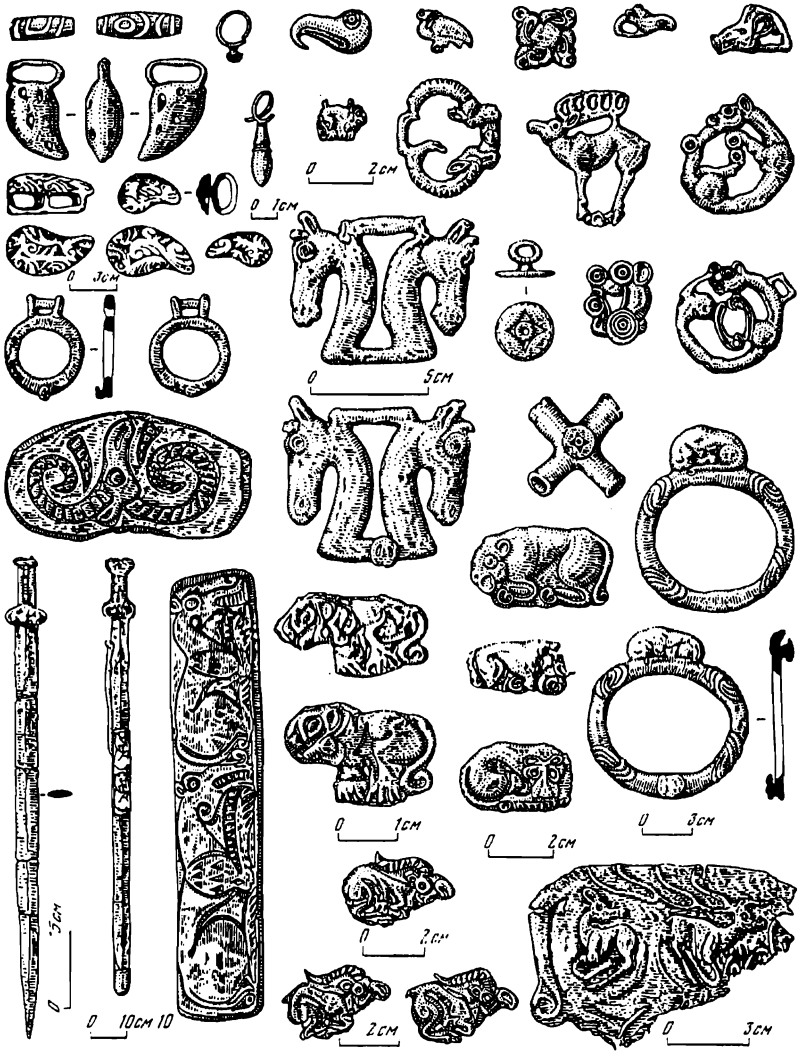
К IV тыс. до н.э. погребения делились на богатые и бедные. Но княжеских курганных могильников со всей атрибутикой князей-русов мы пока не встречаем. Хотя в захоронениях нашли теракотовые фигурки воинов в шлемах, что говорит о наличии дружинно-княжеского культа. Да и характер оборонительных сооружений (еще не замки-крепости троянского типа, но уже укрепленные городища) говорит о том, что русы Северного Причерноморья и Предкавказья (русы-катакомбники) внесли свою лепту в традиции местных родов суперэтноса. Лепта иных родов, в частности индостанских (печати со свастиками, писцовые палочки из слоновой кости и прочий инвентарь), подтверждает, что связи с южными родами русов поддерживались постоянно.

Для русов-среднеазиатов, русов-шейтунцев и постшейтунцев характерны фигурки сидящей Лады-Роды, иногда с налепленными косами. В этих фигурках отчетливо видно смешение канона (массивные мезолитические Лады) и неоканона (стройные неоэнеолитические Лады-Роды). Керамика украшена отчетливыми крестами, крестовыми и свастичными узорами. В городище Саппали (Аму-Дарья) наряду с прочими характерными изделиями быта русов в крепости площадью десять тысяч квадратных метров были найдены печати с соколом-рарогом, это несомненный и очевидный княжеский знак русов.

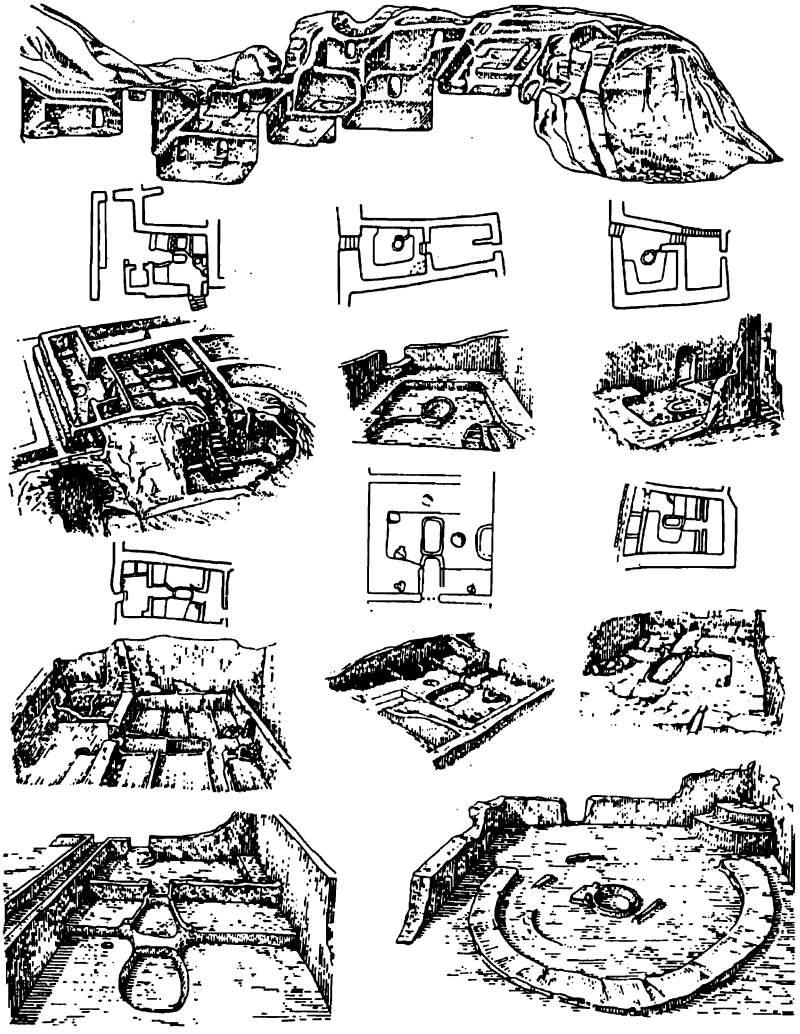
Традиции суперэтноса соблюдаются, в этом нет ничего удивительного, русы Намазги, Алтына, Геоксюра, Кара-депе, Саппали, Анау — прямые потомки русов-шейтунцев и пришлых русов-индоевропейцев нескольких последовательных волн-выселков. Наш вывод подтверждает и микролитический инвентарь (большей частью уже не инструментарный, а сакрально-ритуальный).

Монголоидного элемента в Средней Азии той эпохи практически не ощущалось. Население было европеоидным, с переходом из бореальной стадии в индоевропейскую — по мере прибытия все новых родов-выселков из южнорусских степей. Даже раннеуральские этносы (прототюрки) к IV тыс. до н.э. еще не добрались до этих мест, не привнесли и самой малой монголоидности.

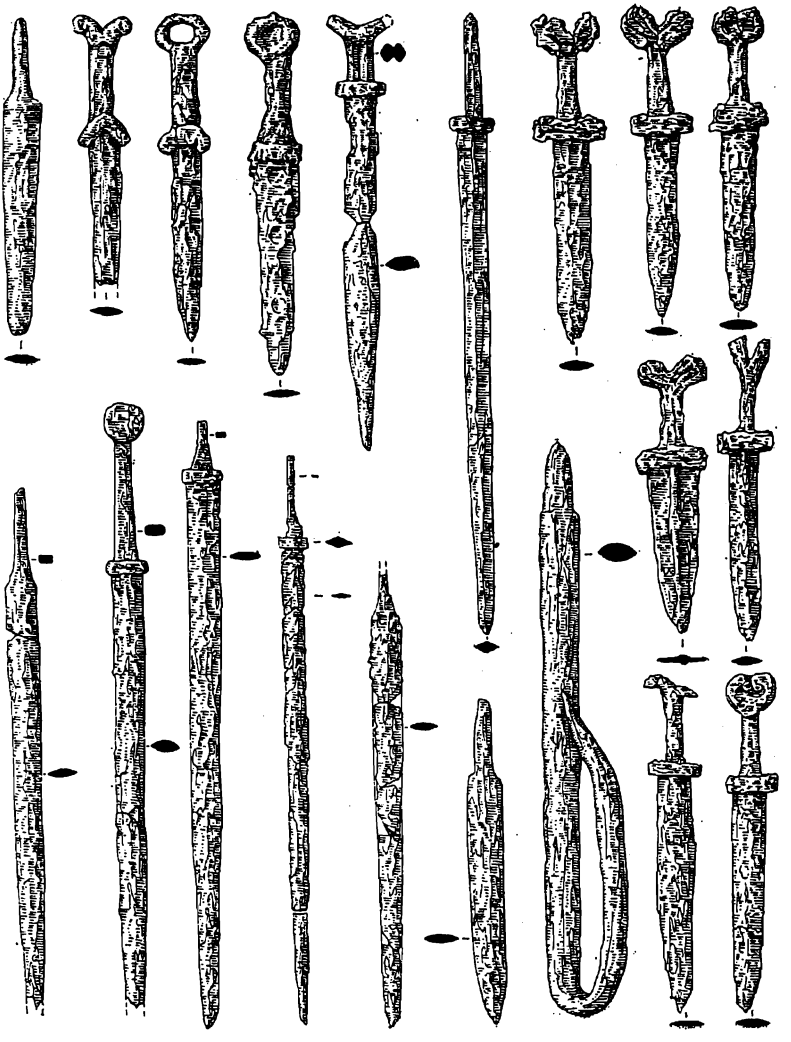
В III тыс. до н.э. в регионе (Южная Туркмения) остается только два крупных городища-княжества: Алтын-депе и На-



Южный Тагискен и плато Уйгарак. Вещи из захоронений. Ранние саки Приаралья



Джетыасарская культура. Городище скифов Джеты-асар. Саки Приаралья



Кочевники Среднеазиатского междуречья. Мечи и кинжалы

Кочевники Среднеазиатского междуречья. Предметы туалета, культа, украшения

мазга. Причем если Намазга остается городом в полном смысле этого слова, с кварталами ремесленников, земледельцев, воинов, знати, жрецов-волхвов, торговцев, то Алтын-депе превращается в храмовый город, где храм-святилище, культовый квартал и терема князя-жреца занимают весь центр. В этот город, вне сомнений, стекалось множество русов-паломников со всей Средней Азии, и не одни они... Не только земледельческие традиции русов Алтына и Намазги были родственны традициям месопотамских русов и шумеров (гибридные русы, на последних стадиях самостоятельный этнос), но и знаменитое Алтынское ступенчатое святилище было очень близко по канонам построения храмам-зиккуратам Шумера (Су-Мира — ВсеМира).

В начале II тыс. до н.э. Алтын-депе и Намазга приходят в запустение. Археологи считают, что население этих городов постепенно переходит в дельту Мургаба и прослеживается позже в Маргиане и Бактрии. Есть предположение (В.И. Щербаков), что часть среднеазиатских родов (а это и есть Шейтунская культура близ Ашхабада-Асгарда) переселяется в Скандинавию. Такое переселение могло быть раньше, в III тыс. до н.э. (с учетом времени пути). Русы-шейтунцы вполне могли дойти до Скандинавии и положить начало русам-скандинавам и отчасти русо-«скандинавской» мифологии*. Но только совместно с родами русов-катакомбников и, шире, русов ярко выраженного дружинно-княжеского культа, то есть русов-индоевропейцев южнорусских степей Северного Причерноморья. А данное смешение очевидно. Недаром сами русы-скандинавы вспоминали, что их предки, ведомые Одином, прошли через Великую Свитьод (Скифию).

Уход русов из обжитых городов Средней Азии был связан с приходом южных племен (археологи связывают его с полунегроидным населением Южной Индии). Пришельцы приносят новую «археологическую культуру». Как мы видим, и здесь начинает ощущаться натиск с юга: гибридные предэтносы, увеличиваясь численно, движимые голодом, постепенно внедряются в области цивилизации среднеазиатских родов русов.

---

* Скандинавская мифология при всем ее романтизме требует жесточайшего анализа, потому что значительная часть ее персонажей и сюжетов были вымышлены или олитературены до парадокса немецкими и скандинавскими историками-романтиками и писателями (то, что сейчас делается с «русской мифологией» в сочинениях нынешних «мифологов»).

Среднеазиатские русы своими родами-выселками вливаются в общие миграционные потоки русов-индоевропейцев. И потому их следы присутствуют и в Скандинавии, и в долинах Инда.

«Великое арийское вторжение». Индоарии — русы-индоевропейцы последней волны

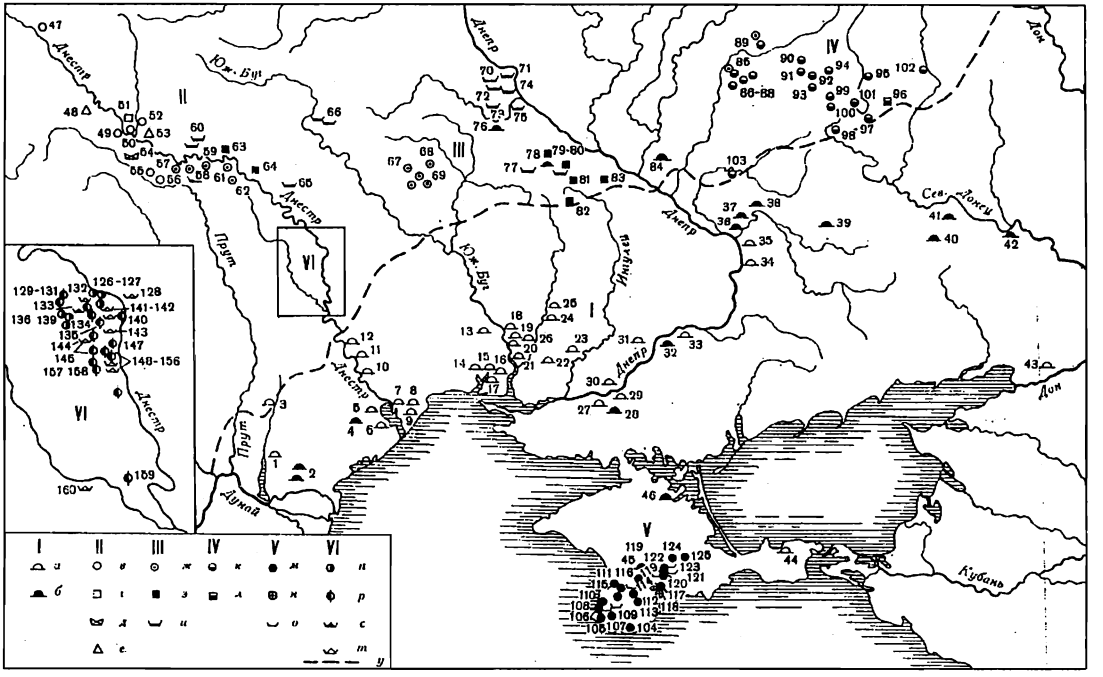
«Арийская проблема» будоражит умы человечества не первое столетие. Германский научный мир, взлелеянный эпохой романтизма, после открытия общности языков индоевропейской языковой макросемьи тут же объявил исходных ариев «германскими арийцами», саму общность «индогерманской» и принялся сочинять историю про необычайно воинственных и невероятно склонных к порядку «белокурых бестиях», которые на своих быстрых колесницах, в рогатых шлемах и с боевыми топорами в руках бесстрашно и лихо завоевывали страну за страной, народ за народом и повсюду несли культуру, государственность, цивилизацию и свой «новый порядок». Немецкую науку в XIX—XX вв. уважали по всему миру, и потому история про германских «бестий и культуртрегеров» повсеместно воспринималась «на ура» и тут же заносилась в учебники, справочники, энциклопедии.

Надо сказать, что у немецких ученых-«романтиков» и их коллег, немецких поэтов, композиторов и литераторов-романтиков, по части написания «германской истории» уже был к тому времени немалый опыт. Именно в эпоху запоздалого «немецкого романтизма» почему-то сразу вдруг в Германии и странах ее влияния начали одна за другой обнаруживаться «хроники», «саги», «эдды», «оды», целые тома «древних германских мифологий» обширного и недюжинного «германского племени». Одновременно и чуть позже писались оперы, романы и поэмы о «зигфридах» и «кольцах нибелунгов», а по всему Рейну «восстанавливались» очень-очень «древние замки»... Открытие «индогерманских белокурых арийцев» оказалось весьма кстати, чтобы переписать историю в очередной раз в интересах очередной усилившейся на момент написания национальной группы. Делали свое дело немцы, как всегда, пунктуально и основательно, сомневаться в их «культуртрегерстве» и глобальной цивилизующей роли «белокурых арийцев» считалось дурным тоном. В подражание немецким поэтам-романтикам уже и

русские, и английские, и норвежские, и австрийские (славяне), и чешские сочинители принялись сочинять толстенные «готические» романы и баллады про «германских благородных рыцарей», про «замки» на Рейне (фактически новоделы), про «походы в Индию, Персию» и дальше... В общем, очередной фальшивый и огромный как тысячи аэростатов, дутый образ был создан и запущен в свет. И принят на веру абсолютно и полностью. В том числе и восторженной российской (позже советской) интеллигенцией, всегда питавшей к западу, в частности к Германии, тайную и неразделенную любовь. Все окончательно уверовали в «немецких арийцев германской нации». Окончательно и бесповоротно.

Потом пришел Гитлер и со своими «гималаями», «третьим глазом», перетолкованной Блаватской, концлагерями для славян, ошалелым оккультизмом и попыткой продолжения «арийского завоевания неисторических народов белокурыми бестиями» (по Марксу) довел все до полнейшего абсурда. Гитлер проиграл свой «культуртрегерский индогерманский поход» на «неразумных словен» и далее на Индостан. И этим не преминули воспользоваться заинтересованные круги. Все повернулось на сто восемьдесят градусов, и теперь «фашиствующими недобитками», нацистскими преступниками и расистами объявили не только Гитлера, его соратников-приспешников, эсэсовцев-гестаповцев, солдат-фельдмаршалов, но заодно и чуть ли не самих древних «арийцев» вместе с теми, кто их изучал, кто о них писал (и даже сочинял оперы — пример с Вагнером, чьи оперы запрещены к исполнению в Израиле; Израиль настаивает, чтобы его поддержали и другие страны, но пока к нему по части гонений на «нациствующего» Вагнера и прочих «арийских» ведьм присоединились только США и Англия). Ситуация изменилась.

Историки тут же перестроились, перестали писать об «арийцах» (индоевропейцах) или же стали писать о них между делом и в негативно-ироническом ключе. Проще говоря, в научных и популярных трудах «мудрые и древние семиты» стали еще мудрее и древнее, а арии-индоевропейцы превратились в полных дикарей, разрушающих культурные «цивилизации древности», созданные семитами и «исчезнувшими древними народами». Сами понятия «исчезнувший народ» или, скажем, «доиндоевропейский субстрат», «доиндоевропейцы» стали чрезвычайно удобной разменно-козырной картой в руках историков упомя-



Основные памятники предскифского периода в Восточной Европе.
Судя по огромному количеству городищ и могильников, Северное Причерноморье во 2—1 тыс. до н.э. было столь густо заселено русами-индоевропейцами, что все новые и новые выселки по всем направлениям были не только закономерны, но и неизбежны

нутых школ: если где-то (помимо отведенных «резерваций» от Дуная до Днепра) вдруг четко проступали следы славян-протославян-русов, «романо-германист», «библеист» вкупе с послевоенными «германо-библеистами» тут же ставили жирный штамп-клише «доиндоевропейцы», «исчезнувший народ» — и «научные дискуссии» немедленно прекращались, оспаривать приговор было бессмысленно. Параллельно создавалась новая терминологическая база, упрочалось содружество «библеистов» и «германистов», завершался передел между ними «исторического мира».

Потом «ариями-арийцами» стали называть почему-то (видно, чтобы окончательно добить «национал-реваншистов») только индоиранцев. Появились следующие перлы: «Таким образом, к собственно арийским народам могут быть причислены только древние иранцы и индийцы, а к арийским языкам — иранские и индийские»*. То есть в арийском (индоевропейском) происхождении уже отказывалось не только немцам, но и кельтам, романцам, грекам, славянам... Свастика, символ добра и благополучия индоевропейцев (сотен миллионов людей), была объявлена вне закона, а рассуждать на «арийские» темы стало делом опасным...

Потом, когда «германо-фашистская угроза реваншизма» канула в прошлое и главным врагом «цивилизованного мира» вновь стала Россия (СССР), вожжи «индогерманского белокурого арийства» приотпустили — и все смешалось в доме историков романо-германской школы (в т.ч. их советских последователей 60—90 гг. XX века). Индоевропейцы стали частично реабилитированным народом. А их потомков поделили на «чистых» и «нечистых» (при всем кристально-демократическом западном образе мысли). В «чистые» попали немцы, шведы, датчане, англичане, французы, испанцы... то есть германцы и романцы; в «нечистые», разумеется, славяне, и в первую очередь русские... В таком делении, как и обычно, «цивилизованный запад» поддержала и «отечественная историческая школа» с ее неразделенной любовью.

Почему мы даем столь пространное вступление к теме? Потому что без этого вступления разобраться в том, что написано в научной и популярной литературе про древних индоевропей-

---

* *Бонгард-Левин Г., Ильин Г.* Индия в древности. М., 1985, с. 130 — и тысячи подобных опусов, включая учебные и справочные.

цев мало- (или средне-) сведущему человеку абсолютно невозможно, а принимать написанное за правду более чем наивно.

Например, в упомянутом труде Г. Бонгард-Левина «Индия в древности» после цитаты о том, что, дескать, «к арийским народам могут быть причислены только древние иранцы и индийцы», через два абзаца уже говорится, что «арийскими по происхождению являются имена митаннийских правителей», и там же про большой пласт арийских слов у хеттов, у аккадцев, там же арийскими называются митаннийские боги... и так далее, и тому подобное, и уже возникает мысль, что задача авторов не разложить все по полочкам, а окончательно запутать читателя терминологической (шаманской) путаницей. А ведь все достаточно просто и понятно.

Индоевропейцы — это **искусственный научный термин**, созданный кабинетными учеными-лингвистами и принятый на вооружение историками и этнологами. Термин хороший, удачный; по смысловому значению — географический, определяющий области расселения различных групп древних индоевропейцев (или праиндоевропейцев).

Арийцы (арии) — это **самоназвание** того **праэтноса**, который научный мир условно называет древними индоевропейцами (праиндоевропейцами). Арийцы (арии) — этноним, название народа, этнический термин.

Оба приведенных термина (арийцы-арии и индоевропейцы-праиндоевропейцы) обозначают один и тот же праэтнос, который в своем расчленении породил сначала языковые группы-общности (кельты, романцы, германцы, индоиранцы, славяне...), а затем и народы (русские, немцы, индусы, шведы...).

Это превосходно знают Бонгард-Левин и тысячи ему подобных «исследователей» индоевропейских древностей. Тем не менее... какой-то незримый «интернациональный» цензор милостиво дозволяет называться арийцами (ариями) только иранцам и индусам, да и то лишь древним. А русским, балтам, полякам, шведам, венедам-вандалам, готам, пруссам и т.д. с их сплошь арийскими исходными именами и значительно большим «арийским лексическим пластом», чем у митаннийцев и аккадцев, запрещает называться арийцами-ариями. Это столь же вненаучно и нелепо, как если бы мы запретили арабам и евреям называться семитами, оставив это право только за древними амореями и арамеями.

Но не будем много времени уделять официозной политической «индоевропеистике», умело направляемой умелыми «ис-

следователями», в нужное русло в соответствии с «духом эпохи» и «общечеловеческими стандартами» прогрессирующего глобализма. Придворные хроники пишутся и теперь. Они просто стали древнее и глобальнее. А их составители еще беспринципней.

Это был только пример того, что далеко не все, публикуемое в «научной печати» есть постулаты реальной, подлинной истории.

Но это не значит, что каких-то исходных основ нет вообще. Они есть. И они в том, что предки всех индоевропейских народов — это индоевропейцы (праиндоевропейцы или ранние индоевропейцы), они же арийцы-арии. И еще в том, что индоевропейцы-арии имели свою прародину, свой язык, своих богов, а, следовательно, свою мифологию и свои традиции. И еще в том, что делить индоевропейцев-ариев и их потомков на «чистых» и «нечистых», на «арийцев» и «неарийцев» никому не дано права — это и есть натуральный фашизм, расизм, ксенофобия и нацизм.

А теперь поговорим об индоевропейцах-ариях, которые в течение тысячелетий уходили на полуостров Индостан. Нам известно, что проторусы-кроманьонцы и прарусы-бореалы хорошо знали дорогу к Инду и Гангу, тысячелетиями жили там, обрабатывали землю, создавали цивилизации. И потому говорить о том, что некие внезапно появившиеся индоиранцы («индогерманцы») вдруг огромной ордой на колесницах нагрянули в середине II тыс. до н.э. в Индию (теперь это земли Пакистана), просто не научно. Большинство историков уже не верит в грандиозное единовременное военное вторжение завоевателей-покорителей. Такого «вторжения» не было. Если и было, то только в романах.

В действительности мы должны связывать не прекращающуюся на протяжении нескольких тысячелетий миграцию русов-индоевропейцев в Северную Индию с процессом длительного распада этнокультурно-языкового ядра русов Средней Азии и соответствующего ядра русов Сибири (Урала и Южной Сибири) — с регулярным отселением родов-выселков на юг (в данном случае). Одновременно с этим процессом распада двух больших этнокультурно-языковых ядер суперэтноса русов происходили еще два не менее значительных метапроцесса: а) образование на огромном пространстве лесостепной зоны от Северного Каспия до Алтая и Саян обширного протоскифосибирского мира (восточных индоа-

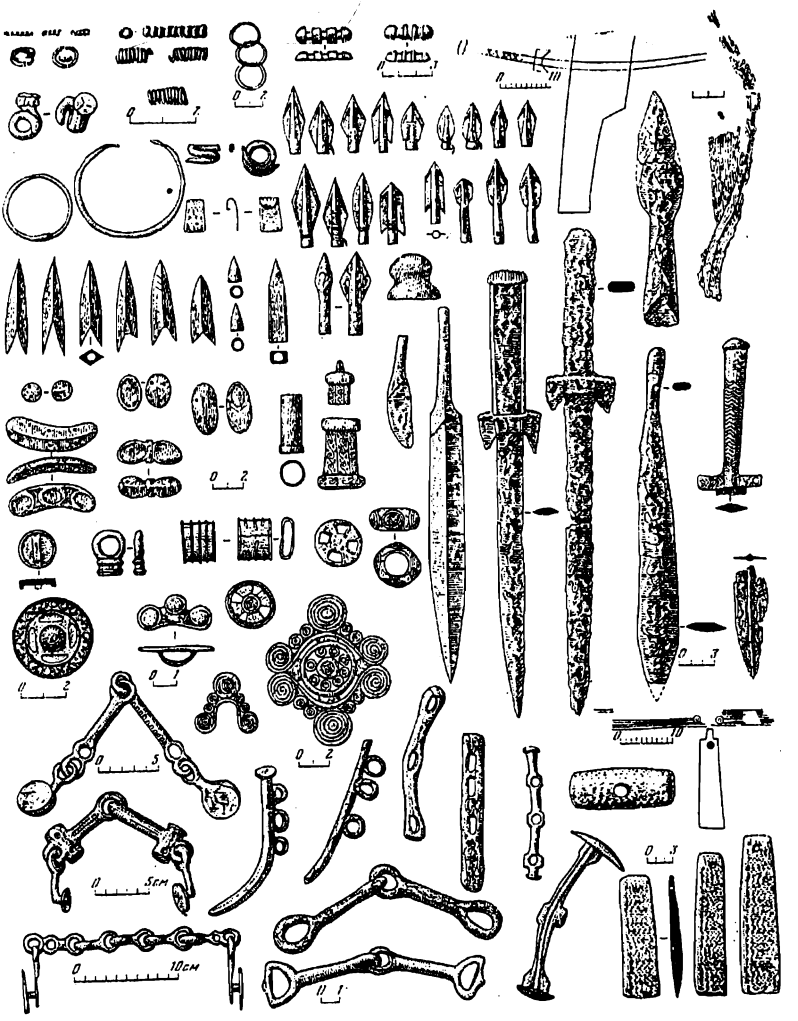
риев); б) образование в Северном Причерноморье в юго-восточной зоне распадающегося Большого (европейского) этнокультурно-языкового ядра суперэтноса русов так называемой вторичной прародины индоевропейцев. Последних правильней называть поздними праиндоевропейцами, а сам процесс формирования данной общности и ее распада-расселения — завершающей фазой этногенеза русов-индоевропейцев.

Именно о такой картине миграции на Индостан мы можем говорить с полной уверенностью по той причине, что реконструкция традиций, языка, культуры русов-индоариев Индостана выявляет совокупность характерных признаков русов-индоевропейцев всех трех упомянутых этноязыковых зон.

И это еще раз говорит о том, что не было единого «великого переселения» из какой-то одной области, не было бесконечной вереницы повозок, сотен и тысяч колесниц, многотысячных стад, перегоняемых с севера на юг... А было множество малых переселений отдельных родов-выселков, которые шли по проторенным предками дорогам на «теплый, благодатный юг» — шли с Северного Кавказа и Северного Причерноморья, из Прикаспия, Средней Азии, с Иранского нагорья, с Южного Урала, предгорий Алтая и Саян... Последняя, наиболее плотная волна переселенцев пришла из Причерноморья и с Иранского нагорья, где одна часть русов-индоевропейцев осела, а другая пошла дальше.

Русы последней индоарийской волны не сокрушали созданной их предками-русами великой Хараппской державы Инда. Та распалась на несколько веков раньше в результате многовековой массовой инфильтрации в цивилизацию Хараппы внешних носителей «непроизводящего способа хозяйствования».

Русы-индоевропейцы последних волн приходили на земли, освоенные (и где-то уже запущенные) их предками-русами. Вливались в существующие роды-общины или заново расчищали землю, распахивали ее под поля-пашни. Русы-индоарии не были кочевниками-номадами. Они перекочевывали с места на место только тогда, когда на прежнем месте земли истощались и не хватало пастбищ для крупного рогатого скота. И то, как правило, переселялся не весь род, а род-выселок, то есть отделяющаяся молодежь рода с выделенным ей хозяйством. Если проводить какие-то параллели, то русы-индоевропейцы той эпохи были вовсе не «бестиями с топорами на колесницах», а, скорее, «казачеством», с его умением сегодня пахать землю, сеять, уби-



Вещи из погребений предскифского времени в Северном Причерноморье

рать, откармливать и разводить скотину, а назавтра собраться по зову князя-воеводы в войско-дружину, дать отпор любому врагу, а если понадобится, пробить себе дорогу в любом нужном направлении в любой земле и любой среде. Вот этими своими признаками русы-индоевропейцы весьма выгодно отличались от, скажем, русских крестьян XVII—XX вв. н.э. Самодостаточность во всем, всегда и повсюду. И отсюда полное самоопределение — где жить, где сеять, где пасти скот. Причем без присутствия явной и целенаправленной агрессивности. В XVI—XVII в. н.э. именно русские казаки, имевшие неутраченное мировоззрение и менталитет русов-индоевропейцев, в считанные десятилетия (повторяя достижения предков) прошли и покорили всю Сибирь и Дальний Восток. Причем не лихими налетчиками-«бестиями», а основательно, надолго, навсегда — закладывая заставы, городища-остроги, распахивая вокруг земли, разводя скот, обзаводясь семьями, оседая с полным сознанием, что оседают на своей земле.

Русские казаки в Сибири и на Дальнем Востоке зачастую попадали в среду реликтовых племен первобытных собирателей, охотников, пастухов, а также пришлых монголоидных насельников-кочевников, которые по-своему использовали реликтовые племена, собирая с них дань. С первобытными племенами казаки уживались мирно, не обижая их, а пришельцев-насельников время от времени ставили на место, давая понять, что в «чужой монастырь со своим уставом не ходят». Все эти местечковые «ханства» и пришлые недобитые «орды» никогда не были в Сибири коренными и «государствообразующими». К слову сказать, при нынешнем разгуле псевдодемократии и местечкового национал-шовинизма, любовь к «малым народам» порой доводится до полнейшего абсурда и откровенного расизма. Примером тому, скажем, переименование по всей Якутии коренных русских сел, деревень и поселков в наслеги и улусы. Иван Петров из Семеновского улуса... Золотая Орда! Иго татаро-монгольское! Бред несуразный! Впрочем, и всю нынешнюю Россию можно сравнить с Шумером, Хараппой, Вавилоном, Ассуром, Византией периода необратимой деградации и гибели. Но это особая тема.

А что касается русов-индоариев, скифов от Северного Причерноморья до Алтая, Саян и Индостана, то их без всякого преувеличения можно назвать «казачеством» II тыс. до н.э. Как известно, казачество достаточно неохотно принимало в свои

ряды людей пришлых, незнакомых. И это было закономерно. Пришлый кочевник-степняк или дикий горец-джигит могли оказаться неплохими воинами, но заставить их пахать землю было невозможно, они не обладали даже элементарной склонностью к созидательному труду. Беглый крестьянин из Центральной России, веками сидевший на своем наделе, отвыкший от меча, сабли, пики-копья, мог быть отличным земледельцем, но проблематичным воином. Своих знали из поколения в поколение, своим доверяли, вместе охраняли свою землю, скот, свои семьи, вместе шли на смерть. В этом причина определенной замкнутости, кастовости.

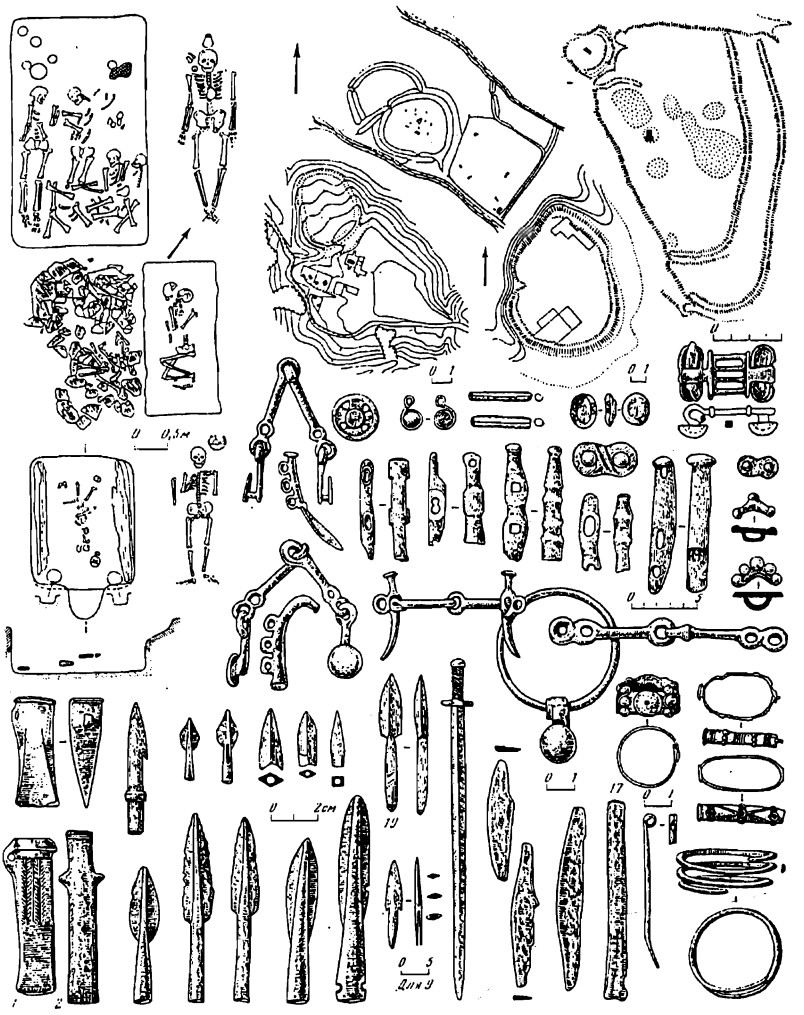
В этом причина кастовости русов-индоариев, приходящих на Инд и Ганг. Из века в век они видели, что заставить темнокожих туземцев обрабатывать землю или защищать род с оружием в руках непросто. Опора могла быть только на свои силы, доверие могло быть только к своим.

Подавляющее большинство местного населения (гибридные предэтносы и этнококон, окружавший этнокультурно-языковое ядро русов Инда) было достаточно инертно. Климат, природа и генетика располагали к этому. Опыт предков-пращуров по части выживания и образовавшийся слой гибридного населения диктовали, что без строгой организации выжить и сохранить свои языковые и этнические признаки невозможно.

Наиболее организованные и воинственные образования туземцев, как правило, возглавляемые мелкими родами-ордами пришельцев, были подавлены и разгромлены (тому свидетельством описания сражений и битв в индийском эпосе). Но, разумеется, никаких «великих сражений» не было и быть не могло. Литература и история не всегда совпадают — подлинная история не знает таких приемов, как «гипербола» и «метафора». Описания «вселенских битв» есть эпос, то есть героико-романтическое восприятие неких реальных событий прошлого, возведеных в «народной памяти» стараниями «боянов-аэдов-скальдов» до поэтического максимума. И поэтому заниматься тем, чем занимается подавляющее большинство историков, то есть толкованием литературных произведений, мы не будем. Даже таких шедевров мировой литературы, как Махабхарата и Рамаяна. Серьезный исследователь берет для анализа из произведений ономастику, топонимику, теонимику и саму сюжетную линию. Но не описания, перечисления, красивости, сравнения, численность и т.п.

Теонимика, ономастика, топонимика в древнеиндийском эпосе (на санскрите) вполне и однозначно индоевропейская. Сюжеты лежат в рамках традиционной мифологии русов-индоевропейцев. В Рамаяне, скажем, похищение жены царевича Рамы, прекрасной Ситы и, как следствие, поход войска в страну похитителей. И в «Илиаде» — похищение прекрасной Елены и соответствующий поход. Сюжет в традиции суперэтноса русов чрезвычайно древний, уходящий в глубь тысячелетий далеко за границы образования индоевропейской общности. Как мы помним, еще роды проторусов и прарусов-бореалов были окружены неандерталоидным и гибридным этнококоном, то есть иноэтническими и смешанными племенами темнокожих и «зверовидных» неандерталоидов-архантропов. Именно они и стали в легендах, мифах, эпосе проторусов-прарусов-русов «темными, злобными, вредоносными силами» (демонами-ракшасами в Рамаяне). Именно они регулярно похищали «прекрасных» светлокожих, светловолосых, светлоглазых женщин из родов суперэтноса от Иберии и до Индостана. Именно умыкание женщин было самым большим злом для русов. Сказки о змеях-горынычах и драконах, похищающих прекрасных царевен и принцесс, есть развитие этого общеиндоевропейского сюжета. Но для похищающих, для неандерталоидов данные похищения были абсолютным благом — с каждой похищенной «прекрасной Ситой-Еленой» они улучшали свой генофонд, они приобретали все больше признаков Хомо сапиенс сапиенс — светлели, обретали способность говорить («удлиненную глотку») и вообще навыки речи, они обретали часть традиций суперэтноса, приобщались к цивилизации и культуре.

Проторусы-«кроманьонцы» и русы-индоевропейцы не всегда оставляли похищения своих женщин безнаказанными. Они совершали походы в земли похитителей-«демонов». И иногда оставались там. Примерно так и происходит в Рамаяне, где царевич Рама со своим войском и союзным войском «обезьян» во главе с Хануманом совершает поход в «царство демонов Раваны». Здесь, вне всяких сомнений, под «демонами» подразумеваются дикие дравидийские и веддоидные племена юга Индостана, ведущие первобытный образ жизни собирателей-охотников-похитителей. Еще в «Ригведе» ракшасы-демоны упоминаются как обитатели лесов (позже джунглей), нападающие на ариев, всячески вредящие им, занимающиеся людоедством, оскверняющие святыни, оборотни, враги волхвов-брахманов... Это вполне



Городища, погребения и вещи Чернолесской культуры предскифского времени

объяснимо. «В древнеиндийской литературе в образе ракшасов отразились черты аборигенов, с племенами которых арии вели борьбу во время продвижения на восток и юг Индии» (Индуизм. Словарь. М., 1996, с. 353). С «демонами»-неандерталоидами все ясно.

А кто «обезьяны»-союзники? Сами русы, арии-индоевропейцы не считают «союзников» равными или полностью родственными себе, несмотря на всю их «хитроумность» и сообразительность. Но вместе с тем «обезьяны» не дикари, не неандерталоидные дравиды и веддоиды. Историк, исследующий тему в рамках схемы: однородное местное население плюс переселившиеся разом «индоиранские» арии, никогда внятно не ответит на данный вопрос. Для нас же, знающих, что долины Инда и Ганга на протяжении тысячелетий заселялись русами, что этнокультурно-языковое ядро суперэтноса Индостана еще с XXV—XV тыс. до н.э. было окружено этнококоном, ответ прост. «Обезьяны» древнеиндийского эпоса — это гибридные предэтносы, образовавшиеся в этнококоне суперэтноса в результате смешения предыдущих родов-выселков русов-бореалов и ранних русов-индоевропейцев с местным неандерталоидным этноэлементом. С учетом доминантности неандерталоидных генов мы можем говорить о том, что гибридные русо-дравиды были несомненными европеоидами. Но при этом они имели меньший рост в сравнении с русами-ариями, более искривленный костяк, смуглую (но не черную) кожу, темные, карие глаза, черные волосы. Такой облик давал основание русам (как местным потомкам бореалов, так и приходящим ариям) называть гибридное население «обезьянами». Почему европеоидные дравиды были союзниками русов-индоевропейцев? В отличие от «демонов»-архантропов русо-дравиды имели достаточно развитый язык, сложившийся на базе первоязыка, языка русов (другой базы просто не было, неандерталоидный этномассив вообще не знал языка, он мог пользоваться только двумя-тремя десятками простых звуков-команд). Русо-дравиды говорили на упрощенном, своеобразном, но достаточно понятном диалекте языка русов. Признаки и традиции, полученные вместе с русской составляющей, делали русо-дравидов пограничной, периферийной, но все же составной частью обширного мира русов и гибридных русов. Центростремительные силы влекли русо-дравидов к цивилизации, культуре, процветанию. Они были естественными союзниками, что, разумеется, не исключало от-

дельных мелких, локальных конфликтов, стычек, умыканий и похищений.

Система каст возникла не в Индии, а значительно раньше и повсеместно в ареалах расселения еще проторусов. Рано или поздно в любом из ареалов образовывалось ядро суперэтноса, окруженное защитным этнококоном из гибридных предэтносов. Внутри ядра-рода (или суперсоюза родов) шло естественное деление на волхвов-жрецов, воинов и земледельцев-скотоводов-ремесленников (брахманов, кшатриев и вайшья). Последнее, «вайшья», есть энглизированное «вешья, вешьи, весьи» то есть «селяне, поселяне» от слова «вешь, весь»= «село, поселок», вспомним выражение «по городам и весям». В «Ригведе» основа касты «вешья» есть понятие «vis» = «поселок, селение». Исходное слово из языка русов приобрело в Индии звучание «вешь, вишь», в России «весь», а, скажем, в Скандинавии «виц, вик» — из «vis»= «vic»; отсюда «викинги» — это первоначальное «висинки, вицинки», то есть «вики»= «вици», как «франки»= «франци, Франция»; и здесь ответ на вопрос, кто есть викинги. Они есть викинки, висинки — поселяне из поселков-виков-висов, а точнее, крепкая сельская молодежь из славяно-русских поморско-прибрежных селений, которая шла в русские города-грады на службу в княжеские дружины, а иногда и сама сбивалась в ватаги, занималась разбоем (на манер «гулевых» казаков); только это есть суть «викингов», весь прочий романтический флер про «суровых северных норманнов, лордов морей» — сплошная литературщина и сочинительство на сказки про троллей и эльфов.

Мы не случайно отклонились на север. Между воинами-кшатриями Индии и варягами-викингами гораздо больше общего, чем это себе представляет читатель и большинство профессиональных историков, специализирующихся в своих локальных областях. И одни и другие были порождением суперэтноса русов. Они зародились, существовали и развивались в рамках уклада и традиций суперэтноса.

Кастовая система индоевропейцев описана в работе Ж. Дюмезиля «Верховные боги индоевропейцев» (М., 1986) и множестве прочих исследований. Поэтому мы подробно на ней останавливаться не будем. Скажем лишь о главном. Четких граней между тремя основными группами-кастами не было. Подавляющее большинство членов рода были «весьими» людьми, то есть селянами. Из них выходили и воины-кшатрии, и волхвы-брах-

маны. Воинами-кшатриями становились юноши с тринадцати-четырнадцати лет, прошедшие инициацию. Они «служили» воинами до двадцати пяти, реже тридцати лет. Затем меньшая часть их, наиболее приспособленная к воинскому делу, оставалась в дружине десятниками, сотниками, воеводами, князьями. А основная, значительно большая часть переходила в касту земледельцев-мастеров-ремесленников (созидателей), занималась непосредственно всеми видами производительного труда, обеспечивая жизнь своих (малых) семей и рода («большой семьи»). Причем в случае необходимости молодежь-воины привлекались к сезонным работам. А зрелые мужчины-вайшью при опасности или в походах брали оружие и становились в строй.

Система каст была чрезвычайно гибкой. И этим внутренний уклад русов-ариев напоминал уклад казачьей общины. Уклады были выстроены на традициях суперэтноса русов. Казак-земледелец, бывший воин, отдавал сына в казачье войско, на службу, потом тот возвращался, становился земледельцем, но мог быть призван на службу воином-«кшатрием» в любое время. Полностью в касту вайшью он попадал в преклонном возрасте.

Профессиональных воинов-кшатриев было совсем немного. Но и те из них, кто доживал до пятидесяти-шестидесяти лет, переходили в разряд селян-веси-вайшью. Вспомним, что и римские легионеры после двадцати-тридцати лет службы получали земельные наделы, становились земледельцами, что было не зазорно, а даже почетно, давало основательность и самодостаточность.

Волхвами становились люди зрелого возраста, зачастую бывшие воины-кшатрии, нередко увечные, неспособные к тяжелому труду. Они готовили себе смену из молодежи рода. Разумеется, в первую очередь они старались научить волховским знаниям своих детей — этим порождая наследственную преемственность. Но наследственность ни в среде выборных кшатриев-князей, ни в среде волхвов не была правилом и законом. Жизнь и общество (община) сами отбирали наиболее способных и пригодных.

Все три основные касты внутри рода были взаимосвязаны и переплетены неразрывно. Это и был сам род в его жизнеобеспечении и развитии. Собственно, эти три группы внутри рода не были кастами в нашем понимании. Кастами они стали только со временем и только в иноэтнической среде, когда внутрь рода-

Саки. Кетмень-Тюбе

общины, затем государственного образования стали проникать «чужаки» извне. Вот тогда каждая каста поставила барьеры, ограждая и спасая себя от растворения в чужеродной массе и от утраты своих традиционных признаков, тем самым спасая весь род, все государство. Так случилось в Индии I тыс. до н.э. — I тыс. н.э., где касты стали основой самосохранения индоевропейской цивилизации и самих Ариев-русов. Но так не случилось в Хараппе или Шумере, где не было выраженной кастовости и, соответственно, не было защиты от инфильтрации в родобщество чужаков, что и стало причиной гибели и Шумера, и Хараппы.

Шумерские княжества и Хараппская держава нанимали в свои дружины и войска, в эту условную касту кшатриев «людей со стороны», будь то протосемиты-амореи («люди смерти») или дравиды... Результат — армии, дружины и другие воинские подразделения стали небоеспособными, они не могли защитить свои княжества и «царства». Результат оказался трагическим.

Русы-индоарии времен последних волн-выселков на Индостан подобных ошибок не повторяли. Они знали, что чужаку нельзя доверить ни власть над собой, ни свою безопасность, ни даже обеспечение рода сельхозпродуктами, то есть пропитанием. Именно так появилось понятие «шудры». Шудра никогда не мог стать волхвом-брахманом, князем-рашой (правильно именно «раша» — от слова-понятия «рус-рос-рас», то есть «светлый, господин, повелитель»; произношение на английский манер «раджа» неверное), воином-кшатрием, земледельцем-вайшья... Потому что шудра не был русом-арием, ему не было доверия.

В Индии той эпохи, да и более ранней, этнококон был столь велик, что несоблюдение самоохранения основной тройственной касты-рода от внешних гибридных русо-дравидов и дравидо-веддоидов привело бы к полнейшему смешению в течение трех-четырех поколений и к бесследному растворению русов-ариев в туземной среде. Благо, что каждая последующая волна родов-выселков с севера приходила на уже подготовленную почву с устоявшимися кастовыми традициями и четко выработанным (на сакральном уровне) отношением к шудрам. И это при том, что сами шудры, плотно окружающие роды-общины русов-индоевропейцев, не были абсолютно чуждым, чужим этноэлементом. Напротив, они были «санитарным кордоном», живым барьером между русами-индоевропейцами и уже самы-

ми настоящими «неприкасаемыми» — негроидно-неандерталоидными аборигенами юга Индостана. В дальнейшем это породило вычленение множества каст, которые существуют в Индии и поныне. Степень культурной и этнической приближенности к русам-ариям давала каждой гибридной группе основание отделить себя от более отдаленной группы (слоя) кастовой перегородкой. Но это было позже. В рассматриваемый период было всего четыре касты: три свои, внутренние и одна промежуточная, но тоже как бы своя или полусвоя, отделяющая цивилизованный мир от мира «темных, страшных сил», людоедов, черных демонов, ракшасов и прочих «абсолютно чужих».

Интересно, что и сами русы-арии делили себя на «светлых», рожденных от богов, «детей богов», и «темных», рожденных от людей. Это деление разделяло тех, кто был исходным русом, и тех, кто уже успел, сохраняя все традиции суперэтноса, породниться с местными дравидами (точнее русо-дравидами). В основном «темными» были, конечно, те роды-выселки, что прибыли в долины Инда задолго до последней индоевропейской волны. Они были русами-ариями (это не отрицали и сами «светлые» арии), они не были русо-дравидами из этнококона. Они были некой промежуточной прослойкой, но входившей в индоарийский мир «своих, хороших, красных, повелителей», то есть русов.

В целом же, говоря о кастах у русов-индоевропейцев, мы должны помнить, сам этот поздний научный термин «каста» более чем условен. Правильнее говорить о четырех варнах, которые породили множество каст. Подростки трех первых варн проходили инициацию, посвящение в воины-мужчины, после этого они считались «дваждырожденными» («двиджа» на санскрите, одном из диалектов языка русов). Уже это одно означало, что все три варны едины, они одинаково поставляют роду юношей-воинов, кшатриев. Позже в Индии обряд инициации «дваждырожденных» стал более общим, получил название «упанаяна». Со временем внешняя, обрядовая сторона естественных архаических процессов усложнялась, расцвечивалась, приобретала «тайный» смысл... Но в истоках, у которых стояли индоарии, русы-арийцы II тыс. до н.э., все было значительно проще, архаичнее. Практически (да и юридически) род русов-индоевропейцев не делился на варны. В «Ригведе», этом великом «Изреченном Знании» («рик» = «речь, рекомое» + «веда» = «веданье, знание»), вообще нет упоминаний о варнах и кастах, за исключением одного из поздних гимнов, вставлен-

ных через столетия после составления этой «Книги книг ариев». О чем это говорит?

О том, что у исходных русов-индоевропейцев последней волны миграции (сер. II тыс. до н.э.), расселявшихся из Северного Причерноморья и ареалов протоскифосибирского мира, не было, как и у позднего казачества, четкого деления на варны. Сам род не мог допустить полного троичного расчленения. Все переплеталось в необходимой и неустранимой взаимосвязи. А тройственность внутри единого рода обеспечивала его жизнестойкость. Дюмезиль, как и другие западные индоевропеисты, возводит трехчленность «космоса индоевропейцев» и их кастовость в абсолют. Это неверно. Точнее, это лишь часть увиденного и осознанного им и прочими исследователями — часть, принятая за целое.

Да, Вселенная русов-индоевропейцев (как и их предков проторусов и русов-бореалов) тройственна: «небо-земля-преисподняя» — «боги-люди-демоны»; три варны на земле «волхвы-воины-созидатели», три цвета «белый-красный-черный»... Но одновременно «четыре стороны света», четыре ветра, четыре луча свастики-оберега и знак самого Единого Бога — четырехконечный крест... а знак Богородицы-Лады — два совмещенных креста, то есть восьмиконечный крест... а священные числа семь («святая троица» плюс «крест-бог», то есть «троица в едином боге», Семаргл-Семиглав, выражающий семиричную сущность бога) и двенадцать («троица», помноженная на «крест» — «бог в силе», позже сила и дух бога в двенадцати апостолах)... Вселенная русов многомерна и непроста, при всей видимой простоте ряда-уклада.

Сакральная четверка-крест, означающая Единого Бога в его полноте, в качестве одного из земных отражений имеет и совокупность трех каст-варн со всеми прочими (шудрами). Это означает, при всем понимании русов-индоевропейцев, что они сами есть дети (потомки) богов (ипостасей Единого Бога-Рода), что они есть «двиджа»-дваждырожденные (то есть сначала рожденные в своем естестве, а потом «в боге»; иногда и наоборот, последовательность не имеет значения; например, древнейшая поговорка «это в нем от Бога», то есть унаследованное от Великого Всеродителя, Рода), при всем таком «родственном» отношении русов с их богом Родом, они полностью отдают себе отчет, что Единый Бог есть Бог для всех, в том числе и для шудр. То есть Бог-Род шире троичной «собственной» Вселенной ру-

Искусство кочевников Семиречья и Тянь-Шаня усуньского периода

сов. Он существует в четырех измерениях (помимо времени). Но четвертое измерение за пределами мира русов-индоевропейцев. И потому при всей многоипостасности Бога (он может иметь бесконечное число ипостасей-воплощений) свят, чист и близок для русов Бог-Род только в своей троичности-тройственности — в Святой Троице. Непонимание этой абсолютной тройственности Бога вне времен (и для X тыс. до н.э., и для 33 г. от Рождества Христова, и для 1000 г. Христианской эры, и для нашей «постхристианской» эпохи) заводит в тупик как ученых-богословов, так и исследователей-атеистов, не понимающих, что нет ни «язычества», ни «иудаизма», ни «буддизма», ни «христианства», а есть лишь различные восприятия во времени и пространстве одной и той же сверхреальной изначальной силы. И здесь надо отметить, что русы-индоевропейцы Северного Причерноморья («вторичной прародины») и русы-арии Инда и Ганга значительно лучше нынешних атеистов и богословов понимали существо проблемы.

Единый Бог неразделим в Святой Троице, вмещая в себя весь упорядоченный (санскритское «рита» есть «ряд, порядок» в общебытовом смысле и в смысле «вселенский порядок-ряд»; само короткое и емкое слово русов «ряд» вмещает в себя больше, чем пространные, многостраничные толкования его санскритских и прочих «калек» в энциклопедиях и научных трудах) мир, Вселенную русов. И Троица есть Единый и Нераздельный Бог.

Род-община, род-племя русов неразделим в трех основных варнах-кастах (волхвы-воины-созидатели), в трех пространствах (небо-земля-преисподняя), в трех временах (прошлое-будущее-настоящее), в трех родовых пластах (предки-живущие-нерожденные). Род упорядочен во всем. Род есть ряд (от общего «ряда» до сакрально-вселенского порядка). Многомерная неразделимая, нерасчленяемая троичность-тройственность — единый и нераздельный род.

И при этом, как Бог вне своей троичной сакральности имеет «четвертое измерение», так и род русов живет не только в своей родовой сакральной вселенной, но и в мире, общем для всех, не входящих в род, в том числе в общем и для шудр. В этом, кстати, и объяснение, почему исходные русы никогда не были рабовладельцами и работорговцами. Мировоззрение русов, в котором для всех живущих и неживущих был Один Бог и одно пространство, не позволяло им делать рабами даже шудр, «неприкасаемых», диких неандерталоидов и т.д. Для введения

института рабства гибридным русосемитам пришлось предварительно разработать и внедрить в сознание еретическую схему «избранности» и наличия у каждого народа своих богов — в такой системе ценностей можно было без зазрения совести превращать людей в рабов, торговать ими, убивать и калечить безнаказанно. В мировоззренческой вселенной русов это было абсолютно невозможным.

Итак, единое божество и единая родовая община-племя. И единое слово для обозначения двух сливающихся и емких понятий — «род».

Союзом Бога-Рода с родом был крест. С самых незапамятных времен, от которых остались петролиглифы на скалах, бог обозначался крестом. За десятки тысячелетий до оформления христианства. И потому нет ничего удивительного в том, что русы-индоарии принесли в Индию крест и свастику в качестве своих родовых обережных знаков. Крест — бог, божество абсолютное, соединяющее все в себе и изначально неколебимое. Свастика — не только «свет, святость», но жизненное, движущееся начало — бог в движении, жизнь в ее течении, род в его жизни и развитии. Что могло быть лучше этих обережно-сакральных знаков (а по сути, одного «божественного» знака в двух состояниях: покоя и движения). Русы-индоевропейцы принесли в Индию (Гималаи, Тибет и т.д.) не только «боевые топоры и колесницы», но прежде всего мировоззрение космизма, вселенную своего мировосприятия, в которой было место и для Единого Бога-Отца, Святой Троицы (Тримурти), богов-ипостасей, и для извечного (от Бога) рода волхвов-воинов-созидателей, и для шудр-«обезьян»*, и для демонов-ракшасов, власть над которыми, замыкая вселенское кольцо, держала «темная ипостась» все того же Вседержителя — уже знакомый нам бог-Волос, диа-Вол, в индуистском варианте Вала (иногда под эпитетом Вритра, и другими теонимами).

В индуизме Волос-Влах, благодаря жрецам-волхвам занял место в Святой Троице (Тримурти) и стал одной из основных

---

* Надо заметить, что индоарии, а за ними и индийцы-индусы очень доброжелательно относились к обезьянам — недаром в Рамаяне обезьяний царь — союзник Рамы, а сами обезьяны наделены положительными качествами. Автор называет шудр (гибридные племена русо-дравидов) обезьянами в традиции сказителей Индии, без уничижительного или оскорбительного оттенка. Тем более что они являлись пусть и не прямыми, а косвенными, но потомками более ранних волн переселенцев-русов.

ипостасей Бога-Отца. Но теоним приобрел непривычное звучание — Брахма. Переход «в» в «б» нам хорошо знаком (Вавилон-Бабилон). В санскрите привычное нам «л» часто звучит как «р», примером тому санскритское «срава-шрава» и русское «слава». Отсюда мы получаем исходное Брахма = Влахма. Влах это Волох, так же как «град» — это «город». Изначально Брахму называли Волохом. А Волох — это «волохатый» Волос-Велес. Жрецы Волоха — волхвы. Так появилось понятие «брахман» — из языка русов.

Архаический Вишну в «Ригведе» является не первостепенным солярным божеством. Изначально это даже не имя, а эпитет бога-солнца Хора-Коло — «вышний», в смысле «находящийся в вышине». Со временем в индуизме Вышний-Вишну становится одним из богов Троицы-Тримурти (наряду с Брахмой-Волохом).

Третий бог Троицы — Шива. В индуизме чрезвычайно расцвеченный и богатый образ. Но изначально, на уровне русовариев, это знакомый нам Жив-Зива, «брат»-аналог Зевса, к которому позже примешивается образ Кополо (в греческом варианте Аполло). После этого Жив-Шива получает эпитет-прозвище Капала-малин или Капалин. Одновременно в Шиву вполне естественно вливается образ «красного громовержца и жизнедателя Рудры», именно в Шиву, потому что и Шива — это «жизнедатель» и аналог «зевса-громовержца». Теоним часто этимологизируют, как и многие иные арийско-индуистские теонимы, в цветовой гамме: «темно-серый, сине-серый, свинцового цвета, сивый». Лингвистически в имени Шива вполне могли сойтись и «жива-зива» (жизнь) и «сивый» (иссине-седой). Шива = сивый Зива-Живо. Два русских слова в сплетении породили лингвомифообраз. А третье (само многоемкое) Рудра невероятно усилило этот образ. Рудра ипостась Рода. А Род самый первый и самый могущественный жизнедатель. Род и табуизирован в первую очередь потому, что его основной символ фаллос. На тему фаллическо-лингамного суперкульта Рода и Шивы на Руси и в Индии можно написать отдельный объемный труд. Материала для такого исследования более чем достаточно. Но это дело будущего. Сейчас мы акцентируем свое внимание на другом. После вливания в образ гибридно-арийского Шивы-Жива образа арийского Рудры-Рода Шива становится главным божеством «осеменителем», «жизнедателем». Шива многофункционален. Но основная его функция: бесконечное

Ранние кочевники Памира.
Вещи из захоронений

воспроизведение жизни, выработка и «посев» семени, неиссякаемость семенедарующего лингама. То есть в образе Шивы-Жива в Индии практически открыто «легализуется» табуизированный практически по всей Евразии Род. О чем это может говорить? О том, что Род в его фаллическом значении был по всему ареалу расселения проторусов-русов суперэтноса не столь уж и табуизирован, как нам это кажется. И второе, о том, что фаллический культ «жизнеодарения» попал на чрезвычайно плодородную почву — гибридное население Инда и Ганга, от «темных» ариев до русо-дравидов этнококона восприняло его с большой охотой, тут же признав своим и выдвинув на первое место (видимо, к этому располагали и климат, и темперамент). Табу практически полностью исчезло. В храмах Шивы и на площадях ставили (и до сих пор многие сохранились) огромные каменные и деревянные лингамы-фаллосы с фигурой Шивы (шиволингамы). Шива стал основной ипостасью Рода в Индии и чуть ли не самим Родом (если учесть его прочие функции). Сивый-Жив, бесконечно старый жизнедаритель. Род бесконечно стар, он изначален, и он дает жизнь. Но Род в суперэтносе русов строго каноничен и при всей своей мужской «жизнедающей» силе никогда не был почти исключительно «героем-осеменителем» (как, скажем, Жив-Зевс, постоянно оплодотворяющий то богинь, то смертных женщин, или совсем неуемный женолюб Жив-Шива). А суть здесь в том, что ипостась Рода из среды русов, где канон строго хранят волхвы-жрецы, попадает в среду гибридных племен, где надлежащего контроля за каноническим образом и сохранением первотрадиций нет. Жрецы русо-дравидов (в «древнегреческом» варианте протогреков-гоpяков) начинают по-своему, в силу своих представлений и укладов, трактовать (зачастую и программировать) характер и поведение божества. И мы получаем то, что называется «развитием образа». Иногда это развитие становится гиперболическим: и тогда гигантские статуи-лингамы ставятся на каждом углу и доводимый до экстаза плясками и барабанами гибридный смуглокожий люд денно и нощно расшибает перед ними лбы, и бесплодные женщины съезжаются отовсюду в надежде, что эти изваяния даруют им детей, и все мужчины от вождя-«царя» до «неприкасаемого» задаривают Шиву и молят беспрестанно «осеменителя», чтобы он излил в них неистребимую мужскую силу и неиссякаемое семя... И это все достаточно понятно. Достаточно характерно для гибридных этносов, воспри-

нимающих из мифообраза только то, что им доступно на данном этапе развития. Но есть в процессе «передачи-восприятия» богов-мифообразов из суперэтноса в этнококон, от непосредственных создателей образа (от «детей богов») к вторичным потребителям («детям людей» и «детям детей людей») некая странная закономерность.

Мы уже писали о том, что «еретические» волхвы-жрецы гибридных русо-евреев, по-своему воспринявшие суть и образы мифологии суперэтноса, в частности, образ Рода-Вседержителя, Рода-Всеродителя, Единого и многоипостасного Бога, что называется, творчески развили этот образ и тем самым создали на базе исходной религии-мифологии суперэтноса русов свою «монотеистическую религию» с единым божеством Яхве-Иеговой, который (на сакральном уровне, доступном только жрецам) был существом двуполым, гермафродитом, совмещающим в себе и мужское и женское начала: Ийе (фаллос) + Хава (женский половой орган). Яхве — бог Он-Она.

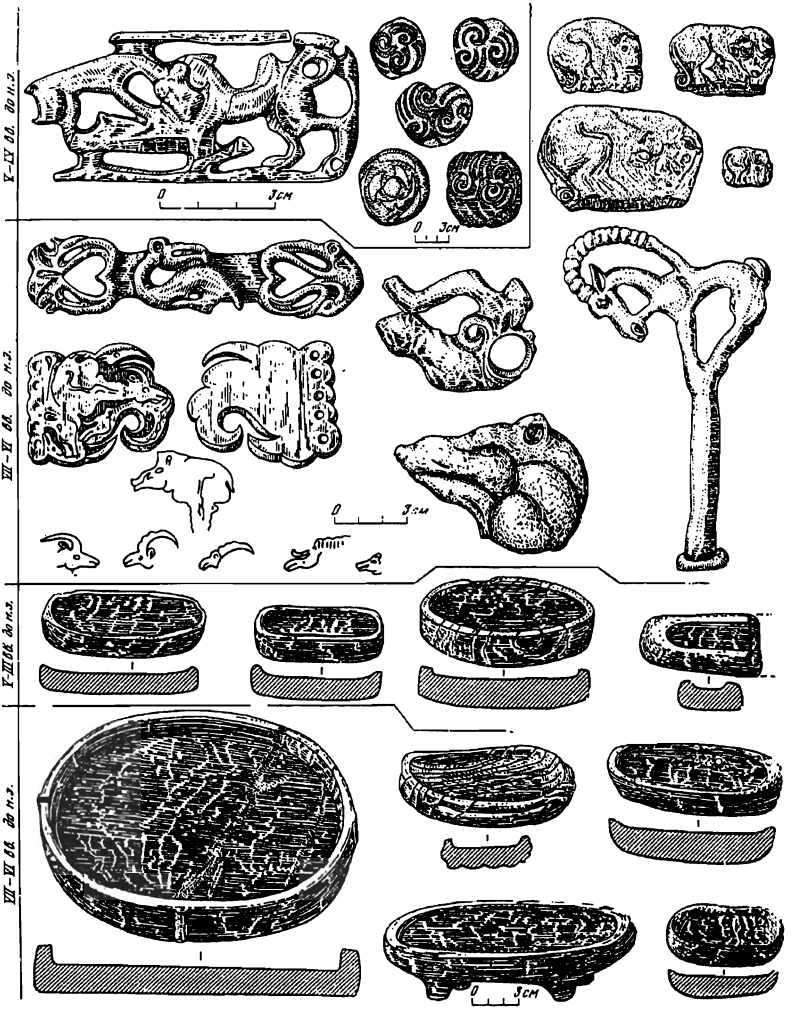
Древнеегипетские гибридные жрецы русо-хамиты на базе исходного Единого Рода-Всеродителя создали образ гермафродита Атона, который также был «бог Он-Она».

Подобное преображение происходит и с Родом-Рудрой-Живом-Шивой, когда он из арийской среды волхвов-жрецов попадает в среду части гибридных русо-дравидийских жрецов. Через некоторое время появляется разновидность «еретиков-сектантов», сначала именно в гибридной жреческой среде, которые порождают культ, где Шива уже не просто «гневный», «даритель», «осеменитель», а Нара-Нари, то есть «муж-жена». Гибридные «новаторы»-еретики, за тысячи километров от Палестины-Ханаана и Египта, будто действуя по одному и тому же сценарию, превращают бога-мужчину в бога-гермафродита, «бога Он-Она». Шива становится Джагапитри-Джагаматри («отец живого — мать живого»). И теперь нам становится ясно, что это не случайность, что здесь прослеживается вполне определенная закономерность: гибридные предэтносы преобразуют воспринятое ими главное мужское божество в божество двуполое, в божество-гермафродита (неважно, монотеизируя его или нет). Почему?

Здесь может быть два ответа. Первый, из патриархальной среды образ попадает в матриархальную — и жрецы-жрицы пытаются подладить образ под имеющуюся систему ценностей. Второй, в гибридной (а, следовательно, неандерталоидной) сре-

де гомосексуализм еще не отделяется от гетеросексуализма, царят бисексуальные отношения, не выработаны нравственные критерии и, отсюда, «одностороннее» божество не воспринимается. Бог бисексуалов должен быть двупол и двулик. Есть еще один вариант ответа: община-племя исключается, до него полностью не доводится двуполость божества; гермафродитизм «бога Он-Она» определяют сами гибридные жрецы — гермафродиты и бисексуалы; они же осуществляют отбор в свою касту себе подобных. Но тогда возникает вопрос, почему именно они приходят к духовной власти и именно в гибридных социумах? Но это уже один из «запретных» вопросов, которые в печати не принято обсуждать.

Поздний индуизм олитературивает и изукрашивает архаических и простых по сути богов индоевропейцев иногда до полной неузнаваемости. Но опытный мифолог и этнолог рано или поздно находит корни образов. Иногда они на виду, на поверхности. Так, например, даже для любителя очевидно, что Агни — это бог огня, что это и есть само слово «огонь» в диалектном произношении. Прозвище-эпитет у Агни-Огня — Кравьяд, «крови-ед», «едящий кровь». Эпитет архаический, абсолютно понятный и в языковом, и в ритуальном планах: в огонь из жертвенной чаши лили кровь жертв (животных), огонь «пожирал жертвенную кровь». Огнем на крадах кремировали усопших, огонь пожирал кровь и плоть. Посредники между людьми и богами, в частности между ариями и Агни, — это ангирасы. Ангирас сам есть огненная субстанция, как и ангел. Лингвистически мы имеем дело с одним словом: «ангир» = «ангел» (и никакого заимствования русскими от греков, а греками от евреев; слово-понятие «ангирас-ангел» в языке русов существовало задолго до появления и греков, и евреев). Бог смерти Яма. И само имя его переводится с санскрита как русское «яма» или «конец»; привычная справочная этимология «близнец» вторична. Бог с понятным без перевода именем Ваю-Вата-Ватри — это ветер, бог ветра. Маруты — ураганы, бури, смерчи, это эпитет посланцев Мары (мор, морок, смерть), разрушители, несущие смерть-мару-мор. Демон засухи Шушна — это и есть «сушна»-сушитель. Мать демона Вритры — Дану есть индоевропейское «дану» — река, а если быть абсолютно точным, то вода в реке обозначается «вода-вада-вадар», а словом «дана, дану» обозначается русло (ведь река это не просто «вода», а вода, текущая в русле); а русло на языке русов — это «дно». Этимология



Тасмолинская культура. «Звериный стиль», посуда. Казахстан

«дану» = «дно» единственно верная этимология. Она одинаково верна и для русов-ариев Индии, и для русов-кельтов Ирландии, вспомним «племена богини Дану». Сам Вритра «запирающий ворота» — один из эпитетов Волоса-Валы, в котором и заключен предельно ясный смысл «вртр» = «врт» — «ворота». Зачастую теонимы звучат несколько непривычно для русского уха. Но попросите современного индуса произнести исходные теонимы русов или даже слова современного русского языка, и вы услышите закономерность «искажений»: «брат» будет произнесен как «бхратра», «ворота» как «вритра», «дно» как «дану» и т.д. Причем индус поймет эти слова без перевода. А вот мы иногда понимаем не все. Например, санскритские и ведические сказители «риши»... Звучит при поверхностном восприятии «по-иностранному». Но пишется «rsi» — «рси-риси-рцы-реки». Тот же корень в слове «Риг-веда», точнее, «РикВеда» или «РекВеда» — «рекомое, изреченное знание-ведание». Слова «речь, рекущий», старорусское «рцы» — «говорящий, рекущий», и «риши-риси» есть однокоренные слова, исходящие из понятия «говорить». Риши-сказители и есть «говорящие», «рцы». Получается, что Индия сохранила для нас исходное русское слово в более первозданном значении, чем то, которым мы пользуемся сейчас. Почему? Потому что язык русов в России развивался на протяжении столетий. А в Индии он практически застыл на сакральном уровне «мертвого» санскрита (другие языки развивались и в Индии, поэтому они уже малородственны русскому). Не удивительно, что и богиня речи у индоариев, русов-индоевропейцев звалась Вач-Вяч, а у современных русских понятие «вякать»-говорить уже стало обиходно-устаревшим. Да и другое, более емкое слово «вече» практически не применяется, хотя и оно исходит из понятия «говорение-обсуждение» (новгородцы и псковитяне времен Рюрика или Александра Невского не знали санскрита, но они, как и арии Инда, говорили на языке русов). Тваштар, по мифологии индуизма, отец Индры и Творец. Сам корень «творения» заключен в этом теониме. Образ времени заключен в санскрито-ведийском слове Кала, суть которого «вращение, кругооборот» — и это очевидное русское «коло» (позже «хоро»), круг, коловращение, круг времен. «Коляды» и позднее «календы», «календарь» также есть производные от слова «коло».

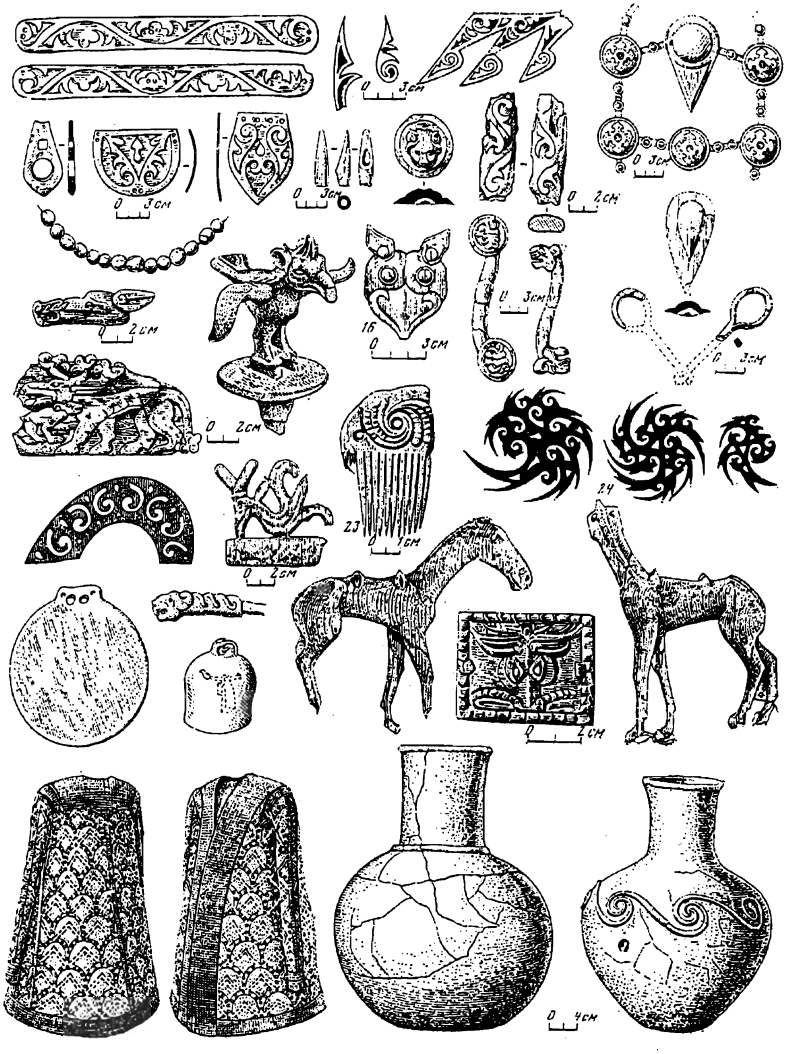
Понятен и некий почти безликий Праджапати, растворившийся во всех созданных им богах. Это один из эпитетов Рода-

Троицы. Принято переводить данный теоним как «всесоздатель». Это соответствует смыслу теонима. Но если быть этимологически точными, то «Праджа» — это английское произношение исходного санскрито-ведического «пратца, праца» (то есть, по Фасмеру, «труд, работа», созидание). Пати — есть «патер, батя» = «отец». Праджапати-Працапатер — это Созидания-Отец или, что нам более привычно, Отец-Созидатель, Отец-Создатель. Как мы видим, сам образ (как и все прочие «библейские» образы) существовал за тысячелетия до составления Библии. Но здесь хочется еще и еще раз повторить. И прежде всего для профессионалов-историков, мифологов, лингвистов: до тех пор, уважаемые господа, пока вы будете работать с англоязычными «источниками», то есть с переводами с переводов (сначала английские языковеды переводят с санскрита и языка Вед на свой «инглиш», а затем с «инглиша» советско-российские «исследователи»-компиляторы переводят на русский), до тех пор вы будете блуждать в полнейших потемках, погружая в этот мрак миллионы читателей, слепо доверяющих вам. Ведийский язык и санскрит не требуют двойных, искажающих все до предела переводов. Мы должны знать имена (теонимы) индоарийских, индуистских богов в их первоначальном, исходном звучании-произношении, а не в чудовищной английской «транскрипции», когда искажается все до полнейшей неузнаваемости (наиболее понятные примеры искажения исходного: Иван — Айвэн, Ямайка — Джамэйка, Лиза — Лайза, Мария — Мэрайа, Каролина — Кэролайн, Маланья — Мэлони и т.д.). Ярун, он же Арьюна, превращается у англоговорящих в нелепого и непонятного Арджуну. Увы. Английский исследователь-переводчик не понимает и санскритского слова «rita» в полном его значении русского исходного понятия «ряд» и потому дает или неточный или, что характерно, велеречивый перевод. Русские переводчики с «инглиша» для дополнительной «красивости» и наукообразности делают двойной перевод еще более путаным и велеречивым. Истина теряется в нагромождении лишних слов. И это при том, что сами англичане пользуются исходным словом языка русов «rita-ряд» в форме «right» (право, справедливо, правильно), то есть в абсолютно верном русском значении «по праву, по-порядку, по справедливости, по ряду», ведь ряд и есть «порядок, уложение, правда, справедливость». Но в современном «инглише» русский «ряд» звучит как «райт». И потому я еще раз обращаюсь к индологам и ведологам: мы будем

работать с «инглишем», когда доберемся до «английских» богов и мифов. Но, работая с индоарийскими, индуистскими богами, героями, сюжетами, мифами, легендами, теонимами, этнонимами, не надо смотреть на них через двойные кривые зеркала, надо напрямую работать с языком Вед и санскритом. Любой иной подход — это «шаманство», то есть игра в наукообразие.

Несколько сложнее с такими теонимами, как Кришна. Часто в популярной литературе имя Кришна трактуется как Крышень, то есть Верхний, Крышний, Кронный. Но это отчасти «народная этимология», отчасти вторичное значение теонима. Наши специалисты-санскритологи-ведоисты вслед за своими английскими коллегами переводят само слово «кришна» как «черный». Англичанам и французам такой перевод простителен, они не знают русского слова «коричневый», которое и по сию пору в устной речи звучит как «коришневый». Окончания часто глотаются и в русском языке. Тем более это характерно для санскрита. Вот и получается, что Кришна это не «черный» и даже не просто «темный», а именно «коричневый» — «коришна» — Кришна. Вот богиня черных аборигенов Кали вне сомнений «Черная» — так переводится теоним. А Кришна ни лингвистически, ни по мифообразу отнюдь не «черный». Это смуглокожий бог-герой, по сюжету воспитывавшийся в семье пастухов, вероятнее всего смуглокожих, «коричневых» русо-дравидов. Кришна в индуизме — одно из воплощений арийского бога Вишну. Но при этом воплощение в «коричневого», смуглого бога гибридных дравидов. Не исконного божества аборигенов, а именно привнесенного в их среду ранними выселками русов, смешивающихся с дравидами и образующих тем самым русо-дравидийский этнококон. Этот процесс оставил след в дравидийских языках — там огромный пласт санскритской (индоевропейской) лексики. А мы знаем, боги, их теонимы всегда неразлучны со словом, языком: слово рождает бога. И когда в Библии говорится «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1,1), это отнюдь не красивый зачин. Это и есть суть Сути.

Характерно, что исходно Кришна — младший брат (потому что он «смуглый, коричневый», местный). А старшего брата Кришны зовут Баларама, то есть Белый Рама («бала» от «бяла, бела, белый»). И прототип Балорамы есть несомненный белокожий, светловолосый, сероглазый рус-арий. Но еще важнее в



Кочевники Алтая II в. до н.э. — I в. н.э.
Предметы материальной культуры

этом двойном образе понимание изначального братства «коричневого» местного русо-дравида и пришедшего белого руса-индоевропейца. Не враги, изничтожающие друг друга огнем и мечом, не «белокурые бестии», покоряющие «недочеловеков», а братья. Правда, с поправкой (как в Российской империи и в Советском Союзе) — «старшие» и «младшие». Одно из прозвищ Баларамы, Белого Рамы — Плугоносец. Это еще раз говорит нам о том, что русы-индоарии в первую очередь были земледельцами. Еще одна черта, присущая для Белого Рамы, склонность к пьянству. Черта, к сожалению, весьма характерная для русов-индоевропейцев, особенно русов Северной и Восточной Европы. Объясняется она не только тем, что русы-земледельцы первыми открыли способ приготовления хмельного пива («сома» и «хаома» индоариев; все другие хмельные напитки появились позже), но и в том, что в организме русов изначально ощущался недостаток ферментов, выводящих алкоголь из крови (последствие мутации, в результате которой и появился Хомо сапиенс сапиенс).

На санскрите словом «пива» обозначается то, что пьют (и вода, и напитки), пьющий человек на санскрите «питух», пить — «пи», пьянящий — «пиюша», глоток — «пити». Как принято говорить, комментарии излишни.

Вообще тема «ритуального опьянения» ариев, почерпнутая из гимнов «Ригведы», где воздается хвала «соме», напитку, приближающему к богам, приняла в «классической» исторической науке и популярной литературе спекулятивно-очернительский характер. Причем акцентируют внимание на «пристрастии ариев к наркотическим, опьяняющим зельям» те, кто беспрестанно поет хвалу «древним и мудрым семитским народам», явно играя на противопоставлении одних другим и тут же подсказывая свой ответ-приговор «неразумным пьяницам и наркоманам индоевропейцам». Доходит до того, что «сому-хаому» отождествляют с настоем из мухоморов, сильнейшим галлюциногеном, фактически объявляя ариев-индоевропейцев генетическими наркоманами, а их традиционные верования «плодом бредовых галлюцинаций». На это следует ответить, что все основные наркотики, известные с древних времен, от легкой анаши до тяжелейшего опиума были созданы и широко распространены отнюдь не в индоевропейской среде, а в тюрко-протосемитской и монголоидной. Подавляющее большинство индоевропейских народов (русских, немцев, датчан, поляков, сер-

бов, шотландцев и пр.) узнали о существовании этих одурманивающих средств лишь в XIX—XX вв. н.э., после широкого проникновения в Европу мигрантов из Средней Азии, Северной Африки и с Ближнего Востока. Да, неиндоевропейские народы (за исключением угро-финнов и народов Севера) легче переносят воздействие наркотиков и особенно алкоголя, так как в их организмах содержится значительно больше фермента, расщепляющего молекулы этилового спирта (это следствие того, что генетически в них присутствует больше признаков неандерталоидов, не подвергшихся мутации). И самое страшное, что такая картина разной восприимчивости алкоголя разными этническими группами доказывает, что алкоголь может быть использован как этническое оружие (и уже активно используется) против и без того предельно ослабленных современных индоевропейских народов, смертность среди большинства из которых превышает рождаемость (это была лишь небольшая иллюстрация к тому тезису, что борьба мегаэтносов за место под солнцем продолжается и обостряется). Далее, как мы писали выше, сами урожаи пшеницы, ячменя, само производство и хранение хмельного пива (позже и хмельных медов) во всех древних индоевропейских цивилизациях от Шумера-Су-Мира, Египта, Хараппы и до княжеств поздних русов-индоариев II—I тыс. до н.э. находились под строжайшим контролем жрецов-волхвов (урожаи были «собственностью богов»). И пиво (ни водки, ни вина еще не было) выдавалось членам рода лишь во времена священных праздников и дней больших жертвоприношений. Это был именно не повседневно-одуряющий, а празднично-сакральный, «божественный» напиток, помогающий людям-труженикам, созидателям в редкие дни уйти от насущных проблем и забот, «приобщиться к богам». Оно не употреблялось ежедневно, то есть ни привычки к нему, ни алкогольной зависимости от него не было. Поэтому оно действовало на русов-ариев сильнее, вызывало не состояние отупения-одурения, как у ныне постоянно пьющих людей от школьников до пенсионеров, а ощущение эйфории, легкости, одухотворения. Надо отдать должное проницательности и мудрости волхвов (жрецов-брахманов) суперэтноса русов, которые сумели на огромных пространствах расселения русов в течение пятнадцати тысячелетий (с XV тыс. до н.э. по I тыс. н.э.) под страхом «кары богов» ограничивать потребление алкоголя русами-ариями. Большинство из нас, прямых и косвенных потомков этих индоевропейцев, обязаны древ-

Воин кенкольской культуры поздних скифов. Реконструкция. Спустя тысячелетия и столетия после расселения скифов-русов по Сибири, Тянь-Шаню, Алтаю, Саянам на Европу обрушилась обратная волна. Вот такие и другие воины «скифо-сибирского мира» двумя огромными валами в «гуннское» и «татаро-монгольское» нашествия возвращались на свою древнюю прародину с мечом и огнем. Такими их запечатлели и европейские хроники

ним волхвам собственным рождением и жизнью, тем, что наши пращуры-предки не вымерли еще тысячелетия назад. К сожалению, в XX веке н.э. последние «сакральные» ограничения были повсеместно сняты. И это безвариантно приведет нынешние индоевропейские народы (прежде всего восточнославянские, скандинавские) к полному вымиранию еще до начала IV тыс. н.э. — такова страшная плата за прямую принадлежность к подвиду Хомо сапиенс сапиенс, мутации сорокатысячелетней давности и нежелание понимать своих генетических особенностей, отличающих индоевропейцев от множества иных народов, населяющих Землю.

Санскрит первоначально был диалектом посвященных, отсюда и его этимология «сан»= «священный» + «скрит»= «скрытый, тайный». Позже он стал главным носителем высокой культуры Индии, языком духовной элиты: философов, ученых, поэтов... Общеизвестно, что тысячи слов и оборотов санскрита не требуют перевода на русский язык, они абсолютно и вполне понятны.

Этот факт в научно-популярной литературе не предают огласке, а когда приходится косвенно упоминать о нем, то в ход тут же идут оговорки о том, что, дескать, всю эту лексику вос-

точные славяне заимствовали у иранских народов, а те у своих предков индоиранцев... Это, разумеется, полный абсурд. Для того чтобы обрубить исторические и родовые корни славян и русских, в ход пускаются любые приемы, вплоть до неприкрытой лжи. Человек, знакомый с западной историографией, знает, что «славяне и русские есть самые никчемные, бестолковые и бесполезные народы, которые не только не имели корней, но и вообще ничего своего не имели, а все сплошь и повсюду постоянно заимствовали — у германцев, романцев, иранцев, тюрков, монголов и т.д. и т.п.». И этот дутый и насквозь лживый образ настолько прочно вбит в головы западного (и не только западного) обывателя, что изменить его невозможно; и именно этот дутый и ложный образ русского народа, русского человека и есть основа глобальной русофобии, которая усиленно разжигается всеми «цивилизованными» средствами мировой массовой пропаганды.

Божество плодородия Дакша есть несомненное «дарующее, дающее» божество, родственное Дажьбогу. Сурья-солнце — архаичный эпитет солнечной ипостаси Хора — «сурий, русий» = = «красный, светлый». Этот эпитет подверждается и ведическими прозвищами-эпитетами Сурьи — Савитар, что означает Свето-яр, и Вивасват — то есть Всесвет.

Ведического Варуну часто идентифицируют с Перуном в силу их владения громами и молниями. Но Варуна еще «царь богов и людей», блюститель «риты» (ряда, порядка, уклада). И одновременно он властелин океанских пучин, демонов. Он наказывает после смерти грешников и т.д. То есть мы видим в нем черты Волоса-Вала. Учитывая, что в санскрите русское «л» зачастую обращается в «р» (например, шило — «шира», слава — «срава»), изначально, еще не измененное поздним санскритом, имя звучало как Валу-на. Скорее всего, мы имеем дело с «литературно-эпическим» совмещением образов (или ипостасей) Вала-Волоса и Перуна. Сам же индийский Перун — Парджуна (вырываем англосорняк «дж» и получаем Парьюна, а это и есть Перун, как Арьюна есть Ярун). Русам Руси и русам Инда косноязычные толмачи не нужны.

Самый типичный и характерный, абсолютно индоевропейский бог-герой, бог-змееборец, полностью соответствующий арийскому змееборческому сюжету мифологии суперэтноса, это Индра. Эпитеты Индры часто не требуют перевода: Шатакрату — то есть Сто-кратый (смысл: он в стократ сильнее обычного

героя); Сварадж (как мы помним, «радж» исходит из «раш» — «повелитель, царь») — то есть Свое-царь или Само-властитель (самодержец). Прозвища Индры ясны. Но сам теоним пока не поддается четкой этимологизации. Начальный корень «ин» может означать и «внутрь», и «он». Второй корень типичного для русов двучленного имени «дра» может исходить из древнейшей бореальной основы-корня «др-», то есть «драть, раздирать, драка» — отсюда «дракон» (мотив змея и змееборчества). Но корень «дра» может быть и «свернутым» корнем «дар» в смысле «подарок». Таким образом, мы можем осмыслить теоним и как «Он дар» (сам Индра — «дар богов», «дар небес», чей-то «дар»); и как «Дарующий»; и как «Он дракон» или «Он в драконе-змее»; и как «Раздирающий», «Дерущийся», «Драчун», «Дерущий дракона»... И любая из данных этимологий совпадает с мифообразом, потому что Индра-защитник для людей именно «дар» судьбы, небес, богов — ведь он их спасает и защищает; Индра — воин-драчун, герой, его боевые подвиги и удаль постоянно воспеваются; и одновременно Индра-змееборец — именно «раздиратель», убийца змея-«дракона». В «греческий» Индра (Ондра, Андра) попал уже позже, породив слово «андр-ос» — «мужчина» и дав вторую жизнь имени Андрей (первично Он-дар, Ондрий). Бесспорно, «раздирающее» начало. Как в понятии «герой» первичен эпитет русов «ярый», «ярой».

Достаточно трудно разобраться с Рудрой. В «Ригведе» он сам по себе. А в индуизме он вливается, как мы писали, в образ Шивы, после этого начинается сплошная литература и поэзия. А нас интересует архаика. Но уже в изначальном теониме Рудра сливаются корни «род» и «руд-, руж-». То есть он и «родитель», и «красный-рудый-рыжий», и «огонь»... В «Ригведе» и других Ведах Рудра покровитель людей, скота, огня, но одновременно гневный повелитель марутов, несущих смерть бурь и ветров, он подобно Копола-Аполлону может и насылать болезни, и излечивать их. Он такой же непостоянный, как Кополо, то карающий, то милующий... По всей видимости, Рудра более зримая и «рекомая» ипостась «незримого и неизреченного» Рода-Вседержителя. Не сам Всемогущий Род, а его карающе-милующая ипостась. И это подчеркнуто цветом: рудый — «красный» и естеством: «руда» — «кровь». Отсюда и «кровный, свой» и «кровавый». Сам Всевеликий и Всеблагой Род, по мировоззренческой морали-философии суперэтноса русов, не мог быть наказующе-карающим началом. Он был значительно выше и

отстраненней. Наказаниями могла заниматься только его «карающая» ипостась. Одновременно она ведала и подаяниями свыше. Только в таком аспекте мы можем рассматривать Рудру.

Образ Богородицы-Лады, бытовавший у русов-ариев, переселившихся в Индию, дошел до нашего времени в ведических и санскритских текстах в форме «матери богов» Адити. Теоним непереводим. Иногда отождествляется со «священной коровой» и «бесконечностью» — отсюда сопоставим с «коровой» русов-египтян Хатхор, где «ад» может быть аналогично «хат» с придыхательным, почти неслышным «х». Возможно, начальная «л» была утрачена переписчиками: Лада — Л'Ади-ти (например, «Италия» первоначально была «Виталией» — «в» пропала). Как «мать всего сущего», она могла быть изначально «Мадити», то есть «мать детей», с утратой согласной «м». Но данные этимологии весьма спорны, мы не можем остановиться ни на одной из них. Фактом остается лишь то, что сам мифообраз «матери-богини» Лады у русов-индоариев почитался пусть и со своими особенностями, но в строгих рамках-канонах традиции суперэтноса.

На самом деле санскрит (тем более язык Вед) и русский язык имеют тысячи одинаковых слов по весьма простой, логической причине: и тот и другой являются производными, диалектами от первоязыка суперэтноса, от языка русов. И вот этот факт оспорить абсолютно невозможно.

Бог на санскрите «бага, бхага», будить — «будх», отсюда Будда, брат — «братра», свекр — свакри, мама, мать, матерь — «ма, мата, матри», сноха — «сноша», своя — «свака», тятя-тата — «тата», два, две, двое — «два, две, двая», три, трое — «три, траяс», четыре — «чатур» (брахман, постигший все четыре Веды — «Чатурведи», три Веды — «Триведи», две Веды — «Двиведи», одну — просто «Веди»), вал — «вал», ведун — «ведин», волна — «валана», волос — «вала» (сравни Волос-Велес — Вала), грива — «грива», зима — «хима», дать — «да», дань — «дана», дверь — «двар», дева — «деви», день — «дена», дом — «дам», дыра — «дара», еда — «ада», живой — «жива», куча — «куча», который — «катара», мертвый — «мрита», печенье — «пачана», плаванье — «плавана», падать — «пад», как — «ка», тот — «тат», этот — «этат», та — «та», то — «то», сам — «сама», свой — «сва», твой — «тва» и так далее. Совпадают даже приставки («про-» = «пра-», «пере-» = «пара-»), суффиксы (носик — «насика», чашка — «чашака»), местоимения и т.д.

Мало того что совпадают слова. Совпадает, к примеру, форма обращения. В «Ригведе», когда пишется о богах в третьем лице, то это «митра», «варуна», «агни». Но если сказитель-волхв обращается к ним, он говорит: «о, варуно! о, митро! о, агне!». Так же и русские вплоть до XIX века (и мы порою до сих пор) говорили (и говорим) о ком-то «владыка», «лада», «бог», «отец», но при обращении к таковым восклицаем: «владыко! ладо! боже! отче!»

Но суть наших изысканий в данной книге не мифология русов-ариев* и не лингвистика, а генезис индоевропейских народов, этнология: нам важно понять, что представлял собой первонарод, кем были народы древности и как, откуда, почему появились ныне существующие народы от персов и индусов до русских и исландцев. А в данной публикации нас интересует судьба очень многих поколений русов, которые навсегда переселились в Северную Индию, от долин Инда до долин Ганга. И то, что ни три тысячелетия, ни чудовищные по последствиям «исламская» и английская (сверхчудовищная по уровню разрушения традиционной культуры!) колонизации, ни все вторжения и войны, ни бесконечные моры и эпидемии не смогли стереть их следы, говорит нам о том, что **вклад русов-индоевропейцев** (скифов) **в индийскую цивилизацию был грандиозным**, более того, фундаментальным, основополагающим.

Мы говорили о разительном сходстве санскрита и русского языка. Но санскрит достаточно поздний язык ариев. Язык, прошедший основательную «доработку» в местном лингвистическом котле. Язык, впитавший в себя огромное множество местных слов, выражений, интонаций, оборотов (мы помним, что русы и их прямые потомки чрезвычайно восприимчивы ко всему инородному). По сути дела, мы не знаем того древнего почти «неиспорченного» санскрита, на котором говорили наши предки на рубеже новой и старой эр. Мы знакомы с достаточно поздними вариантами санскрита, трансформированного к XX в. н.э. в некий «мертвый» язык типа латыни. И то в нем полной жизнью живет язык русов. Но до него был архаический санскрит — еще более близкий языку русов. А до санскрита был его

* Мифологии индоариев и других этногрупп суперэтноса русов будет целиком посвящена отдельная книга «Мифология древних русов», в которой автор подробно поговорит об исходной мифологии проторусов-прарусов-русов и ее связях с мифологиями сыновних народов суперэтноса — от русов-шумеров до русов-«германцев» и балторусов.

предшественник ведийский язык (язык «Ригведы»), на котором говорили арии-индоевропейцы во II—I тыс. до н.э. И язык ведический еще ближе к языку русов, чем архаический санскрит. Но «ведийские тексты дошли до нас в очень поздней записи»*. К тому же ведийские арийские тексты записывались совершенно чуждыми для арийского языка письменами *брахми* и *деванагари*, что основательно искажало язык русов-ариев. Получалась примерно такая картина, как если бы из уст русской сказительницы Олонецкой губернии прозвучала бы старинная былина, исследователь-араб на слух записал бы ее арабскими письменами, затем англичанин-лингвист перевел бы с арабского на «инглиш», а наш переводчик с «инглиша» сделал бы свой перевод на современный русский. Что бы в таком случае осталось «русского» от старорусской былины, сказать трудно. Но и от санскрита, и от ведийского языка осталось столь многое, что, реконструируя тот исходный язык «Ригведы», на котором она звучала во II тыс. до н.э., можно с абсолютной уверенностью сказать, что он был бы нам понятен ничуть не менее, чем язык сказительницы, рассказывающей нам русскую былину. Это был язык суперэтноса, язык русов. В крайнем случае один из самых близких его диалектов.

Русы-индоевропейцы, пришедшие в Индию, не были завоевателями, налетчиками, конкистадорами. Они не были даже, как многие их изображают, кочевым народом. Русы-арии были земледельцами и скотоводами. А по тем временам развитое земледелие и разведение крупного рогатого скота, лошадей было признаком высокой цивилизации. Русам-ариям не были нужны рабы для продажи или их закабаления, им не нужны были чужие богатства... Им была нужна земля, на которой они работали, им были нужны луга, на которых они пасли скот. Бытующий в западной историографии образ индоариев как кровожадных и полудиких захватчиков, порабощающих добрых, мирных и по-своему культурных аборигенов, пляшущих вокруг мирных пальм с гирляндами цветов на шеях, есть полнейшая чушь. Аборигены Индии, особенно ее юга поклонялись чудовищно жестоким «черным» богам-людоедам, постоянно требующим кровавых человеческих жертв. Жестокость и бесчеловечность возводились в абсолют. А, как известно, каковы боги, таковы и люди, создавшие своих богов. Нравы у исходных дра-

* *Елизаренкова Т. Я.* Ведийский язык. М., 1987, с. 12.

видов, веддоидов (не путать с ведическими ариями!) и других аборигенов были жесточайшими. Некоторые английские исследователи объясняли это необходимостью постоянно сокращать население при очень высокой рождаемости и практическом отсутствии производящего хозяйства: лишние «голодные рты» просто уничтожались аборигенами во время постоянных кровавых оргий-ритуалов, посвященных богине Кали и ей подобным. Тот же голод и неумение прокормить себя порождали каннибализм, возведенный в сакральную степень. Все это считалось обыденным, нормальным. Но каково было русам, на протяжении тысячелетий попадающим в такую «черную» среду? Не удивительно, что арии-индоевропейцы воспринимали чистых аборигенов демонами-ракшасами и прочей страшной и опасной «нечистой силой».

Пахотная земля «демонам»-аборигенам была не нужна, они не умели ее обрабатывать. Да и луга им были не особенно нужны. Но мирно соседствовать с такими «демонами» было небезопасно. Спасал «санитарный кордон» — этнококон из гибридных русов и русо-дравидов. Спасали время от времени проводившиеся походы, частично оттеснявшие «демонов» и дасу все дальше на юг, частично окультуривающие их.

Русов-индоевропейцев в Индии нельзя сравнивать ни с придуманными «воинственными бестиями-завоевателями», ни с кочевыми ордами «печенегов» или «татаро-монголов», приходящих в чужие земли грабить, убивать, брать полон, облагать данью, ни с английскими колонизаторами, основной задачей которых было использование дешевой рабочей силы, дармовых сырьевых ресурсов и вывоз материальных ценностей и национальных богатств (тот же грабеж; автору доводилось работать в Британском национальном музее в Лондоне, в других музеях Англии — все они базируются на неисчислимых, фантастических ценностях, вывезенных из колоний; а ведь кроме них существуют тысячи и тысячи частных «собраний» и «коллекций», и если говорить по совести и юридическим языком, такие бывшие «колонии», как Индия, Египет, Сирия, Ирак, могут предъявить одной только Великобритании справедливый иск на триллионы фунтов стерлингов).

Русы-арии сами создавали материальные ценности и национальные богатства. «Вторжение» индоевропейцев в Индию было экспансией тружеников-созидателей. Еще русы-бореалы принесли на полуостров Индостан, в долины Инда и Ганга

производящий способ хозяйствования. Русы-индоевропейцы максимально расширили ареалы земледелия и крупнорогатого скотоводства, тем самым привлекая к общественно-полезному труду огромные массы гибридного и местного туземного населения, фактически спасая его от голодной смерти и гибели во время массовых жертвоприношений «черным богам». Русы в течение веков и тысячелетий в той или иной мере приучили аборигенов выживать и кормить себя (или прокармливаться рядом с городами и селениями русов). В этом была величайшая гуманистическая миссия русов в Индии. Они создали ту материально-производственную и культурную базу, на которой возникла и расцвела (и продолжает развиваться и поныне) великая индийская цивилизация. Именно они были фундаментом, основным строительным материалом и самими строителями этой цивилизации, вобравшей в себя множество местных «кирпичиков», «камешков» и «песчинок», украсивших своим разноцветьем грандиозное здание.

При этом сами русы-индоарии были достаточно просты, неприхотливы и чрезвычайно (чрезвычайно!) трудоспособны. Недаром сам этноним «арии-арьи» происходит от совмещения слов-понятий «ярые» (жизнеспособные, энергичные, упорные, волевые) и «ории-аратаи» (пахари, земледельцы, взрывающие землю). Осмысление понятия «арии-арьи» как «благородные, хозяева, властители» появилось уже позже (как и в случае с этнонимом «рус» — сначала «светлый, хороший, свой» и позже как производные «властитель, красный, царь»). Второе значение появлялось только тогда, когда русы-арии оседали на новых местах среди туземного населения, когда появлялась возможность сравнения. Сравнение это, при всем нашем величайшем интернационализме и любви к равноправию народов, было отнюдь не в пользу туземцев. Последние были собирателями, жили «чем бог пошлет», и, как говорилось в Ведах, «не знали добрых настоящих богов, обычаев, сквернословили, вели себя непристойно» и т.д. Надо сказать, что понятие «дикари», «дикие народы» возникли не из чьего-то недоброго отношения к таковым, а потому что эти «народы» вели себя соответствующим образом: «дико», «по-дикарски» и не проявляли самостоятельно никакого стремления ни к труду, ни к совершенствованию. Различия между этническими группами (а, точнее, между родами суперэтноса и местными предэтносами) были разительными. Именно отсюда, из самой жизни возникли «благородные» и «неприкасаемые».

С «неприкасаемыми демонами», с дасу все ясно.

А что представляли собой сами русы-индоевропейцы? Отбрасывая все формы романтизма, литературно-романических гипербол и метафор про «героев», «бестий», «благородных варваров», «свирепых вандалов» и т.п., мы должны сказать, что лучшего сравнения, чем сравнение с казаками и казачеством, мы никогда не найдем и не подберем. Историки «германо-романской» школы фактически не знают и не понимают феномена русского казачества, не хотят его понимать и признавать, и потому они никогда не смогут проникнуть в корни и суть индоевропеистики, а будут продолжать морочить друг другу (и многим нашим историкам и любителям) головы своими «бестиями», «культуртрегерами», «лихими германцами с топорами и на колесницах». Дискутировать с ними бесполезно, да и бессмысленно. У нас есть очень наглядный образ перед нашими глазами. И недаром основные ареалы проживания индоевропейцев, скифов и русских казаков совпадают. Это Северное Причерноморье и степи, предгорья Северного Кавказа.

Прародиной русов-индоевропейцев II тыс. до н.э. были именно эти привольные места. Ярко выраженных государственных образований там еще не было. Индоевропейцы жили родами-станицами на больших пространствах, управлялись родовой «старшиной» и выборными князьями. Роды на родственно-добровольной основе объединялись в союзы родов, а те, в свою очередь, в суперсоюзы (наподобие союзов и суперсоюзов славянских племен). Союзы и суперсоюзы имели «стольные грады» — укрепленные городища. По границе с реликтовыми горскими племенами Кавказа стояли каменные крепости-заставы со сменяющимися гарнизонами. Они охраняли станицы и городища от набегов. Вот эти крепости и стали прообразами городов-крепостей Анатолии, Троады (включая и саму Трою, основанную русами, выходцами с Северного Кавказа), Хаттусы, Микен, Тиринфа... Навыками сложения неприступных крепостей обладали прежде всего русы-индоевропейцы предгорной и гористой части Кавказа. Часть их мигрировала волнами-выселками в Малую Азию, на Балканы и Пелопоннес.

На Иранское нагорье перебирались индоевропейцы как предгорий, так и степных районов. А вот в Индию шли в основном русы-арии, жившие станицами в степной и лесостепной зоне Северного Причерноморья. Они не были кочевниками. Они были оседлыми земледельцами и скотоводами, имев-

шими, как и казачество, военную или полувоенную организацию родов-общин.

Род-станица или союз родов из нескольких станиц жили в постоянной боевой готовности, чтобы отразить набег горцев, крадущих скот, имущество, умыкающих женщин и детей (грабительские набеги), или дать отпор другому роду (союзу родов) собратьев-русов, претендующих на земли или власть.

Надо признать, и это исторически зафиксировано, что индоевропейцы на протяжении всей своей истории вели между собой усобные войны с разной степенью интенсивности и продолжительности, что нисколько не нарушало их этнокультурно-языковой общности. Основным предметом распрей всегда (с III тыс. до н.э. по II тыс. н.э.) была земля. Почему они воевали друг с другом из-за земель? Для земледельцев земля была главным достоянием, это первое. И второе, русам-индоевропейцам «вторичной прародины» просто не с кем было больше воевать, у них не было достойного противника. Реликтовые горцы были дикими грабителями и угонщиками, не имеющими ни армии-дружины, ни государственности, ни иной организации. Горцев отбивали, отгоняли, ловили, наказывали, иногда совершали карательные рейды в горы, отгораживались заставами и кордонами. Налеты реликтовых горцев (повышающих свой уровень цивилизованности за счет умыкаемых индоевропейских женщин) были комариными укусами в сравнении с междоусобными войнами за землю.

Обстановка постоянной напряженности и привела к выделению «касты» воинов-кшатриев из среды вайшья-земледельцев. Подростки и молодые парни, возглавляемые зрелыми десятниками, сотниками, воеводами, князьями, постоянно, что называется, были «в седле». Что не снимало с них всей тяжести сезонных полевых работ, на время которых, как правило, соблюдалось перемирие.

Вот этими войнами-распрями русы-индоевропейцы и отличались в основном от позднего русского казачества XVI—XX вв. н.э. К новому времени земельные споры внутри России были практически решены, установилась централизованная власть, пресекавшая усобицы. Во II тыс. до н.э. такого жесткого и властного «центра» не было. А население родов-станиц увеличивалось с каждым годом. Меньше десяти-двенадцати детей женщины не рожали. «Эмансипированных» одиночек просто не было. Выживали практически все родившиеся дети — наследственность была

прекрасной, экология превосходной, носители страшных моровых болезней (эпидемий) еще не были завезены из Юго-Восточной Азии, Америки, Центральной Африки. Всех родившихся выкармливали, этого требовали традиции, мораль, установки, вера в божественное происхождение каждого руса, ибо предки-пращуры были богами или ипостасями Единого Бога. Русы-индоевропейцы не жалели никаких сил для выращивания и сбора урожаев, разведения скота, ведения производящей формы хозяйствования, охраны себя, своих угодий, плодов своего труда — из тысячелетия в тысячелетие, из века в век. Одно это — непрекращающаяся созидательная борьба за выживание и приумножения рода и богатств рода — делало их генетически волевыми, энергичными, беспощадными к себе, жизнестойкими — то есть «налитыми ярью», «ярыми», ариями.

Именно приумножение и неукротимая «ярая» сила и жажда жизни вынуждали отдельные роды-станицы сниматься с места и отправляться в поисках новых пригодных и менее заселенных земель. Но большинство родов и союзов родов вычленяло из себя роды-выселки и отправляло их на поиски «лучшей доли» и «земли обетованной». Через какое-то время род снова приумножался. И снова отделял род-выселок. Сами выселки, состоящие в основном их молодых крепких семей воинов-землепашцев, их жен, малых детей и части юных воинов, а также выделенного им имущества, лошадей (именно русы-индоевропейцы южнорусских степей Северного Причерноморья первыми приручили под верховую езду лошадь и прошли на ней по всей Евразии) отправлялись в путь отнюдь не наугад. Они шли по «проторенным тропам» прежних родов-выселков, по «тропам»-дорогам еще русов-бореалов.

Русы-индоевропейцы расселялись по Европе, Малой Азии, лесостепной зоне от Урала до Саян и Тихого океана, по Средней Азии, Иранскому нагорью... На землях будущего Ирана они ставили свои станицы и городища, которые называли вежами (все от того же русского слова «весь, вещь, вишь, вик, вис», то есть поселение). Позже эти селения-городища вошли в историю в искаженном звучании как Ариан Вэджа (иногда любители красивостей умудряются «перевести» с английского даже как «Эйриайн Вайэджио», и это, безусловно, просто непроходимое невежество). Исходно поселения русов-индоевропейцев в этих краях назывались Ярьи Веси (Веши) или Арьи Вежи — то есть «поселения ариев-яриев» («инглиша» в те далекие времена с

его «джи», «эй», «пи», «си» и прочим словесно-буквенным «мусором» еще не существовало). А исторические арии-индоевропейцы говорили на естественном, флективном языке русов (пояснение: тот же «инглиш» есть поздний аналитически-синтетический язык, поэтому опираться на него при историко-лингвистических исследованиях не допустимо).

Часть индоевропейцев из северно-причерноморских станиц (и других мест) оседала в арьих вежах на Иранском нагорье. Другая, наиболее упорная (или менее везучая), шла дальше, достигая берегов Инда, а потом Ганга. Маловероятно, что до Инда доходили те русы, которые выходили с берегов Дона, Кубани, Днестра. Нет, скорее всего сами они оседали где-то на пути к теплому югу и со временем выделяли из своих общин-станиц новые роды-выселки. Главная цель была не в том, чтобы непременно достичь Индийского океана, а в том, чтобы найти плодородную землю и пастбища. И потому движение русов-переселенцев не было лихой военной кампанией, вторжением «бестий», «стремительным походом на врага» или иным «блицкригом».

Русы-индоевропейцы шли не грабить и завоевывать, а жить и трудиться на возделываемых ими полях. Трудиться в поте лица своего. И беречь плоды трудов своих. Когда род-выселок покидал материнский род-станицу, большая процессия выглядела примерно так: впереди верхом на конях ехали дозоры, юноши, цель которых была не столь разведка путей, сколь упреждение опасности на пути; за ними на «колесницах», а точнее на легких повозках с впряженными в них лошадьми, двигались молодые воины, вооруженные копьями-пиками, ножами, боевыми топорами и реже мечами, на одной из колесниц ехал выбираемый на время «похода» князь; потом шла часть стада (коровы, быки и пр.); за ними двигались тяжелые возы, запряженные волами; в возах сидели женщины, дети, лежал скарб; мужчины, молодые и зрелые воины-земледельцы шли по бокам от возов и скота, с оружием; за возами гнали скотину; и прикрывал всю процессию опять-таки «колесничный» и конный арьегард; волхвы-жрецы находились в середине колонны и поддерживали связь с князем и воеводами. Скот оберегался как зеница ока. В условиях переселения он был кормильцем рода. В открытой степи род шел более «широким фронтом», с частыми привалами-остановками.

Уходящих, как правило, не преследовали даже враждебно настроенные роды: уходящие освобождали землю, предмет раздоров, тут действовала поговорка «скатертью дорога».

И напоследок вернемся к современному пониманию «арийской проблемы», ставшей весьма удобной формой унижения индоевропейских (арийских) народов и механизмом давления на них. Теперь, по прошествии более полувека с окончания Второй мировой войны, стало предельно ясным, что Гитлер с его экстремально-«романтической» теорией «чистого арийства» был использован некими третьими силами не только для гиперкомпрометации самой идеи сохранения индоевропейского генофонда, но и как инструмент для физического уничтожения более сорока миллионов арийцев (более двадцати миллионов русских, белорусов, украинцев, не менее десяти миллионов немцев и австрийцев и более десяти миллионов поляков, чехов, литовцев, латышей, индоевропейской части англичан, англосаксов США и прочих арийских народов Европы.

«Белокурые немецкие бестии», простодушные и доверчивые арийцы, вели братоубийственную войну с прямыми потомками ариев, своими старшими братьями и отцами по великому этнодреву суперэтноса русов, с русскими. Генерал Ваффен СС Л. Дегрелль писал в дневниках: «Представьте себе удивление немцев, проходящих по России и встречающих только блондинов с голубыми глазами, точный тип совершенных арийцев, которыми их учили восхищаться. Блондины. И блондинки! И какие блондинки! Высокие деревенские девушки, прекрасные, крепкие, с голубыми глазами, более естественные и здоровые, чем все те, что были в гитлерюгенде. Нельзя было себе представить более типичную арийскую расу, если следовать самым строгим канонам гитлеризма»*.

Двадцатое столетие стало настоящим холокостом, тотальной мясорубкой для потомков русов-индоариев. Именно они, более 100 миллионов арийцев, были беспощадно уничтожены революциями и войнами в Европе, и прежде всего в кладовой арийского генофонда, в России. Вместе с ними были уничтожены сотни и сотни миллионов их не родившихся детей и внуков.

В настоящее время Россия уже не является генетической «кладовой» русов-индоевропейцев. Место истребленных заняли угро-финские, кавказские и азиатские народности (которым мы желаем процветания, они не виновны в геноциде русских). Прямые потомки русов уже не составляют большинства даже в усеченной, расчлененной России.

---

* *L. Degrell.* Hitler pour 1000 ans. Paris, 1969, p. 217.

Потомки русов стремительно вымирают.

Результатом вымирания русов будет полная деградация и гибель созданного русами-русскими великого государства. Так уже было с Шумером, Ашшуром-Руссой, Палестиной, Хараппой, Хеттской, Византийской, Российской империями... Потомкам русов больше некуда отступать. Впервые в мировой истории их ждет полное растворение в иных этносах, окончательная ассимиляция... Или очередное возрождение в ином виде, в другой форме и на другом уровне? История даст нам ответ на этот вопрос.

Все разнообразие существующих ныне рас, подрас, этносов, народностей, племен и одновременно их единство в человеческом роде можно объяснить только одним — смешением единой перворасы, первонарода с различными типами архантропов в многотысячелетнем процессе расселения этой перворасы, первонарода по планете. Будущее Земли зависит не от «социальных» или «политических» систем, а оттого, кто и что возьмет верх — архантропическое начало или человеческое, инволюционеры-неандерталоиды или суперэтнос русов.

Впервые за всю историю Макрохомосоциум остановился на сверхэволюционной линии своего «развертывания» и начал медленно инволюционировать. Это совершенно новое состояние для самого Макрохомосоциума, для суперэтноса — это мегакризис.

Впервые за 40 тысячелетий существования суперэтноса человечество оказалось под угрозой вымирания. Но мы уже знаем **Основной закон этногенеза и сверхэволюции**. Он гласит: «Развивается (развертывается) в пространстве и времени только сам суперэтнос (подвид Хомо сапиенс сапиенс). Все вычленившиеся сыновние этносы обречены на гибель или постепенное угасание. С гибелью суперэтноса человечество обречено на деградацию, инволюцию до животного состояния и исчезновение *(что ускоренно происходит в настоящее время)*.

Суперэтнос русов — расо- и этнообразующее начало

Ранее XLV—XL тыс. до н.э. европеоидов, негроидов и монголоидов не существовало. Евразия была населена сильнопигментированными (темнокожими, черноволосыми, темноглазыми) и не имеющими «удлиненной глотки» (не говорящими) неандертальцами, синантропами и архантропами.

Депигментированный и обладающий речью Хомо сапиенс сапиенс, проторус («рус», в значении «светлый») появился в результате генной мутации Хомо неандерталенсис около XL тыс. до н.э. Других объективных причин появления Хомо сапиенса сапиенса не имеется.

Образование трех основных рас человечества: европеоидной, негроидной и монголоидной, начавшееся в XXXV—XXX тыс. до н.э., завершилось полностью к XV—X тыс. до н.э. Негроидная и монголоидная расы образовались при смешении Хомо сапиенс сапиенс (проторусов) с архантропами Африки в первом случае и Хомо синантропус (при участии Хомо неандерталенсис) — во втором.

К III тыс. до н.э. в основном завершился процесс формирования малых рас или подрас. Внутри суперэтноса русов (европеоидов) и больших периферийных предэтносов Евразии и Северной Африки появилось и частично закрепилось несколько новых антропологических типов, которые принято называть малыми расами.

В Европе это атлантическая, западнобалтийская, восточнобалтийская, центрально-восточноевропейская, западноевропейская, западносредиземноморская, балкано-кавказская, субуральская. В Азии и Африке — переднеазиатская, алтае-са-

янская, индоафганская, эфиопская, восточноафриканская. Часть этих малых рас продолжала входить в суперэтнос русов, объединенный не только антропологическими признаками, но и этнокультурно-языковыми традициями. Другая часть к IV—III тыс. до н.э. полностью вышла за пределы суперэтноса (в этнокультурном смысле) и, что называется, пошла своим путем.

В первую очередь это переднеазиатская малая раса, состоящая из протосемитов и семитов, чьей прародиной были цветущие степи Аравийского полуострова. Огромные стада коз и овец кочевников уничтожили степи, превратив их в пустыню. Это стало причиной переселения протосемитов в Переднюю Азию. Там они и осели, частично истребив, частично ассимилировав и вытеснив иные народы (русов и пограничные предэтносы). По вторичному ареалу обитания данная малая раса и была названа переднеазиатской. Основной этномассив этой расы составляли предки нынешних арабов и предэтносы, родственные арабам и евреям.

«Библейские» евреи и основные роды их потомков («десять колен») были гибридным субэтносом, впитавшим в себя небольшую часть протосемитов и значительную часть русов-ариев Ближнего Востока. «Библейских евреев» мы не можем с полной уверенностью причислять к малой переднеазиатской расе, так как до смешения с «хазарами», маврами, переднеазиатскими семитами в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. они были частью суперэтноса русов* или его гибридных родов.

К другим малым расам, вычленившимся из суперэтноса к IV—III тыс. до н.э. и образовавшим свои этно-антропологические общности, относятся: эфиопская, в меньшей степени, восточноафриканская, алтае-саянская и (частично) субуральская.

На формирование эфиопской и восточноафриканской малой рас повлияли негроиды Африки, придав им черный цвет кожи, глаз, волос и другие негроидные признаки. Эти расы не чисто негроидные. В эфиопской в большой степени присутствует протосемитское и семитское вливание, а в восточноафриканской — европеоидное, что делает черты многих представителей этих рас более тонкими, приближающимися к европеоидным. Обе подрасы, вычленившись на ранних стадиях из этнококонов супе-

* Иврит наряду с индоевропейским входил в «ностратическую» семью языков, т.е. в свете нашей работы он вычленился из бореального языка русов и долгое время находился под влиянием русов-индоевропейцев.

рэтноса (в зонах периферийного смешения), практически ушли с исторической арены. И потому мы их рассматривать впредь не будем.

Алтае-саянская подраса образовалась в результате смешения родов русов-бореалов с монголоидами. Она стала основой формирования тюркского вторичного суперэтноса, части предэтносов Сибири и Дальнего Востока, племенной знати (наряду с чистыми русами) Монголии. Длительное время в Сибири, на Алтае, Саянах, в Средней Азии малая алтае-саянская раса значительно уступала по численности южносибирским родам русов и играла вторичную роль. Но со временем положение изменилось, и она постепенно стала вытеснять роды распадающегося суперэтноса и расселяться на запад, в сторону Европы.

Субуральская раса сформировалась в слиянии в основном родов русов-бореалов с архантропами Южного Урала и малой частью монголоидов (вторичных, уже смешанных монголоидо-европеоидов). Она стала основой для образования вторичного суперэтноса угро-финнов, которые впоследствии расселились по Восточной Европе. Но значительная часть субуральцев (русов с невыраженными монголоидными признаками) осталась в составе суперэтноса в качестве части одной из малых подрас.

Целиком и полностью в III тыс. до н.э. в состав суперэтноса входили роды русов, обладавшие всеми признаками следующих малых рас (все европеоидные): атлантической, западнобалтийской, восточнобалтийской, центрально-восточноевропейской, западноевропейской, западносредиземноморской, балкано-кавказской, индоафганской, восточносредиземноморской (с арменоидно-кавказоидными признаками).

В наибольшей степени изначальные антропологические и внешние признаки суперэтноса русов сохранились в восточнобалтийской, центрально-восточно-европейской и индо-афганской малой расах (последняя только в III—II тыс. до н.э.; позже она утрачивает исходные черты).

Названия рас даны учеными XIX—XX вв. н.э., нашего времени, по местам расселения нынешних представителей этих рас. В IV—III тыс. до н.э. русы этих малых подрас полностью заселяли всю Центральную, Северную, Восточную и часть Южной Европы, в том чтсле Северное Причерноморье и Урало-Саянский пояс. Кроме того, они жили по всему ареалу обитания русов-бореалов и русов-индоевропейцев. Но не везде они преобла-

дали. В частности, в Закавказье и на Балканах большую часть населения уже составляли арменоидные и другие русы малой балкано-кавказской расы. Они отличались более крупным костяком, крупными чертами лица, полученными при смешении с южноевропейскими неандерталоидами и неонеандерталоидами (см. т. 1 «ИР»). Русы исходного типа жили и по всему Средиземноморью. Но в III тыс. до н.э. там начинала преобладать средиземноморская малая раса — европеоиды с примесью негроидности, утратившие светлые волосяные и кожные покровы (но не полностью). Как мы знаем, еще итальянские художники Кватроченто, XIV века, изображали светловолосых, сероглазых и голубоглазых русов-«итальянцев» со светлой, молочной белизны кожей — это были аристократы, что говорит нам о кастовости русов не только Индии (русы-арии), но и Средиземноморья. Преобладание «негроидных» русов-средиземноморцев, как правило, вело к упадку тех родов, в которые они вливались, пример тому крах двухтысячелетней могучей цивилизации Триполья.

Русы исходного типа проживали и по Атлантическому побережью Европы, и на Британских островах. Но вперемешку с ними жили роды русов атлантической малой расы. Они отличались большей долихокефальностью (длинноголовостью), вытянутым лицом, более «тяжелыми» нижними челюстями и достаточно массивным костяком. Эти признаки достались «атлантическим» родам русов от европейских неандерталоидов. Под натиском еще первых волн проторусов и прарусов (кроманьонцев и бореалов) в XXXV—XV вв. до н.э. европейские неандерталоиды или уходили в горы (Балканы и Кавказ, где очень заметна неандерталоидность балкано-кавказской смешанной подрасы), или отступали все дальше на запад и север Европы. Там они и оставались в наибольшей концентрации до тех пор, пока первые роды русов их не ассимилировали, впитав в себя неандерталоидные признаки. Последующие роды русов приходили в те края и оседали там, уже не сталкиваясь с этномассивами неандерталоидов, поэтому они сохраняли исходные признаки русов. В IV—I тыс. до н.э. и русы «атлантической» подрасы, и русы Балкан и Кавказа в основном были светловолосы и светлоглазы, несмотря на приобретенную неандерталоидность (это подтверждают легенды армян, грузин, осетин, сербов, черногорцев...). В дальнейшем вытянутое лицо, длинноголовость, крупный костяк передались от русов запада и севера Европы

части представителей таких молодых народностей, как англичане, датчане, исландцы, а также малому числу северных немцев (русского происхождения).

Промежуточным расовым типом между атлантической малой расой и восточнобалтийской-центральновосточноевропейской стала западнобалтийская малая раса, совмещающая признаки исходных русов (умеренная брахикефальность*, умеренно округлое лицо, прямой нос средних размеров, прямые брови без изгибов и подъемов, средневысокий рост, костяк умеренно крепкий, но не массивный). Поэтому западнобалтийскую расу можно считать приближенной к исходному типу руса.

Что же касается западноевропейской малой расы, то она в большей степени удалена от исходного типа и даже от атлантического типа руса-бореала-неандерталоида. В ее формировании сыграли существенную роль не только неандерталоиды Западной Европы, но и реликтовые архантропы, находившиеся в XXXV—XV вв. до н.э. на более низкой ступени развития, чем неандерталоиды. Только этим можно объяснить несоразмерность, грубость и «негармоничность» черт внешности многих даже нынешних представителей этой подрасы. Таковая несоразмерность и грубая «уродливость» в лицах и фигурах значительного числа нынешних швейцарцев (например, прокурор Карла дель-Понто), французов, западных немцев, голландцев, части британцев сразу бросаются в глаза жителю Восточной и Центральной Европы (в частности, России). Но это вовсе не означает, что генезис «западноевропейцев» полностью отличен от генезиса русских, восточных «натуральных» немцев, чехов, литовцев и шведов. Основой и западных, и восточных европейцев были русы-бореалы и русы-индоевропейцы. Но реликтовая примесь архантропов придала западу Европы своеобразное атавистическое и «негармоничное» лицо. Недаром еще сорок тысячелетий назад наши прямые предки выделили себя среди мира архантропов самоназванием «рус», что и означало «светлый, свой, хороший, красивый». Они видели, кто их окружает, и

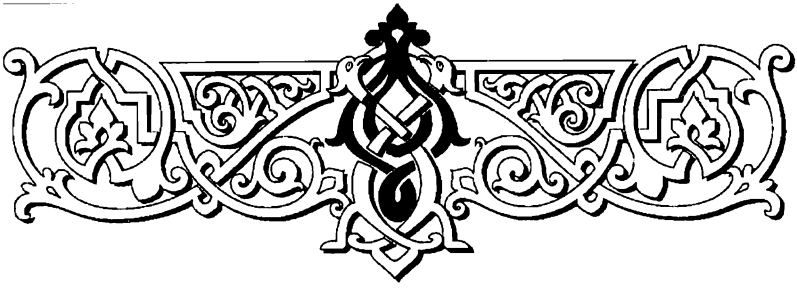
---

* Не путать с выраженной «круглоголовостью», как у некоторых негроидов, монголоидов... Вопреки мнению (нацистские антропологи), прогрессивностью и принадлежностью к Хомо сапиенс сапиенс служит не «длинноголовость», свойственная неандерталоидам и др. архантропам, а умеренная «круглоголовость» (брахикефальность) и грациальность (умеренно крепкий, изящный костяк, «белая кость», тонкие умеренные черты лица).

потому знали, что говорили. Сейчас внешняя разница между людьми разных этносов значительно меньше. Но все-таки и мы видим, что хотя у всех людей на Земле изначально была одна праматерь (это доказано генетиками), но в процессе расчленения родов-народов каждый из них обретал еще и своих, и только своих, предков.

Русы-бореалы, пришедшие в Центральную, Северную и Восточную Европу, наложились на русов-кроманьонцев. Русы-индоевропейцы — на русов-бореалов. Результат: в данных областях сохранен неизмененный тип проторуса-праруса-руса. В Западной Европе архантропы изменили антропологический облик и бореала, и индоевропейца. В Южной Европе этот облик подвергся негроидным влияниям из Северной Африки. На Ближнем Востоке — тотальному давлению переднеазиатской малой расы.

Результатом всех этих процессов, расселений и смешений, и стал огромный метаисторический процесс вычленения из суперэтноса русов множества европейских и части азиатских групп народов и народностей.



Н.И. Васильева, Ю.Д. Петухов

Великая Скифия — протороссийская империя

Пролог

До недавних пор считалось, что история России начинается с 862 г., в котором новгородцы пожелали призвать к себе неких «варягов», оттого что земля у них была велика и обильна, а порядка-то* в ней не было... До этого, полагали, «славянские племена» вели полудикий образ жизни, не зная ни культуры земледелия, ни письменности, не имея городов. Жили они тихо, в каком-то маленьком укромном местечке (не то в болотах Полесья, не то где-то в Прикарпатье). Потом неожиданно вышли из болот и «расселились» по всем направлениям. Пришли с севера варяги, основали у славян государство. Пришли с юга греки, познакомили с религией.

Удивляться такому началу «тысячелетней» истории России не приходится. Следует вспомнить, что в те времена, когда она вошла в учебники, история всей Вселенной насчитывала... менее 7 тысяч лет («сотворение мира» произошло в 5508 г. до н.э.

* В летописи речь идет о «наряде», то есть о найме на службу. Но благодаря вольному переводу Д. Лихачева и иным «ляпам», по свету гуляет басня о «порядке». — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*

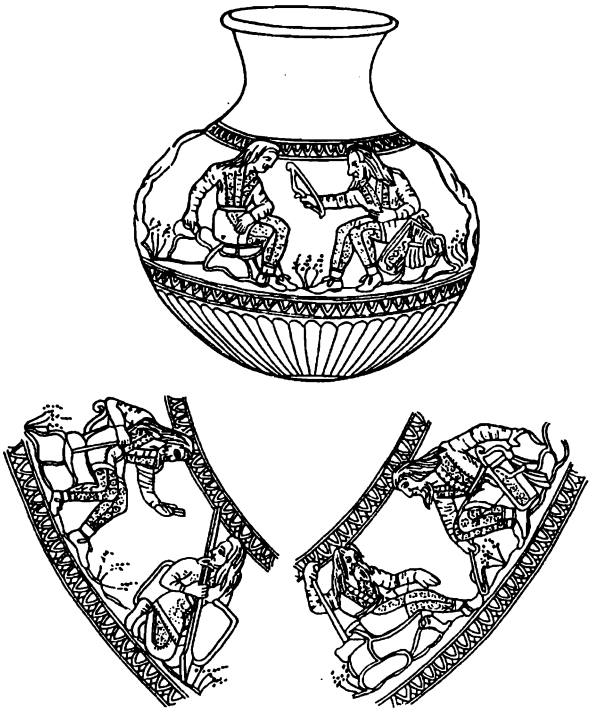
по нашему счету). И это было принято вовсе не как гипотеза, а как твердо установленный факт. Как было просто жить! Земля была плоская, история была короткая...

Но дата «сотворения мира» была пересмотрена. Появились палеонтология и археология с точными методами датировки, были обнаружены новые письменные источники... Многие сообщения давно известных источников, считавшихся легендарными, полностью подтвердились, другие были дополнены и правильно истолкованы. На политических картах Древнего мира появились новые, еще недавно совершенно неизвестные государства.

Вследствие этого мировая история сильно изменилась. Кроме только одного (но может быть, самого существенного пункта): история России осталась по-прежнему «тысячелетней». Точно такой же, как в учебниках «галантного» XVIII века. Россия, как наша Вселенная, началась с «большого взрыва», разметавшего вдруг совершенно ниоткуда многие миллионы народа на огромную территорию. Первые же источники, дошедшие до нас, сообщают, что русское государство занимало большую часть Восточно-Европейской равнины, не говоря уже об остальных славянах, владевших в раннем Средневековье всей Средней Европой до Эльбы (до Рейна. — *Примеч. Ю.Д. Петухова*) и Балканами.

Ну ладно, пусть придумывают сказки о «большом взрыве» Вселенной, создавшем все из ничего за одно мгновение. Но в случае с «рождением России» позволительно в такой взрыв не поверить. За последние 200 лет накопилось немало исследований, проливающих свет на то, что было в «доисторические» времена. Хотя составители учебников и прочего «общечита» предпочитают старую версию, в свете последних данных она выглядит нелепой.

Связную «историю» можно получить, объединяя результаты исследований в самых различных областях: 1) сопоставляя данные источников: старых, хорошо известных, и новых, недавно введенных в оборот, еще недавно считавшихся «подозрительными» (оттого, что они противоречили официальной версии); 2) дополняя и проверяя их данными археологии, пока единственной отрасли исторической науки, пользующейся точными датировками; 3) учитывая лингвистические исследования, которые одни только могут надежно доказать родство и общность происхождения народов; 4) учитывая условия при-



Скифы — кто они? Неразрешимая загадка истории? Или те, кого не желает признавать прямыми предками русских «романо-германская» историческая школа? Скифская история удревняет историю русского народа на тысячелетия — и потому для Запада это вопрос не истории, но политики и даже геополитики. Строгий анализ фактов говорит, что огромный скифский народ никуда не исчезал (как уверяют нас). Он просто стал называться славянским, а ещё точнее русским народом

родной среды, привлекая данные климатологии; 5) устанавливая реалии геополитики.

Только все это вместе взятое может дать целостное представление об Истории. Но с чего ее начать? В старину было проще: начинали с «сотворения мира». А теперь? С эпохи первых государств? Со времен первых земледельцев? С охотников на мамонтов? Может, с динозавров?

Для начала остановимся на рубеже бронзового и железного веков (около 1000 лет до н.э.). Не потому, что раньше «ничего не происходило». Просто от более ранней эпохи до нас не дошло

письменных источников, касающихся истории европейских и североазиатских цивилизаций. Опять-таки не потому, что они «родились» около этой даты (как думали еще полтораста лет назад). Просто более ранние источники не сохранились...

Рубеж эпохи бронзы и железа сопровождался не только технологической революцией, но и сильнейшим культурным «разрывом». Около 1000 г. до н.э. практически повсеместно стартовали новые цивилизации. Письменные источники прошлого в это время куда-то «подевались» (а они, как показали современные исследования, в Европе, по крайней мере на Балканах, были).

То же самое происходило и позже, и раньше. История цивилизаций знает сильнейшие «разрывы», крушения, после которых жизнь как бы начинается заново. Как показывают современные исследования, такой разрыв произошел и в то время, к которому на Ближнем Востоке было приписано «сотворение мира»: как оказалось, в V тыс. до н.э. этот регион испытал сильнейшую катастрофу, древнейшие культуры были уничтожены, на их место пришли новые. Смена культур всегда сопровождалась «стиранием памяти» прошлого, после чего история «обнулялась» и начиналась как бы с чистого листа...

Таким разрывом было принятие христианства и ислама народами Северной Евразии в V—XI вв. н.э. Для южных стран (Средиземноморья и Ближнего Востока) эти религии развились на собственной почве, но на севере они проникли в чужую культурную среду и, естественно, уничтожили там все, что им предшествовало* и противоречило. Особенно резко этот разрыв выглядит на фоне культурной преемственности стран Южной и Восточной Азии, не испытывавших подобных катастроф за последние 4 тысячи лет.

Изучая древнейшие источники по истории России и других северных цивилизаций, следует помнить, что они прошли через жесткий фильтр прозелетических религий новой эры. Есте-

---

* В последние годы такое мнение стало распространенным, можно сказать, заданным — из определенных антихристианских центров, которые пытаются подчинить себе иерархов неоязычества и разрушить основы русского самосознания. Фактически христианство (православие) естественно и органично наложилось на языческую религию русов — вплоть до совпадения и слияния основных праздников и строения храмов на намоленных местах русских капищ. Исторически и духовно русское язычество и русское православие едины и неразрывны. — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*

ственно, роль «южного пояса» Евразии, в особенности Средиземноморья, в общемировом культурном поле дошедшими до нас источниками сильно преувеличена. Его жители объявлены «культурными», а северяне — «варварами»...

Дошедшие до нас источники освещают историю не объективно. Они подобраны далеко не беспристрастно и отражают только одну эпоху (длившуюся несколько столетий) в истории человечества — период преобладания морских (сначала средиземноморских, затем атлантических) над континентальными, евразийскими цивилизациями. Однако этот «морской» период по многим причинам подходит к концу, в связи с чем и возникла необходимость пересмотра созданной в XVII—XIX вв. концепции мировой истории.

Инерция исторических концепций прошлого все еще сильна, поэтому наиболее «хромающей» отраслью современной исторической науки является источниковедение. Новейшие исследования в «позитивных» областях (археологические, антропологические, лингвистические) позволяют опровергнуть устаревшие представления. Находки новых источников, чудом уцелевших от тотальных «чисток», также способствуют выяснению истины.

Начнем историю континентальной Евразии, Великой Скифии, как называли ее древние греки, или Арийского Простора, как говорили в Южной Азии, с эпохи позднего бронзового века, II тыс. до н.э., поскольку именно к этому времени относятся древнейшие — полулегендарные — сообщения источников, подкрепленные в настоящее время данными археологии.

1. Краткая история Великой Скифии

1.1. Киммерийский период (1600—1000 гг. до н.э.)

Самые ранние из доступных нам письменных источников древнейшим народом на территории России называют *киммерийцев*. В Библии Гомер (то есть «киммериец») признается старшим сыном Япета, родоначальника тех народов, которые сей-

час принято называть индоевропейскими (арийскими). Старшим сыном «Киммерийца», в свою очередь, считался «Скиф». Киммерийцы упоминаются и в «Илиаде». Кстати, имя автора «Илиады» — Гомер — как раз и значит: киммериец... Подобные имена в древности были распространены по всей Европе. *Кимвры* были известны на полуострове Ютландия, среди кельтов Британии... На сходство названий столь удаленных друг от друга народов обращали внимание еще античные историки, предполагавшие их происхождение от одного корня[1].

Киммерийцы обитали в южнорусских степях еще в начале железного века (I тыс. до н.э.), но, конечно, их культура сложилась намного раньше. Археологические исследования показывают, что в позднем бронзовом веке, в 1600—1000 гг. до н.э., степную и лесостепную зону Восточной Европы занимала СРУБНАЯ культура, принадлежавшая земледельческо-скотоводческим народам «индоевропейского» (арийского) типа. Поскольку именно в этих местах письменные источники и помещают «место жительства» киммерийцев, надо полагать, что Срубная культура и представляет собой реальный след «киммерийского царства»[2].

Срубная культура обнаруживает полную преемственность с более древними КАТАКОМБНОЙ (2000—1600 г. до н.э.) и ЯМНОЙ культурами III тыс. до н.э., занимавшими те же земли Южной России. Ямная культура считается «протоарийской»: именно от нее исходили те импульсы, которые привели к сложению на обширных территориях Европы и Северной Азии в III — начале II тыс. до н.э. многих народов индоевропейской языковой семьи[3].

Все эти культуры отличались одним и тем же обрядом погребения в курганах, различавшимся лишь в деталях (сначала под курганом делали обычную яму, затем — более сложную конструкцию в виде катакомбы, а в эпоху поздней бронзы укрепляли ее деревянным срубом; в связи с этим этапы культуры южнорусских степей III—II тыс. до н.э. и получили соответствующие названия). На протяжении всей эпохи бронзы сохранялись преемственность типа керамики, жилища и других характерных признаков. Тип хозяйства (смешанное, сочетавшее оседлое скотоводство с пашенным земледелием) в этот период не претерпевал существенных изменений. Как показали антропологические исследования, физический тип населения также оставался постоянным.

Очевидно, что Срубная культура эпохи поздней бронзы, в ареале распространения которой древнейшие источники упоминают киммерийцев, сложилась на старом месте обитания ариев, на их «исторической прародине». Киммерийцы как носители Срубной культуры оказываются прямыми наследниками степных ариев Восточно-Европейской равнины; их предки предпочли остаться «дома», тогда как другие расселились по всем направлениям в Европу и Азию. Неудивительно, что традиция, представленная в Библии, называет киммерийцев старшим из народов индоевропейской семьи.

Само название киммерийцы-кимры, скорее всего, означает просто «степняки» (в одном из древних арийских языков анатолийской группы «степь» — это «гимра»). Память о степной, киммерийской прародине долго сохранялась в Северной Европе...

В Ирландии и в Скандинавии записаны предания о том, что эти земли некогда заселялись выходцами из причерноморских степей (в скандинавских сагах Южная Россия — Скифия — называется Великой Свитьод, то есть Великой Швецией, тогда как собственно Швеция — Малая Свитьод, колония Великой). Эти легенды повествуют о переселении в Западную Европу народов арийской семьи, произошедшем, как предполагают, в конце III тыс. до н.э. Выходит, что причерноморские киммерийцы раннего железного века — это степные арии, которые «остались у себя дома», а скандинавские и британские кимвры — их «родственники», ушедшие далеко на запад.

Родство европейских народов ощущалось еще в античную эпоху. Недаром же греко-римские авторы пользовались собирательным термином «кельто-скифы», подчеркивая родство западных (кельтских) и восточных (скифских) «северных варваров», наследников древней Великой Киммерии...

Учитывая данные археологии и исторической традиции многих народов, нет оснований считать киммерийцев поздними пришельцами в южнорусских степях. Напротив, есть основания полагать, что они были автохтонами, местными жителями с древнейших времен.

Киммерийцы и скифы

Достаточно очевидно, что КИММЕРИЙЦЫ — ЭТО НОСИТЕЛИ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЕЙ эпохи поздней бронзы (1600—1000 гг. до н.э.). Но данные точ-

ных наук оказываются очень неудобными для тех, кто хочет представить историю евразийских степей как бессмысленный калейдоскоп: один неизвестно откуда взявшийся народ полностью истребляет или вытесняет другой, тоже неизвестно откуда взявшийся, и все повторяется снова и снова. Дескать, дикие «кочевники степей» не могли иметь связной, цивилизованной истории: внезапно появлялись и так же внезапно исчезали, не оставляя никаких следов...

После того как с помощью археологических, антропологических и лингвистических исследований выяснилось: древняя цивилизация южнорусских степей имела высокий уровень развития и стала «прародительницей» многих цивилизаций и народов Старого Света, вопрос о привязке древней «доистории» к наиболее ранним из дошедших до нас письменным источникам приобрел особую остроту. Все упирается в происхождение *киммерийцев*, первого из народов южнорусских степей, упомянутого в письменных памятниках; решение этой проблемы позволяет установить, какое отношение имеет Скифия железного века к древним «ариям».

Насколько этот вопрос важен для истории России и мировой истории, не стоит пояснять. И стоит ли удивляться, что как только начала выясняться подлинная роль южнорусских культур эпохи бронзы в генезисе индоевропейских цивилизаций, так сразу же появились «наукообразные» спекуляции вокруг «киммерийской проблемы». На некоторых из этих спекуляций стоит остановиться, поскольку они — в интересах определенных сил — тщательно поддерживаются и культивируются до сих пор.

Прежде всего, для того чтобы «оторвать» киммерийцев от древних ариев, на границе эпохи бронзы и железного века (то есть на рубеже II и I тыс. до н.э.) стараются создать — хотя бы на бумаге — некий «разрыв». То есть: жили-были в евразийских степях некие «арии», да потом все куда-то исчезли. Киммерийцы, упоминаемые античными источниками, не наследники Срубной культуры, но некий «новый» народ, проникший в степи Южной России только в начале железного века (около 1000 г. до н.э.). Откуда же?

Наиболее распространена версия, что *киммерийцы* были... *фракийцами*. Однако реальные фракийцы раннего железного века — жители бассейна Дуная и Северных Балкан — оседлые земледельцы, не проявлявшие любви к переходам через степные пространства, тогда как о причерноморских киммерийцах

источники (и данные археологии) говорят как о типичных «всадниках», скотоводах.

Никаких археологических свидетельств продвижения народов с Северных Балкан в Причерноморье на рубеже II и I тыс. до н.э. нет. Напротив, есть свидетельства значительных миграций в обратном направлении, из киммерийских степей на Балканы... Единственный аргумент в пользу «фракийского» следа — это имена некоторых крымских царей, имеющие аналоги на Северных Балканах. Но кто поручится, что это результат влияния с запада на восток, а не наоборот, или вообще не результат общего происхождения «именного набора»*. Даже из небольшого списка имен, приведенного у Геродота, видно, что имя Спаргапит одновременно носили: фракийский царь с берегов Дуная, царь причерноморских скифов и царевич среднеазиатских «скифов» — массагетов...

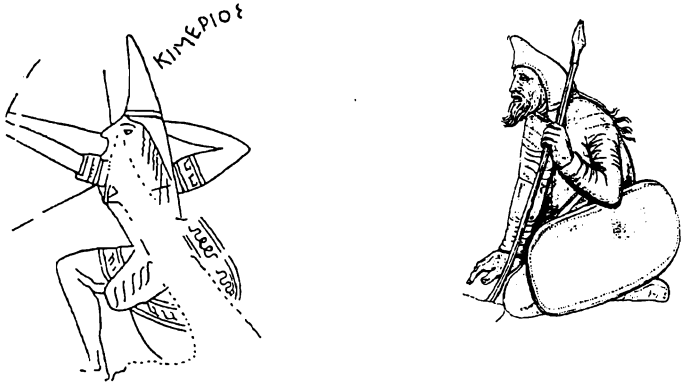
Скифские имена обнаруживают большое сходство и с именами кельтского типа, распространенными в Западной Европе (например: Фредегонда, королева франков; Родогунда, царевна парфян — среднеазиатских скифов; Гундохар, король Бургундии; Гондофар, царь скифов-саков в Северной Индии). Не ясно ли, что этот общий именной набор — наследие «арийской» эпохи, результат общего происхождения? (И даже доарийской эпохи. — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*)

Спекуляции вокруг киммерийцев, попытки приписать им «иностранное» происхождение выполняют поставленную задачу: создать разрыв между древними ариями эпохи бронзы и населением южнорусских степей железного века. Точно такой же разрыв — и в тех же целях — пытаются искусственно создать между киммерийцами и скифами, заселявшими степи Южной России в раннем железном веке. Якобы встретились два разных и чужих друг другу народа, один из них вытеснил другой, и... история началась заново.

Однако, если обратиться к подлинным историческим памятникам, можно убедиться, что скифы были известны окружаю-

---

* Это результат общего происхождения сыновних этносов ариев-индоевропейцев, вычленившихся из единого суперэтноса и хранящих его этнокультурно-языковые традиции. Подробнее о суперэтносе русов, его генезисе, происхождении бореалов, ариев-индоевропейцев — в монографии Ю.Д. Петухова «История Русов. Древнейшая эпоха». М., 1998, 2000, 2003, 2005, а также в монографиях: Дорогами Богов. М., 1990 — 2005; Сверхэволюция. Суперэтнос Русов. М., 2005, 2006 и др.



Скиф-киммериец на греческой вазе VII в. до н.э. и скиф V в. до н.э. со щитом

щим народам с древнейших времен. Скифы упоминаются уже у старейшего греческого поэта Гесиода (VIII в. до н.э.). В сказаниях о Геракле описано, как этот знаменитый герой Греции (и основатель многих царских династий) получил свой лук из рук скифа Тевтара, который и обучил его стрельбе, а ведь, согласно традиции, деятельность Геракла относится ко времени за одно-два поколения до Троянской войны, то есть к первой половине XIII в. Предания о скифах входят в самые архаичные греческие мифы, такие, как миф об изобретении земледелия, лука, технологии выплавки меди и др.

В эпоху Гомера и Гесиода, то есть в начале I тыс. до н.э., скифы (равно как и киммерийцы) воспринимались «греками»* как вполне известный, «привычный» народ; о них писали, их изображали[4]. Но это значит, что место жительства скифов не могло в то время находиться на слишком большом расстоянии от Греции.

«Отец истории» Геродот, описывая происхождение скифов, предложил две версии. Одна из них повествует о приходе скифов *из Азии* и разгроме ими киммерийского царства в Причерноморье. Вторая же, рассказывая о происхождение скифов от верхового божества и «богини географического места», дочери реки

* Мы должны помнить, что никаких греков во времена Гомера не было, как не было и древнегреческого языка. Миф о «древних греках» создан значительно позже. — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*

Борисфена (Днепра), по сути, утверждает автохтонность скифского народа в степях Причерноморья. Какая из версий правильная?

Как ни странно, обе. Как показывают данные археологии, СКИФЫ БЫЛИ БЛИЖАЙШИМИ СОСЕДЯМИ И РОДСТВЕННИКАМИ КИММЕРИЙЦЕВ, ПОТОМКАМИ ВОСТОЧНОЙ (ВОЛГО-УРАЛЬСКОЙ) ГРУППЫ ТОЙ ЖЕ САМОЙ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ[5]. Движение скифов в Причерноморье, о котором свидетельствуют древние историки, происходило вовсе не из «глубин Азии», но всего лишь от берегов Волги. Следует напомнить, что границей Европы и Азии в античные времена признавалась *река Дон*...

Кроме того, не следует представлять дело так, что скифы, пришедшие от берегов Волги и Дона к берегам Днепра, полностью вытеснили здешних киммерийцев. И те и другие были родственными народами: их археологические культуры обнаруживают большое сходство, такое, что в самом деле трудно отличить одну от другой. Традиции эпохи поздней бронзы (то есть киммерийского времени) сохранялись на Дону и в железном веке (в скифское время), что означало и сохранение основного состава населения[6].

Одним из важнейших показателей преемственности культур является обряд погребения. Известно, что скифы хоронили своих правителей в курганах. Но курганы строились в южнорусских степях и прежде, в эпоху бронзы. Установлено, что в скифский период в Поднепровье не только возводились новые курганы, но использовались для погребения и старые, сохранившиеся еще с бронзового века[7]. Это значит, что скифы считали эти курганы *своими*.

Неизбежен вывод: большинство населения Скифии железного века составляли все те же «киммерийцы», сменившие только свое называние. Недаром же Геродот замечал, что вообще народ скифов *весьма многочисленный*, но *настоящих* скифов (то есть пришедших из Азии, из-за Дона) мало[8].

Поскольку и скифы, и киммерийцы имели единое происхождение от народа Срубной культуры, геродотово сказание о «первых царях» можно отнести к их *общим предкам*. Важно то, что ДАТИРОВКА ПО ГЕРОДОТУ НАЧАЛА ПРАВЛЕНИЯ ПЕРВЫХ СКИФСКИХ ЦАРЕЙ — за 1000 лет до похода персидского царя Дария в Причерноморье, то есть около 1500 г. до н.э.[9] — ПОЛНОСТЬЮ СОВПАДАЕТ С АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДАТИ-

РОВКОЙ НАЧАЛА СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ, сформировавшейся в южноуральском и волго-донском регионе в XVI в. до н.э. Это еще раз подтверждает, что древней исторической традиции вполне можно доверять.

Где же начали править первые скифские (и киммерийские) цари, которых, согласно легенде, звали Рипоксай, Арпоксай и Колоксай? Срубная культура, преемственная с более древними арийскими культурами бронзового века, сложилась в степном регионе Южного Приуралья — нижнего Поволжья — нижнего Дона в XVI в. до н.э. К западу же от Дона в эпоху средней бронзы возникла культурная общность, имевшая несколько иные традиции.

Эта общность, занимавшая территорию современной Украины в XVI—XIV вв. до н.э., получила название культуры многоваликовой керамики. Насколько сильно она отличалась от классических степных культур эпохи бронзы, видно хотя бы из того, что ее носители почти не применяли курганный обряд погребения. Есть основания полагать, что многоваликовая керамика распространилась на Украину с запада, из бассейна Дуная.

Дон в эпоху средней бронзы стал границей двух этнокультурных общностей — различных и, по-видимому, враждебных. На берегах реки в это время возникла система мощных оборонительных сооружений — *каменных крепостей*. Это были первые постройки такого рода в Восточной Европе, не уступавшие современным аналогам на Балканах и Ближнем Востоке.

Южнорусские степняки «откатились» на восток, в поволжские степи, утратив почти всю Украину, которую заняла культура многоваликовой керамики. На Волге же в XVI в. до н.э. сложилась новая общность, Срубная культура, которая и была собственно «скифо-киммерийским» царством.

Такой геополитический «статус кво» сохранялся около 3-х столетий. Наконец, в XIV в. до н.э. носители Срубной культуры прорвали линию укреплений на Дону. Крепости были разрушены и не восстанавливались более никогда. В них отпала надобность, поскольку теперь степи от Волги и Урала до Днепра и Днестра оказались объединены в одну этнополитическую систему.

Очевидно, называние скифы (самоназвание, согласно греческим источникам: сколоты) относилось первоначально к тем обитателям южнорусских степей, которые остались жить на своем «старом» месте, в первоначальной области формирова-

ния Срубной культуры — в волго-уральских и донских степях, тогда как «киммерийцами» считались родственные им жители причерноморских степей (территории современной Украины).

Некоторое время «скифская» — восточная и «киммерийская» — западная области Срубной культуры поддерживали между собой связи, но на рубеже железного века — около 1000 г. до н.э. — их единство распалось. Старые, «срубные» традиции поддерживались еще некоторое время к западу от Дона, в Причерноморье, тогда как на востоке, на Дону и Волге, сложилась новая общность. Видимо, именно этот момент в развитии южнорусской степной цивилизации и отражен в наиболее ранних античных источниках, сообщавших о существовании двух царств — киммерийского и собственно скифского, а также о враждебном столкновении между ними.

Рассказ о падении киммерийского царства под натиском скифов, приведенный древними источниками, находит археологическое подтверждение. Ко времени около 800 г. до н.э. относится гибель поселений так называемой Кобяковской (позднесрубной) культуры на нижнем Дону; очевидно, это и есть реальные следы перехода скифов через Дон, то есть их «нашествия» из Азии в Европу.

Столетними усилиями русофобской историографии были навязаны ложные стереотипы, до сих пор мешающие правильному пониманию древнего периода истории нашей страны.

1. Киммерийцы — якобы «поздний» народ, появившийся только на рубеже II и I тыс. до н.э.

Достоверные источники свидетельствует о глубокой древности киммерийского народа (в Библии Киммериец признан старшим сыном родоначальника индоевропейцев, Япета), а данные археологии позволяют проследить преемственность культур в южнорусских степях, по крайней мере с начала бронзового века. Нетрудно заметить, что с помощью этого нехитрого положения пытаются разорвать связь между киммерийцами и древнейшим народом Южной России — «протоариями»...

2. Киммерийцы — якобы пришельцы в южнорусских степях (например, им приписывается балкано-фракийское* происхождение), «чужие» по отношению к скифам...

---

* Здесь, на наш взгляд, автор напрасно открещивается от родства киммерийцев-скифов и балкано-фракийцев. И те и другие самые близкие родственники по арийской линии — протославяне. И те и другие порождены русами-ариями Северного Причерноморья и в целом циркумпонтийской зоны. — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*

На самом деле древняя историческая традиция говорит о родстве этих народов (в Библии Скиф считается сыном Киммерийца), а археология свидетельствует о большой близости их культур.

3. Скифы якобы пришли в Причерноморье не раньше VII в. до н.э. (чуть ли не около 600 г. до н.э.).

Это положение необходимо для отрыва известий письменных источников о киммерийцах и скифах от периода Срубной культуры (1600—1000 гг. до н.э.). Но по данным археологии, скифы перешли через Дон еще около 800 г. до н.э. Это значит, что земли между Волгой и Доном, а также Северный Кавказ скифы занимали еще раньше — около 1000 г. до н.э. — тогда, когда археология фиксирует конец Срубной культуры, восточная группа которой, несомненно, принадлежала предкам скифов, а западная — предкам киммерийцев.

4. Скифы якобы полностью вытеснили (или даже истребили) киммерийцев, заняв их место...

На самом деле была устранена только правящая элита. Киммерийский народ никуда не делся, а остался на своем месте, составив основу населения Скифии...

Подведем итог. Киммерийцы — это вовсе не «новый» народ, пришедший в южнорусские степи неизвестно откуда в раннем железном веке, а наоборот, самый древний, «старший» в арийской семье, преемственный с ариями эпохи бронзы (Ямная культура III тыс. до н.э.). Из древней Киммерии происходили постоянные переселения в Европу и Азию, образовывались новые царства и новые народы (некоторые из них продолжали носить имя «кимры»), но какая-то часть жителей сохраняла верность своей прародине. Так продолжалось до тех пор, пока киммерийское царство не ослабло (конец Срубной культуры около 1000 г. до н.э.). И тогда произошло его восстановление с востока, из-за Волги: скифы вышли к Дону, а примерно через 200 лет (около 800 г. до н.э.) заняли и западные земли Причерноморья. Учитывая сообщения Геродота и других источников о начале государственности в Северном Причерноморье за тысячу лет до похода Дария 512 г. до н.э., и сравнивая с данными археологии о начале Срубной культуры (XVI в. до н.э.), мы можем отождествить собственно «киммерийское время» в степях Южной России с периодом этой культуры, 1600—1000 гг. до н.э. Рубеж II и I тыс. до н.э. стал началом собственно «скифского времени» (и началом железного века), поскольку уже в это время ски-

фы обосновались на Дону; здесь и сложилось их государство, охватившее через несколько столетий также и Причерноморье.

Никакого «калейдоскопа» народов в евразийских степях в бронзовом и железном веках не было. Археологические культуры степной зоны Восточно-Европейской равнины эпохи бронзы и железного века обнаруживают большую преемственность, то же относится и к физическому типу людей, оставивших эти культуры.

Надо признать, древняя историческая традиция, представленная в Библии, считающая Скифа старшим сыном Киммерийца, а Киммерийца — старшим сыном Япета (арийца), абсолютно верна.

Самоназвание киммерийцев и скифов

Название «киммерийцы» можно интерпретировать как «степняки» (хеттское «гимра» — степь). Это обозначение «географической» принадлежности, а не собственно этноним. «Скифами» называли южнорусских степняков греки, в самой же «Скифии» это слово не применялось. У Геродота сказано ясно: «ОБЩЕЕ ЖЕ ВСЕХ ИХ (СКИФОВ) НАЗВАНИЕ — СКОЛОТЫ, ПО ПРОИМЕНОВАНИЮ ЦАРЯ; СКИФАМИ ЖЕ НАЗЫВАЮТ ИХ ЭЛЛИНЫ»[10]

Название «сколоты» носила не часть скифов[11], но именно все скифы в целом; ничего другого из сообщения Геродота вывести нельзя. Почему возникло желание «сократить» ареал распространения имени «сколоты» и свести его к самоназванию небольшой приднепровской группы «скифов-земледельцев»? Потому, что к названию СКОЛОТЫ восходит современный этноним СЛАВЯНЕ....

Название «сколоты» образовано от древнего славянского слова «коло», круг. Оно связано с солнечным культом и имело смысл «солнечный круг»; он и отразился в этнониме. Хорошо известно, что древнейшие источники употребляют термин «славяне» в форме «склавены»; такая форма сохранилась и в некоторых языках (например, в испанском — «эсклаво»). К корням типа «слово» или «слава» (позднейшие псевдонаучные этимологии) происхождение названия «славян» свести нельзя, зато отчетливо выявляется связь: СКОЛО — СКЛА (по закону, сохранившемуся и в современном русском языке) + замена древнего суффикса на новый.

Мы будем использовать традиционный в историографии термин «скифы», но следует помнить, что это название, данное со стороны, и что **самоназвание скифов есть СКОЛОТЫ, то есть, по сути, СЛАВЯНЕ**. Обращаясь к источникам, можно убедиться, что они использовали термин «скифы» (который есть только заменитель «сколотов») очень широко как в пространстве, так и во времени. С одной стороны, скифами называли жителей огромных пространств Евразии, с другой, не только собственно «скифов» железного века, но и их предков эпохи бронзы, и их потомков...

За термином «скифы», применяемым в столь широком смысле, стоит понимание глубокой общности, единства скифской цивилизации в пространстве и ее преемственности во времени.

Основные исторические события бронзового века в южнорусских степях по сообщениям источников. Господство скифов (ариев) над Азией в IV—III тыс. до н.э.

Современных бронзовому веку источников по истории Великой Скифии не сохранилось, однако основные события все же можно восстановить по позднейшим сообщениям. Стоит особо подчеркнуть, что историки античной эпохи считали население южнорусских степей периода, предшествовавшего собственно скифскому, прямыми и непосредственными предками скифов железного века; вопроса о разрыве преемственности для них просто не существовало. Поэтому, говоря о событиях, относящихся к эпохе бронзы, они просто употребляли термин «скифы».

Согласно Помпею Трогу, СКИФЫ ДОБИВАЛИСЬ ГОСПОДСТВА НАД АЗИЕЙ ТРИЖДЫ[12]. Последний период скифского господства в Азии — это, несомненно, VII в. до н.э.; события этого времени хорошо известны из античных источников. Первые две эпохи скифского господства, очевидно, относятся к бронзовому веку.

Древние историки утверждают, что первый период скифского господства в Азии продолжался полторы тысячи лет и завершился около 2054 г. до н.э. Как писал Помпей Трог, «АЗИЯ ПЛАТИЛА ИМ (СКИФАМ) ДАНЬ В ТЕЧЕНИЕ 1500 ЛЕТ; КОНЕЦ УПЛАТЕ ПОЛОЖИЛ АССИРИЙСКИЙ ЦАРЬ НИН». То же самое событие точно датировано у Павла Орозия (историка

V в. н.э.): «За 1300 лет до основания Рима царь ассирийский Нин... поднявшись с юга от Красного моря, на крайнем севере опустошил и покорил Эвксинский Понт»[13].

Сопоставляя даты (основание Рима — 753 г. до н.э.), можно считать, что скифы господствовали в Азии в XXXVI—XXI вв. до н.э., в эпоху ранней бронзы. Это время — период Ямной культуры и ее непосредственных предшественников, время, когда арии южнорусских степей расселялись по всем направлениям, создавая новые царства.

Интересно, что датировка прекращения скифского господства в Азии по Павлу Орозию (около 2000 г. до н.э.) полностью совпадает с окончанием Ямной и началом Катакомбной культуры южнорусских степей. Хотя эти культуры в целом обнаруживают преемственность, очевидно, что переход одной из них в другую отражает какие-то глубокие социально-политические изменения, какую-то внутреннюю перестройку скифской цивилизации; такой момент как раз и должен был сопровождаться некоторым ослаблением Скифии и потерей ее влияния на окружающие страны.

Как видим, античные историки, хотя уже не знали подробностей, сохранили в памяти общую геополитическую ситуацию той отдаленной эпохи. Их сведения, еще недавно казавшиеся фантастическими, полностью подтверждаются данными археологии: в самом деле, во второй половине IV и до конца III тыс. до н.э. народы, населявшие южнорусские степи, доминировали в культурном и политическом плане в Азии и Восточном Средиземноморье.

В глазах античных историков «арии» южнорусских степей эпохи ранней бронзы — те же самые скифы, предки скифов железного века; они не разделяют прошлое и настоящее «великоскифского» народа.

Экспансия скифов в Малую Азию: царство амазонок (XXI—XIII вв. до н.э.)

Следующее известие о событиях в Скифии относится ко времени около XXI в. до н.э. (сразу после прекращения господства скифов в Передней Азии). Как утверждает Помпей Трог, знаменитое «царство амазонок», игравшее такую большую роль в греческих преданиях, было основано на южном берегу Черного моря «скифскими юношами царского рода» Плином и Сколопитом, изгнанными из отечества «происками вельмож».

Амазонки на греческой вазе V в. романтичны и грациозны. Но достаточно быстрого взгляда, чтобы определить — это скифские женщины, в скифских головных уборах в характерной «скифской позе» — ступни вперёд, головы назад

Очевидно, это было вполне реальное политическое образование, существовавшее в течение почти всего II тыс. до н.э.; что касается мифических подробностей «из жизни амазонок», то здесь греческие источники просто слегка преувеличивали обычаи скифских женщин, хорошо известные и в позднейшие времена.

Вполне вероятно, что «царство амазонок» тождественно «стране КАСКА» на малоазийском побережье Черного моря, упоминаемой хеттскими и другими источниками[14]. Этноним «каска, касог, касак» отмечается в Приазовье и на Кубани еще в Средние века; очевидно, он относится еще к протоарийской эпохе, и именно к нему восходит современный термин «казак»[15]. Амазонки из «страны каска» оказываются... казачками! Интересно, что «страна амазонок» долгое время поддерживала политические связи со Скифией, своей «основной базой». Согласно Помпею Трогу, во время войны с афинским царем Тезеем царица амазонок Орития обратилась за помощью к скифскому

царю Сагилу, который послал войска на помощь во главе со своим сыном Панасагором; поход, однако, не имел успеха, так как «амазонки» и скифы перессорились.

В поздний период своего существования (Тезей правил в XIII в. до н.э.) царство амазонок успело «вписаться» в местные, малоазийские условия, и его интересы стали расходиться с интересами скифской метрополии. Уже преемница Оритии, царица Пентесилея, участвовала в Троянской войне на стороне Трои, форпоста малоазийской цивилизации на западе; штурмовали же город соединенные войска греков-ахейцев (микенцев) и данайцев (то есть танаитов, донцов), выходцев с берегов Азовского моря.

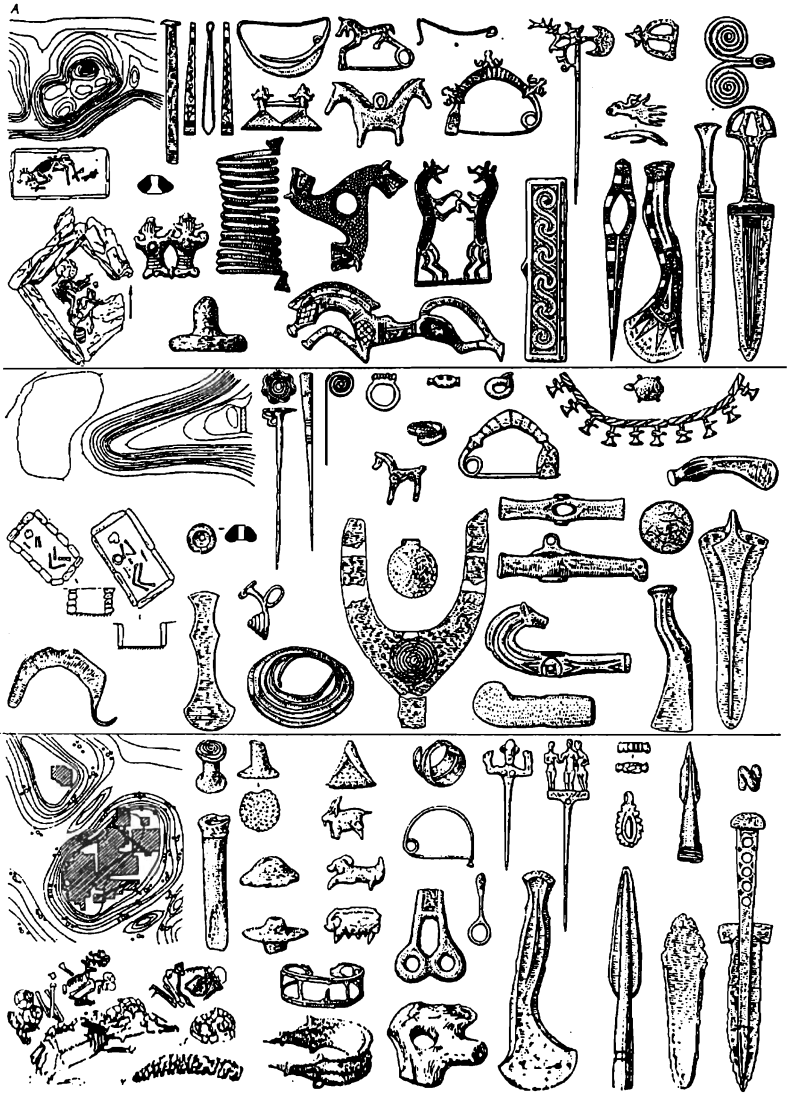
Таким образом, «страна амазонок», основанная как скифская колония на южном побережье Черного моря около XXI в. до н.э., в XIII в. до н.э. утратила связи с прародиной; ее правящая элита «растворилась в местном населении».

Поражение скифов от фракийцев (XVI в. до н.э.)

О крупном поражении, которое некогда претерпели скифы от фракийцев, сообщил римский историк Арриан. Якобы после этого поражения скифы, которые «прежде питались хлебом и занимались земледелием, жили в домах и имели города», усилили скотоводство, чтобы стать более подвижными и воинственными.

Что за событие имелось в виду? Во времена собственно скифские, в раннем железном веке, ничего подобного не могло бы случиться. Сильное государство Причерноморья не только не уступало фракийцам (то есть народам Северных Балкан), но напротив, безусловно, доминировало над ними. Речь может идти только о древнейших событиях эпохи бронзы; пониманию этого факта мешает предвзятое представление, что «скифы» и «киммерийцы» — два разных народа. Если обратиться к данным археологии, то у нас есть только одна возможность локализовать «поражение скифов от фракийцев» во времени: соотнести это событие с появлением в Причерноморье «культуры многоваликовой керамики» (XVI—XIV вв. до н.э.).

Прекращение около 1600 г. до н.э. Катакомбной культуры свидетельствует о глубокой внутренней перестройке цивилизации Скифии. Вполне вероятно, что именно в этот критический момент Скифия и подверглась экспансии с западного направле-



Особенность локальных вариантов
Кобанской культуры XII—VII вв. до н.э.
Здесь мы видим смешение стилей скифов и ранних славян

ния. В самом деле, все бывшие западные области Катакомбной культуры, вплоть до реки Дон, оказались на два-три столетия заняты новой общностью «многоваликовой керамики», традиции которой сильно отличались от местных: в частности, почти исчез классический южнорусский курганный обряд захоронения.

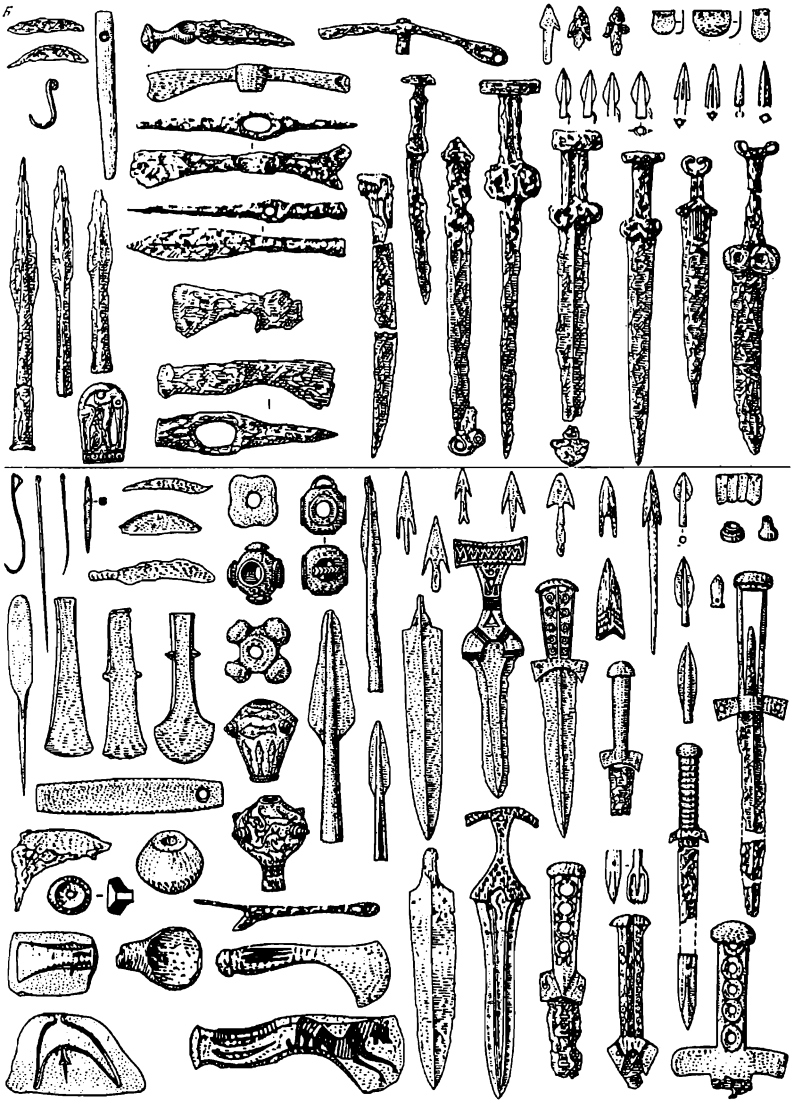
Очевидно, «многоваликовую керамику» принесли с Дуная и Балкан фракийцы, подчинившие всю территорию современной Украины. За Доном же продолжала развитие местная традиция, преемственная с арийской степной культурой ранней бронзы; начиная с 1600 г. в регионе от Урала до Волги и Дона сложилась Срубная культура. Две этнополитические общности, Многоваликовая и Срубная, были разделены линией мощных каменных крепостей на Нижнем Дону, что свидетельствует об их противостоянии.

Сообщение Арриана о том, что скифы после поражения «оставили земледелие», став менее оседлыми, но более подвижными и воинственными, тоже может найти археологическое подтверждение: в XVI—XIV вв. в волго-уральских степях действительно имел место определенный культурный упадок; так, прекратилось строение хорошо укрепленных и тщательно застроенных протогородов типа знаменитого Аркаима, их сменили поселки с небольшими домами. Тем не менее, упадок через несколько столетий был преодолен. В XIV в. до н.э. донские крепости пали, и Срубная культура заняла всю Украину, восстановив тем самым целостность Великой Скифии.

Второе господство скифов в Азии. Войны в Египте и Палестине — XIII в. до н.э.

Падение в XIV в. крепостей на Дону, восточного форпоста дунайско-балканской цивилизации, было предвестником перемен. Пришел черед натиска Скифии на Балканы. Взятие Трои (около 1230-х гг. до н.э.) позволило «взломать» ворота Азии, и данайцы-танаиты обрушились на страны Восточного Средиземноморья.

Их походы описаны в египетских источниках как нашествие «народов моря», поскольку после захвата Боспорского пролива скифы проникли в Эгеиду и далее использовали для военных операций морские пути. О войнах скифов с Египтом сообщают многие источники. Интересно, что некоторые из них утверждают, что нападению скифов предшествовала агрессия египтян.



Орудия труда и оружие Кобанской культуры

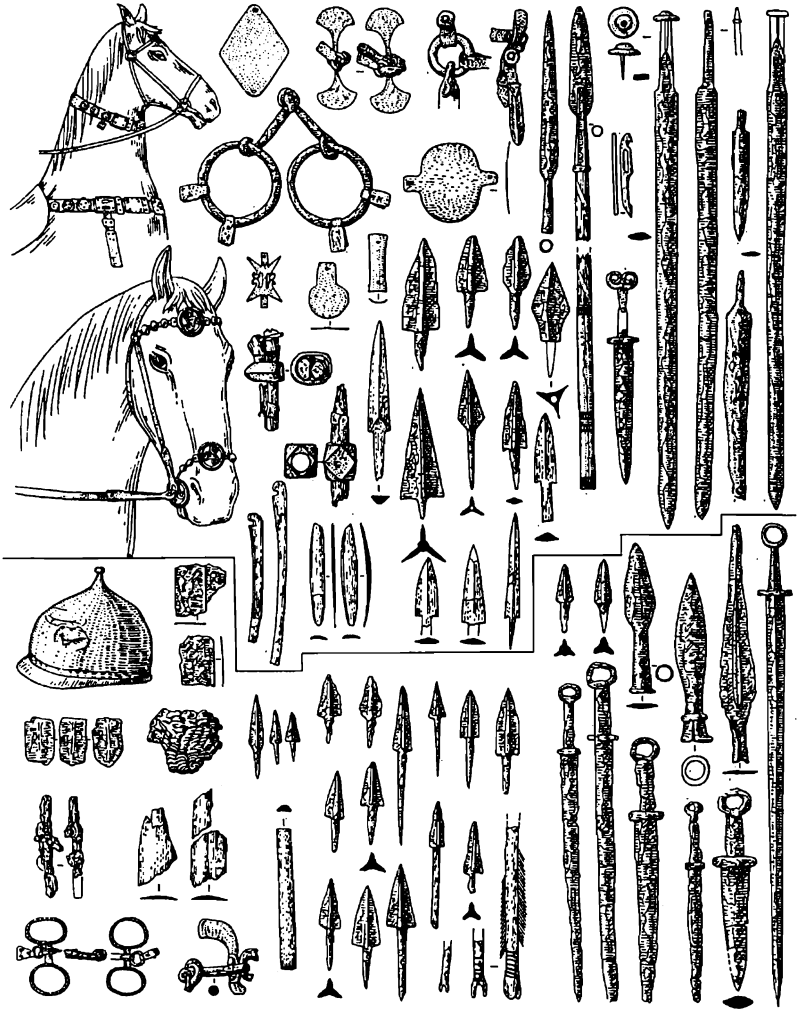
Так, Геродот сообщает, что на скифов некогда ходил воевать «фараон Сесострис»; Павел Оросий утверждает, что на Скифию нападал «фараон Весоз». Это имена собирательные; они могли относиться к разным эпохам. Корнелий Тацит называет имя фараона, одержавшего победу над скифами, достаточно точно; согласно этому авторитетному источнику, «царь Рамсес овладел Ливией, Эфиопией, странами мидян, персов и бактрийцев, *а также Скифией...*»[16]. В XIII в. до н.э. Египтом правили бесчисленные Рамсесы; видимо, об одном из них и идет речь.

Насколько вероятно сообщение, что «Рамсес овладел Скифией»? Оно кажется фантастичным только на первый взгляд. Ведь не сомневаются же историки в возможности войны, которую вел против скифов персидский царь Дарий в 512 г. до н.э., а ведь он прошел из Малой Азии в Причерноморье чуть ли не до Дона и привел полумиллионную армию. Немногие из этой армии вернулись назад...

Такого рода наступательные военные действие могли вести правители крупных держав Передней Азии и Восточного Средиземноморья и в эпоху поздней бронзы; возможности у них для этого были. Павел Оросий датирует эту войну 1234 г. до н.э. (что близко предполагаемой дате взятия Трои ахейцами) и описывает ее так:

«В 480 году до основания города (Рима) царь египетский Весоз, или желая смешать войной юг и север, разделенные почти целым небом и морем пояса, или присоединить их к своему царству, ПЕРВЫМ ОБЪЯВИЛ ВОЙНУ СКИФАМ, отправив наперед послов объявить врагам условия подчинения. На это скифы отвечают, что глупо богатейший царь предпринял войну против неимущих, ибо ему, наоборот, следует бояться, как бы не остаться, ввиду неизвестного исхода войны, без всяких выгод и с явными убытками. Затем им не приходится ждать, пока к ним придут, а они пойдут сами навстречу добыче. Они не медлят, и за словом следует дело. Прежде всего, они принуждают самого Весоза в испуге бежать в свое царство, на оставленное же войско нападают и забирают все военные припасы. Они опустошили бы также весь Египет, если бы не были задержаны и отражены болотами. Вернувшись тотчас назад, они бесконечной резней покорили всю Азию и сделали ее своей данницей...»[17]

Очевидно, это нашествие скифов в Восточное Средиземноморье (бывшее только ответом на агрессию!) и есть то «второе



Оружие и конское снаряжение среднесарматской и позднесарматской культур

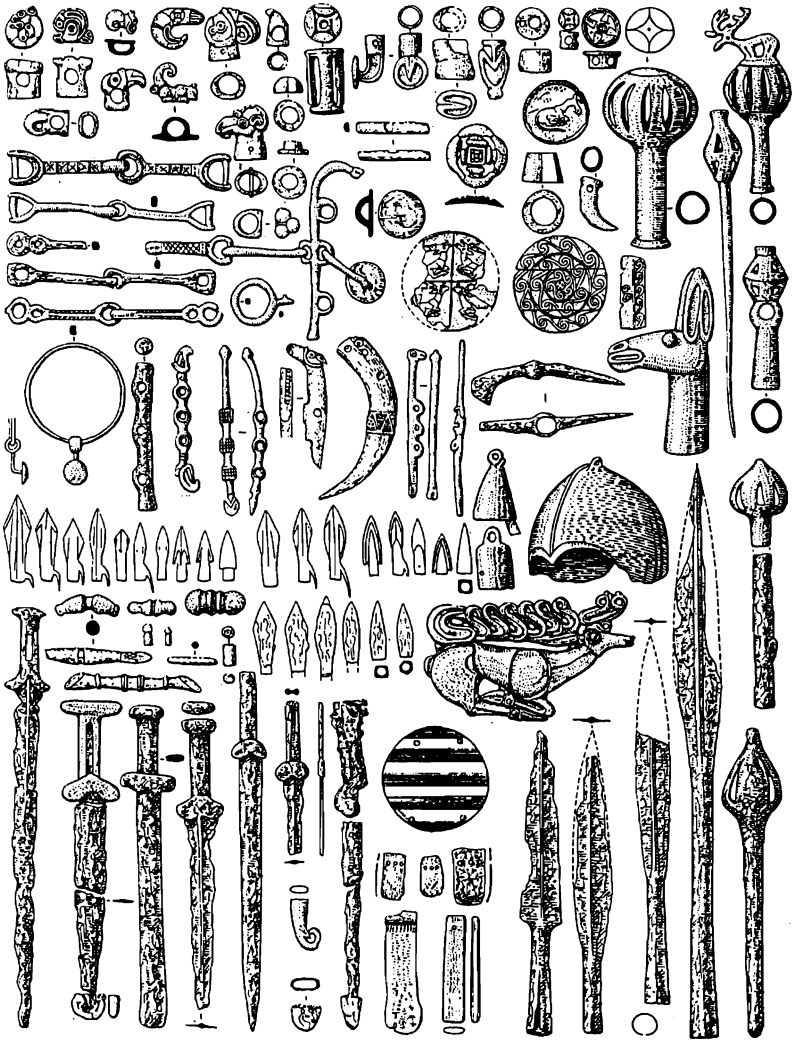
господство скифов», о котором говорил Помпей Трог. Эти же события имел в виду и Страбон, упоминавший о вторжении «киммерийцев, которые в гомеровские времена или немного раньше опустошали набегами целую область от Боспора вплоть до Ионии»[18]. В сообщении Страбона речь не может идти о знаменитых киммеро-скифских войнах раннего железного века, известных по Геродоту и ассирийским надписям, эти войны начались никак не ранее 720-х гг. до н.э., и Гомер, жизнь и деятельность которого относят к IX—VIII вв. до н.э., уже не мог быть их современником.

Вторжение «северных варваров» в Восточное Средиземноморье происходило в конце XIII—XII вв. до н.э.; оно сокрушило Хеттское царство, достигло Палестины и поколебало могущество Египта. В египетских источниках это — экспансия «народов моря», направленная на Ближний Восток через Балканы, из южнорусских степей — из ареала Срубной культуры в последние века ее существования.

Сопоставив сообщения Страбона, Помпея Трога, Павла Оросия и египетские надписи, можно утверждать, что и Троянскую войну, и войны с хеттскими Мурсилисами и египетскими Рамсесами в конце II тыс. до н.э. вели именно обитатели причерноморских степей, названные «народами моря» только потому, что в Египет они в самом деле прибыли морским путем, через Греческий архипелаг. Наименование в источниках «северных варваров», воевавших с Египтом, то скифами, то киммерийцами доказывает, что в эту пору они представлялись своим соседям родственными народами, если вообще не одним и тем же народом.

Египетские памятники донесли до нас внешний вид воинов Киммерии, боровшихся с фараоном Рамсесом. Они изображены «с бритыми бородами и головами, с длинными торчащими врозь усами и чубом, какой носили наши запорожцы XVI—XVII вв.; черты лица суровые, с прямым лбом, длинным прямым носом... На головах высокие конические шапки; на туловищах рубахи с каймой по подолу и нечто вроде кольчуг или кожаных курток. На ногах штаны и большие сапоги с голенищами до колен и узкими носками... Сапоги настоящие, современные, какие носят и теперь простые казаки. На руках рукавицы. Вооружение: короткое копье, лук и секира»[19].

Египетские источники называли «народы моря» *гитами* (гетами), а это имя издревле было одним из самых распространен-



Оружие и конский убор из курганов Предкавказья

ных в скифской среде; так, во времена Геродота «геты» жили на Дунае, «фисса-геты» на Волге и «масса-геты» — в Средней Азии... Судя по изображениям, эти древние скифы-геты были удивительно похожи на средневековых казаков. Не оттого ли казачьи руководители носили титул «гетман»? Похоже, что оттого. Недаром о войнах скифов в Египте сообщают русские летописи.

Так, Никаноровская летопись упоминает о походах на Египет предков русских, братьев «Скифа и Зардана»[20]. Загадочного «Зардана» из этого сообщения следует сопоставить с названием одного из «народов моря», напавших на Египет, а именно с «шарданами»; эти «шарданы» через некоторое время после похода на Египет вторглись на о. Сардинию и дали ему свое имя.

Упоминание о «Скифе и Зардане» позволяет отнести сообщение Никаноровской летописи не к скифским походам VII—VI в. до н.э. в Переднюю Азию, но именно к нашествию «народов моря», известному по египетским источникам, происходившему около 1200 г. до н.э. Это одно из самых ранних событий русской истории, сохранившееся в национальной историографии, событие, которое можно надежно датировать.

1.2. Скифский период (1000—400 гг. до н.э.)

Падение Киммерийского царства

Присвоив эпохе поздней бронзы (1600—1000 гг. до н.э.), когда южнорусские степи занимала Срубная культура, название *киммерийского времени*, мы можем считать собственно «скифским» временем ранний железный век — первую половину I тыс. до н.э. Только после распада Срубной этнокультурной общности (около 1000 г. до н.э.) появилось различие между «скифами», наследниками ее восточной части, и «киммерийцами», наследниками западной. Это различие не продлилось долго и не зашло далеко.

Как сообщают античные историки (Геродот и др.), киммерийское царство пало под натиском скифов, пришедших с востока, из «Азии». Сторонники «разрыва» евразийской истории на куски толкуют это так: один народ полностью вытеснил другой... Но подобные «замещения» свершаются легко только на бумаге.

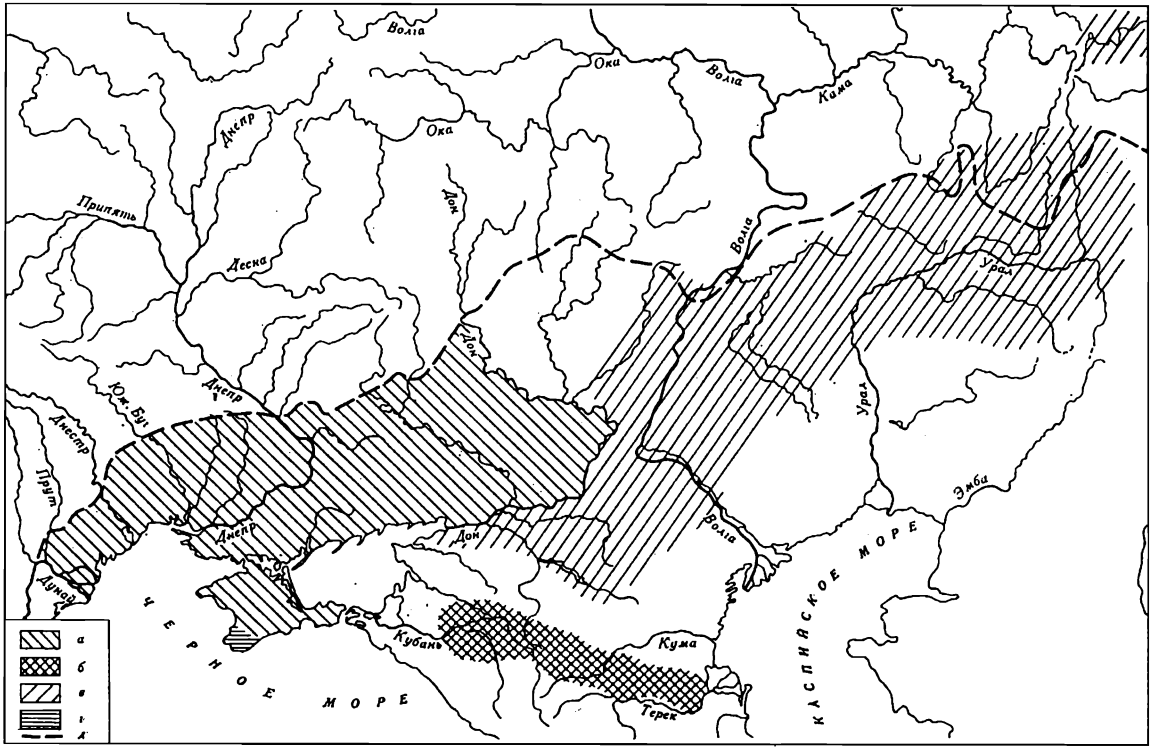
Русский историк Г.В. Вернадский писал: «В то время как народы, осевшие в Южной Руси, обозначаются в различные эпохи несхожими именами, мы не можем быть уверены, что каждое изменение имени сопряжено с миграцией целой этнической группы. Оказывается, что время от времени новые правящие роды захватывали контроль над страной, и несмотря на то, что некоторые группы эмигрировали, большинство местного населения оставалось, лишь принимая примесь крови пришельцев»[21].

Для сравнения: та страна, которую мы называем «Китай», меняла название многократно — каждый раз по имени новой правящей династии. Однако у нас нет сомнений, что под разными названиями, под разными политическими формами скрывается один и тот же китайский народ. Есть все основания то же самое утверждать и относительно цивилизации южнорусских степей.

Следует напомнить, что под «Азией» в античные времена понимались все земли к востоку от реки Дон. Очевидно, скифы пришли в «Европу» не слишком издалека, но всего лишь — с Волги и Дона к Днепру и Черному морю...

Есть ли данные, подтверждающие сообщение о приходе скифов в Причерноморье и их столкновении с киммерийцами? Некоторые историки продвижение скифов объявляют «археологически неуловимым»[22], и тогда рассказ Геродота «зависает» в воздухе, в отрыве от реальных перемещений в пространстве. Конечно, это очень удобно: интерпретировать его можно теперь как угодно, произвольно перемещая и место, и время прихода скифов, тем более что у Геродота ни то, ни другое точно не указано.

Однако археологические подтверждения реальности скифо-киммерийской войны все же имеются. Уже в VIII в. до н.э. нижнедонские степи были заселены скифами, поскольку преемственность культуры в позднейшую эпоху полностью сохранялась. Дон в начале I тыс. до н.э. был границей «Киммерии» (простиравшейся в Приазовье-Причерноморье на запад от Дона вплоть до Карпат и низовьев Дуная) и «Скифии» (на восток от Дона до Волги, южного Приуралья и далее на восток). Около 800 г. до н.э. донской рубеж был прорван: именно к этому времени относится внезапная гибель группы нижнедонских поселений (Кобяково, Гниловское, Хапровское и др.) кобяковской культуры эпохи поздней бронзы, преемственной с общекимме-



Ареалы скифских и сарматских культур в Европе VII—III вв. до н.э.

рийской — Срубной культурой. Это и был момент нашествия скифов «в Европу»[23].

Рассказ Геродота о скифском вторжении в Киммерию нельзя толковать так, что на жителей Северного Причерноморья неожиданно напал совершенно незнакомый и чужой им народ, прибывший из «глубин Азии». Тем более странной выглядит принятая некоторыми историками датировка этого события 700 или 600 г. до н.э.; в свете выявленных очень ранних греко-скифских контактов и данных археологии о гибели позднекиммерийских поселений на Дону около 800 г. до н.э. это представляется неправдоподобным.

Вторжение скифов с Волги и Дона в Причерноморье следует понимать не как «вытеснение» одного народа другим, а как внутрисистемное перемещение. Другими словами, около 800 г. до н.э. в южнорусских степях сменилась политическая власть.

Сообщение античных источников о том, что «скифы сменили киммерийцев», на самом деле означает: скифское царство пришло на смену киммерийскому. Термин «царство» — нисколько не преувеличение. Скифы и киммерийцы имели к тому времени полноценные государственные образования; иначе никак нельзя объяснить последовавшую в VII в. до н.э. великую скифскую экспансию в Переднюю Азию. Чтобы громить Ассирию, Урарту, Лидию, требовалось иметь государственные структуры хотя бы того же уровня.

Не следует недооценивать социально-политическую организацию народов Европы и континентальной Евразии в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Экономика была развита в сущности, ничуть не хуже, чем в Средние века; средства сообщения — тоже (конный транспорт, флот). Это создавало возможность для появления сложных управленческих структур. Г.В. Вернадский считал, что образование первого государства (киммерийского) в русских степях следует отнести к рубежу II и I тысячелетий до н.э., но даже такая датировка явно занижена. Вспомним, что, по Геродоту, скифская государственность восходит к XVI в. до н.э.

Современные исследования показали, что образование ранних государств в Европе (вне пределов Балканского полуострова) произошло намного раньше, чем было принято считать. Следы социальной дифференциации и иерархической структуры власти обнаруживают многие культуры III тыс. до н.э., не говоря уже о более поздней эпохе[24]. Так что представление о

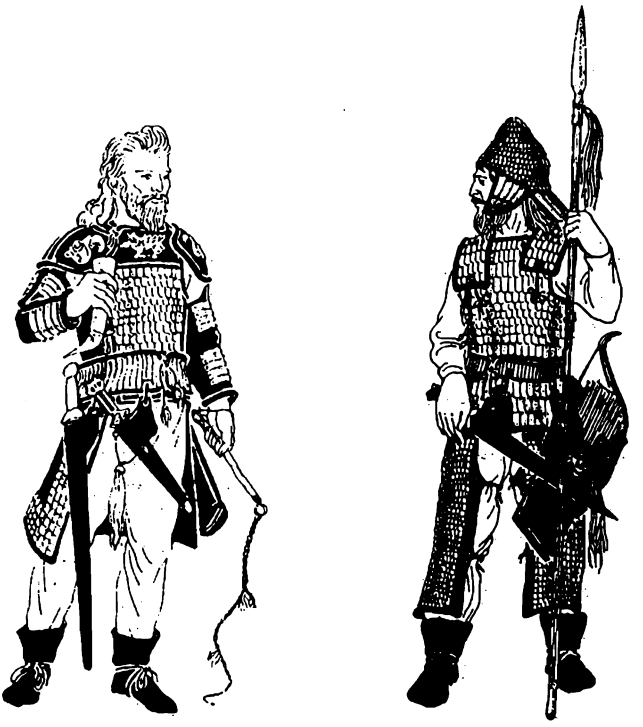
«варварской» Европе, находившейся якобы на «периферии» культурной Передней Азии и Восточного Средиземноморья, далеко от истины...

Дошедшие до нас источники сообщают о существовании у киммерийцев, скифов и других древних народов «континентальной» Евразии крупных этнополитических объединений, которые, в сущности, намного превышали своей мощью малые европейские государства эпохи Средневековья. В Средние века власть, как и многое другое, деградировала. Надо признать — концепция «линейного прогресса» далека от истины. Но сложная управленческая структура требует энергии для своего поддержания; ее развитие сопровождается острыми кризисами. Обратимся к сообщению Геродота, чтобы убедиться: оно говорит скорее о социально-политическом, чем о межэтническом конфликте. Согласно автору «Истории», вторжение скифов вызвало среди киммерийцев настоящий раскол. Правящие слои решили сопротивляться до конца, тогда как простой народ... поддержал пришельцев. Вместо того чтобы воевать со скифами, киммерийцы принялись драться между собой (очевидно, элита общества с народом). Киммерийский «правящий класс» потерпел поражение, и тогда скифы заняли Приазовье-Причерноморье без боя.

Почему же «простой киммерийский народ» не хотел сопротивляться скифам и оказал им поддержку, отвергнув собственную элиту? Очевидно, между правящими слоями киммерийского общества и «простым народом» существовали противоречия[25].

Единая срубная культура южнорусских степей прекратила свое существование около 1000 г. до н.э. Это значит, что скифо-киммерийская цивилизация испытала какой-то серьезный кризис. Внешние проявления кризиса социальной системы всегда одинаковы: «загнивание» правящей элиты, угнетение народа, развитие частного, «кускового» интереса, распад на локальные общности, как следствие — потеря обороноспособности...

В период расцвета Срубная культура занимала Причерноморье и волго-донские степи. Но уже в X—IX вв. до н.э. «позднесрубные» традиции поддерживались только к западу от Дона, а на Нижнем Дону появились элементы новой культуры, показывающие, что скифская общность вышла к этому водному рубежу. Кризис киммерийского царства (конец Срубной культуры) выразился в «отпадении» его западной части от восточной.



Скифы-воины. Классический скифский период X—III вв. до н.э. Попытки представить скифов «ираноязычными» племенами, «тюрками» или даже «монголоидами» полностью провалились. Сейчас доподлинно известно, что скифы были европеоидами малой восточноевропейской расы, той самой, к которой принадлежат и русские. Скифы — наши прямые предки. Кроме того, все скифы были воинами, все они вели «казачий» образ жизни: сегодня за плугом или на выпасе, завтра — в седле и в походе

Продвижение скифов с востока, из-за Дона (около 800 г. до н.э.) разрешило острый социальный конфликт и способствовало возрождению единого государства. Поскольку скифы были родственны киммерийцам, по сути, обновление исходило изнутри, от основного центра южнорусской цивилизации, который всегда пребывал в волго-донских степях. Оттого-то и встретил пришельцев «простой киммерийский народ» как освободителей, оттого и обратился против собственной элиты.

Никакого «вытеснения» киммерийцев скифами не было. На самом деле были свергнуты только верхние слои общества (о чем

«простой народ» нисколько не жалел). Местные жители и пришельцы с востока просто смешались, прежнее население вошло в состав новой социально-политической структуры. Эти немногочисленные «настоящие» скифы, пришедшие в Причерноморье с востока, из волго-донских степей, и образовали новую элиту.

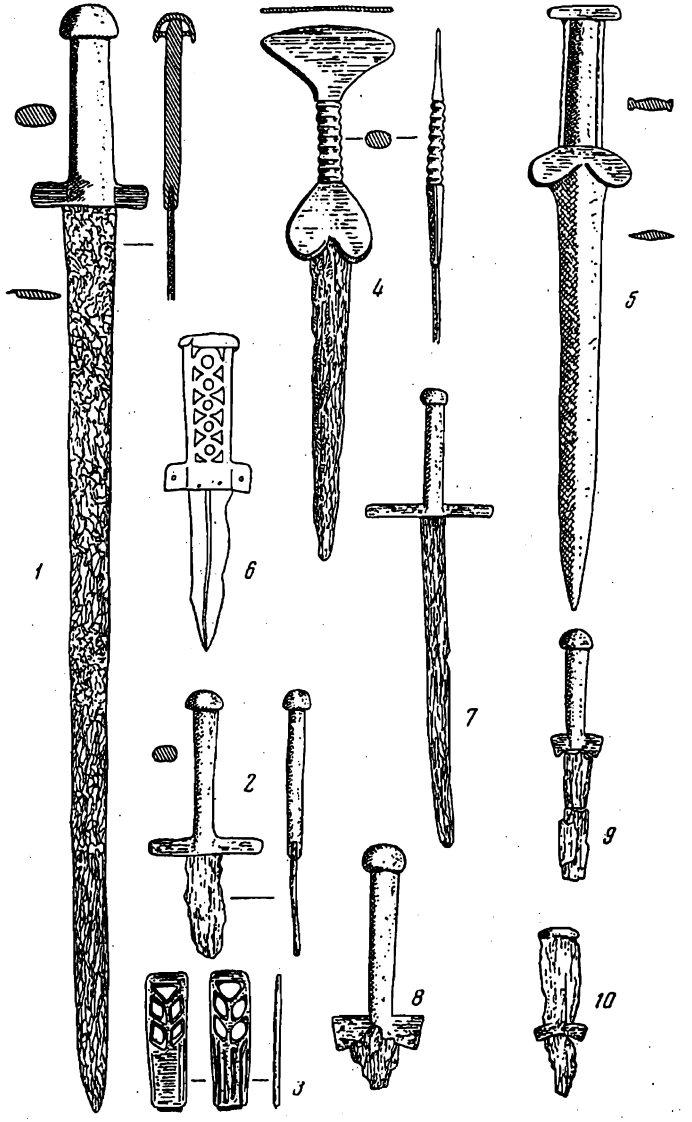
Поэтому в Передней Азии и других странах VIII—VII вв. до н.э. и называли народ, совершавший вторжения из южнорусских степей через Кавказ, двойным именем — и «скифами», и «киммерийцами»: ведь последние и составляли большинство подданных Скифского царства; старое название еще не забылось.

Между тем, основываясь на ассирийских надписях, называющих северный народ, воевавший в Передней Азии в VIII—VII вв., — *гимирри*, некоторые исследователи переносят время прихода скифов в Причерноморье только к 700 или даже к 600 г. до н.э., считая, что вторжения в Мидию, Урарту, Ассирию и другие страны осуществляло в первое время еще киммерийское царство. Но эта датировка слишком поздняя; на самом деле все нашествия в Переднюю Азию были совершены уже Скифским царством.

Сообщение Геродота (История, 4, 1), что скифы «ворвались в Азию», преследуя отступавших киммерийцев, в общем соответствует датировке падения киммерийского царства сделано на основании данных археологии около 800 г. до н.э. (ассирийские источники сообщают о нашествиях «гимирри» с последней четверти VIII в. до н.э.). На основании рассказа Геродота можно заключить, что экспансию в Переднюю Азию с самого начала вело Скифское царство, ведь бежавшие остатки киммерийской армии не могли представлять для кого-нибудь серьезную угрозу. Вообще новые, «свежеобразованные» государства обладают большим запасом энергии, в отличие от старых, несущих на себе тяжелый груз прошлого.

Великая Скифия

В результате в начале I тыс. до н.э. практически вся степная зона Евразии оказалась под контролем «скифской» этнополитической общности, связанной родством и единством культуры. Этот уникальный по своим размерам и внутренней однородности «скифский мир» великолепно прослеживается благодаря археологическим находкам: «...повсюду на бескрай-



Металлическое оружие скифов: 1 — железный меч из-под Киева; 2 —железный кинжал; 3 — бронзовая рукоятка железного кинжала; 4 — железный кинжал; 5 — бронзовый кинжал; 6 и 7 — кинжалы (Венгрия); 8—10 — железные кинжалы (Северный Кавказ)

них просторах между Дунаем на западе и Ордосом на востоке, до Китайской стены, обнаруживаются памятники скифского стиля. Более чем на 7000 км простиралась зона находок между 40 и 50 градусами широты, она охватывала степи, предгорья и горные пастбища. Скифский мир обнаруживался в многочисленных общих элементах культуры и одинаковых предметах»[26].

Скифские топоры найдены в Малой Азии, на озере Ван, Северном Кавказе, в Оренбурге, Ананьино (Верхнее Поволжье), на Амударье, в Минусинске, Красноярске — евразийская общность «скифской культуры» сложилась в VIII—VII вв. до н.э., то время, которое было принято считать «киммерийским»[27]. Это подтверждает, что датировка создания Великого Скифского царства 800 г. до н.э. верна.

Казалось бы, ясно, что столь однородная культурная общность принадлежала одному народу. Но кое-кому из историков не нравится, что территория, занятая этой общностью, была столь огромной — от Дуная до Китайской стены. Что же это такое?

Получается, что ***скифский народ*** **в I тыс. до н.э. занимал примерно ту же территорию, что и** ***русский народ*** **во II тыс. н.э. Тогда невольно напрашивается вопрос: а уж не** ***об одном ли и том же народе*** **идет речь?**

Потому «скифская проблема» и превратилась в очень «сложную». Трудно фальсифицировать столь ясные и непреложные факты. Но если очень хочется... Вот каким способом пытаются «разделаться» с этими скифами, не желающими укладываться в прокрустово ложе тенденциозной схемы: «Сложность проблемы заключалась в том, что не находило объяснения широкое распространение (от Чехии до Байкала) вещей скифского, так называемого звериного стиля. Казалось, что все племена, обитавшие на этом пространстве, скифские. Многолетнее и тщательное изучение материалов... показало, что звериный стиль не определяет всей скифской культуры, что на обширной территории распространения звериного стиля существовали локальные культуры, значительно отличающиеся друг от друга»[28].

Локальные различия внутри общескифской культуры пытаются выдать за различия более высокого уровня — межэтнического. Таким образом, Великую Скифию пытаются «стробировать» не только во времени, но и в пространстве. Имеются ли для этого основания?

Скиф на охоте. Поразительное по экспрессии и динамике произведение искусства. Оно резко отличается от «греческих» штампов изобразительного искусства и выдает руку великого скифского мастера

Этноним «скифы» известен нам из греческих источников. Античные авторы использовали его в двух значениях: как название народа, занимавшего Северное Причерноморье от устья Дуная до Дона, и как название всей Северной Евразии, Великой Скифии. Последнее название само по себе показывает, что внутреннее единство евразийской степной общности было в раннем железном веке вполне очевидно. Один из самых ранних (VI в. до н.э.) греческих историков, Гекатей Милетский, утверждал, что СКИФИЯ ПРОСТИРАЕТСЯ ОТ ИРАНА ДО КЕЛЬТИКИ, причем граница на западе проходит где-то в районе Южной Прибалтики. Это вполне согласуется с данными археологии: находки звериного стиля обнаружены в Центральной Европе — в Чехии, Польше и даже в Восточной Германии. Не следует отождествлять территорию Великой Скифии только со степной зоной Евразии. Практически все древние авторы утверждают, что на севере в ее пределы входили также и лесные области, вплоть до безжизненных пустынь за полярным кругом. Еще Гомер, упоминая о киммерийцах, назвал их край «печальной облас-

тью», вечно покрытой туманами и мглой, где не видно Солнца. Очевидно, что эта область — вовсе не Причерноморье, а гораздо более северные края...

Внутри Великой Скифии, согласно источникам, существовали следующие подразделения:

1. Собственно СКИФЫ в период 800—600 гг. до н.э. занимали территорию от Волги до устья Дуная. Это было время наивысшего могущества Скифии. До того, в 1000—800 гг. до н.э., западные владения скифов доходили только до Дона, а после, в 600—175 гг. до н.э., напротив, Дон стал восточной границей Скифского царства.

2. Восточными соседями скифов с VI в. до н.э. были САВРОМАТЫ, позднее известные как САРМАТЫ. Видимо, первоначально они занимали южное Приуралье и земли к северу от Арала (это были потомки той части носителей Андроновской культуры, которая никуда не «двинулась» на рубеже II и I тысячелетий до н.э., а осталась на месте). Около 600 г. до н.э. савроматы расширили сферу влияния на запад, выйдя к Дону, а во II в. до н.э. заняли и все Северное Причерноморье, сокрушив скифское царство (так что коллизия «скифы — киммерийцы» полностью повторилась). Согласно Геродоту, савроматы произошли от брака скифских юношей с амазонками, причем разговаривали на скифском языке, но слегка «испорченном». То есть скифы и савроматы-сарматы были одним народом, различаясь территориально-политическими объединениями.

3. Земли к востоку от Каспия, Приаралье и Среднюю Азию занимали, согласно античным авторам, МАССАГЕТЫ (в Иране и Индии их называли САКАМИ). Интересно отметить, что во всем этом большом регионе, согласно персидским источникам, проживал только один народ. Персы различали его разные группы по внешним признакам: «саки с остроконечными шапками», «саки заморские», «саки, приготовляющие священную хаому»... Некоторые источники, описывая саков или массагетов, имели в виду только кочевников-степняков, но другие причисляли к ним и оседлое население Хорезма и других среднеазиатских земледельческих оазисов, и видимо, они имели на то основания.

4. В Южной Сибири, в Семиречье и на Алтае, по свидетельству античных историков, проживали родственные скифам ИССЕДОНЫ (которых обычно отождествляют с известными по китайским источникам УСУНЯМИ) и АРИМАСПЫ. Не только

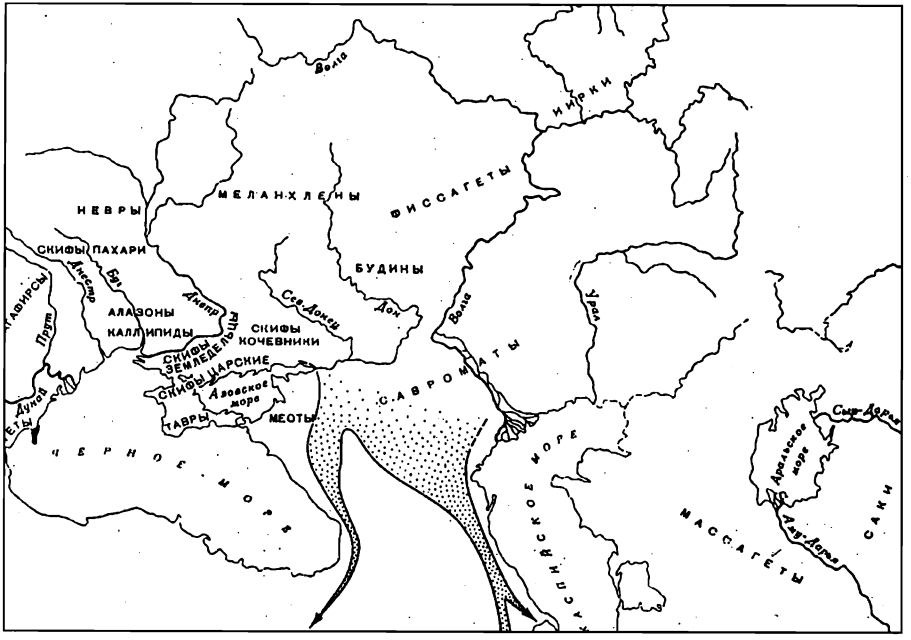
почти вся Южная Сибирь была заселена ариями, но и Центральная Азия, и значительная часть современного Северного Китая и Тибета. В начале I тыс. до н.э. центральноазиатские арии (китайцы называли их ДИНЛИНАМИ и отмечали, что у них светлые волосы и голубые глаза) вышли к реке Хуанхэ и «приняли активное участие в политической жизни» древних китайцев. Многие собственно китайские царства той эпохи имели элиту арийского происхождения, в том числе и династия царства Цинь, положившая в III в. до н.э. основу объединенной Китайской империи.

Скифы, савроматы, массагеты, исседоны, аримаспы... Все эти названия в значительной степени условны. Они известны нам из разных источников и редко совпадают; в большинстве случаев это «названия со стороны». Так, жителей закаспийских степей и Средней Азии греки называли массагетами, а персы саками: оба названия значат совершенно одно и то же. Более того, саками персы именовали и причерноморских скифов, а греки применяли термин «скифы» к жителям Средней Азии... При этом древние авторы понимали, что все эти названия относятся, по существу, к одному и тому же народу, что САКИ, МАССАГЕТЫ И АРИМАСПЫ — ЭТО ПРОСТО РАССЕЛИВШИЕСЯ СКИФЫ[29].

Ни один из древних авторов, когда-либо писавших о жителях Великой Скифии, не указывал на серьезные языковые различия между ними. Геродот, когда считал это необходимым, упоминал, что описываемый им народ Северной Евразии говорит на «языке особом, отнюдь не скифском». Ничего подобного он не сообщил относительно массагетов и исседонов, а о савроматах ясно сказал, что они говорят на слегка «испорченном», то есть диалектном, скифском языке. То есть языки жителей Средней Азии и Южной Сибири раннего железного века не отличались вообще (или отличались незначительно, на диалектном уровне) от языка родственных им народов волго-донских и причерноморских степей.

Античные источники не проводят серьезного этнического различия между народами, заселявшими в раннем железном веке евразийские просторы от Дуная на западе до Памира на юге и Байкала на востоке. Многие из них прямо свидетельствуют об их единстве.

Вот что писали о Великой Скифии применительно к ситуации IV в. до н.э.: «ПЛЕМЯ СКИФОВ, НАХОДЯСЬ НЕДАЛЕ-



Карта Скифии. «С легкой руки» Геродота закрепилось мнение, что скифы делились на «царских скифов», «скифов-кочевников» и «скифов-земледельцев». Фактически это не так. Скифы были не кочевым, а перекочевывающим народом, точнее, множеством родов. Земледелие и разведение крупного рогатого скота было их основным занятием. А за «царских скифов» информаторы Геродота принимали княжеские дружины родов и реже — войско скифов во времена сборов или походов. Социальное устройство скифов было типичным для индоевропейцев. Более того, скифы-русы Циркумпонтиды и были сами ядром индоевропейского суперэтноса

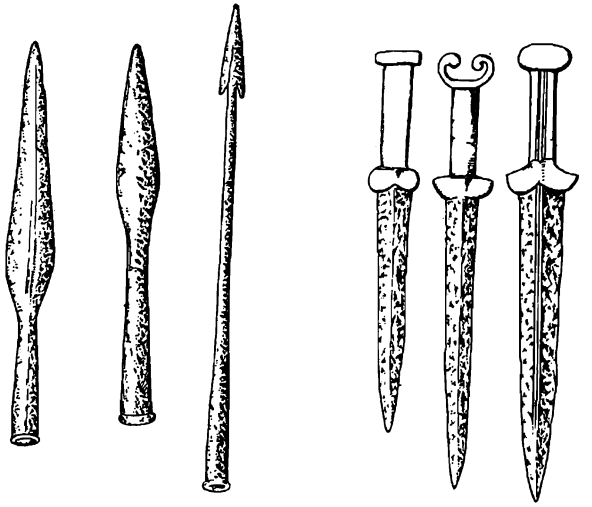
КО ОТ ФРАКИИ [то есть Северных Балкан], РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ НА ВОСТОК И СЕВЕР, НО НЕ ГРАНИЧИТ С САРМАТАМИ, как некоторые полагали, А СОСТАВЛЯЕТ ИХ ЧАСТЬ. ОНИ ЗАНИМАЮТ ЕЩЕ И ДРУГУЮ ОБЛАСТЬ, ПРЯМО ЛЕЖАЩУЮ ЗА ИСТРОМ [Дунаем], И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ ГРАНИЧАТ С БАКТРИЕЙ [Средней Азией и Афганистаном], С КРАЙНИМИ ПРЕДЕЛАМИ АЗИИ. ОНИ НАСЕЛЯЮТ ЗЕМЛИ, НАХОДЯЩИЕСЯ НА СЕВЕРЕ; ДАЛЕЕ НАЧИНАЮТСЯ ДРЕМУЧИЕ ЛЕСА И ОБШИРНЫЕ БЕЗЛЮДНЫЕ КРАЯ; ТЕ ЖЕ, ЧТО РАСПОЛАГАЮТСЯ ВДОЛЬ ТАНАИСА [Дона] И БАКТРА [Средняя Азия], НОСЯТ НА СЕБЕ СЛЕДЫ ОДИНАКОВОЙ КУЛЬТУРЫ»[30].

Названия скифских народов в источниках есть территориальные обозначения или соответствия разным государственным объединениям. Проще говоря, греческие массагеты и персидские саки означают просто: скифы — жители Закаспийских степей и Средней Азии; греческие исседоны и аримаспы, так же как китайские усуни и динлины, означают: скифы-сибиряки и т.д.

Не приходится сомневаться, что **огромную территорию Северной Евразии в раннем железном веке занимал один и только один народ.** Наиболее часто в качестве общего названия этого единого «евразийского» народа античные источники использовали имя скифы — по названию той группы, которая была к ним ближе всех. В дальнейшем и мы будем употреблять этот термин, всякий раз оговаривая, когда речь идет о скифах в узком, «геродотовом» смысле этого слова (только причерноморских).

Цивилизация скифов хорошо известна как по свидетельствам античных историков, так и по предметам материальной культуры — сокровищам курганов. В период своего расцвета (800—400 гг. до н.э.) она объединила огромные территории Северной Евразии, от устья Дуная до среднего течения Хуанхэ. На юге Великая Скифия, по сути, включала в сферу своего влияния Иран, Северную Индию и северо-западные китайские царства; в этих странах в античную эпоху правили династии, основанные степными «ариями» в период бурного натиска на рубеже II и I тыс. до н.э.

Античные авторы, в отличие от многих современных, правильно оценивали силу и мощь Скифской империи, ее глубокое внутреннее единство, ее преемственность с предшествующей эпо-



Скифские наконечники копий, дротиков и мечи-акинаки

хой бронзового века. Как писал римский историк Помпей Трог: «НАЧАЛО ИХ (СКИФОВ) ИСТОРИИ БЫЛО НЕ МЕНЕЕ СЛАВНО, ЧЕМ ИХ ВЛАДЫЧЕСТВО, И ДОБЛЕСТЯМИ МУЖЕЙ ОНИ ПРОСЛАВИЛИСЬ НЕ БОЛЕЕ ЧЕМ ЖЕНЩИН; В САМОМ ДЕЛЕ, САМИ ОНИ БЫЛИ РОДОНАЧАЛЬНИКАМИ ПАРФЯН И БАКТРИЙЦЕВ, А ЖЕНЫ ИХ ОСНОВАЛИ ЦАРСТВО АМАЗОНОК, ТАК ЧТО, ЕСЛИ РАЗОБРАТЬ ПОДВИГИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН, ТО ОСТАНЕТСЯ НЕИЗВЕСТНЫМ, КОТОРЫЙ ПОЛ БЫЛ У НИХ СЛАВНЕЕ... ВЛАДЫЧЕСТВА НАД АЗИЕЙ СКИФЫ ДОБИВАЛИСЬ ТРИЖДЫ; САМИ ОНИ ПОСТОЯННО ОСТАВАЛИСЬ ИЛИ НЕ ТРОНУТЫМИ, ИЛИ НЕ ПОБЕЖДЕННЫМИ ЧУЖДЫМ ВЛАДЫЧЕСТВОМ...

Некогда два царя, осмелившиеся не покорить Скифию, а только войти в нее, именно Дарий и Филипп, с трудом нашли путь для бегства оттуда...»[31] Достичь такого политического могущества можно было только при соответствующей культурной базе. Господствовавшее еще недавно представление о скифах как о «варварах-кочевниках» следует полностью отбросить.

Железный век у скифов и их «родственников» наступил рано, практически в то же время, что и у других «продвинутых» народов или даже с опережением. Источники железной

руды были свои, металлургия тоже; производство железа и стали процветало не только в крупных скифских городах (типа Бельского или Каменского городищ), но и в мелких селениях.[32] Достижения металлургии были использованы для изготовления качественного оружия, что позволило арийским народам удерживать за собой совершенно открытые и лишенные естественных границ пространства Евразии.

Военное искусство, базировавшееся на коннице, заставило уважать скифов «весь цивилизованный мир». Родственные скифам арийские династии закрепились в Иране и Индии еще на рубеже II и I тыс. до н.э. Походы в Переднюю Азию на протяжении VII—VI вв. до н.э. превратили волго-донских скифов в весомую политическую силу в этом регионе. В то же время родственные скифам народы Центральной Азии, известные по китайским хроникам усуни, динлины и жуны, вели успешные войны с местными царствами, часто завоевывая их и составляя местную политическую элиту.

Так называемые цивилизованные народы, наследники ранних земледельческих цивилизаций*, даже не пытались оказать скифам и другим ариям сопротивление. Единственно серьезную угрозу для евразийских ариев составляли... они же сами, то

---

* Скифы, как часть огромного мира русов, прямые и непосредственные наследники ранних земледельческих цивилизаций и сами — земледельцы. Представление о скифах как о кочевниках-номадах неверно. Огромный скифо-сибирский мир простирался в лесостепной зоне от Северного Причерноморья до Тихого океана. Скифы были европеоидами, индоевропейцами (ариями), полукочевыми земледельцами. Первыми земледельцами планеты в зоне «плодородного полумесяца» были также индоевропейцы, носители культуры микролитов, прямые предки скифов. Вытесняемые протосемитскими предэтносами, идущими из Аравии, индоевропейцы расселялись по Европе, принося туда земледелие. Наибольшего развития они достигли в южно-русских степях — там, откуда и пошли потом волна за волной расселения ариев по Евразии. Автор абсолютно прав, что иных развитых этносов на огромных пространствах «от Чехии до Саян» и далее не было. О том, что киммерийцы, скифы, сарматы, савроматы один народ, писал еще М.В. Ломоносов. И это очевидно, это подтверждается антропологией, археологией... — это наши предки, это Русский Народ. Но при нынешней германоцентристской схеме истории не все готовы принять такое положение. Ни один из самозваных «цивилизованных» народов не является в большей степени наследником ранней земледельческой цивилизации Земли, чем арии-скифы-русы. Земледелие — основа Цивилизации русов, в том числе и скифов. — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*

есть страны, попавшие в их сферу влияния и усвоившие многое из их передовой военной культуры.

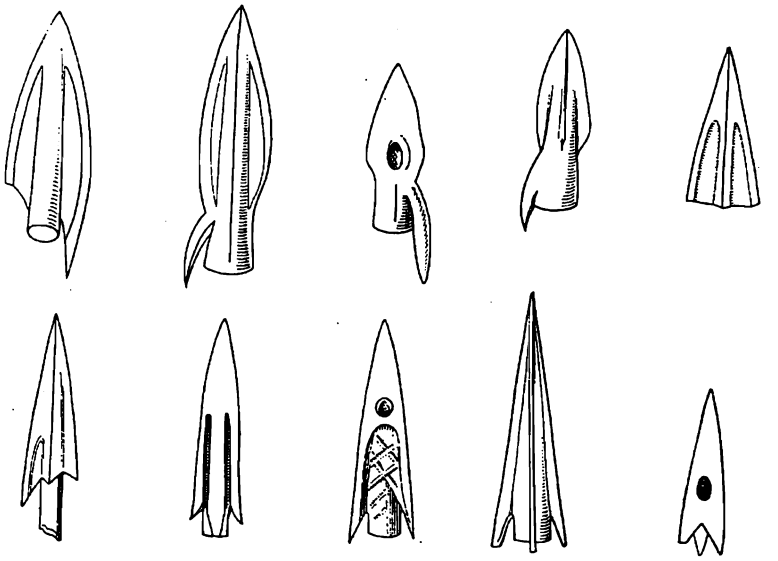
Известно, что причерноморских скифов пытались завоевать иранцы, создавшие в VI—V вв. до н.э. мощную империю Ахеменидов, но безуспешно. Знаменитая экспедиция персидской армии в Причерноморье (512 г. до н.э.) окончилась крахом: скифы применили тактику «выжженной земли». Сами «ахеменидские» персы, или вернее, их политическая элита, были потомками ариев, вторгшихся на территорию собственно Ирана в X в. до н.э., во время того же большого миграционного потока, который привел скифов в Причерноморье. Пытаясь подчинить своей власти Причерноморье, правители империи Ахеменидов пытались «замкнуть круг». Неудачей окончилась их попытка прорваться в степную зону и через Среднюю Азию: война с местными родственниками скифов, массагетами, закончилась не только поражением персов, но и гибелью их царя, Кира Великого* .

Прорваться в степную зону Евразии было сложно. Такие попытки терпели неудачу даже в те эпохи, когда страны Южной Азии испытывали существенное влияние северной культуры. Почему, вполне понятно: с привыкшими постоянно держать «огненные рубежи» на все четыре стороны, с закаленными в суровых природных условиях «северными варварами» справиться было не легко.

Разумеется, народы теплого Средиземноморья имели на это шансов еще меньше, чем иранские и переднеазиатские. Империя Александра Македонского, сменившая государство Ахеменидов в IV в. до н.э., также пыталась пройти в степи и через Дунай, и через Среднюю Азию, и также неудачно. Самому Алек-

---

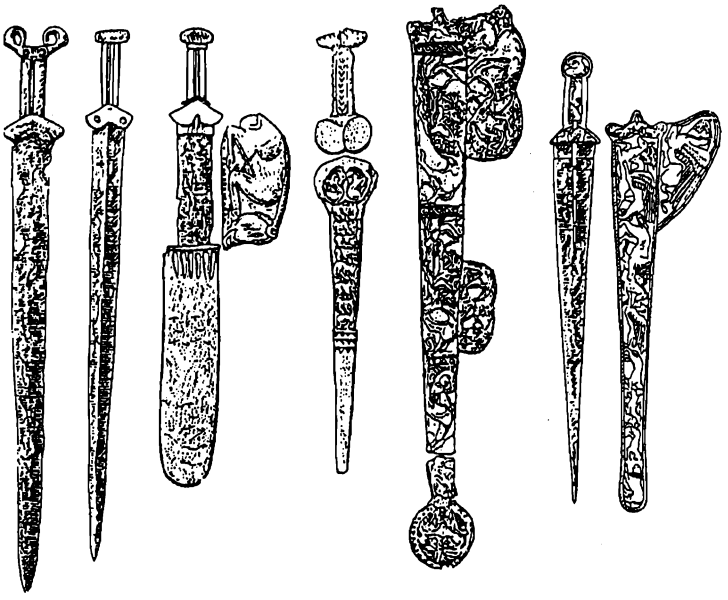
* Автор прав. Этноним «персы, парси, фарси» есть производная от «русы, по-русы». Но не только элита Ирана-Персии-Порусии была индоевропейской, арийской. Значительную часть родов-племен Ирана (земли ариев) также составляли русы-арии (ярии), говорившие на одном языке со скифами. Сокрушительной ассимиляции Иран-Персия подверглись позже — в результате многовековой инфильтрации в него арабов-семитов, установивших на землях ариев ислам и решительно уничтоживших практически все традиции индоевропейцев... Но вместе с тем не следует удивляться, что близкородственные арийские народы, в данном случае скифы и персы-порусы, воевали друг с другом — на протяжении многих тысячелетий и веков у них просто не было равных противников, по сути, это были усобные войны. Скажем, анты и готы были не меньшей родней, чем персы и скифы — и те и другие были русами — и тем не менее они бились насмерть. — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*



Наконечники скифских стрел

сандру не удалось далеко продвинуться в Средней Азии; он остановился на границе степной зоны. Его брак с представительницей местной элиты, Роксаной, был, очевидно, дипломатическим ходом, призванным укрепить границу эллинистического мира с северным, Евразийским. Не была успешной и попытка прорваться в Причерноморье через Дунай. В Приднестровье и устье Буга потерпели поражение полководцы Александра Зопирион и Лисимах.

Мы видим, что на протяжении всего I тыс. до н.э. (железного века) обширную степную зону Евразии — от Дуная до Памира, Тибета и Забайкалья — населяли близкородственные народы «скифского круга», происхождение которых восходило к Андроновской и Срубной культурам позднебронзового века. Эти народы были очень близки между собой: имели один и тот же внешний облик, тип хозяйства, образ жизни; говорили на близких языках или диалектах одного языка; имели одни традиции. При случае они легко вступали в контакт, образуя военно-политические союзы (так, во время нашествия персов причерноморские скифы выступили в союзе с родственными волго-донскими сарматами).



Железные, бронзовые топоры и клевцы скифов

Очевидно, что народы «скифского круга» ощущали свое этническое единство. На всем огромном пространстве Евразии между народами общего арийского происхождения поддерживались определенные корреляции, *системные связи*, так что эти народы не были разрозненными «варварскими племенами», но образовывали сложные этнополитические комплексы.

Эти народы имели достаточно высокий уровень развития технологии, были сильны в военном отношении и политически доминировали во всей Южной Азии — в Иране, Индии, на Тибете — вплоть до бассейна Хуанхэ. Обратные движения экспансии, направленные с юга на север, решительно пресекались. Так можно ли сводить историю эпохи античности — I тыс. до н.э. — к истории будто бы «развитых» цивилизаций южного пояса и теплых морей? На самом деле **все эти цивилизации существовали *на периферии* скифской Евразии**. «Южане» почти и не смели сунуться на север, тогда как «северные варвары» одерживали над ними победы и держали их под прямым политическим контролем, утверждая свою власть в качестве представителей правящей элиты.

И вообще, какое право имеют называть жителей Северной Евразии «варварами»? Уровень промышленного развития у них был ничуть не ниже, чем у «цивилизованных» южан. С металлургией и металлообработкой — основой всякой промышленности — было все в порядке. С сельским хозяйством тоже. Бесспорно, что именно арийские народы Евразии приручили лошадь, вызвав революцию в средствах передвижения. Есть основания предполагать, что первые шаги к культивации растений были сделаны не на юге, а в районе Среднерусской возвышенности[33].

Плодородные долины больших южно-азиатских рек стали по-настоящему пригодны для земледелия только с применением ирригации; ясно, что первые шаги к земледелию были сделаны в более северных районах. Но где? Западная Европа слишком влажна, Сибирь — слишком холодна; оптимален климат Восточной Европы, особенно ее лесостепной пояс. Известно* также, что наиболее ранние сельскохозяйственные культуры, известные в центрах Передней Азии и Северного Китая — ячмень, полба, просо, — среднеевропейские по своему происхождению...

А вот другой важный технологический скачок, начало обработки железа. На ранних этапах железо выплавляли из озерно-болотных руд, самых легкоплавких. Три четверти всех запасов этих руд Евразии сосредоточено в Центральной России. И там же — самые крупные запасы сырья для изготовления древесного

---

* Первыми земледельцами были бореалы XX—XV тыс. до н.э. Везде, куда они добирались при расселении, будь то долина Нила, Северное Причерноморье, долины Инда и Ганга, Межирич или Костенки, они выращивали злаки. Но урожаи бореалов были «сам-2, сам-3». Это не давало возможностей для накопления продуктов и создания государств. Совмещение ирригации (изобретение ариев) и микролитических орудий (арии) в зоне «плодородного полумесяца» дало урожаи «сам-36» — именно на базе такого земледелия стали возможны цивилизации Шумера, Сурии-Русии, Древнего Египта, Хараппы и Мохенджо-Даро... И еще раз, надо твердо помнить, что все эти цивилизации были созданы индоевропейцами, прямыми предками скифов. Протосемиты заняли земли Ближнего Востока значительно позже (их прародина Аравийский полуостров). Наступающая на них пустыня Аравии вытеснила племена козопасов на север. И эти племена в течение тысячелетий вытеснили ариев-индоевропейцев из зоны «плодородного полумесяца» и сокрушили (не вторжениями, а инфильтрацией и разложением) все цивилизации Древнего Востока . — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*

угля, необходимого древним металлургам. Не здесь ли в самом деле, начался железный век? Похоже, что так... Хорошо известно, что скифы с самого своего появления на исторической арене были вооружены железным оружием. Не в этом ли кроется причина военного превосходства степных ариев над южными народами, создателями древнейших «цивилизаций бронзы»? Железный век на огромных пространствах Евразии наступил как-то уж слишком «сразу», на рубеже II и I тыс. до н.э. — когда степные арии появились на Балканах, в Индии, Иране, в Северном Китае* ...

Можно утверждать, что по уровню развития «техносферы» жители Восточной Европы и степной зоны Азии не только не отставали от народов теплых стран, но и значительно опережали их. Что касается достижений в области духовной культуры, то все, что мы относим к «наследию Древнего мира», базируется на основе, заложенной именно «северными варварами». В самом деле, что такое «ВЕДЫ» и «АВЕСТА», на которых выросла индийская и иранская культуры, как не творения ариев, «спустившихся с севера» в X в. до н.э.? А греческая мифология, а гомеровский эпос, занесенные на юг Балкан в то же самое время и теми же самыми «варварами».

Наконец, есть предположение, что все системы прогрессивной слоговой и алфавитной письменности, которыми пользовались цивилизации Средиземноморья и Южной Азии, восходят к одному раннему, еще эпохи неолита, источнику, и родина этого источника находится где-то в Северной Евразии...[34]

Единственное основание, на котором считают древние цивилизации южного пояса «продвинутыми», — это эффектные архитектурные сооружения, дворцы и храмы, предметы роскоши — золото и драгоценные камни, украшающие теперь музеи, и т.д., и т.п. Но это не главный признак. Следует вспомнить, что вся эта роскошь (явно избыточная, не по тогдашним сред-

* Циркумпонтийская зона объединила ариев, вытесняемых с Ближнего Востока, и бореалов Европы. «Железный век» начался на Балканах в среде праславян — новое оружие стремительно распространилось как среди хеттов, так и среди скифов. И те и другие были потомками первых ариев-индоевропейцев Северного Причерноморья, искусными воинами и наездниками. Связь русов Балкан, Хеттской империи и Скифии очевидна и несомненна. Но мы уже никогда не сможем выяснить, кто из них обладал большими арсеналами оружия из железа. Тавроскиф (по Л. Диакону) Ахилл и его скифская дружина «муравьев с Дона» были вооружены железными мечами. — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*

ствам производства) была куплена очень дорогой ценой — принуждения и рабства большей части населения. Говорят, «такова плата за цивилизацию». А кому нужна цивилизация за такую цену? Тем более что воспользоваться всей этой роскошью могли только немногие...

Мы видим, что не утопавшие в роскоши «южане» (разумеется, только немногие представители элиты, а не нищее основное население), а северные «варвары» были первооткрывателями действительно важных, улучшающих качество жизни новшеств. Эти «варвары» и заложили подлинные основы того, что мы теперь называем цивилизацией... Расслабленные, раздираемые социальными противоречиями страны южного пояса были ни на что не способны. В самом деле, низшие слои «рабовладельческих империй» были подавлены, а верхние утопали в избыточной роскоши и постоянно грызли друг друга в борьбе за власть. Где же здесь условия для подлинного творчества? Такие условия могло создать только общество свободы и равных возможностей для всех, общество, целостность которого поддерживают иерархические — братские, *родовые* связи, только так называемый родовой, общинный строй, который и сохраняли в чистоте северные варвары.

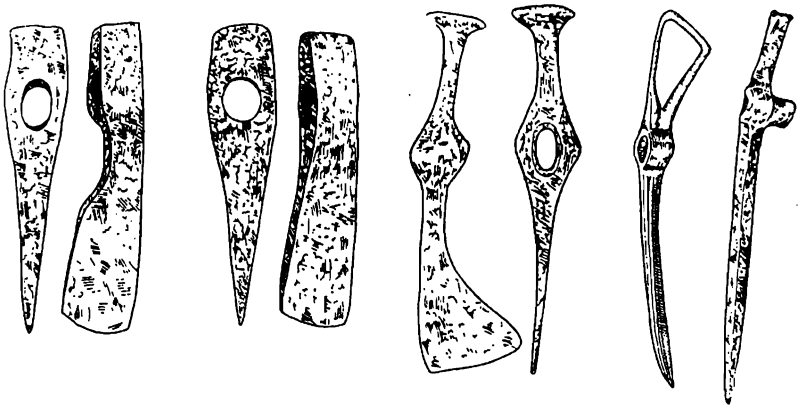
Вовсе не потому, что они были «отсталыми», неразвитыми, скифы и другие народы Северной Евразии не «достигли» строительства роскошных храмов и дворцов. Избыточная роскошь свидетельствует не столько о *развитии*, сколько о *переразвитии*. Если системные связи в обществе распадаются и в качестве основной движущей силы выступает «частный интерес», если управленческие структуры присваивают себе большую часть производимого продукта (то есть превращаются, по сути, в паразитарные), если они начинают «обращать в рабство», то есть, по сути, *пожирать* само общество, то ясно, что такого рода развитие есть не что иное, как старение, то есть процесс, ведущий к смерти.

И надо признать, что процесс этот — *естественный*, направленный в сторону увеличения энтропии, хаоса. Этот, увы, естественный процесс стимулируют благоприятные условия, способствующие расслаблению; чем лучше, комфортнее окружающая среда, чем лучше защищена территория цивилизации «естественными границами», способствующими ее изоляции, тем быстрее накапливается в обществе энтропия, тем скорее оно стареет и погибает. Теплый, мягкий климат изолированных си-

стем, островов и полуостровов зоны Средиземноморья — Южной Азии всегда представлял собой идеальную среду для «загнивания» цивилизаций. Оттого там и сконцентрировано огромное количество роскошных памятников, «следов загнивания. Процесс, ведущий, как говорится, к «разложению первобытно-общинного строя» — это, по сути дела, естественный процесс повышения в обществе уровня энтропии, то есть путь к смерти цивилизации. «Государственно-общинный строй», коммунизм (от слова коммуна-община), есть не какое-то светлое будущее, но единственно возможное условие существования цивилизации и продления ее жизни.* Государственно-общинный строй — общественная система, обладающая антиэнтропийными свойствами. Это развивающаяся, усложняющаяся, но одновременно устойчивая система. ЭТО НЕ СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ, НО ВСЕГО ЛИШЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ПРОСТО БУДУЩЕГО, ПРОСТО ЖИЗНИ. ВСЕ ДРУГИЕ ПУТИ ВЕДУТ К ПОВЫШЕНИЮ УРОВНЯ ЭНТРОПИИ (В СФЕРЕ СОЦИУМА — К ВОЗРАСТАНИЮ ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСА), ВПЛОТЬ ДО ЕСТЕСТВЕННОГО ФИНАЛА — СМЕРТИ.

---

* Безусловно, все формы «демократий», от «древнегреческой» до нынешних, — это форма деградации человечества и «путь к смерти». Но причина энтропии не в «южанах» и «северянах», а в различии между носителями разных генетических кодов, между носителями производящего способа хозяйствования и носителями присваивающего способа хозяйствования. Все цивилизации, южные и северные, все города, государства, храмы и дворцы созданы носителями «гена созидания» — русами-индоевропейцами. И все они разрушены не нашествиями, а постепенной инфильтрацией в них иноэтнических носителей присваивающего (паразитарного) способа хозяйствования — от Шумера до Римской империи и СССР. Шумер, Аккад, Вавилон, Хеттскую империю разложили и довели до полной деградации внедрявшиеся в них роды-таборы протосемитских племен «а-марту» — на смену созидателям приходили хищники и потребители. Они вводили не свойственный индоевропейцам институт рабства, клановых связей, «бакшишей», продажности, ростовщичества, культ поклонения «золотому тельцу». В хрониках Ура шумерского записано: «...разруха, все гибнет, торгующих стало больше трудящихся, кругом люди смерти, люди пустынь...» и т.д. Все признаки, предвещающие деградацию и гибель, мы видим и в нынешней России. История повторяется из тысячелетия в тысячелетие, но ничему не учит нас. «Люди смерти», носители потребляющего способа хозяйствования не должны преобладать в индоевропейском (арийском) обществе и управлять им. Их преобладание несет упадок и смерть: ни один организм не может долго выдерживать возрастающего воздействия и доминирования паразитов. — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*



Скифские мечи 7-3 вв. до н.э.

Территория Северной Евразии всегда была идеальным местом не только для сохранения государственно-общинного строя в чистоте, но и для постоянного усложнения общественной системы, для ее позитивной эволюции. Природные условия этого региона достаточно суровые, но одновременно дают возможность для достойной жизни — если приложить к тому усилия. С другой стороны, этот регион — самое «неизолированное» место мира, открытое влиянию со всех сторон. Постоянная потребность защиты границ огромной протяженности (почти нет естественных рубежей) не дает людям расслабиться ни на минуту. Выжить здесь можно, только постоянно совершенствуясь и «усложняясь».

В сущности, евразийские социумы всегда тяготели к образованиям имперского типа. В самом деле, сравнительная однородность природных условий Великой степи никогда не позволяла создавать здесь малые, изолированные объединения. Какая на ровном месте может быть изоляция? Как только обнаруживалась тенденция к обособлению, «евразийские» культуры немедленно испытывали давление со стороны соседей, находящихся в более благоприятных условиях; кризис вызвал потребность в создании новых объединяющих структур, к *самоорганизации*. Потому история Северной Евразии всегда была очень динамична. ЕВРАЗИЙСКИЙ РЕГИОН ЯВЛЯЕТСЯ ЕСТЕСТВЕННЫМ ЭВОЛЮЦИОННЫМ ЦЕНТРОМ МИРА, МЕСТОМ, ГДЕ «ВСЕ ПРОИСХОДИТ».

Системный кризис арийские народы степной Евразии испытали в конце II тыс. до н.э., в результате чего их западная группа, киммерийская, попала под удар с юго-запада (с Дуная). Мощное реинтеграционное движение скифов на запад восстановило в начале I тыс. до н.э. положение. В Северной Евразии раннего железного века существовала Великая скифская империя, империя особого типа — не монархическая, но «республиканская», не унитарная, но «федеративная», состоявшая из сложной иерархической структуры мелких «общин» — «племен» — «союзов племен».

Но нарастание энтропии — естественный процесс... В конце концов он захлестнул и Скифскую империю. Во времена, описанные античными историками, она, очевидно, уже клонилась к упадку. Связи между разными группами ее народов были во многом утрачены, появилось подобие социального расслоения. Знаменитые сокровища скифских курганов свидетельствуют о том, что некоторым представителям элиты стало скучно жить, «как все»... В общем, скифское общество проявило признаки «разложения родового строя», то есть попыталось встать на путь цивилизации, ведущий, как известно, к смерти...

К IV в. до н.э. скифское государство трансформировалось в классическую наследственную монархию с правящей аристократией, с центрами городского типа, находившимися под сильным влиянием античной Греции. Сохранился рассказ Геродота о скифском царе Скиле, поддавшемуся обаянию чужой культуры — привлекательной, но опасной для жизни социума. Этот царь, бывший сыном фракийской царевны, настолько увлекся приманками ласкового Средиземноморья, что даже сменил религию и принял участие в мистериях «вакхического» культа. Обряды этого культа носили оргиастический характер. Для средиземноморских цивилизаций культы такого типа были в порядке вещей, а вот «северные варвары» пришли в ужас — и изменник отеческой религии был казнен. Случаи измены скифской элиты своему народу становились все более частыми... «Загнивать»-то приятно!

Увы, произошло то же, что и всегда: мужественные «варвары», олицетворяющие мужскую энергию, попали под власть завоеванных ими культурных, но коварных и распущенных народов... Скифы вступили на скользкий путь цивилизации... Но здесь, в Евразии, энтропия не успела пустить глубокие корни; едва скифы немного «расслабились», как новый поток с восто-

ка захлестнул их. Во II в. до н.э. савроматы, или сарматы, продвинулись с Волги и Дона в Причерноморье, сокрушив Скифское царство.

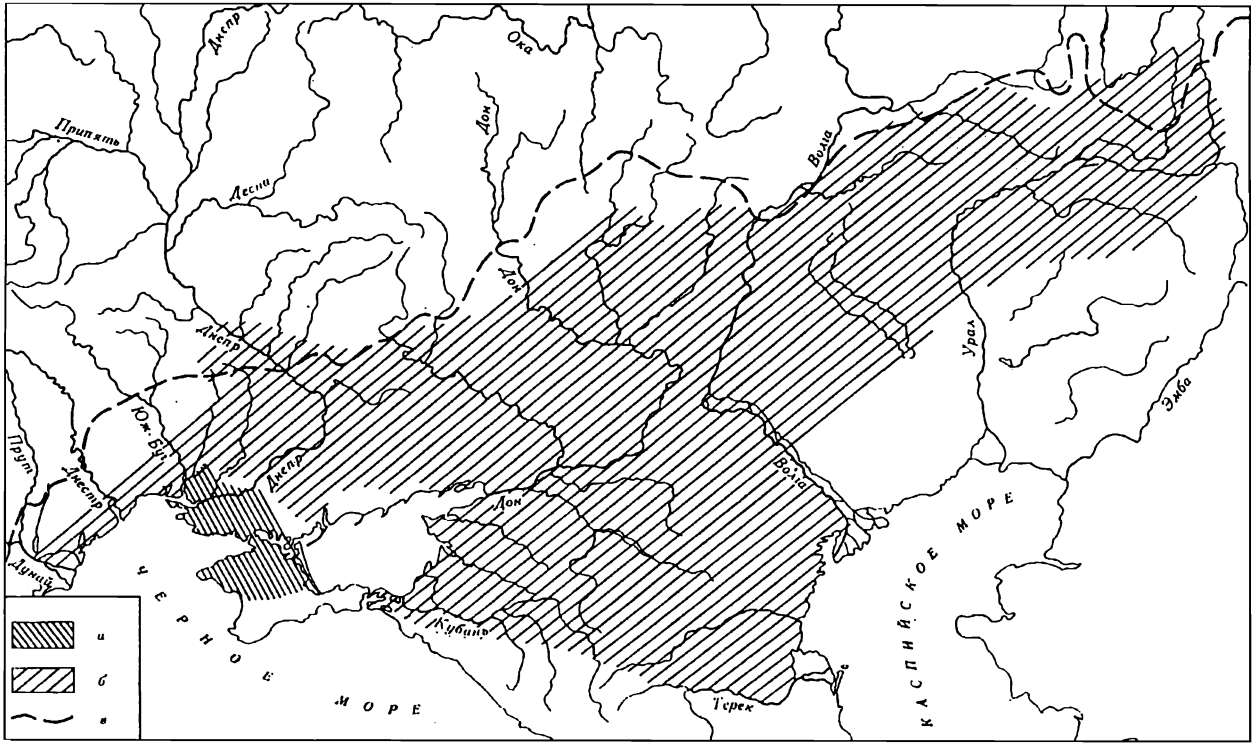
1.3. Сарматский период (400 г. до н.э. — 200 г. н.э.)

Савроматы продвинулись из Приуралья к Дону по следам скифов около 600 г. до н.э. Здесь, в волго-донских степях, и сложилась за несколько столетий их цивилизация, во многом родственная скифской. Различий в этническом смысле не было: ведь, по свидетельству Геродота, *савроматы говорили на скифском языке*, да и культуры их обнаруживают большое сходство.

В 512 г. до н.э., когда войска Дария вторглись в Причерноморье, савроматы полностью поддержали скифов. Агрессию удалось отразить, но все же Скифское царство продолжало неуклонно слабеть. Уже в IV в. до н.э., в то самое время, когда западные скифы потерпели сокрушительное поражение от войск Филиппа Македонского (причем в бою погиб их 90-летний царь Атей), в волго-донских степях произошло некоторое движение, не описанное в источниках, но хорошо прослеживаемое археологически: под влиянием импульсов с востока сформировалась так называемая РАННЕПРОХОРОВСКАЯ культура. Очевидно, здесь сложилось новое сильное государство, подданные которого в античных источниках стали называться сарматами.

Примерно с 400 г. до н.э. в южнорусских степях началась сарматская эпоха, хотя ослабевшее скифское государство еще два века продержалось в Причерноморье и несколько столетий в Крыму. Новое волго-донское государство оказывало сильное давление на ослабевшего западного соседа, пока в 175 г. до н.э. сарматский царь Гатал не установил полный контроль над всем Причерноморьем. Как за 600 лет до этого, одна этнополитическая система контролировала все земли Южной России — от устья Дуная до Кавказа и Урала. Эпохе полного господства сарматов в южнорусских степях соответствует ПРОХОРОВСКАЯ культура (II в. до н.э. — II в. н.э.).

Сарматы принесли с собой вполне развитый, еще совершенно крепкий *общинный строй*, что положительно повлияло на боеспособность и живучесть новой степной цивилизации. Основываясь на некоторых античных источниках[35], иногда говорят о вытеснении или истреблении скифов сарматами, но это



Ареалы скифских и сарматских культур в Европе III в. до н.э. — III в. н.э.

преувеличение. Конечно же, как и в случае скифо-киммерийского конфликта, уничтожены были только верхние, загнившие элитарные структуры. «Простой скифский народ» вошел в новое общество.

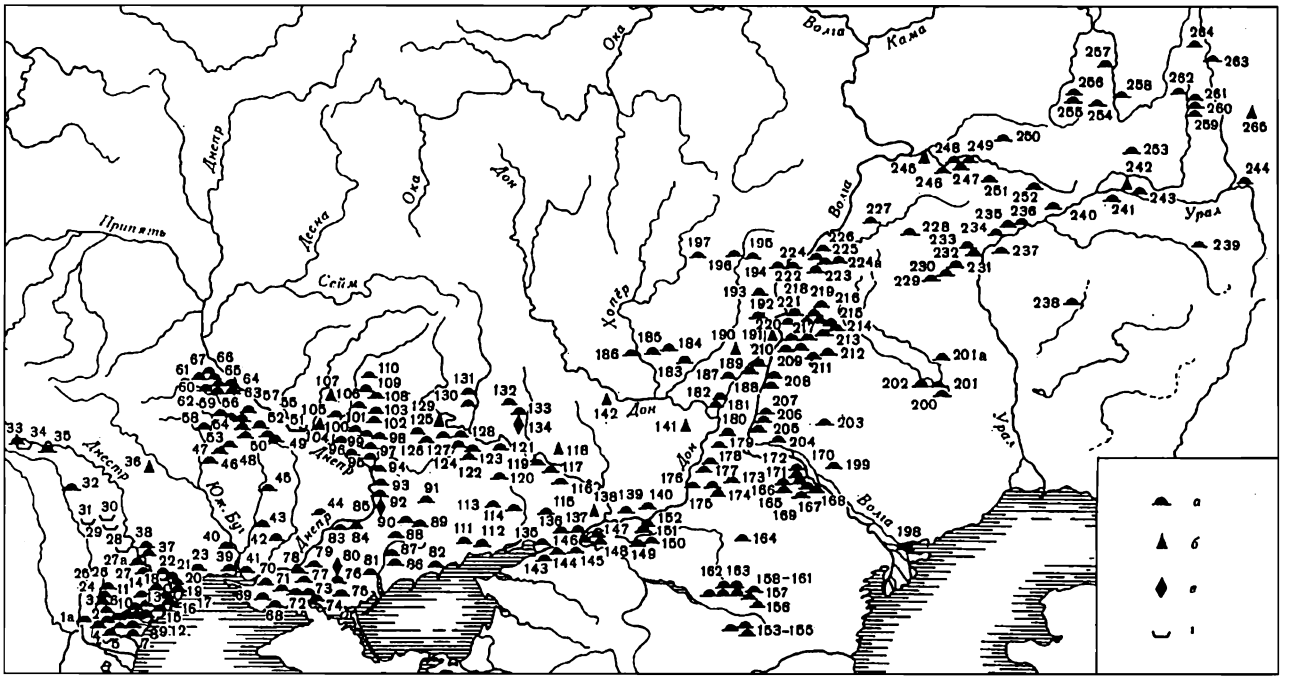
Скифское царство во II в. до н.э. не исчезло полностью. Часть его со всеми «старыми» структурами закрепилась в Крыму. «Остров Крым» долго сохранял реликт скифской цивилизации в ее прежнем виде. Здешние скифы смешались с местным населением-таврами, строили города и дожили до II—III в. н.э., когда волна «великого переселения народов» нанесла по ним удар также, как и по сарматам.

Другая часть скифов (скифской военно-политической элиты) отступила на территорию Северного Придунавья, в Дакию, где сохраняла свою самостоятельность до того же времени. По этим двум путям — в Крым, а также на территорию Дакии-Паннонии (и еще — на Кавказ) — шли основные потоки переселения народов, потерпевших поражение в степях Южной России, на открытых пространствах которых можно было удержаться, только напрягая все силы и ни на миг не расслабляясь. Но большая часть скифов слилась с близкими им в этническом отношении завоевателями.

Государство крымских скифов также не было самостоятельным, но входило в общесарматскую политическую систему. Об этом свидетельствует система оборонительных сооружений того времени: если в III—II вв. до н.э. (в период натиска сарматов на Скифское царство) был построен Перекопский ров и вал, отделивший Крым от степи, то позднее, когда сарматы полностью установили контроль над Причерноморьем, эти укрепления были заброшены. Зато на юге полуострова возникла мощная система фортов, прикрывавшая столицу крымских скифов — «Неаполь» (как называли его греки; Симферополь) от агрессии со стороны моря[36].

Это значит, что крымские скифы не отделяли себя от сарматского царства, но вместе с ним противостояли агрессии со стороны средиземноморских цивилизаций, время от времени высаживавших морские десанты на Южном берегу Крыма.

Сарматское государство делилось на три крупные территориальные объединения: РОКСАЛАНОВ (Причерноморье), АОРСОВ (Приазовье — Нижний Дон) и СИРАКОВ (восточное Приазовье, Кубань). С ними поддерживало связь еще одно объединение, нижневолжское (волжский вариант Прохоровской



Памятники Сарматской культуры в Восточной Европе

культуры имеет большое сходство с донским), которое и было исходным центром формирования сарматской государственности. Региональное деление (на паралатов, авхатов, катиаров и траспиев) было известно еще в эпоху Скифского царства; оно обусловлено естественными географическими причинами.

Судя по всему, поволжские сарматы носили имя АЛАНОВ. Поскольку уже авторы I в. н.э. (Иосиф Флавий) отмечают, что аланы находятся вокруг Танаиса и Меотийского озера[37], то есть в нижнем Подонье, где ранее был союз аорсов, то надо полагать, что на рубеже н.э. произошло новое движение на запад по линии Волга — Дон, стимулирующее усиление государственности. В начале II в. н.э. сарматские владения в Причерноморье, за несколько столетий пришедшие в упадок и, видимо, порядком децентрализованные, вновь были объединены под эгидой донских аланов, чье имя с этого времени стали носить все их подданные.

Сарматия (Алания) на рубеже новой эры не ограничивалась пределами степной зоны Южной России, хотя именно здесь находился ее жизненно важный центр. Античные источники согласно утверждают, что сарматы заселяли также и лесную зону, причем их владения простирались далеко к северу. Еще Страбон (География, II, 5; 7) отмечал, что «области за страной роксаланов необитаемы вследствие холода», то есть сарматы-роксаланы живут на севере вплоть до самой глухой тайги и бесплодной тундры Заполярья. То же повторяют и другие.

Согласно Маркиану (нач. V в.), «РЕКА РУДОН ТЕЧЕТ ИЗ АЛАНСКОЙ ГОРЫ; У ЭТОЙ ГОРЫ И ВООБЩЕ В ТОЙ ОБЛАСТИ ЖИВЕТ НА ШИРОКОМ ПРОСТРАНСТВЕ НАРОД АЛАН-САРМАТ, В ЗЕМЛЕ КОТОРЫХ НАХОДЯТСЯ ИСТОКИ РЕКИ БОРИСФЕНА, ВПАДАЮЩЕЙ В ПОНТ»[38]. Река Рудон античных географов — это Западная Двина, а Аланские горы, о которых упоминают и многие другие источники (некоторые из них указывают, что сам аланский народ получил имя от этих гор), есть Валдайская возвышенность[39]. Это значит, что аланы-сарматы в начале новой эры обитали не только в степи, но и на территории Белоруссии, и в Средней России... Лес и степь Восточноевропейской равнины заселял единый народ.

Это простое и ясное, вытекающее из геополитических условий положение очень не нравится сторонникам искаженной, как в кривом зеркале, истории. До сих пор принято было «загонять» Сарматию в степь, изо всех сил пытаясь разорвать есте-

ственную связь двух природных зон Русской равнины, между которыми нет реальных границ. Если для скифской эпохи это «оправдано» почти полным молчанием источников, то для сарматского периода — рубежа новой эры — такая версия выглядит неправдоподобно.

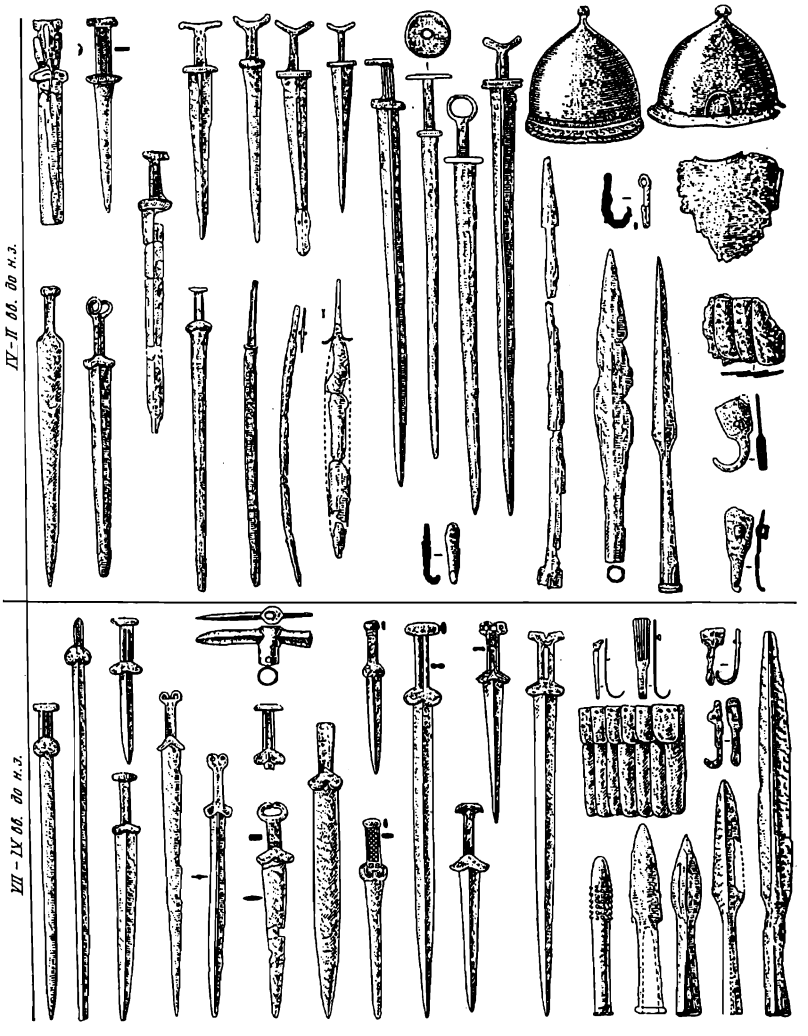
В самом деле, указаний на то, что сарматы заселяли практически всю Восточно-Европейскую равнину, а не только ее степь, сохранилось слишком много. Для всех античных авторов, начиная с Тацита и Птолемея (I—II вв. н.э.), «Сарматия» начиналась за Вислой и простиралась от Восточной Балтики до Волги. Может быть, термин «сарматы» они использовали как *собирательный*? Пусть так, но и «собирательные» термины имеют реальный смысл. Тем более что многие авторы указывают вполне конкретные географические рубежи расселения сарматов на севере: реку Рудон (Западную Двину), истоки Борисфена (Днепра), Аланские горы (Валдайскую возвышенность) и даже Рипейские горы, то есть линию Северные Увалы — Северный Урал.

Не следует полагать, что сарматы «расселились» на север именно на рубеже н.э.; никаких крупных миграционных процессов в это время не прослеживается. Очевидно, они наследовали свои северные земли еще со скифских времен...

Следует подчеркнуть, что названия «скифы» и «сарматы» первоначально определяли региональные подразделения одного и того же народа, а затем стали использоваться как синонимы для обозначения всего народа Великой Скифии в целом, без местных отличий. Некоторые источники употребляли и региональные названия обитателей закаспийских степей — «саков» или «массагетов» — в том же смысле, как имя, общее для всех «скифов», то есть обитателей степной зоны континентальной Евразии.

Уже из этого видно, что изначально региональные общности Великой Скифии были чрезвычайно близки друг другу. Недаром же античная традиция сохранила легенду о происхождении сарматов от скифских мужчин и женщин-амазонок. Если «перевести» эту легенду на современный язык — сарматы были те же скифы, но могущественней. Женщины у них были соответствующие.

Некоторые из них наравне с мужчинами несли «бремя власти» и оставили след в истории. Античные источники сохранили предания о Зарине, царице саков, живших к северу от Кавказа (то есть, очевидно, сарматов), красавице и хитроумной



Мечи, наконечники копий и дротиков, защитное вооружение, колчанные крючки савроматов и поздних сарматов

правительнице, объединившей многие народы; при ней была возделана большая часть страны и построены города[40]. Правление легендарной Зарины можно отнести к VI—V вв. до н.э., ко времени, когда к востоку от Дона образовалось царство савроматов и в Приазовье начали один за другим подниматься города. Следует обратить внимание, что первое же известное из истории имя сарматской царицы — ЗАРИНА — звучит совершенно по-славянски, а название столицы, где она правила — РОСКАНАК — имеет корень «рос»...

Нет никаких сомнений, что многочисленные античные предания об амазонках относятся в основном именно к сарматским представительницам прекрасного пола. Многочисленные источники сообщают, что женщины у сарматов не только пользовались равными правами с мужчинами, но и несли наравне с ними военную обязанность. На этом основании в современной историографии родился миф о матриархате в сарматском обществе.

Напомним, что матриархатом обычно называют общество, в котором господствуют групповые формы брака и дети не знают своих отцов; родство считается только по матери. Такие «общественные отношения» зафиксированы у многих народов, оставшихся на первобытном уровне до XIX—XX столетий, из чего некогда сделали вывод: такую же стадию в развитии прошли и все остальные. Однако позднейшие исследования показали, что подобное состояние общества свойственно именно тем народам, которые прекратили свое развитие, «сошли с дистанции». Как отмечал Л.Н. Гумилев, народы, ведущие в XX столетии первобытный образ жизни, это вовсе не «дети», еще не начавшие жить, а скорее «старички», утратившие социальную энергию («пассионарность») и доживающие свой век на периферии.

Так называемый поздний матриархат есть состояние, фиксирующее глубокую общественную деградацию, позволяющее затянуть естественный процесс умирания социума как можно дольше. Все его социальные установки выполняют одну задачу: как можно полнее устранить всякую возможность развития. Для этой цели и нужны «элементы группового брака»: отец, не знающий своих детей, не будет стремиться их обеспечить, чему-то научить... Этому служит и квазиобщественная собственность: все принадлежит всем и ничего никому. С государственно-общинным строем, сочетающим общинное регулирование с развитием личной собственности и инициативы, этот «первобытный коммунизм» не имеет ничего общего.

Узнать матриархальное общество очень легко: женщины в нем не только не обладают равными правами с мужчинами, но напротив, подвергаются всяческим унижениям (зачастую обрядовым и демонстративным). Но зато матриархальным женщинам принадлежит теневая власть, которой добиваются всяческими способами. Такие женщины сами не обладают социальной энергией и воспитывают сыновей (не знающих отцов) соответствующим образом. Первобытный матриархат — это общество униженных женщин и расслабленных, «обабленных» мужчин.

Сарматские мужчины, как и женщины, отличались бытовой и военной активностью. Женщины-«амазонки» владели всеми видами оружия (не только лук и короткий меч, но длинные мечи и копья, а также броня, защищавшая и коня, и всадника). Они пользовались правом голоса при решении общинных проблем. Активной политической деятельностью занимались сарматские царицы, многие из которых лично водили войска в бой.

У скифов, сарматов господствовал обычный парный брак с правом развода обеих сторон. Правда, «классические» греки иногда клеветали на скифов, утверждая о принятом у них обычае группового брака, но, видимо, тут срабатывал принцип «зелен виноград»... Слишком обаятельными были сарматские всадницы-амазонки, и какой контраст они представляли с греческими женщинами, которые делились на два типа: 1) гаремные затворницы и 2) гетеры-проститутки. Геродот, познакомившийся со скифскими обычаями, твердо заявил, что группового брака у них не существует, это вымысел; но тут же отнес эту клевету к отдаленным от скифов среднеазиатским массагетам (которых он не видел лично). Однако источники, исходящие из стран, территориально близких к сакам-массагетам, ничего подобного не подтверждают...

Равное с мужчинами в труде и общественной жизни положение женщин при сохранении стабильного парного брака есть верный показатель нормального развития общества. Матриархат с групповым браком, патриархат с гаремами и гетеризм, проституция — это пути, ведущие к деградации, к повышению уровня энтропии в социуме — вплоть до его неизбежной гибели.

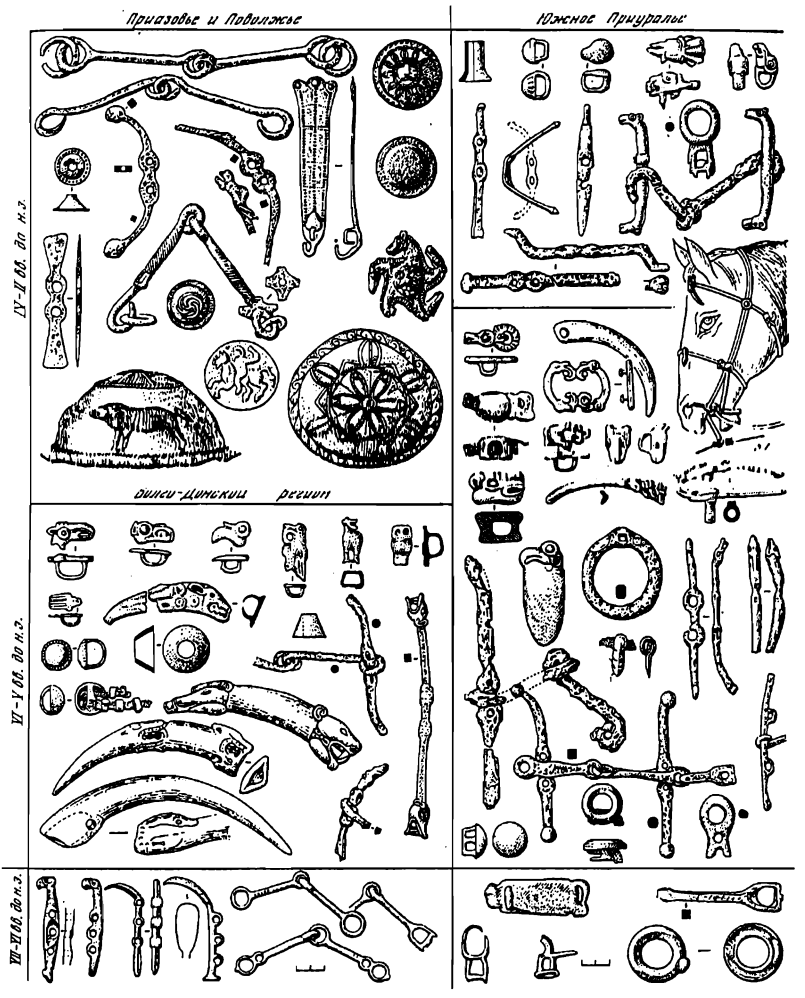
С точки зрения традиционной концепции прогресса смену скифского общества сарматским следовало бы считать... упадком, задержкой развития. Как же — ведь у скифов «цивилиза-

ция» только-только завязалась? Только начали представители элиты украшаться золотом с ног до головы, только увлеклись развратными средиземноморскими религиями, только завели себе рабов и гаремы... А тут сарматы с их чистым общинным строем, с их «амазонками»! Конечно, это была задержка естественного развития — развития, направленного в сторону увеличения энтропии, то есть смерти. Если такое развитие не задержать, если не освободиться от накопившейся энтропии — придется плохо... К счастью, евразийские геополитические условия создают для цивилизаций возможность постоянного самоочищения.

Миф об упадке, задержке общественного развития в Южной России в сарматский период держится до сих пор. Оценивая общественно-политический строй этого времени, стараются избегать даже терминов «царство»: якобы сарматы жили «родоплеменным строем», и никакого государства у них не было (между тем существование у скифов полноценного государства общепризнано). Выходит, полудикие «варвары», действия которых не были скоординированы центральной властью, сокрушили сильное царство? На абсурдность такого рода положений долго не обращали внимания, но теперь становится ясно: чтобы победить какое-либо государство, надо иметь уровень организации по крайней мере не худший, чем был у того.

В сарматскую эпоху цивилизация южнорусских степей значительно усилилась. Это выразилось в чисто территориальном росте политической системы: под властью сарматов оказалось все Северное Причерноморье, Приазовье, волго-донские степи и лесостепи. Разумеется, это стало возможным только при усилении государственно-общинного строя, после избавления от элиты, занятой личным накопительством золота и гаремов. Если скифы в поздний период своего владычества (IV—III вв. до н.э.) постоянно подвергались натиску со стороны эллинистического Средиземноморья, то сарматам удалось этот натиск отбить и сдержать на своих западных рубежах сильного врага — Римскую империю.

По данным современных источников, сарматское государство, распространившись до Дуная, активно вмешивалось в дела балкано-малоазийского региона. Полибий сообщает, что договор 179 г. до н.э. между Понтом, Пергамом, Вифинией и Каппадокией (эллинистическими государствами Малой Азии) был заключен при содействии сарматского царя Гатала[41]. Этот



Конское снаряжение савроматов и ранних сарматов

договор свидетельствует, что сарматское политическое влияние распространилось на южное побережье Понта.

Политическое могущество Сарматии опиралось на соответствующее развитие экономики и культуры. Именно в сарматский период Северное Причерноморье и Приазовье покрылись сетью городов и крепостей, а южнорусские степи превратились в крупнейшего экспортера зерна в средиземноморские полисы; в зависимость от поставок приазовского хлеба (через Боспор) уже с IV в. до н.э. попали Афины. Античные авторы убедились, что скифы и сарматы не только скотоводы, но и земледельцы[42].

Металлургия в сарматское время также достигла высокого уровня, что позволило южнорусским всадникам перейти на новый, тяжелый тип вооружения, включавший пластинчатую кольчугу и шлем, тяжелые и длинные обоюдоострые мечи, длинное копье. Это вооружение превосходило современные аналоги, включая военное снаряжение римских легионеров, представителей «цивилизованного» Средиземноморья. С помощью этого оружия сарматы установили контроль чуть ли не над всей Евразией.

Одновременно с рождением нового сильного царства в южнорусских степях среднеазиатские «родственники» сарматов также создали свои государственные объединения. В III в. до н.э. парфяне, одна из групп среднеазиатских саков (скифов), обитавших на территории современной Туркмении, разгромили эллинистическую империю Селевкидов и завоевали Иран. Тогда же на последний остров, оставшийся от завоеваний Александра Македонского, Греко-Бактрийское царство, обрушилась волна нашествия — из Южной Сибири. В Средней Азии было создано Кушанское царство, позднее завоевавшее Афганистан и Северную Индию.

Родственные народы евразийских степей продолжали в этот период поддерживать связь между собой. Так, основатель парфянского царства Арсак (251 г. до н.э.), по некоторым данным, был выходцем с Дона. С другой стороны, западные причерноморские сарматы взаимодействовали со своей «прародиной» в волго-уральских степях. Именно отсюда, из-за Волги, исходил в 130-е гг. н.э. новый объединительный импульс: все сарматские земли оказались вновь объединены под властью государства аланов. Имя «аланы» (до того принадлежавшее поволжской группе) стало соотноситься со всем народом, населявшим южнорусские степи, постепенно вытесняя старые названия —

«сарматы» и «скифы», которые, впрочем, использовались еще в средневековой литературе.

Рубеж новой эры был временем максимального могущества Великой Скифии, под контроль которой снова, как в начале железного века, попала почти вся Южная Азия (Иран и Северная Индия). По данным античных источников, на западе границы Скифии-Сарматии проходили по берегам Вислы и Дуная (примерно совпадая с границами Российской империи до 1917 г.). Те же источники включали в ее пределы юго-восточное побережье Балтики, недаром называемой в античную эпоху Скифским или Сарматским морем[43]. Многие авторы, в частности Тацит, использовали термин «сарматы» как общее название населения Восточно-Европейской равнины, от Балтики до Волги[44], и они имели на то основание.

Историки античной эпохи имели представление о том, что весь евразийский простор заселен одним большим народом: «АЛАНЫ... НАСЕЛЯЮТ БЕСКОНЕЧНЫЕ ПУСТОШИ СКИФИИ... В ДРУГОЙ ЧАСТИ СТРАНЫ (к востоку от Дона) АЛАНЫ ПОДНИМАЮТСЯ НА ВОСТОК, РАЗДЕЛЕННЫЕ НА МНОГОЧИСЛЕННЫЕ И НЕМНОГОЧИСЛЕННЫЕ РОДЫ, ОНИ ВЫДВИНУТЫ ДАЛЕКО В АЗИЮ И, КАК Я СЛЫШАЛ, ЖИВУТ ВПЛОТЬ ДО РЕКИ ГАНГ, КОТОРАЯ ПРОТЕКАЕТ ЧЕРЕЗ ТЕРРИТОРИИ ИНДИИ И ВЛИВАЕТСЯ В ЮЖНЫЙ ОКЕАН... ПОЧТИ ВСЕ АЛАНЫ ВЫСОКИ И СИМПАТИЧНЫ, ИХ ВОЛОСЫ СКОРЕЕ СВЕТЛЫ, СВИРЕПОСТЬЮ СВОЕГО ВЗГЛЯДА ОНИ ВНУШАЮТ СТРАХ, КАК БЫ ОНИ НЕ СДЕРЖИВАЛИСЬ. ОНИ ЛЕГКИ И АКТИВНЫ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ОРУЖИЯ»[45].

Но могущество Великой Скифии уже начинало клониться к упадку. Правда, на западе, у Дуная, сарматы-роксаланы успешно сдерживали натиск Римской империи. Гордый Рим был вынужден платить им дань за соблюдение мира, — выплаты производили даже великие императоры Траян и Адриан...

Главная угроза подстерегала на востоке. В первые века до н.э. на территории Монголии сложилось сильное государство хуннов (тюркоязычных монголоидов)*, оказавшее сильнейшее давление

---

* Это заблуждение, порожденное романо-германской схемой истории. Тюрки — европеоиды. Никаких государств монголоидов в Монголии не было и не могло быть — монголоидные кочевники Монголии находились на столь низкой ступени развития, что ни «государств», ни самых примитивных протогосударственных образований они создать не могли. Един-

на сибирских и центральноазиатских скифов. А ведь именно они лидировали на просторах Евразии в политическом отношении.

Недаром же Геродот писал о скифах-сибиряках, исседонах и аримаспах: «Все они, кроме лишь гипербореев [то есть жителей Крайнего Севера], всегда ведут соседственные войны, начиная с аримаспов: аримаспы выгоняют из их земли исседонов, исседоны — скифов, скифы же теснят киммерян, обитающих у южного моря, и под таковым гнетом оные оставляют страну»[46]. Эта информация полностью подтверждается данными археологии: западные, европейские регионы Великой Скифии испытывали политическое давление из Сибири и Центральной Азии: с востока на запад распространялись импульсы, восстанавливавшие государство (скифы в 1000—800 гг. до н.э., сарматы в 400—200 гг. до н.э., аланы во II в. н.э.).

Хунны прорвали границу «двух рас», сокрушив могущество сибирского центра Великой Скифии, и, начиная с VI в. н.э., на Россию одна за другой обрушивались волны нашествий с востока.

1.4. Скифы и русские

Да, скифы мы...
Александр Блок

Аланы-сарматы, прямые потомки скифов, «заселяли бескрайние пустоши Великой Скифии» в IV в. н.э., сохраняя по-прежнему политическую независимость; в источниках они упоминаются еще в V—VII столетиях. Материальная культура южнорусских степей I тысячелетия н.э. также обнаруживает преемственность по отношению к предшествующей эпохе. Те же курганы, те же клады... последний из которых, Перещепинский, датируется концом VII в. н.э. В этом же столетии на территории Восточно-Европейской равнины, на огромном простран-

---

ственным государствообразующим суперэтносом Азии тех времен были русы-европеоиды, те самые скифы, о которых и идет речь в данной книге. Они создали государство в Северном Китае, государственное образование хуннов-гуннов, позже Великую Монгольскую империю... В своих походах на запад европеоиды-язычники скифо-сибирского мира увлекали за собой тюркские и угро-финские племена, но не мифических «монголов» — монголоидного антропологического элемента на Руси и в Европе той эпохи нет. Гунны Аттилы — европеоиды-скифы позднего периода. — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*

стве появляются культуры, которые археологи приписывают восточным славянам — русским; начиная с этого времени имя Русь в современных источниках встречается постоянно.

Казалось бы, самых простых соображений достаточно, чтобы понять: аланы-сарматы и в раннем Средневековье населяли тот же регион, что и прежде, но... до недавних пор считалось, что в это самое время они «исчезли в неизвестном направлении». Все дело в том, что это была «эпоха великого переселения народов»; вот аланы куда-то и «переселились» — так уверяли нас.

Куда же на самом деле «девались» скифы=сарматы=аланы, многочисленный народ, который еще в IV—V вв. (свидетельство Аммиана Марцеллина) населял огромные просторы Великой Скифии от Дуная до берегов Ганга? Разумеется, они никуда не исчезли. Антропологические исследования показали, что в формировании современного русского типа главное значение имела именно степная, скифская-сарматская компонента. Как утверждает академик В.П. Алексеев, «НЕСОМНЕННО, ЧТО БОЛЬШАЯ ЧАСТЬ НАСЕЛЕНИЯ, ПРОЖИВАВШАЯ В ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЯХ В СЕРЕДИНЕ I ТЫС. ДО Н.Э., ЯВЛЯЕТСЯ ФИЗИЧЕСКИМИ ПРЕДКАМИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕН ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ». А «скифский антропологический тип, в свою очередь, обнаруживает преемственность со времен бронзового века (III—II тыс. до н.э.)[47].

Подчеркнем, что этот вывод получен на основе современных научных методик, позволяющих различить антропологический тип не только двух разных народов, но и разных племенных групп внутри одного народа. И все данные говорят об одном: современные русские — прямые потомки раннесредневековых аланов, «античных» сарматов, скифов железного века, киммерийцев эпохи поздней бронзы и ариев древнеямной культуры.

Ничего поразительно нового в этом нет. Сходство древних скифов и современных русских бросается в глаза как на сохранившихся изображениях, так и в описаниях современников. Все эти описания говорят об одном: довольно высокий рост, стройное и крепкое сложение, светлые глаза и волосы — русого оттенка, то есть типичные черты нордической белой расы.

Клавдий Гален (II в. до н.э.) писал о германцах, савроматах и «всем скифском племени», что у них волосы умеренно растущие, тонкие, прямые и русые, кожа мягкая, белая и лишенная волос. Аммиан Марцеллин об аланах, IV в. н.э.: «Почти все

аланы высоки ростом и красивы, с умеренно-белокурыми волосами»... Прокопий Кесарийский о славянах, VI в.: «все они рослы и сильны, цвет лица имеют не совсем белый, волоса ни русые, ни вполне черные, но рыжеватые»... Ибн-Фадлан о русских, X в.: «И не видел я людей с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, румяны, красны»[48].

Изображения скифов, дошедшие до нас, еще более красноречивы. Митридат Первый, основатель могущества Парфянской империи, в 141 г. до н.э. признанный царем Вавилонии, если судить по его изображению на монетах, имел русские черты лица[49]. Мало того: он еще носил хорошо знакомую прическу «под горшок» с узкой лентой-повязкой и бороду (в таком виде обычно изображают русских мужиков). Кем же был этот *Митридат*, «человек необыкновенной доблести» (как писал о нем Помпей Трог), и почему в России до сих пор так любят имя *Дмитрий*?

Во время раскопок дворца в Нисе — древней столице Парфянского царства (Туркмения) была найдена «голова воина в шлеме», представлявшая собой часть несохранившейся статуи[50]. У него лицо русского богатыря из сказки — таким обычно рисуют Добрыню Никитича... На рельефном портрете скифского царя Скилура и его сына, найденном на развалинах Неаполя в Крыму еще в 1827 г. (затем таинственно пропавшем и сохранившемся только в копии) можно увидеть то же самое: русские лица!

В Нисе был обнаружен выдающийся по художественным достоинствам женский скульптурный портрет, предположительно изображавший «амазонку» Родогунду, парфянскую принцессу, ставшую женой одного из селевкидских царевичей[51]. По свидетельству Полиена, в тот момент, когда Родогунда мыла волосы, к ней пришел вестник, сообщивший о восстании одного из подвластных народов. Не домыв волосы, Родогунда села на коня и повела в бой войско, поклявшись заняться прической только после победы, что и выполнила. С тех пор на печати парфянских царей чеканили ее изображение с распущенными волосами, с которым обнаруживает сходство и скульптурный портрет из Нисы.

Греческий автор Филострат писал о Родогунде: «Она приносит жертву богам и благодарность... она молится, чтобы боги и впредь дали ей побеждать врагов, как она победила их теперь... Глаза у нее, меняя свой цвет, от голубых переходят в темно-синие, получая свою веселость от данного настроения, свою

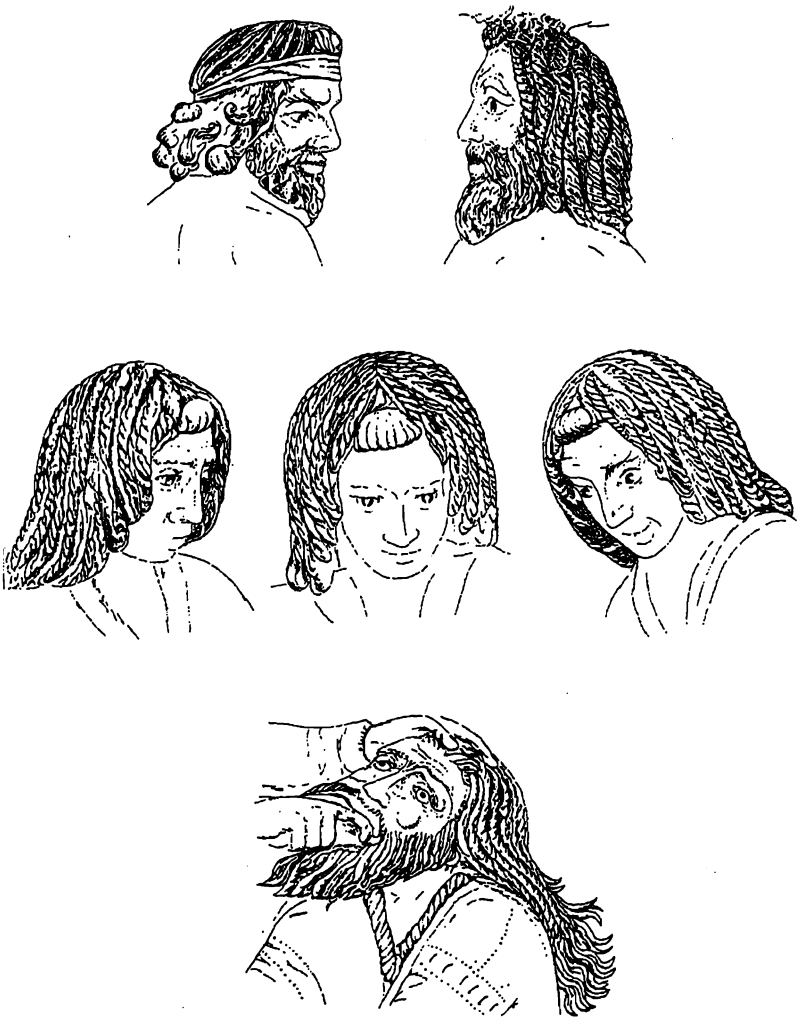
красоту от природы, повелительный взгляд — от сознания власти»[52].

Именно таков образ женщины на портрете из Нисы: реалистическая манера исполнения, утонченная красота и... чисто русские, притом великорусские, черты лица. А вот портрет круглолицей Динамии, царицы Боспорского царства (Крым-Тамань) на рубеже нашей эры, представляет несколько другой тип, скорее близкий современному украинскому, но тоже славянский...

В одном из курганов Южной Сибири (в кенотафе, не содержащем тела умершего, вероятно, «пропавшего без вести» на поле битвы) был обнаружен медальон с портретом покойного, у которого был европеоидный овал лица и выдающийся нос, но при этом некоторая «скуластость» и «косина» в глазах. Эти черты характерны для коренных русских жителей Сибири и по сей день...

Дошедшие до нас портреты скифской эпохи передают не просто русский антропологический тип, но и его характерные местные подтипы, существующие и поныне. И одежда скифов не слишком сильно отличалась от той, которую носили русские чуть ли не до XX века. Мужской костюм, если судить по сохранившимся настенным фрескам, изображениям на золотых украшениях, вазах, состоял из длинной рубахи, кафтана с поясом и часто длинными откидными рукавами, плаща-накидки с застежкой на груди или одном плече, широких шаровар или узких штанов, заправлявшихся в мягкие кожаные сапоги. Мужская прическа: обязательная борода, довольно длинные волосы у причерноморских скифов, но короткая стрижка у сарматов и стрижка «под горшок» у среднеазиатских саков и парфян. Казалось бы, простой костюм, встречающийся у многих народов; но на самом деле в древности мало кто носил такой привычный теперь предмет мужского туалета, как «штаны обыкновенные». Достаточно вспомнить «цивилизованных» римлян и греков, разгуливающих в коротких туниках-распашонках (а ведь зимой и в Италии не жарко), чтобы понять, почему ни греческая, ни римская армии не смогли прорваться в русские степи... Для сравнения, стоит напомнить, что «штаны длинные, обыкновенные» в Западной Европе носят лишь последние два столетия (в Средние века предпочитали чулки, а с XVI в. чулки с короткими шортиками).

Как следует при скифском образе жизни и как свидетельствуют источники, женщины часто носили такой же «брючный



Лица скифов. Прорисовки с золотых предметов Г. Томма. За тысячелетия антропологический тип бореалов Северного Причерноморья, русов-индоевропейцев, киммерийцев, скифов, савроматов, сарматов и русских практически не изменился. Сейчас, обладая всей суммой информации, мы с уверенностью можем говорить, что имеем дело

с одним этносом (этнологически точнее называть его суперэтносом), который историки «вписывают в анналы» под разными именами. Даже на нашей памяти мы, русские, уже побывали и великороссами, и советскими, и россиянами... А в Европе нас вплоть до XIX века звали то скифами, то «татарами», то гуннами...

костюм», как и мужчины (так изображали амазонок на греческих вазах). Но для красоты скифские и сарматские женщины одевались все же в длинные платья. Платья эти украшались вышивками, бисерными обшивками на груди, рукавах и подоле, бусами, пуговицами; шились из доморощенной шерсти и из импортной парчи[53].

Обыкновенное платье: что в нем удивительного?.. Но опять-таки следует напомнить, что в южных странах древности носили не кроеные платья, а драпировки из цельного куска ткани — одежду типа индийского сари или греческого хитона. На востоке Азии издавна одевались в халаты. Северная и Западная Европа питала пристрастие к рубашкам с юбками и одежде типа сарафана. Выходит, никто, кроме сарматских женщин, настоящих платьев не носил... вплоть до Средних веков.

Но традиционный русский женский костюм связан ли с сарматским платьем? На севере и западе — нет, там прижились сарафан и юбка. А вот на юге, в казачьих регионах... Хорошо известно, что южнорусский (казачий) женский костюм представляет собой именно платье, украшенное вышивками, бисером, тесьмой и т.д. Самое обыкновенное платье, покрой которого возник намного раньше, чем «западная» мода на этот вид одежды докатилась до Москвы (XVIII в.). Надо полагать, ЮЖНОРУССКИЙ ТИП ЖЕНСКОГО ПЛАТЬЯ ВОСХОДИТ ЕЩЕ К САРМАТСКОЙ ЭПОХЕ...

Древние скифы и сарматы не только выглядели, как русские — они так же причесывались и одевались, причем сарматский тип одежды лучше сохранился в южнорусских, степных областях.

Точно так же преемственность обнаруживают и другие бытовые предметы и произведения прикладного искусства. Совпадает то, чего нельзя подделать, чего нельзя заимствовать: не столько техника, сколько неповторимый стиль, узоры. «В жилых помещениях [скифской столицы Крыма — Неаполя] находили красивые пластинки из резной кости, которыми украшались скифские ларцы. УЗОРЫ, С ЛЮБОВЬЮ ВЫПОЛНЕННЫЕ СКИФСКИМИ НАРОДНЫМИ РЕЗЧИКАМИ, ЖИВО НАПОМИНАЮТ ПО СВОЕМУ ХАРАКТЕРУ РУССКУЮ РЕЗЬБУ ПО ДЕРЕВУ»[54].

Особенно четко связь с сарматской эпохой прослеживается в материальной культуре населения средневекового Черниговско-Северского княжества. Здесь древние традиции сохранялись

в неприкосновенности. Так, женские украшения — височные кольца — в северском княжестве, в отличие от других регионов Киевской Руси, выполнялись в форме спирали. Известно, что спиралевидные украшения, кольца, браслеты широко использовались сарматскими «амазонками». Височные кольца (служившие для поддержки прически в виде длинных кос, уложенных вокруг головы, и головного убора) считаются характерными, типично славянскими вещами раннего Средневековья. Но не стоит забывать, что такие же кольца обнаружены среди вещей сарматских кладов античной эпохи[55]. Древнейшие височные кольца в Южной России датируются еще бронзовым веком — началом II тыс. до н.э.

Скифское изобразительное искусство оказало самое существенное влияние на культуру средневековой Руси в целом — не только ее южной части. Это влияние сказалось не столько на технике, сколько на глубоко оригинальном стиле, который повторить, находясь вне традиции, практически невозможно. Так, портретные рельефы, найденные на городище (Неаполя), в особенности изображение юного Палака (сына царя Скилура) на коне, отличаются самобытным характером. Они чем-то напоминают ПОЗДНЕЙШИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ГЕОРГИЯ ПОБЕДОНОСЦА В ДРЕВНЕРУССКОМ ИСКУССТВЕ... У одного из военачальников (погребенного в мавзолее Неаполя) найден резной камень из темно-красного сердолика в форме скарабея... На оборотной его стороне искусно вырезана портретная голова бородатого скифа в высокой шапке. ЕГО ОБЛИК БЛИЗОК К ОБРАЗАМ ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЗЕЙ»[56].

Важнейший этнографический критерий — это жилище. Его тип народы способны сохранять постоянным, даже переселившись в совершенно иные природные условия. Судя по раскопкам, в городах типа Неаполя — столицы крымского царства — скифы жили в добротных каменных домах с черепичной крышей; изображения их сохранились на росписях. Скифский дом — «жилище с двускатной крышей, навесы которой защищают стены от стока воды. На коньке крыши вертикально поставлена стрела, по сторонам ее вырезанные из дерева головы двух коней, обращенные мордами в разные стороны. Все это живо напоминает нам РУССКУЮ ИЗБУ С ТАКИМИ ЖЕ РЕЗНЫМИ КОНЬКАМИ НА ТАКОЙ ЖЕ КРЫШЕ»[57].

Далеко от солнечного Крыма, на другом конце Великой Скифии — на Алтае — строили дома того же типа, только не из

камня, а из дерева. Классическая рубленая изба была основным жилищем древних сибиряков. Уже один тип жилища предполагает оседлость и полностью исключает непрерывное кочевание. А как же знаменитая степная юрта? Оказывается, и она была изобретена скифами, но применялась только во время летнего сезона, в качестве своего рода походной палатки* .

Одним из самых надежных критериев принадлежности той или иной археологической культуры какому-либо этносу является керамический. Проще говоря, форма обыкновенной бытовой глиняной посуды остается неизменной, если народ вообще сохраняет свою культурную традицию. Без труда можно убедиться, что лепная керамика сарматской эпохи обнаруживает поразительное сходство с русской средневековой. Впрочем, что средневековой — даже сейчас еще можно встретить ее наиболее распространенные типы: кувшин обыкновенный (с выпуклыми боками и горлом, расширяющимся кверху, так называемый глечик), горшок обыкновенный (полусферический, яйцеобразный), миска обыкновенная. Традиции сарматской керамики уходят в глубь тысячелетий. В сущности, основной тип ее, яйцеобразный горшок, оставался почти неизменным со времен Днепро-Донецкой культуры V тыс. до н.э.

С одной стороны, постоянство антропологического типа населения степей Южной России, с другой — такая же стойкая преемственность материальной культуры. И все это хорошо прослеживается, начиная от раннего Средневековья до эпохи брон-

---

* Эти детали подмечены очень точно. Скифы не были кочевниками. Они вели «казачий» образ жизни: были земледельцами и скотоводами, при угрозе собирали войско, садились на коней, брали оружие. Молодежь постоянно была в дозоре и на заставах. При истощении земель скифы снимались с них и перебирались на новые угодья и пастбища. Огромные повозки везли волы, ночевали в возах и в палатках-«юртах». Отряды вооруженных всадников охраняли род. Иногда кочевье было очень долгим. Именно таким и был реальный арийский, индоевропейский образ жизни — не «белокурые бестии» из псевдогерманских поэм, сочиненных в XIX в., а великие труженики-созидатели, хлеборобы и скотоводы, бесстрашные воины. Перемещаясь из Северного Причерноморья в поисках пахотных земель и пастбищ, русы-арии и заселили Европу, Сибирь и Азию, вплоть до долин Инда и Ганга, Алтая, Саян, Внутренней Монголии. Строгое соблюдение традиций и кастовость позволяли им сохранять себя как русов-европеоидов очень долго, тысячелетиями. И все же ассимиляция в среде автохтонов сделала свое дело — и потому мы не всегда можем сразу узнать своих предков среди народов и народностей Евразии. — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*

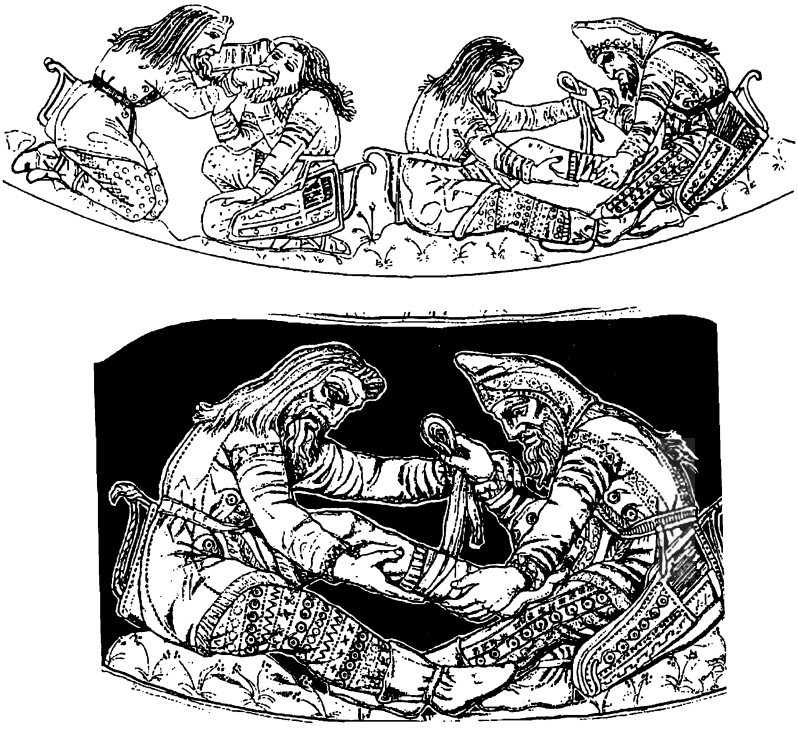
зы и неолита (IV—V тыс. до н.э.). Никаких разрывов! Может ли быть, что южнорусские степи все это время заселяли *разные* народы?

Конечно, нет. Есть надежные доказательства, что жители южнорусских степей помнили родство, поддерживая связь со своими предками. Хорошо известно, что, начиная примерно с 3000 г. до н.э., в России был принят обряд погребения под курганами. Несмотря на перемену деталей, этот обряд сохранялся до раннего Средневековья (когда был известен у «исторических» славян), и исчез только с принятием христианства.

Но главное не в этом. Курганные могильники разных эпох возводились, как правило, в одних и тех же местах, один подле другого; так возникали целые «города» мертвых, поражающие своей древностью и преемственностью более, чем египетские пирамиды. Или же в одном и том же кургане делались «впускные» погребения — и это продолжалось на протяжении тысячелетий! Так, в группе курганов на реке Понуре (Калининский район Краснодарского края) представлены погребения от ранней бронзы (Ямная культура III тыс. до н.э.) до половцев включительно, причем в кургане Малаи 1 имеются последовательные погребения ранней и поздней бронзы, а в кургане Греки 1 — от раннего железа и сарматских катакомб до половцев. В «Царском кургане у хутора Лебеди (того же района), возведенного еще в эпоху Ямной культуры, произведены впускные погребения железного века и Средневековья.

В группе курганов у села Грушевского (Ставропольский край) представлена эпоха бронзы (начиная с Ямной культуры), скифы, сарматы, половцы. В курганах на реке Быстрой (междуречье Дона и Северского Донца), возведенных в эпоху средней бронзы (катакомбная культура), произведены впускные захоронения сарматов. Среди курганов у хутора Красноармейского (Ростовская область) древнейшие ямные (ранняя бронза), затем — катакомбные, сарматские, печенежские. В одном кургане у Черкасской стоянки (Павловский район Воронежской области) обнаружены три погребения ямной, семь катакомбной и четыре срубной культур; могильник непрерывно функционировал почти две тысячи лет. В Курской области найдены группы курганов, в которых представлены последовательные захоронения от эпохи бронзы до средневековых славянских[58].

Постоянство и преемственность погребального обряда на протяжении тысячелетий подтверждают, что жители южнорус-



Скифы на сосуде из кургана Куль-Оба. Здесь мы видим две разные прорисовки с одного оригинала. Художники часто с целью создания более «колоритных образов» огрубляют черты исходных типажей, делают их более «восточными». Для того чтобы убедиться в полном сходстве скифов с русами лучше смотреть на оригиналы — они широко представлены не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в городах Северного Причерноморья. Когда археологи XIX в. впервые увидели «скифское золото», они были просто поражены — «местные русские мужики», по их словам, были «вылитыми копиями скифов»

ских степей рассматривали своих предшественников как непосредственных предков. При смене этнического состава населения или даже просто при сильном культурном «разрыве» (принятие христианства) такое постоянство было бы невозможно. Одни и те же религиозные убеждения и традиции поддерживались в России по крайней мере на протяжении четырех тысяч лет, включая «историческую» славянскую эпоху раннего Средневековья.

На протяжении тысячелетий поддерживались не только города мертвых, но и города живых. Так, многослойные селища в долине Оскола обнаруживают слои, начиная с эпохи бронзы до Средневековья и даже... XVII—XVIII вв. Воргольское городище (Елецкий район Липецкой области) представляет материалы эпохи бронзы, раннего железа, славяно-русского времени, городища в бассейне Сейма (Курская область) — от раннего железа до славянской Роменской культуры[59]. И так далее, и так далее...

Все классические **археологические критерии указывают на преемственность культуры населения средневековой Руси** (по крайней мере ее южных областей) **по отношению к степной культуре эпохи бронзы и железного века.**

Не приходится удивляться поэтому, что нравы и обычаи скифов, известные из современных источников, удивительно напоминают славянские. Судя по описаниям Геродота (История, 4, 62—74), скифы любили попариться в банях, поклонялись мечу как символу бога войны, возводили курганы над могилами умерших вождей; скрепляя договор, пили вино с кровью; предсказывая будущее, гадали на ивовых прутьях и липовом мочале. Все эти обряды известны и у средневековых славян. Правда, скифский обычай *снимать скальп* с поверженного врага и отделывать его череп в форме чаши* в позднейшие времена «вышел из моды», но это можно приписать воздействию христианства (точно так же, как и прекращение курганных захоронений).

Социальное устройство и особенности нравов скифов практически неотличимы от славянских (известных по источникам раннего Средневековья). Та же территориальная община, состоящая из лично свободных полноправных людей, то же отвращение к рабству. Равенство прав мужчин и женщин, вплоть

---

* Обработка черепов, «культ мертвой головы» — древнейшая традиция русов-индоевропейцев со времен Натуфа и Иерихона (Ярихо). Из культа «мертвой головы» родился культ «доброго предка» — «домового». Обработка черепа врага и изготовление культовых чаш говорили об уважении к этому врагу. У скифов данный культ получил меньшее развитие, чем, скажем, у кельтов сыновнего народа, вычленившегося из суперэтноса русов-индоевропейцев. Поздние «скифы» — печенеги и половцы, вопреки сложившемуся мнению, не были тюрками. Они были потомками скифов-язычников и потому продолжали традиции предков. Мы помним, что князь («хан») Куря сделал из черепа Святослава чашу, это была дань уважения к великому полководцу. — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*

до несения последними военной службы (еще в VII веке Константинополь штурмовали «славинки», еще в X веке в войске Святослава были женщины). Правда, в Средние века славянским женщинам, как некогда сарматкам, не приходилось убивать врага, чтобы получить право выйти замуж; и тут, вероятно, сказалось смягчающее влияние христианства.

Большое сходство, наконец, имеет скифский и средневековый славянский тип экономики. Как показывают археологические исследования и как свидетельствуют беспристрастные источники, скифы были отнюдь не варварами-кочевниками, но оседлыми (хотя и подвижными) скотоводами и земледельцами, искусными металлургами, строителями городов, мало отличаясь в способе ведения хозяйства от своих потомков — славян.

Какой из всего этого следует вывод?

Предоставим сделать его П.Н. Шульцу, руководителю Тавро-скифской археологической экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР, ведшей с 1945 г. раскопки Неаполя Скифского: «...Скифы представлялись многим дикими кочевниками, не знавшими городов и городской культуры, не имевшими своего государства. Некоторые дореволюционные и зарубежные ученые считали, что скифы — это кочевые орды не то монгольского, не то иранского происхождения. Считали, что скифы существовали на протяжении пяти-шести веков, а после войн с Диофантом, полководцем царя Митридата Понтийского, они якобы пропали неизвестно куда и как. Разве могла внезапно исчезнуть такая большая и могущественная народность, о многочисленности, смелости и непобедимости которой много и единодушно писали древние авторы? Раскопки советских археологов на Днепре, Буге, Днестре, на Дону, Кубани и в особенности раскопки Неаполя Скифского полностью опровергают эти неправильные, лженаучные представления о скифских племенах. Скифы никуда не исчезали и не пропадали... Скифы создали не только свое государство, но и свою городскую культуру. Мы знакомимся в Неаполе с памятниками скифской архитектуры, с его мощными оборонительными стенами и башнями, с исключительно интересным мавзолеем, парадными сооружениями, украшавшимися скульптурами, с его жилыми оштукатуренными домами, крытыми черепицей... Но особенно важно то, что В ХАРАКТЕРЕ СКИФСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ И ЖИЛИЩ, В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ (ОБЫЧАЙ ХОРОНИТЬ В КУРГАНАХ И ЗАКАЛЫВАТЬ БОЕВОГО КО-

НЯ), В СКИФСКИХ РОСПИСЯХ, В ПРЕДМЕТАХ РЕМЕСЛА, В ЧАСТНОСТИ В ПОСУДЕ, ДЕРЕВЯННОЙ РЕЗЬБЕ, ОРНАМЕНТЕ, В ОДЕЖДЕ МЫ НАХОДИМ ВСЕ БОЛЬШЕ И БОЛЬШЕ ОБЩИХ ЧЕРТ С КУЛЬТУРОЙ И БЫТОМ ДРЕВНИХ СЛАВЯН. Становится все яснее, что скифские земледельческие племена наряду с другими народностями и племенами Восточной Европы сыграли свою роль в процессах формирования восточного славянства, и что древнерусская культура вовсе не создана варягами или пришельцами из Византии, как об этом твердили заграничные псевдоученые.

РУССКАЯ НАРОДНОСТЬ И КУЛЬТУРА ИМЕЮТ ГЛУБОКИЕ МЕСТНЫЕ КОРНИ, УХОДЯЩИЕ В ГЛУБЬ ВЕКОВ, и тут уместно вспомнить слова М.В. Ломоносова о том, что среди «ДРЕВНИХ РОДОНАЧАЛЬНИКОВ НЫНЕШНЕГО РОССИЙСКОГО НАРОДА... СКИФЫ НЕ ПОСЛЕДНЮЮ ЧАСТЬ СОСТАВЛЯЮТ»[60].

Скифы и сарматы были прямыми, физическими предками русских, и неудивительно, что потомки носили ту же одежду, строили такие же дома и лепили такие же горшки, как и их предки.

1.5. «Скифский» язык

До сих пор главным препятствием для признания того простого факта, что предками русских являются скифы-сарматы-аланы, служили лингвистические соображения. Еще в XIX столетии прочно утвердился миф, что скифы и сарматы говорили на языках так называемой иранской группы.

Этот миф прочно сохранял свои позиции и в советское время. Вот что писал по этому поводу П.Н. Третьяков, один из исследователей Древней Руси: «В качестве предков славян археологи и историки стали рассматривать многие древние племена Средней и Восточной Европы — скифов, сарматов, фракийцев, иллирийцев и др. Особенно повезло в этом отношении скифам, которые были объявлены чуть ли не главным предком славян, а скифская государственность — чуть ли не основой славянской государственности. В то же время уже давно известно, что скифы говорили на одном из древних иранских языков... При встрече со славянским языком языки этих племен (скифов и сарматов) потерпели поражение и исчезли, не оставив почти никаких следов»[61].

Вот это и есть самое удивительное. Такой многочисленный народ тысячелетиями заселял такие большие пространства (удивительно точно совпадающие с границами современной России) и исчез, не оставив никаких следов! Впрочем, Третьяков проявил достаточную сдержанность: он не сказал, что скифы исчезли *физически* (между тем некоторые до сих пор продолжают утверждать эту давно опровергнутую нелепость). «Исчез» только скифский язык, «тонкая материя» духовной культуры, то есть исчезла *цивилизация*... Но так ли это на самом деле?

По свидетельству античных источников, языки жителей Великой Скифии в широком смысле слова, то есть всех евразийских степных просторов, или не отличались между собой вообще или представляли собой всего лишь «искажения», то есть диалекты скифского языка, который, как считается, не сохранился: «К сожалению, почти полностью отсутствуют данные о скифском языке. Все, чем располагают ученые, — некоторое число личных имен и географических названий, оставшихся в иноязычных текстах. Но и этих остатков оказалось достаточно, чтобы определить: скифский язык принадлежал к иранской группе...»[62] Как видим, полное исчезновение загадочного скифского языка не помешало «успешно» подвергнуть его изучению и даже классификации!

Не маловато ли будет оснований для такого рода утверждений? Тем более утверждений навязчивых, безапелляционных. Буквально во всех изданиях не только скифский язык называется «иранским», но и сами арийские народы евразийских степных пространств называются «ираноязычными», или, еще проще, «иранскими»! Есть основания полагать, в случае с проблемой скифского языка мы сталкиваемся с одной из подтасовок, совершенных во время разгула «научной мысли», подстилавшей идеологический базис под колониальную экспансию западноевропейских агрессоров.

Приоритет в разработке теории «ираноязычия» скифов целиком и полностью принадлежит немецким лингвистам конца XIX — первой половины XX в.[63] Нет необходимости останавливаться на причинах появления такой теории. В атмосфере нагнетания русско-германского противостояния, вылившегося в две мировые войны, они вполне понятны. Немецкие идеологи изо всех сил стремились доказать, что только их народ является «истинно арийским, с характером нордическим». Немцы в преддверии войны старались внушить окружающим и прежде всего себе, что только они имеют приоритеты.

В этом духе ими и писалась «история». Однако как ни старайся, из истории Великую Скифию не выкинешь... и, главное, никак не удается затемнить тот факт, что скифы отличались приоритетами и могуществом не меньше германцев* . Поэтому появилась необходимость представить дело так, что скифы жили-были, да вдруг куда-то и исчезли. Что современные русские к ним не имеют никакого отношения, а произошли от неких слабых и вялых «лесовиков», не высовывавшихся из-под пня-колоды. В ход пошла тяжелая артиллерия — лингвистическая схоластика...

Как известно, свои права русские доказали на практике. Доказательство было довольно успешным, и после 1945 г. труды немецких лингвистов на тему «ираноязычия» скифов как-то вдруг сразу прекратились. Видимо, убедились, что русские и впрямь потомки скифов, и зауважали, или просто пропал «политический заказ». Зато... аналогичный заказ возник в другом месте.

Так что «ираноязычная» теория и ныне жива, здорова и ведет себя весьма агрессивно. После довольно успешных попыток опровергнуть ее, сделанных в 1940—1960 гг. (о чем речь ниже), она взяла реванш в годы «застоя», ослабившего русское государство. «Ираноязычники» ведут себя решительно и дискуссий на данную тему не допускают.

Разберемся, на каких основаниях скифов называют иранцами. Сохранилось много имен, дошедших в передаче антич-

---

* Немцы-дойче XIX—XX вв. присвоили себе понятие «германцы». Фактически в областях тацитовой «Германии» проживали автохтоны — русы и славяне. Предки немцев-дойче (тунгры и неметы) пришли из-за Рейна и навязали всем свой этноним (и то не сразу). Позже, со времен Карла Великого, пошла тотальная ассимиляция автохтонов-славян. И тем не менее мы абсолютно точно знаем, что историческими тацитовыми германцами были славяне. 85% топонимики Центральной, Северной и Восточной Германии — славянская, ведущие города — Берлин, Дрезден, Лейпциг и т.д. — основаны славянами. Сам этнотопоним «германы» есть производная от славянского «яро-маны» (ярии, ярые люди). Трансформация аналогична трансформации славянского Яровита в Геровита немецких хроник. Претензии немцев Нового времени на родство с истинными германцами просто смехотворны. Особенно учитывая те факты, что единый немецкий язык немцы-дойче обрели лишь к концу XIX в., свое наименование «дойче» заимствовали у славянского племени «деуцы, девцы», а государственность, собственно, получили от прусов (по-русов) — «восточных немцев», ассимилированных славян, носивших славянские фамилии типа Бюлов, Радлов, Трептов и т.д. — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*

ных источников и в надписях. Остались и многочисленные скифские топонимы — по всей степной зоне Евразии. Однако если арийские народы были здесь автохтонами, то кто может поручиться, что все эти названия местностей и рек даны именно в «скифское» время (то есть в железном веке), а не раньше? Язык-то изменяется со временем порой до неузнаваемости...

То же самое относится к именам. Имена и топонимы — это наиболее архаичная часть языка, порой имеющая очень мало общего с его современной версией. Допустим, что у нас нет данных о русском языке Средневековья, но зато сохранились русские имена той эпохи: Александр, Федор, Сергей и т.д. Что за представление о языке можно получить на основе такого источника?

Некоторые лингвисты из стран бывшего ближнего зарубежья не только исхитрились «исследовать» исчезнувший скифский язык, но «установили» даже, что он сильно отличался от сарматского, и вообще на территории Великой Скифии бытовало множество иранских языков, так что никакого единства не существовало[64].

Старый добрый Геродот утверждал, что сарматы — дети скифов и амазонок, и говорят на том же скифском языке, в который, правда, издревле вкралось несколько «ошибок». *На том же скифском языке* — сказано ясно; речь может идти только о диалектных различиях. Но нет: смотрят в книгу, и видят... что из сообщения Геродота можно сделать вывод: скифский и сарматский — это безусловно разные языки[65].

Для доказательства перебирают немногие скифские глоссы, дошедшие до нас; в большинстве это имена собственные, этнонимы, топонимы: «Дон», «Кавказ», «паралаты», «аримаспы», «Колаксай»... Сходство с иранскими языками? Действительно есть. Но только ли с ними? Вот скифское слово «вира» — муж, мужчина. Аналог в иранской «Авесте» — имеется. Но... как же можно не упомянуть при этом древнеримских мужей — «виров», дуумвиров и триумвиров, заседавших в сенате? Скифский бог ветра и бурь Вата имеет индо-иранские аналоги. Это так, но... как можно забыть кельтскую Фата-Моргану, возводящую воздушные замки из облаков?

Когда дело доходит до имен нарицательных, становится горячее. Оказывается, скифское слово «хвала» звучало так же, как и современное русское, и имело тот же смысл. Ну... тогда это заимствование в русском языке из иранского, не поморщив-

В дозоре. Скиф-всадник с открытым русским лицом. Удачная реконструкция облика руса-индоевропейца Циркумпонтиды. Художники постепенно преодолевают лжеобразы скифов, искусственно навязанные «историками»-иранистами, псевдотюркологами и поэтами («да, скифы мы! да, азиаты мы! с раскосыми и жадными очами!») Не было никаких «раскосых очей». Монголоидный элемент, по данным антропологии, появляется на Руси лишь в XV—XVI вв. н.э. Даже скифы Семиречья, Сибири, Алтая, Саян были европеоидами с русыми волосами и светлыми глазами

шись, объясняют бравые лингвисты. Вот еще слово, общее для скифского и древнерусского языка: «парату», «портъ» — секира, топор. Слово это не простое, а термин, относящийся к материальной культуре и «военному комплексу». Даже если считать скифский и русский язык принципиально различными и полагать, что слово это в русском заимствованное, выходит, что славяне унаследовали от скифов материальную культуру? Такого допустить нельзя, и вот появляется утверждение, что русские заимствовали этот «порт» (слово и сам предмет, как это бывает)... у зырян, жителей Крайнего Севера[66].

Признать аргументы такого рода нельзя. Единственное утверждение сторонников «ираноязычия», стоящее возражения: прямыми потомками скифов и сарматов являются северокавказские осетины; осетинский язык обнаруживает сходство с языками иранской группы, стало быть, и «скифский»... Но здесь следует учитывать эффект «языкового замещения». Допустим, некий народ завоевал другой и образовал аристократическую элиту, которая навязывает свой язык подданным. Но и сама элита испытывает культурное влияние со стороны покоренного народа, пока не образуется новый синтез. Новый язык при этом сильно трансформируется и становится очень непохожим на исходный язык завоевателей. Именно такая ситуация сложилась в Иране, завоеванном родственными скифам среднеазиатскими ариями во II тыс. до н.э.

Осетинский язык образовался подобным образом. Осетины не являются прямыми потомками аланов-сарматов (как это иногда неправильно считают); анализ антропологического типа показывает, что их предки были местными жителями, автохтонами, обитавшими на Кавказе чуть ли не со времен верхнего палеолита[67]. Язык предков осетинов первоначально относился к северокавказской семье.

В какой-то момент скифы, исконные жители южнорусских степей, установили контроль над Северным Кавказом. Часть северокавказских народов вступила с ними в контакт и восприняла их язык; так и образовался осетинский, который должен был испытать сильное влияние местной традиции (кавказской) и очень сильно удалиться от исходного «скифского» языка.

Тем не менее осетинский язык интересен для исследования, потому что он отражает и влияние со стороны скифов. Обратимся к работам известного лингвиста В.И. Абаева, посвященным осетинскому и его связям с другими индоевропейскими языками[68]. Этот исследователь, начавший публиковаться еще в 1940-е годы, не смог открыто возразить против концепции «ираноязычия» скифов. Собранный им материал свидетельствует против нее... Оказалось, что в осетинском языке содержатся изоглоссы (языковые соответствия), совершенно чуждые ираноязычному миру. Связей с такими южными индоевропейскими языками, как греческий и армянский (территориально близких иранскому ареалу), вообще не выявлено. Зато обнаружились связи осетинского с языками народов Северной Европы и Сибири — с германскими, латинским, балтийскими (литов-

ским), древнесибирским языком тохаров и, главное, со славянскимию. СВЯЗИ ОСЕТИНСКОГО (предполагаемого реликта СКИФСКОГО ЯЗЫКА) СО СЛАВЯНСКИМИ ЯЗЫКАМИ НАМНОГО ЗНАЧИТЕЛЬНЕЕ, ЧЕМ С ЯЗЫКАМИ ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ НАРОДОВ.

Особенно занятны осетино-латинские изоглоссы. Если учесть, что ни скифы, ни тем более осетины в Древней Италии не были, следует предположить, что как раз наоборот, предки римлян, латины, когда-то обитали рядом с ними, а может быть, и представляли некогда единый народ. Контакт носителей осетинского (реликта скифского) языка с европейцами был сильным и глубоким; немаловажно, что их связывают общие земледельческие термины. Неудивительно, что В.И. Абаев сделал вывод о ГЛУБОКОЙ ДРЕВНОСТИ, АВТОХТОННОСТИ СКИФСКОГО ЯЗЫКА НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОЙ РОССИИ[69].

Он же доказал, что СКИФСКИЙ ЯЗЫК БЫЛ ОТНОСИТЕЛЬНО ОДНОРОДЕН НА ОГРОМНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ, то есть **никакого «языкового букета» в степях Южной России не было.**

Итак, осетинский язык обнаруживает следы глубоких связей прежде всего со славянскими языками. Собственно, взглянув на современную географическую карту, удивляться этому не стоит: ближайшими соседями осетин являются как раз славяне — русские; но из этого следует очень важный вывод: то же самое было и раньше, в самый период формирования осетинского языка...

Но как же все-таки скифские названия и имена? Как же их связи с иранской группой, выявленные в еще в XIX столетии? Теперь уже можно утверждать, что значение этих связей было сильно преувеличено. Современные исследования скифских имен и топонимов показали, что не менее сильные связи они обнаруживают не с иранскими языками, а... с праиндийским языком — санскритом, на котором были написаны знаменитые священные тексты, «Веды». Индоарийские следы достоверно обнаружены в Приазовье, в Крыму и в низовьях Днепра. По мнению известного лингвиста О.Н. Трубачева, «индоарийская принадлежность языка определенного слоя северопонтийского населения положительно свидетельствует о прежнем пребывании праиндийцев в этих краях»[70].

Неудивительно, что один из народов Восточного Приазовья носил название СИНДЫ (др. инд. «синдху» — река); с этим словом связано и название реки Инд, и современное название Ин-

дии. Собственно, на это обстоятельство обращали внимание еще первые исследователи индоевропейской проблемы, но они, считая, что прародина ариев была там же, где сохранились «Веды», допускали, что синды пришли к Азовскому морю прямо из Индии. Оказалось — прямо наоборот: приазовская «Индия» первична.

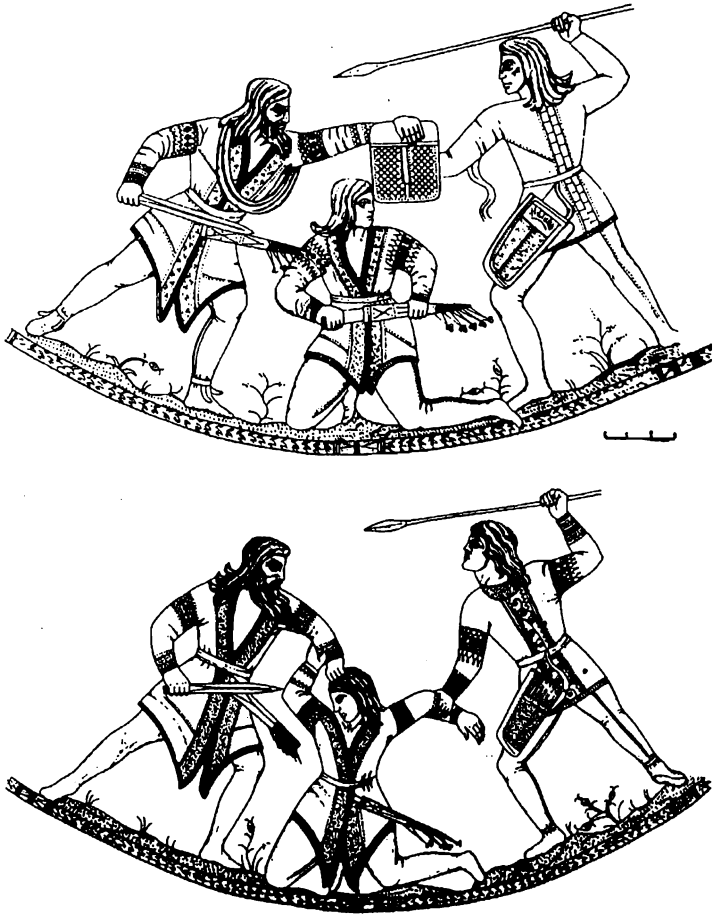
На основе санскрита многие древние и современные географические названия получают смысл. Например, Плиний Старший (Естественная история, VI, 20) сообщал, что скифы реку Дон именуют «Син», а Меотиду (Азовское море) — «Темарунда». В древнеиндийском sindhu — «река», a tamas + arna можно перевести как «темная пучина». Санскритское название Дона сохранялось еще в Средние века: в русских летописях он именовался Синей водой, хотя к тому нет никаких реальных оснований. Приводя в пример «ираноязычности» скифов хорошо известный корень «дон», звучащий в названии многих южнорусских рек (Дон, Донец, Днепр, Днестр, Дунай) *, забывают добавить, что он имеет соответствие не только в иранских языках, но и в древнеиндийском, и в обоих случаях означает «река».

Название города Керчь объяснимо от krka (др.-инд. «горло», в смысле пролив). Древнее название Азовского моря Меотида — произошло от mai (др.-инд. «мать»); в представлении древних Меотида являлась «матерью Понта», поскольку питала его водой впадающих в нее полноводных рек. Название реки Доаб вблизи Новороссийска полностью повторяет индийский Доаб — двуречье Ганга и Джамны; Кандаур на нижней Кубани имеет аналоги: Кандагар в Афганистане и Гандхара в Северной Индии — от gandaur, «местность с пробитыми каналами» — зона ирригации...

Этнонимы многих народов древнего Приазовья и восточного Причерноморья также объяснимы из санскрита. Так, на берегу Азовского моря, согласно Страбону (География, XI, 1; 2), обитали меоты-тореты. В древнеиндийском tara — «берег», сле-

---

* Корень «дн-» = «дно, дон» — «русло, река». Именно так, не «вода», а «дно», так как вода — это и дождь, и роса, вода в сосуде, а река — это русло, дно, по которому течет вода. Из языка русов данный корень попал как в иранские, так и в славянские языки. Русский язык есть стволовое развитие языка русов. Иранский — побочное. Санскрит — искусственный язык индоариев, созданный на базе языка русов. Человек, в совершенстве владеющий санскритом, понимает русскую речь. — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*



Сражающиеся скифы. Прорисовка с золотого шлема. Здесь мы видим отнюдь не битву между скифами, а воинские игрища на тризнах по умершему (убитому) князю. Лишь в особо торжественных случаях, при захоронении князя князей (царя) часть скифов билась насмерть. В основном же такие сражения были своего рода «кулачными боями», как на Руси, но с оружием. К сожалению, надо признать, что из традиционной «воинской потехи» русов-скифов и русов-расенов (этрусков) поздние италики сделали «коммерческое предприятие» — гладиаторские бойни на потеху развращенной «демократизированной» публики, жаждущей «хлеба и зрелищ»

довательно, тореты — это «прибрежные» жители. Другие меоты, иксиматы, могли получить свое имя от слова «тростник», которым поросла их страна (в др.-инд.: iksu; река Иксумати — один из притоков Ганга). Название меотов-агров прямо соотносится с именем одного из древнейших индийских городов, Агры... Меотских «аспургиан» можно осмыслить: «асы, живущие в городах, крепостях» (от греч. «пургос» — крепость), тем более что источники отмечают в их стране многочисленные укрепления. Не здесь ли находился древний Асгард, о котором говорят скандинавские саги? Не потомки ли ас-пургиан построили в Индии древнейший город Асгарту, развалины которой, как сообщает легенда, находятся вблизи Канпура?

Название «роксаланы», «россомоны» справедливо связывают с именем «рос»*, Россия, — имеет больше соответствия с древнеиндийским ruksa, чем с иранским rauxsna (оба слова со значением «светлый»). Топоним, встречавшийся в древности на западном берегу Крыма — Rossotar — можно перевести с санскрита как Белобережье[71].

Занятно, что один из славянских этнонимов, «анты», имеет хорошее обяснение из санскрита: anta в древнеиндийском — конец, край... В таком случае, «анты» в точности соответствует современному «украинцы» (древние анты обитали от Днестра до Днепра). А вот древние бастарны, обитавшие на рубеже н.э. в Восточном Прикарпатье и являвшиеся, судя по всему, тоже славянами, явно получили свое имя при каких-то нехороших обстоятельствах: bast-arna в древнеиндийском означает «дети рабов»... Неудивительно, что со временем это название вышло из употребления.

Из санскрита можно объяснить многие «скифские» и боспорские личные имена. В причерноморской эпиграфике упоми-

---

* «Рус, рос» — «светлый, белый, русый, рыжий, красный, красивый, хороший» есть этноним, самоназвание русов, первонарода планеты, суперэтноса. Проторусы-кроманьонцы были первыми депигментированными людьми в темнокожей архантропической среде. Нравится нам это или нет, но только на уровне появления подвида Хомо сапиенс сапиенс (приблизительно, 40 тыс. до н.э.) мы можем отыскать корни многих проблем и загадок бореалов, индоевропейцев, в том числе скифов и русских. Никакие поверхностные блуждания не дадут нам ответа на основные вопросы этногенеза человечества. Во всех ареалах расселения русы оставляли свои топонимы, теонимы, этнонимы — их география более чем обширна. Подробнее в монографии Ю.Д. Петухова «История Русов. Древнейшая эпоха. Там же подробная этимология корневой основы «рс-» *(Ред.)*

наются: Бутунат, Магадава, Майасара, Камасарон. Первое и второе в Индии известны как имена бога Шивы, второе образовано от слова «майа» (мать), третье — от «кама», любимый (тоже имя индийского бога). Скифский царь Палак, сын Скилура, имеет «родственников» в Индии: в древнеиндийском «палака» — защитник, принц; это имя носили несколько индийских принцев, известных из истории. Имя царя Таксака также находит соответствие в древнеиндийском.

Давление общепринятого мнения оказывается порой сильнее научной мысли, и О.Н. Трубачев не смог отказаться от идеи ираноязычия скифов... Согласно его концепции, индоарийский язык был в Южной России реликтом древнейшей эпохи; на нем говорили только «старые скифы» — приазовские синды и меоты, тогда как собственно скифы, пришельцы с востока в начале I тыс. до н.э., были-таки ираноязычны. С индоарийскими синдами и связана, по Трубачеву, древняя культура земледелия в Причерноморье, скифам же остается только «кочевание»...[72] Собранные им самим факты противоречат этому выводу. Как могли быть скифы ираноязычны, когда установлено, что многие имена их царей и богов никак нельзя объяснить из иранского? [73] А ведь кроме этих имен бесспорных образцов скифского языка у нас нет. Следует напомнить: с точки зрения современников, все жители Приазовья — Причерноморья говорили на одном и том же языке и были одним народом. Источники античной эпохи нисколько не отделяют меотов и синдов от скифов-сарматов, названия этих народов соответствуют скорее территориальным, чем этническим подразделениям. Скифский и синдо-меотский языки — это одно и то же[74].

Выявленные в последнее время скифо-индоарийские связи не отрицают обнаруженных прежде скифо-иранских связей. Следует вообще отказаться от попыток найти на территории Русской равнины как «индоязычие», так и «ираноязычие». Первое сложилось в Индии, второе в Иране. Не было в русских степях никаких «индийцев» или «иранцев», которые целиком переселились на юг вместе со своими языками. Здесь существовала самостоятельная этническая общность, очень сильно отличавшаяся от южноазиатских; индийская и иранская ветви — ее порождения, *эманации*, возникшие при культурном контакте, взаимодействии двух миров. Исходная «протоарийская» общность Русской равнины никуда не «утекала», пребывая сама собой, но управляющие импульсы, посланные ею на юг, оказа-

ли сильное воздействие и дали толчок «дочерним» цивилизациям* .

«Лингвистический дурман» рассеялся благодаря серьезным исследованиям, и стало ясно, что отразившийся в южнорусских топонимах и личных именах СКИФСКИЙ ЯЗЫК ЕСТЬ НЕ ЧТО ИНОЕ, КАК «ПРОТОАРИЙСКИЙ» ЯЗЫК, ТОТ САМЫЙ, ОТ КОТОРОГО В СВОЕ ВРЕМЯ ПРОИЗОШЕЛ И ЯЗЫК «ВЕД», И ЯЗЫК «АВЕСТЫ».

Древний скифский язык сохранился. Правда, не в исходном состоянии, но в виде двух «боковых ветвей», во многом близких «основному стволу». Более того, он сохранился в виде двух хорошо известных памятников письменности, представляющих собой, помимо прочего, огромную культурную ценность. Однако есть еще одна проблема. К какому времени относятся эти памятники, неизвестно. А это значит, неизвестна и та эпоха в развитии скифского языка, которую эти памятники отражают.

«Веды» были записаны в современном виде примерно в XI—IX вв. до н.э., когда среднеазиатские арии только-только пришли в Индию; «Авеста» — на несколько веков позже. Известно, что как индийская, так и иранская цивилизации имели жестко сословный, кастовый характер. Благодаря этому элитарные слои долго сохраняли принесенную извне традицию.

С тех пор «Веды» и «Авеста» не менялись. Но у нас нет никаких оснований полагать, что эти памятники были созданы в самый момент миграции ариев в Индию и Иран. Наоборот: все указывает на то, что они существовали намного раньше, еще на арийской «прародине» (правда, считается, что Авеста — «авторское» произведение, однако ее автор скорее всего переработал более древние тексты). Между тем хорошо известно, что

---

* И все-таки именно цивилизация русов-ариев Северного Причерноморья своими выселками на восток и юго-восток, т.е. и культурно, и физически перемещаясь многими родами в течение тысячелетий, принесла как в Иран, так и в Индию и язык, породив там диалектные сыновние языки, и культурные традиции, в том числе мифологию русов-индоевропейцев. Почему, скажем, санскрит сохранил язык русов в большей чистоте, чем «хинди»? Последний был языком народа, а санскрит — языком волхвов-брахманов, он хранился на сакральном уровне (и тем не менее все же претерпел изменения). Безусловно, этнокультурно-языковое ядро русов-скифов «никуда не утекало», оставаясь на месте. Но на юг шли не бестелесные культурные «импульсы», а вполне конкретные выселки из больших родов индоевропейцев. — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*

язык, на котором написаны религиозные тексты, может сохраняться в неизменном виде сколь угодно долго. Например, современная католическая церковь использует латынь, которая вот уже полторы тысячи лет как вышла из употребления. И наверняка будет использовать этот мертвый язык и дальше, пока вообще не прекратит свое существование...

Учитывая эту особенность религиозной традиции, датировать «Веды» и «Авесту» I и даже II тысячелетием до н.э. не представляется возможным. Скорее всего эти тексты уходят в еще более древние времена... Как полагал индийский исследователь Б. Тилак, «Веды» были созданы на северо-евразийской прародине ариев, около VI тыс. до н.э.[75]; но и эта дата, согласующаяся с традиционной индийской хронологией, может оказаться поздней.

То же можно сказать и о других реликтах скифского языка — именах и топонимах, которые обнаруживают родство с санскритом. Личные имена обычно имеют свойство сохраняться, пока жива поддерживающая их религиозная традиция (введение, скажем, христианства сопровождалось и сменой имен). Имена — это консервативная часть языка. Не удивительно, что скифские имена обнаруживают родство с языком «Вед»: они восходят к той чрезвычайно отдаленной от нас эпохе, когда этот памятник и был создан.

Если скифы были автохтонами, потомками «изначального» населения Южной России (а они ими и были), то к какому же времени должны относиться данные ими географические названия? В настоящее время антропологическую и культурную преемственность населения Южной России можно установить вплоть до эпохи 20—30 тыс. лет назад, то есть до времени верхнепалеолитических кроманьонцев — людей белой расы, охотников на мамонтов, оставивших на Волге, Дону и Днепре Костенковскую культуру (отсюда около 20 тыс. лет назад они расселились по Европе и значительной части Азии). Многие географические названия в этих краях восходят к этой эпохе — ведь какая-то часть «кроманьонцев» Костенковской культуры никуда не ушла, осталась на территории Русской равнины, и от нее-то и произошли* позднейшие «арии».

---

* Бореалы Костенок, Межирича, Сунгиря и т.п. были составной частью формирующегося этномассива русов-индоевропейцев. Другими частями стали русы Балкан, Малой Азии и, частично, Ближнего Востока (Сурии-Палестины), выдавливаемые с прародины ордами протосемитов. В плавиль-

Очевидно, что сохранившиеся реликты скифского языка — религиозные тексты «Вед» и «Авесты», личные имена и топонимы — не отражают тот язык, на котором говорили «исторические» скифы железного века. Они относятся к очень ранним этапам его развития и уходят, как это сейчас становится ясно, в глубь тысячелетий.

Оба памятника, и особенно «Веды», представляют собой важный источник по скифскому языку, пусть и древнейшему. Поэтому для правильного представления о скифском языке, нам необходимо знать место санскрита в индоевропейской семье. Место это давно установлено: БОЛЕЕ ВСЕХ ДРУГИХ САНСКРИТ ОБНАРУЖИВАЕТ РОДСТВО С ЯЗЫКАМИ СЛАВЯНСКОЙ ГРУППЫ...

При первом же взгляде на санскрит становится очевидным его глубокое родство с русским языком. Сходство настолько сильное, что один индийский санскритолог при знакомстве с Россией воскликнул: «*Вы все говорите здесь на какой-то древней форме санскрита*!»[76] Но скорее, наоборот — санскрит представляет собой форму древнейшего русского... то есть скифского языка. Насколько древнейшую, пока установить нет возможности. Ясно только, что уже в I тысячелетии до н.э. для исторических скифов и сарматов язык, на котором звучали их религиозные гимны и на котором «имели смысл» их имена, представлял собой седую старину. Точно так же не следует думать, что современный русский человек свободно понял бы своих предков, живших около трех тысячелетий тому назад: язык меняется со временем... К сожалению, от собственно скифской эпохи настоящих языковых памятников не осталось, так что промежуточные этапы превращения санскрита в современный русский нам не известны.

Нет ничего странного в том, что русский язык сходен с санскритом, языком древних степных ариев, пришедших некогда в Индию. В большинстве своем русские — прямые потомки ариев-скифов, не удивительно, что некогда они говорили на скифском — «ведическом» — языке. (Точнее, и скифы, и предки ариев Ирана и Индии говорили на языке русов — том самом языке, что наиболее полно сохранился в русском языке. Здесь чрезвы-

---

ном котле Северного Причерноморья эти составляющие стали поздними «классическими» индоевропейцами. Но лишь часть из них стала скифами. Значительная часть русов устремилась в Европу, порождая славяно-балто-«германские», кельтские этносы. — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*

чайно важно не путать базисный язык с производными. Санскрит, разумеется, не превращался в русский — оба они развитие языка русов: санскрит — это прарусский язык с индостанскими диалектными вкраплениями, язык, застывший в своем развитии две-три тысячи лет назад, ставший «мертвым языком», а современный русский — это живой, стволовой язык русов, продолжающий развиваться. И еще одно замечание: «язык Вед», ведический язык и санскрит — это разные языки, их путать нельзя. Ведический (ведийский) язык древнее санскрита. С ведическим языком можно ознакомиться по словарю и научным трудам Т.Я. Елизаренковой. — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*)

***

Если русский народ и его язык преемствен со скифским, то такая связь должна была проявиться и в его названии. И действительно, бросается в глаза, что среди скифо-сарматских этнонимов можно найти много таких, которые в Средние века носили славяне и русские. Рассмотрим некоторые из них.

1. САВРОМАТЫ (САРМАТЫ).

Скорее всего, название «сарматы» (известно с IV в. до н.э.) — переработка более древнего «савроматы» (известно с VI в. до н.э.). Само имя савроматы — сложносоставное (савро+маты); его первая часть представлена в разные эпохи на просторах Евразии многочисленными вариантами: савры (северы), савиры, сабиры (сибиры), сербы (сбр/срб, произошла перестановка согласных в корне).

Этноним СЕРБЫ впервые указывается еще Плинием (I в. н.э.) *на Северном Кавказе*, в зоне сарматского влияния; именно отсюда оно и попало на запад, на Балканы и в Центральную Европу — видимо, вместе с перемещением населения[77]. Известно также, что сербы в Югославии и запорожцы на Днепре в прошлом называли себя «сирома», «сиромахи»[78]; это имя можно прямо связать с названием «сарматы», имевшим вариант «сирматы».

«Сарматские» этнонимы сохранились и на исторической родине, в Южной России. Так, народ САВИРЫ был известен на Дону и Северном Кавказе еще в V—VII вв. н.э.; совершенно напрасно иногда его считают угро-финским: никаких угро-финнов на Дону и Кавказе никогда не было, а вот савроматы были. К тому же савроматскому корню восходит имя одного из южнорусских племен эпохи Средневековья — СЕВЕРЯН, или же СЕВЕРОВ (производство названия «северян» от слова «север»

есть позднейшее переосмысление ставшего непонятным слова). К той же основе (савр-север-сабир) восходит и современное географическое название СИБИРЬ. Впрочем, тут как раз ничего удивительного нет: Сибирь издавна была заселена северами-савроматами и их «родичами»... Что означал корень «савр»? Учитывая древние представления ариев и славян о происхождении своего народа от верховного божества, можно интерпретировать корень «савр» как «свар» (подобная перестановка вполне допустима), и тогда этноним оказывается производным от имени СВАРОГА — верховного бога славян, «бога-отца».

(Существует и более прозаичная трактовка этнонима: греки до сих пор называют русских «сырое мясо» (за цвет лица). По традиции считается, что именно греки дали прозвище «северным варварам». Прозвища во все времена давали отнюдь не возвышенные, а самые приземленные, причем часто использовали язык или слова самих прозываемых. Пример: русские называют тюрок — «чурками», финнов — «тыры-тыры», эстонцев — «чухной» и т.д. Этимологически «сыро-мясо» идентично «сауро-мято», т.е. и сарматам и савроматам. То, что «сарматы» и «савроматы» не есть самоназвания скифов, не вызывает сомнения. Это именно прозвище, причем прозвище довольно-таки позорное. Но удивляться не стоит — средневековые потомки римлян называли славян еще циничней и относились к ним с откровенной ненавистью и презрением. — *Примеч. Ю.Д. Петухова.)*

2. АНТЫ.

Сарматам первоначально принадлежал и этноним АНТЫ, уже в VI в. н.э., как хорошо известно, употребляемый в отношении группы восточных славян, обитавших «от Днестра до Днепра». Анты впервые названы римским географом Помпонием Мела в 44 г. н.э. и были локализованы им где-то «выше» гипербореев и амазонок; о них писал также Плиний в 77 г. н.э. Имя «антас» встречается на одной керченской надписи III в. н.э. В то же время китайский документ II в. до н.э. упоминает о «стране Антсай», расположенной где-то в Приаралье[79]. Очевидно, некогда название «анты» было распространено по всей территории, где обитали сарматы. Если учесть, что с санскрита это название можно перевести как «украинцы», то это не удивительно: точно так же в Средние века самые разные пограничные области России носили название «Украйны», хотя в конце концов это имя закрепилось за одним регионом...

3. СПОРЫ (СПОЛЫ).

По свидетельству Прокопия Кесарийского (VII в.), первоначальное название всех славян и антов было СПОРЫ[80]. Иордан, рассказывая о событиях II в. н.э., также упоминает народ СПОЛОВ, которых готы победили в причерноморских степях; Плиний (I в. н.э.) называет СПАЛЕЕВ в бассейне Донца и Дона. Без сомнения, споры (сполы) были теми же сарматами[81].

Что означало это название, не вполне ясно. Позднейшие средневековые комментаторы производили его от слова «спорадeн», «рассеянный», имея в виду, что народ, носивший это название, был расселен на огромной территории (похожим образом они объясняли и слово Россия: от Расея, «рассеянный»...). Однако сохранился один из вариантов легенды о происхождении скифов, который связывает это имя с первопредками, вождями Палом и Напом (от которых пошли «палеи» и «напеи» соответственно)[82]. По всей видимости, название палы-спалы-споры в самом деле очень древнее.

Можно допустить, что позднее оно было переосмыслено и превратилось в имя одного из русских средневековых «племен». ПОЛЯНЕ — это вовсе не жители «поля», как можно «прочитать» из современного языка, а потомки древних палов или спалов; кстати, киевская земля, где они проживали, представляла собой вовсе не ровное «поле», а лесостепь. От того же самого корня происходит и название западнославянского народа ПОЛЯКИ; произвести его напрямую от «поля» совершенно невозможно, поскольку в древности территория Польши была покрыта густыми лесами.

Из всех народностей «Киевской Руси» именно поляне и северяне (Киевское, Черниговское и Новгород-Северское княжества) обнаруживали прямую преемственность по отношению к скифо-сарматскому периоду.

4. ЯЗОМАТЫ (ЯСЫ, АСЫ).

Среди сарматов Восточного Приазовья еще с IV—II вв. до н.э. современные источники выделяли язоматов (позднее продвинувшихся на Дон и в Причерноморье, где они были известны как ЯЗЫГИ). Это опять-таки составное имя, причем его корень (ЯЗЫ, варианты: ясы, асы, асии) — очень древний, восходящий к «протоарийской» эпохе. Так, скандинавские предания сообщают о происхождении своего народа от АСОВ, пришедших из Великой Скифии, из города АСГАРДА. Индийская традиция также сохранила сведения о древнейшем городе ариев —

АСГАРТЕ. По-видимому, от того же корня образовано географическое название АЗИЯ.

В греческой мифологии Азией зовут мать (или жену) Прометея; Геродот сообщает, что географическое название связано с ее именем. Но Прометей, согласно мифу, является «первопредком» человечества, которое произошло от его сына, спасшегося после Всемирного потопа. Следовательно, Азия — одно из имен матери-прародительницы, Великой богини, культ которой засвидетельствован на Восточно-Европейской равнине еще со времен верхнего палеолита.

Названия АЗОВ, АЗОВСКОЕ МОРЕ восходят к этому древнейшему имéни. Если оно образовано от имени великой матери, то другое название — Меотида (от санскр. «майя»: мать) — представляет просто его вариант. Древнее название сохранялось дольше всего: еще в Средние века северные летописи назвали ЯСАМИ русских жителей Подонья, Приазовья и Северного Кавказа.

5. СКОЛОТЫ.

Напомним, что сколоты — это самоназвание скифов. Откуда взялось само имя «скифы», принятое в литературе со времен античной Греции, и что оно означает, неизвестно. Может быть, оно дано со стороны, может быть, тоже восходит к подлинным этнонимам... Во всяком случае, противопоставление скифов сколотам как разных народов (один якобы ираноязычный и кочевой, другой — славянский и земледельческий) ровно ни на чем не основано. Связь сколотов со славянами очевидна, даже если исходить только из названия. Термин «славяне» известен в двух формах: СЛАВЯНЕ и СЛОВЕНЕ. Одна форма явно претендует на связь со «славой», другая же со «словом». Лингвисты долго спорили, какая форма первична; но, видимо, обе они являются позднейшим переосмыслением ставшего непонятным древнего корня.

Все ранние упоминания в источниках термина «славяне» содержат в корне не «слв», а «склв». Западные источники назвали славян СКЛАВЕНЫ, восточные — САКАЛИБА... Где же тут «слава» или «слово»? А вот корень «скла» явственно прослеживается.

По-видимому, само имя «славяне» восходит к самоназванию скифов; переход СКОЛО в СКЛА образовал форму склавены, из которой уже потом в разных местах получились славяне, словене, словаки...

Смысл слова «сколоты» хорошо объясним из русского языка. «КОЛО» — это древнее обозначение круга (с этим корнем связано и имя первопредка царских скифов, Колоксая). Вероятно, самоназвание скифов, превратившееся в имя славян, восходит к обозначению солнечного круга как образа солнечного божества, хотя возможно, что оно связано с понятием «КОЛО-вращения времен», жизненного цикла, имевшего ключевое значение в арийской религии.

6. КАСОГИ (КАСКИ).

Название «касоги» известно из северо-русских летописей; оно применялось обычно по отношению к жителям Кубани. Современные «интерпретаторы» считают касогов... адыгейцами. Но это — прием того же рода, что отождествление ясов и осетин. На самом деле ясы, как видно из летописных сообщений, занимали огромную территорию — от среднего Донца и Дона до современного Владикавказа, а касоги — почти весь современный Краснодарский край. А эти равнинные, степные места с давних пор принадлежали сарматам, чьи владения «упирались» в Кавказские горы. Кавказские горцы — адыгейцы и осетины — издавна, очевидно, входившие в государство сарматов, получили от них и свои имена.

Само название КАСОГИ похоже по форме на ЯЗЫГИ (тождество языгов с язами-сарматами несомненно). Оба названия имеют очень древнюю традицию. Его корень зафиксирован в таких географических названиях, как КавКАЗ и КАСпий. Если учесть, что древние касоги занимали земли как раз в северокавказских степях между Черным морем и Каспием, то это не удивительно.

Кроме того, близкие «касогам» названия КАСКИ и КАССИТЫ были известны в Передней Азии еще во II тыс. до н.э. И в обоих случаях они применялись по отношению к народам, вторгавшимся во владения земледельческих государств откуда-то с севера. Каски, жители черноморского побережья Малой Азии, беспокоили своими налетами Хеттское царство, а касситы с территории современного Азербайджана вторглись в Месопотамию около 1600 г. до н.э. и основали там свою династию. По-видимому, в обоих случаях это была экспансия, направленная из южнорусских степей.

Можно считать, что названия типа «каски-касоги» восходят еще к временам арийской общности бронзового века. Это древнейшее имя коренных жителей восточноевропейских степей сохранилось в некоторых северокавказских языках, передающих этноним «русские» как «гасхи». Ясно, что это назва-

ние относится к глубокой, многотысячелетней древности (похожая ситуация сложилась на севере: финский язык донес до нас одно из старейших имен Руси — ВЕНАА, что доказывает тождество предков русских и древних венетов, известных из античных источников).

Интересно, что этноним каски-касоги, в отличие от других названий «сарматского» круга, никогда не «уходил» далеко на север или запад, всегда оставаясь привязанным к Восточному Приазовью и предкавказским степям. Он хорошо сохранился и до сих пор: к нему восходит современное слово: КАЗАКИ[83].

7. РОКСАЛАНЫ (РОС-АЛАНЫ).

Наконец, имя, с которым связывают современное название «Россия». О том, что название «Россия» произошло от «Роксалании», свидетельствуют практически все «старые» и авторитетные историки XVI—XVIII столетий, наши и европейские: и Сигизмунд Герберштейн, и Мавро Орбини, и М.В. Ломоносов...

«Рукс/рокс» или «Рус/рос», как явствует из индоиранских языков, некогда означало «светлый, сияющий». Подобные же формы (типа «руж/руг») встречаются и в европейских языках, но имеют несколько иной цветовой оттенок: огненный, рыжий, красный. Этот корень в обоих значениях (и как «светлый», и как «огненно-красный») сохранился и в современном русском языке, в том числе и для обозначения цветов: рыжий, русый...

Название причерноморских сарматов «роксаланы» в этой связи следует понимать как РУС-АЛАНЫ[84]. В такой форме это имя сохранилось в русских сказках, героя которых часто зовут «Руслан», «Еруслан» (то есть Рус-алан)[85]. Вторая часть этнонима — АЛАН — представляет собой трансформированное название АРИЯ, АРИАН (чередование р/л дает из АРИАН — АЛАН)[86]. Слово «арья» из санскрита можно перевести как «благородный», «господин» (того же корня греческое «аристократ»).

(Слово «арии» не требует перевода для русского человека — «арии» = «ярии, ярые» — «жизнеспособные, активные». Арии-ярии — самоназвание-эпитет русов-индоевропейцев. Значение «благородные» — вторично, это уже производная для окружающих русов предэтносов и этносов. — *Примеч. Ю.Д. Петухова.)*

Впервые имя «рос» применительно к жителям южнорусских степей упоминается в источнике, который можно датировать началом VI в. до н.э. Этот источник не что иное, как Библия. В знаменитом пророчестве Иезекииля (грозившего своим «погрязшим во грехе» современникам, что придут, дескать, на вас

Этническое единство Великой Скифии

Источник	Сообщение	Тождество этнонимов	Трансформация имени
Геродот	Общее всех их название — *сколоты*... скифами же называют их эллины	Сколоты = самоназвание «скифов»	сколо/ты = = скла/вены = = славяне
1. Страбон 2. Квинт Курций Руф	1. Сарматы (также скифы)... расселены за Танаисом 2. Скифы составляют часть сарматов	1. Сарматы = название волго-донских скифов, 2.Скифы = «украинские» сарматы. Те и другие — один народ	Сарматы = = савро/маты, Ссавры = савиры сабир (сербы) = северы = северяне
Геродот, Диодор Сицилийский	Массагеты суть народ скифский Саки, массагеты, аримаспы есть расселившиеся скифы	Массагеты=саки= =закаспийские и средне-азиатские скифы	Маса/геты геты Дуная, фисса/геты Волги, казачьи вожди — «гетманы»
Аммиан Марцел. Иосиф Флавий	Аланы, прежние массагеты Племя аланов часть скифов у Танаиса	Аланы = донские скифы + закаспийские масса-геты	Алан = ариан = арья
Псевдо-Аристотель	Скифы, называемые гелонами...	Гелоны = скифы верхней Волги-Оки, Ильменя	гелоны = гольтескифы = голядь
Гекатей Милетский (фр. 155)	Меланхлены (черноризцы), народ скифский. Названы так по их одежде...	Меланхлены = греческое название скифов Белоруссии?	Самоназвание: вероятно, вельты (волоты)
Помпей Трог	Парфяне произошли от скифских изгнанников	Парфяне = скифский правящий слой в Иране	
Прокопий из Кесарии	Готы, гепиды и вандалы — это те же савроматы; они назывались также и гетами	Готы + вандалы = вендские династии, правившие сарматами	
Прокопий из Кесарии	Гунны — меланхлены и прочие скифы...	Гунны = угорские династии, правившие сарматами	
Фотий; Лев Диакон	1.Росы — народ скифский; 2.Росы = тавроскифы	Росы-аланы = роксаланы, сарматы, скифы	Росы-аланы = русские, арии

«Гог и Магог, князь Рош», и уж зададут...) имелись в виду, несомненно, скифы, сотрясавшие тогда своими походами древние цивилизации Передней Азии.

О том, что библейское пророчество относилось именно к скифам, которые и есть русские, свидетельствовал авторитетный византийский автор X в. Лев Диакон, который в цитате прямо употребил «Рос» вместо «Рош» (впрочем, и последняя форма как передача русского этнонима вполне допустима; по-английски и сейчас Россия — это «Раша»).

Можно не сомневаться, что скифский народ РОШ, штурмовавший Ниневию в 612 г. до н.э. и заставивший египетского фараона платить дань, РОКСаланы, сражавшиеся на Дунае с римскими легионами в I в. н.э., РОССОмоны, подданные «готской империи» Причерноморья в IV в. н.э., народ РОС, обитавший, согласно сирийским летописям, в VI в. к северу от Кавказа «рядом с амазонками», РУСЫ, осаждавшие вместе с аварами в 625 г. н.э. Константинополь[87], и РУССКИЕ IX—XIII вв. (Средневековья) — это один и тот же народ. Нетрудно убедиться, что не только древние, но даже и раннесредневековые источники связывают название «рось-русь» именно с южными, степными областями современной России.

Итак, почти все этнонимы, используемые в Средние века и в настоящее время по отношению к русским вообще и к южным русским в особенности, восходят к арийско-скифо-сарматской древности[88]. Имена «асы-ясы», «северы-савроматы», «сколоты-славяне», «каски-казаки», «арьи-аланы-роксаланы-русаланы-русы» были распространены две тысячи лет назад на огромной территории евразийских степей и относились к одному и тому же народу; очевидно также, что уже в Средние века эти имена носили русские — восточные славяне.

2. Империя и ее города

2.1. Границы Великой Скифии

Вопрос о скифском географическом пространстве — один из самых острых. Как древние источники, так и данные современной археологии говорят об одном: границы Великой Скифии примерно совпадали с границами Российской империи...

Собственно «Скифия» простиралась от Приднестровья до Дона, далее к востоку начиналась «Савроматия» или «Сарматия» (поскольку сарматы говорили на «скифском» языке, Скифия и Сарматия были различными политическими объединениями одного народа). На востоке «Сарматия» заканчивалась в Приуралье, и дальше шли владения среднеазиатских скифов — массагетов (саков) и южно-сибирских исседонов. Все четыре крупных региональных подразделения «Великой Скифии» (в рамках современной Украины, южной Европейской России, Средней Азии и Казахстана, Южной Сибири) принадлежали одному «великоскифскому» народу.

Пространство Великой Скифии было чрезвычайно обширным и совпадало со степной зоной континентальной Евразии. И все это пространство в разные эпохи оказывалось заполнено удивительно однородными археологическими культурами. Казалось бы, вывод из этого следует один: все это пространство, как и сейчас, в прошлом заселял один народ. Но именно этого вывода боятся как огня.

В раннем бронзовом веке (3000—2000 гг. до н.э.) всю степную и лесостепную зону Восточно-Европейской равнины занимала Ямная культура, первая археологическая культура, которую с достоверностью можно приписать древним ариям. Казалось бы, что здесь странного: одна природно-климатическая зона, лишенная внутренних естественных границ, — один народ. Но нет: «Уже *огромные размеры самой территории* исключают возможность единого происхождения и развития (Ямной культуры)»[89]. Великая Скифия кому-то кажется *слишком* большой?

Древнеямную культуру в эпоху средней бронзы сменяет новая, Катакомбная (2000—1600 гг. до н.э.), во всем подобная предыдущей и отличающаяся только более развитой бронзовой металлургией и некоторым изменением погребального обряда (под курганом выкапывали не простую *яму*, а более сложную *катакомбу*). И опять *слишком* большая территория! «Катакомбная общность, как и древнеямная, не может быть названа археологической культурой в полном смысле этого понятия. Они объединяют ряд родственных культур... Черты, объединяющие эти варианты, те же, что для древнеямных племен: *общность обряда погребения* внутри всей территории, *общность керамики и ее орнаментации*, а кроме того, *синхронность*, *смежность территорий* и явные *межплеменные связи*»[90].

Но все перечисленные признаки и есть то, что определяет «археологическую культуру» в прямом значении этого термина.

В период поздней бронзы территория культур, которые можно отождествить с протоскифскими, еще более расширилась. Место Ямной и Катакомбной в степях Восточно-Европейской равнины заняла Срубная культура (1600—1000 гг. до н.э.), а на восток от нее, от Урала до Енисея и Тянь-Шаня, в то же время протянулась родственная ей Андроновская культура. «Территория, занимавшаяся андроновскими племенами в период их наибольшего распространения, настолько огромна, что только это обстоятельство заставляет сразу же отказаться от мысли о единстве этой культуры...»[91]

Следует заметить, что нас это обстоятельство не «заставляет отказаться от мысли о единстве». Напротив. Есть все основания сделать вывод, что основы той единой «великоскифской» культуры Евразии, которая известна по данным археологии в железном веке, были заложены в период поздней бронзы. Территория Срубной и Андроновской культур 1600—1000 гг. до н.э. (от Дуная до Енисея) оказывается вполне достаточной, «имперской» базой для экспансии ариев как в Европу, так и в Азию, экспансии, которая, по свидетельству источников, осуществлялась именно в те времена.

Перейдем теперь к свидетельствам источников о границах Скифии в раннем железном веке и сравним их с данными современной археологии. Это необходимо сделать, чтобы убедиться: попытки «разорвать» Великую Скифию на части не имеют обоснования.

1. Западными соседями скифов на нижнем Дунае и в Прикарпатье были АГАТИРСЫ. *(*Агафирсы. — *Примеч. Ю.Д. Петухова).*

Согласно Геродоту (История, 4, 104), агатирсы принципиально отличались от скифов и обычаи имели совсем иные: любили золотые украшения, «общность жен»... и вообще очень походили на фракийцев — жителей Северных Балкан, грекам хорошо знакомым. В археологическом отношении с ними связывают культуры так называемого фракийского Гальштадта Румынии и Венгрии, которые на востоке захватывают Приднестровье. Эти культуры находились за пределами Великой Скифии: граница которой проходила на западе по Днестру и Восточным Карпатам. Но граница эта не была строгой. Так, Чернолесская культура Волыни скифского времени носила следы

фракийского влияния, хотя и сложилась на местной основе. Возможно, она-то и принадлежала агатирсам[92].

Отождествление агатирсов с носителями Чернолесской культуры вполне согласуется с сообщением Геродота. Однако представление, что агатирсы — волыняне железного века — могли быть «фракийцами» в лингвистическом отношении, далеко от истины. В Западной Украине обнаружены многочисленные топонимы, сближающие этот регион с Балканами, с фрако-иллирийским кругом, но они относятся к гораздо более раннему времени — еще к неолитической Трипольской культуре V—III тыс. до н.э.[93]

Как явствует из источников, агатирсы были тесно связаны со Скифией; согласно легенде, приведенной у Геродота, АГАТИРСЫ, СКИФЫ И ГЕЛОНЫ ПРОИЗОШЛИ ОТ ТРЕХ БРАТЬЕВ. Эта легенда указывает на этническое родство скифов и агатирсов, языки которых, скорее всего, принадлежали одной группе. Это значит, что во времена раннего железного века агатирсы никак не могли быть «фракийцами». Более того, есть много недвусмысленных данных — и археологических, и лингвистических — что волынские агатирсы уже *во времена Геродота были славянами*[94].

Но, с другой стороны, очевидно, что волынские агатирсы были только восточной частью большой общности дунайских культур. Это значит, что и бассейн Дуная в раннем железном веке был заселен народами отнюдь не «фракийскими», а скифскими (то есть славянскими). На большое влияние скифов в бассейне Дуная и на Северных Балканах указывают свидетельства источников и данные археологии. Вещи скифского типа находят на обширной территории, включающей Словакию, Румынию, Венгрию и даже Чехию.

Еще задолго до Геродота, в раннем железном веке, началось скифское проникновение на Дунай. В это время «на венгерской низменности появляются элементы (конская сбруя, кинжалы и др.), свойственные... восточным областям, ...в период киммерийского продвижения в юго-восточную часть Средней Европы приблизительно между 777—725 гг. должны были произойти и известные этнические передвижения»[95]. Древние авторы сообщали о переселениях киммерийцев и скифов дальше за Дунай; так, выходцам из южнорусских степей (в начале I тыс. до н.э.) приписывали основание древнего города Сингидун (совр. Белград).

Но основная западная граница скифского влияния в железном веке отчетливо прослеживается по реке Тисе. Данные археологии показывают, что «в VI в. до н.э. с востока в Карпатскую котловину вплоть до Словакии проникает скифское влияние (могильник в Хотине у Комарно в Словакии и др.), и тем самым создается скифский барьер по реке Тисе и вдоль современной словацко-венгерской границы. На скифских могильниках обычны конские захоронения, которые, например, встречаются в бассейне Тисы»[96].

На карте Средней Европы середины I тыс. до н.э., составленной по данным археологов стран дунайского бассейна, территория Румынии, Словакии и части Венгрии восточнее Тисы показаны как принадлежащие скифам[97]. Удивительно, что наши исследователи предпочитают полностью игнорировать эти данные...

Материалы археологии, сопоставимые с сообщениями источников о мощном скифо-киммерийском влиянии в бассейне Дуная, позволяют сделать заключение: область расселения скифов как единого народа в раннем железном веке была ограничена рекой Днестр, но далее на запад, В БАССЕЙНЕ ДУНАЯ ОБИТАЛИ АГАТИРСЫ И ДРУГИЕ РОДСТВЕННЫЕ СКИФАМ НАРОДЫ. Иными словами, между скифами и их дунайско-карпатскими соседями (агатирсами и др.) в I тыс. до н.э. существовало то же соотношение, что между русскими и их юго-западными соседями — словаками, болгарами — сейчас...

Вероятно, народы дунайского бассейна были потомками древних фракийцев (культуры ранней бронзы типа Триполье-Кукутени), ассимилированных скифами на рубеже II и I тыс. до н.э. и перешедших тогда же на язык скифской (то есть славянской) группы. (Подробней об агафирсах как составной части этномассива русов-скифов — русов-славян в монографии Ю.Д. Петухова «Дорогами Богов». М.: Метагалактика, 1998, 2001, 2005, с. 44—52. В Древнем мире на самом деле было не так много народов, значительно меньше, чем сейчас — процесс вычленения новых этносов и псевдоэтносов продолжается и поныне: на нашей исторической памяти русские вычленили из себя великороссов, украинцев, белорусов... то есть заурядные территориально-диалектные группы единого народа вдруг по чьей-то «политической» воле стали «самостийными». Сумбур и непоследовательность в исторической науке еще раз наводят на мысль, что без понимания основного закона сверхэволюции и теории суперэтноса мы никогда не разберемся в этногенезе че-

ловечества. Толкования отдельных моментов развития, эволюционного «разворачивания» этносов, ничего не проясняют в проблеме. Ответы мы получаем только в рамках общей теории этногенеза. «Сверхэволюция. Суперэтнос Русов», М., 2005, 2006. — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*)

2. У истоков Днестра Скифия граничила со страной НЕВРОВ (Геродот, История, 4, 51). Об этом народе сказано только, что он держится установлений скифских... (История, 4, 105.)

Очевидно, что Неврида, лежащая, согласно Геродоту, к западу от истока Днестра, есть современная Словакия. В таком случае в отношении этого региона справедливо все то, что сказано относительно агатирсов. Территория Словакии в раннем железном веке с археологической точки зрения попадает в ареал скифского влияния; очевидно, что невры являлись народом, родственным скифам, и говорили на языке той же группы. Недаром они «держались установлений скифских»... Однако с неврами не все так просто. Дело в том, что область их расселения принадлежала ареалу крупной центральноевропейской культурной общности — так называемых полей погребальных урн. Центр этой общности находился в бассейнах Одера-Дуная-Вислы, а наиболее восточная ее группа проникала до Днепра; общее название народов, оставивших эти культуры, было, согласно античным источникам, венеты.

Многие историки считают венетов, древних жителей Центральной Европы, славянами; в пользу славянства венетов собрано множество археологических подтверждений, свидетельств источников и др. У тех исследователей, которые не желают расстаться с привычной концепцией «прихода на Русь славян с запада», возникло страстное желание связать происхождение русского народа именно с неврами, «крайними венетами» на востоке...

К утверждению, что предками всех восточных славян (русских, украинцев и белорусов) являются геродотовы «невры», а также и «скифы-пахари», будто бы отличные в этническом смысле от скифов-«пастырей», сводится концепция Б.А. Рыбакова[98]. Ее сторонники, основываясь на том, что Геродот помещает невров выше днепро-бужских скифов-пахарей, считают, что этот народ можно отождествить с носителями Милоградской культуры полей погребальных урн (Северная Украина — Южная Белоруссия) и признать восточными славянами, предками современных восточных славян.

Милоградская культура обнаруживает признаки, позволяющие считать ее славянской[99]. Принадлежала ли она неврам? У Геродота ясно сказано: Неврида находится к западу от истоков Днестра, то есть на территории современной Словакии. Но с другой стороны, автор «Истории» упоминает и о расселении невров на восток, так что Милоградская культура могла быть оставлена этим народом.

Весь смысл концепции Б.А. Рыбакова заключался в том, чтобы «втащить» невров на территорию Украины или Белоруссии и доказать автохтонность восточных славян (якобы отличных от скифов) на любом, даже и очень маленьком клочке земли в бывших границах Советского Союза.

Прежде всего, предки среднеевропейских венетов изначально не были славянами. Обнаружено множество связей венетов с кельтами,[100] выражающихся даже в названиях (имя «невры», например, имеет повтор в среде галлов: так или почти так именовались во времена Юлия Цезаря жители Северной Франции). Некоторые исследователи сделали из этого вывод, что невры и другие венеты были кельтами еще в эпоху античности[101]. Однако и это неверно.

Близость культур полей погребальных урн средневековым славянским, на которую указывали сторонники «венетского» происхождения славян, опровергает это предположение. Кроме того, как совместить «кельтскую принадлежность» невров с тем, что они «держатся установлений скифских»? О языковых отличиях невров от скифов Геродот не сказал ни слова.

Очевидно, что невры не принадлежали славянской общности «с самого начала», но в какой-то момент вошли в нее. Вероятнее всего, это произошло раньше геродотова времени, под влиянием с востока, со стороны мощной Скифской империи. Видимо, **НЕВРЫ В СЕРЕДИНЕ I ТЫС. ДО Н.Э. УЖЕ НЕ ТОЛЬКО «ДЕРЖАЛИСЬ УСТАНОВЛЕНИЙ СКИФСКИХ», НО И ПЕРЕШЛИ НА СКИФСКИЙ, ТО ЕСТЬ СЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК.** Таким образом, геродотовых невров можно признать славянами, но славянами западными, чья цивилизация сложилась под влиянием со стороны скифов — славян восточных.

3. «Настоящая» Скифия начиналась за Днестром. Согласно Геродоту, на нижнем Днестре проживали ТИРИТЫ (от древнего названия р. Днестр — Тирас), в нижней части бассейна Буга — КАЛЛИПИДЫ, в северной — АЛАЗОНЫ. Они занимались земледелием и подверглись сильному влиянию греческой

культуры, так что Геродот даже назвал их эллиноскифами (История, 4, 17).

Каллипидам, видимо, принадлежали обнаруженные археологами земледельческие поселения VI—Vвв. до н.э. в низовьях Днепра и по берегам лиманов. Б.А. Рыбаков считает, что своеобразие этих народов, отличие от других скифов (в названии) было предопределено их происхождением от древних киммерийцев, традиции которых более сохранились на западе; недаром же последние киммерийские цари были, согласно Геродоту, похоронены близ Днестра.

Скорее всего, это так и есть, но в таком случае еще более ясным становится полное совпадение понятий «скифы» и «киммерийцы» в чисто этническом, а не в политическом смысле. Ведь для Геродота все отличие каллипидов и алазонов от «истинных» скифов заключается только в их культурной «эллинизации». Перечисляя народы Скифии второй раз, «отец истории» даже не называет каллипидов и алазонов по имени: ясно, что это всего лишь местные, малозначительные подразделения в рамках общескифского единства.

4. Еще меньше оснований отделять от общего скифского «древа» геродотовых СКИФОВ-ПАХАРЕЙ, сеявших хлеб на продажу и занимавших земли «выше» алазонов к западу от Днепра и к востоку от него «на три дня пути». С археологической точки зрения скифам-пахарям принадлежат курганы и городища лесостепи Среднего Поднепровья, «скифам-пастырям» — царские курганы в Днепровской луке, у реки Молочной, на Керченском полуострове. Никакой принципиальной разницы между этими культурами нет, как и нет никаких естественных границ, которые могли бы такую разницу обусловить. Академиком Б.А. Рыбаковым допущена ошибка: как можно объявлять скифов-земледельцев славянами и называть сколотами, искусственно отделяя их от кочевых, якобы «ираноязычных», скифов, когда у Геродота (История, 4, 6) ясно сказано: сколоты — это самоназвание всех скифов вообще...

5. Правящим народом в Северном Причерноморье были так называемые ЦАРСКИЕ СКИФЫ, занимавшие территорию от Днепра до Дона. Здесь, по левую сторону от Днепра, находилась скифская столица, здесь стоят знаменитые «царские курганы». Разумеется, «царские скифы» не были кочевниками, враждебными «мирным земледельцам». Просто в более засушливом степном районе скотоводство (причем оседлое, с посто-

янными зимовками) преобладало над земледелием. Степные скифы-пастыри, лесостепные скифы-пахари имели единый культурно-экономический и военно-политический комплекс, западная граница которого упиралась в Восточные Карпаты, где у истоков Днестра заканчивалась Великая Скифия — страна восточных славян, и начиналась Неврида — страна венетов, предков славян западных* .

Интересно, что в скифские времена левобережье Днепра безусловно преобладало в политическом отношении над правобережьем, а волго-донской регион доминировал над Северным Причерноморьем. Скифское, затем сарматское, затем аланское царства сложились именно на Волге и Дону, а затем распространили свое влияние на запад. Подобное движение по линии Волга — Днепр происходило и раньше (так формировалась Древнеямная культура арийцев III тыс. до н.э., Срубная культура II тыс. до н.э.), и позже.

---

* Привязка к «славянам», будь то «западным», «восточным» или «южным», при решении этноисторических проблем всегда более чем условна. Мы должны помнить, что языковые макросемьи, семьи, группы — это еще не народы и не группы народов. Так, например, близкие нам по языку сербы и болгары — антропологически далеки от нас, это народы малой балкано-кавказской расы, а «иноязычные» восточно- и центральногерманские немцы и литовцы — наши антропологические (следовательно, и генетические) двойники. Скифы и русские генетически и антропологически неразделимы. Но и венеты, и русские генетически и антропологически неразделимы. Нонсенс? Нет. Кажущаяся сложность проблемы в том, что в рамках романо-германской этноисторической схемы с ее заданными моделями «германства», «славянства», «иранства», «кельтского» и «романского» миров невозможно установить истинное положение дел. Проблема разрешается полностью и наилучшим образом только тогда, когда мы начинаем понимать, что генезис Хомо сапиенс сапиенс и этногенез русских — это единая и неразрывная прямая. Корневая основа «рс-» (рус, рос) фиксируется уже в ностратическом и бореальном праязыках XXX—XX тыс. до н.э., а мы, по навязанной нам ложной схеме, все продолжаем дискутировать о том, в каком веке появились русы: в IV или в X, с севера они пришли или с юга, из Скандинавии или из Скифии... — эти дискуссии нелепы и наивны. Антропологически русские наиболее близки исходному Хомо сапиенс сапиенс, «кроманьонцу»-проторусу. При движении на запад мы видим все больше неандерталоидных признаков, на восток — синантропических. Русские как прямые потомки, а точнее, стволовое развитие суперэтноса русов бесконечно древнее и «славян», и «кельтов», и «романцев». Почему? Потому что и те, и другие, и третьи — есть вычленившиеся из суперэтноса полиэтносы и вторичные этнокультурно-языковые «ядра». Причем, сам суперэтнос, его стволовое развитие никуда не исчезли. — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*

6. По Геродоту, соседями скифов на севере, в лесной зоне, были АНДРОФАГИ и МЕЛАНХЛЕНЫ, причем первые были отделены от днепровских скифов-земледельцев «пустыней» (История, 4, 18). Очевидно, историку не были известны их настоящие называния, и он дал им греческие имена («людоеды» и «черноплащевики» соответственно). Геродот отметил, что меланхлены — народ «не скифский» и «чужой», хотя имеющий «обыкновения скифские» (История, 4, 20; 4, 107), а андрофаги «суть кочевники, одежду носят подобную скифской, язык имеют особливый» (4, 106).

Эти два народа историки долго пытались «приткнуть» куданибудь на карте так, чтобы как можно более сократить территорию собственно Скифии. Так, версия Б.А. Рыбакова отводит «меланхленам» место носителей Среднедонской культуры, одного из локальных вариантов на границе Скифии и Сарматии. Однако у Геродота ясно сказано, что андрофаги находились «выше» (севернее) западной, днепро-днестровской, тогда как меланхлены — севернее восточной, днепро-донской («царской») группы скифов. Оба народа упоминаются как географически близкие, причем андрофаги оказываются отделенными от скифов пустыней, в которой следует видеть бассейн реки Припять, в те времена заболоченный и малозаселенный. Очевидно, андрофаги и соседние им меланхлены жили вовсе не в лесостепной зоне, но в более отдаленных северных лесах, выходивших уже к побережью Балтики.

Считают, что «нескифский» народ «андрофагов», не известный Геродоту даже по имени, принадлежал балтской языковой группе. Видимо, «людоедами» греческий историк назвал западных балтов — пруссов (народ, многочисленный еще в раннем Средневековье, но прекративший существование в XIII—XIV вв. в результате войн с крестоносцами). Повод был в том, что у пруссов практиковались человеческие жертвоприношения, но, конечно, здесь сказалось и общее отношение «цивилизованного грека» к «северным варварам».

Забавно, что Геродот называет андрофагов — народ явно лесной — кочевниками, очевидно, имея в виду подсечно-огневой способ земледелия, при котором раз в несколько лет приходилось менять место жительства, расчищая новые поля от деревьев. Этот и многие другие эпизоды ясно показывают, какой на самом деле смысл имел термин «кочевники» у греков. (Это абсолютно верно. — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*)

Что касается меланхленов, то здесь дела обстоят сложнее. Гекатей Милетский, автор VI в. до н.э., более ранний, чем Геродот, утверждал вопреки последнему, что «меланхлены (черноризцы) народ скифский. Названы так по их одежде». Эти «черноризцы» могут оказаться как восточными балтами* (предками литовцев), так и, более вероятно, скифами (славянами), но в любом случае понятно, что они жили не на Среднем Дону, а севернее, на территории Смоленщины и Белоруссии.

7. Собственно Скифия заканчивалась у Дона: дальше начинались владения САВРОМАТОВ. По Геродоту, «язык савроматы употребляют скифский, но с погрешностями, вкравшимся в оный исстари»; происходят же от скифов и амазонок (История, 4, 117; 4, 110—116).

Поэтому нет никаких оснований считать савроматов (сарматов) и скифов разными народами. Другие античные авторы, например Страбон, не сомневались, что САРМАТЫ это ТАКЖЕ СКИФЫ[102]. Река Дон представляла собой рубеж, естественную границу (хотя и легко преодолимую), и за нею начиналось другое территориально-политическое объединение того же самого народа. Великая Скифия продолжалась дальше на восток... На юге савроматы занимали земли вплоть до предгорий Кавказа, так что их владения выходили на четкий естественный рубеж: Азовское море — Черное море — Кавказ — Каспийское море, а на востоке — до Урала.

Это большая территория, с разными природными условиями и разными экономическими укладами. Так же, как в случае с причерноморской Скифией, у некоторых исследователей возникло желание ее сократить. Заметив, что греческие источники называли савроматов САРМАТАМИ и СИРМАТАМИ, все эти названия объявили принадлежащими разным народам. Якобы сирматы были угро-финнами (?), обитавшими не на Урале (как им полагалось), а на Среднем Дону[103]. Здесь мы сталкиваемся с давней тенденцией, сложившейся в русофобской историографии, поставившей себе целью «отдать» весь лесной север

* Анализ «балто»-славянской языковой и культурной общности показывает, что первоначально никаких «балтов» вообще не было, а были русы-славяне. Появление на исторической арене «балтов» вопрос, скорее, политический, чем этноисторический. «Балтов»-славян столь же искусственно вычленили из славянской общности, как в наше время вычленяют из русской общности искусственно созданный «этнос» украинцев. — *Примеч. ред. Ю.Д. Петухова.*

России какому-нибудь нерусскому народу. Но зачем отбирать у скифов не только лес, но и лесостепь, если скифы не имеют отношения к русским? Вот если имеют, тогда все понятно... Фальсификаторы истории выдают себя сами.

На примере «сирматской» проблемы отчетливо прослеживается методика фальсификаторов: *буквоедство*. Стоило какому-то древнему греку перепутать в слове одну букву, как уже появилась зацепка. Но буквоедство разоблачается просто. На самом деле так называемая среднедонская культура полностью аналогична культуре степной зоны. Поэтому нет сомнений, что среднедонские сирматы представляли собой западную группу все тех же савроматов на их границе со скифами[104]. Становится ясно, что савроматам принадлежала не только вся степь к востоку от Дона, но и вся лесостепь, по крайней мере до широты Воронежа.

8. К северу от волго-донских савроматов, в лесной зоне Центральной России, начинались владения «великого и многочисленного» народа БУДИНОВ, к северу от которых уже начинались малообитаемые «пустыни», то есть хвойные леса и тундра. Согласно Геродоту, «город ГЕЛОН» находился в земле будинов, причем в этом городе стояли храмы будинов (История, 4, 108—109).

Очевидно, будины и гелоны жили вместе. Но Геродот специально отмечал, что это два разных народа, и что напрасно некоторые «эллины» смешивают их: «Равно и образом жизни гелоны с будинами не схожи: будины, будучи природными тамошними жителями, суть народ кочующий и одни из всех народов страны сей едят вшей (?); *гелоны* же возделывают землю, едят хлеб, имеют сады и нимало не походят на будинов ни образом своим, ни цветом лица. Однако эллины и будинов называют гелонами, хотя неправильно. Земля их изобилует густыми лесами всякого рода...[105]

Автор «Истории» специально подчеркивает, что будины отличны от скифов. Будины — «народ великий и многочисленный, голубоглазый и красноволосый»; они коренные жители своей земли, «изобильной всяким лесом», уровень их жизни и способ хозяйства не слишком высок; они «кочевники», то есть занимаются подсечно-огневым земледелием. Гелоны же, родственные скифам (напомним, что во времена Геродота эти народы считали происходившими от братьев, и автор «Истории» нашел, что гелонский язык похож на скифский), заселяют ту

же землю, что и будины, но имеют более высокий уровень земледельческой культуры и города. Вопрос о гелонах и будинах оказался одним из самых запутанных. Долгое время и тех и других старались разместить в лесостепной зоне от Воронежа до Полтавы[106]. Однако новейшие данные археологии опровергают эти представления. Раскопки на территории Воронежской и Липецкой областей показали, что культура лесостепи скифской эпохи полностью идентична культуре степной зоны. Это значит, что обе природные зоны заселяли все те же скифы, и будинов с гелонами следует поискать в другом месте[107].

Поскольку направление на север Геродотом задано точно, приходится признать: будины населяли зону смешанных и широколиственных лесов современной Европейской России, вплоть до глухой тайги и тундры. Места для «великого и многочисленного» народа здесь достаточно. Значит, будины — это угро-финны (уральская языковая семья). Они дожили на Русском Севере до Средневековья; летописи сохранили их собственное имя: ВОДЬ. К XV—XVI вв. водь (будины) влились в состав славянского населения.

Кто такие гелоны? Считалось, что гелоны говорили на языках балтской группы (родственных литовскому). Но ведь Геродот утверждал, что гелонский язык родствен скифскому. С другой стороны, он нашел, что гелонский язык имеет нечто общее и с греческим, и придумал объяснение: гелоны... являются потомками эллинских колонистов в земле скифов. Разумеется, здесь не следует ему слепо верить, но важен факт языкового родства гелонов и скифов. Другие греческие авторы СЧИТАЛИ ГЕЛОНОВ СКИФАМИ![108] Вот где нашелся язык, близкий скифскому, — не в Иране, а в лесной зоне севера России. Учитывая евразийские геополитические условия, это и неудивительно. Сейчас население евразийских степей и лесов говорит на одном языке; раньше, когда связи между лесом и степью были менее развиты — на близких, родственных языках.

Кем же были гелоны раннего железного века? Русские северные летописи, говорят, что область озера Ильмень была колонизирована скифами — предками русских — еще в XX в. до н.э. (Никаноровская летопись). Археологически движение из южнорусских степей на север, в леса, датированное этим временем, прослеживается очень отчетливо (формирование общности культур «шнуровой керамики»). На севере шнуровая керамика дошла до Ильменя, на востоке — до бассейна Камы...

Таким образом сложилось смешанное, гелоно-будинское (то есть славяно-финское) население севера Восточно-Европейской равнины. Более культурные гелоны (северные скифы-славяне), продвигаясь на север, ассимилировали угро-финнов, втягивая лесные пространства в сферу влияния Великой Скифии.

9. Кое-что сообщил Геродот и о народах Крайнего Севера, живших «выше» будинов: ФИССАГЕТАХ, ИИРКАХ, АРГИППЕЯХ.

Они описаны как примитивные охотники каменного века, живущие в густых северных лесах. Геродот отделяет их от остальных известных ему племен «непроходимыми пустынями». Речь идет о финно-угорских народах, занимавших в раннем железном веке север Восточной Европы вплоть до Ледовитого океана.

С фиссагетами и иирками, попавшими в поле зрения греческого историка, обычно отождествляют носителей Ананьинской и Городецкой культур Среднего и Верхнего Поволжья. Аргиппеи, названные «плешивыми» и размещенные у подножия «высоких гор» (История, 4, 23), — видимо, уральские и западносибирские угры-монголоиды. Следует отметить, что имя фиссагеты — чисто скифское (ср.: массагеты); это означает, что район Верхнего Поволжья, хотя и населенный угро-финнами, находился в сфере влияния Скифии.

10. К востоку от Урала, в Сибирь, простирались владения восточных скифов. Их среднеазиатскую группу Геродот называет МАССАГЕТАМИ, а южносибирскую — ИССЕДОНАМИ и АРИМАСПАМИ.

О массагетах историк заявляет — они «СУТЬ НАРОД СКИФСКИЙ» (История, 1, 201), что подтверждают и все прочие источники.

Южная Сибирь во времена Геродота также не была терра инкогнита. Как писал историк, «страна же, лежащая от аргиппеев на восток и обитаемая исседонами, известна достаточно; неизвестна лишь лежащая выше на север, кроме разве того, что о ней сказывают аргиппеи и исседоны» (История, 4, 25).

И при такой информированности Геродот ничего об отличии южно-сибирских народов и их языков от скифских и сарматских не сообщает. Более того, многие авторы просто именуют все эти народы «скифами» или, по вкусу, «сарматами» — явно не видя в них никакой разницы. Не замечали никакой разницы и южные соседи — персы, именуя на свой лад сибиряков и среднеазиатов «саками».

Но многим современным историкам не по душе, что Сибирь в древности, как и сейчас, составляла с Россией единое целое. Вопреки очевидности они берутся утверждать, что Геродот, описывая исседонов и аримаспов, взял направление от причерноморской Скифии не на восток, а на север, и имел в виду жителей Северного Урала, а не Алтая[109]. Их не интересует, что тех же исседонов китайские хроники описывали под именем усуней, что в Сибири встречается топоним Исеть. Что исседоны, по Геродоту, ведут такой же образ жизни, как и европейские скифы, а это невозможно в условиях Крайнего Севера. Удивительно, насколько упорно и целенаправленно некоторые «исследователи» пользуются любой лазейкой, любым «зазором», чтобы вбить клинья и расчленить Великую Скифию — и в пространстве, и во времени... На самом деле единство континентальной Великой Скифии — от Дуная до Байкала — обусловлено естественными географическими причинами, действующими постоянно, всегда.

Анализ античных источников, включая «эталонного» Геродота, и сопоставление их информации с данными археологии позволяют утверждать, что карты Скифии, составленные рядом историков, не желающих (или не хотящих) расстаться с устаревшими теориями, представляют собой не что иное, как обыкновенную подтасовку.

Составляя эти карты, историки исходят из следующих априорных положений: 1) территория Скифии слишком велика, ее следует любой ценой сокращать и разбивать на локальные культуры; 2) скифы были «варварами-кочевниками», поэтому им нельзя приписывать земледельческие поселения и города; 3) любые терминологические различия в источниках следует толковать как отражающие различия этнического, языкового характера.

Скифия «усекается» до территории современной Украины, из которой еще исключена лесостепь между Днестром и Днепром (отданная неврам), между Днепром и Доном (отданная будинам), бассейн Северского Донца (отданный меланхленам), крупный город в степной зоне — Бельское городище на Ворскле (отданный гелонам), все прибрежные города-порты (отданные грекам)...[110]

Следует прямо сказать: такие «карты» представляют собой настоящее издевательство над здравым смыслом и над работой множества исследователей. Эти карты весьма напоминают из-

делия английского генерального штаба времен Севастопольской войны, изображавшие все области Российской империи как «завоеванные земли» и отводящие русским... территорию Подмосковья. Увы, само совпадение «методики» составления таких карт свидетельствует яснее ясного, кто такие на самом деле были скифы...

Скифы в Причерноморье, Приазовье и на Кавказе

Согласно античным авторам, Великая Скифия начиналась к востоку от Днестра (Геродот прямо называет исток Днестра в качестве границы собственно Скифии и Невриды). На юге берега Скифии омывали Черное и Азовское моря.

Казалось бы, все ясно: морские бассейны служили «естественными», самой природой поставленными границами. Но не для тех историков, которые поставили себе цель во что бы то ни стало «урезать» Великую Скифию в пространстве и времени. Не говоря уже о концепции «греческой колонизации» северных берегов Понта, они всячески пытаются населить эти самые берега какими-то нескифскими народами, оттеснив настоящих скифов, якобы «сугубо континентальных кочевников», от моря!

Из источников известно, что южные группы савроматов, обитавшие в Восточном Приазовье, назывались СИНДАМИ и МЕОТАМИ.

Некоторые исследователи считают кубанских меотов и синдов, занимавшихся ирригационным земледелием с древнейших времен, этнически отличными от скифов и сарматов (видимо, исходя из соображения, что земледельцы и скотоводы несовместимы, это могут быть только разные, притом враждебные народы)[111].

«Мирными земледельцами» Кубани оказываются... индоарии, не успевшие отправиться в Индию. Такой смелый вывод сделан из анализа местных топонимов. Но... жаль, что эти топонимы не датированы. Что, если названия местностей были даны не в железном веке, а намного тысячелетий раньше, когда Южная Россия была местом формирования общеарийского единства?

Очевидно, анализа древних топонимов для решения вопроса о меотах и синдах недостаточно. Древние источники не отделяют меотов и синдов от сарматов. Сами названия этих народов представляют собой территориальные обозначения: меоты это

«приазовцы» (Азовское море называлось Меотидой), а синды — «речники» (др.-инд.: «синд» — река; Танаис-Дон носил также название Син).

Археологические культуры меотов и сарматов однородны. Так, характерные для сарматов Приуралья-Поволжья с VI—V вв. до н.э. катакомбные погребения имели аналоги и в Северном Причерноморье, и в Предкавказье, и у меотов Кубани и Боспора, причем здесь этот тип уходил корнями в местную, а не собственно сарматскую — принесенную с востока — традицию.[112] Это может значить только одно: и синдо-меоты, и сарматы были народами одного корня, не утратившими своей культурной общности.

Вывод из этого может быть только один: древние арии к I тыс. до н.э. давно уже стали скифами и сарматами, названия же местностей остались с незапамятных времен, поскольку со своей земли они никуда не уходили.

Такой же «естественной границей» Восточно-Европейской равнины, как и побережье Черного моря, является Кавказский хребет. Посмотрим, как обстояло дело в скифские времена на этом рубеже. Страбон сообщает (XI, III, 2—6) о жителях Северного Кавказа: «...горную страну... занимают простолюдины и воины, живущие по обычаям скифов и сарматов, соседями и родственниками которых они являются; однако они занимаются также и земледелием. В случае каких-нибудь тревожных обстоятельств они выставляют много десятков тысяч воинов, как из своей среды, так и из числа скифов и сарматов».

Это сообщение можно понимать однозначно: скифо-сарматское население в античную эпоху контролировало всю степную предкавказскую зону и горные районы, так что горцы - «нескифы» (предки современных малых народов Кавказа) были включены в сферу его военно-политического и культурного влияния. Тот же Страбон (XI, II, 16) сообщает, что скифское влияние простиралось и в Закавказье, особенно ощущалось на территории современной Абхазии: «В город [Диоскуриаду, совр. Сухуми] собираются 70 народностей... Все они говорят на разных языках, так как живут врозь и замкнуто в силу своей гордости и дикости. Большинство их — это сарматы, но все они кавказцы».

Кавказцы, по Страбону, — «в большинстве своем сарматами»! Не стоит удивляться, встречая постоянные сообщения античных авторов о сильном скифо-сарматском влиянии в Закавказье.

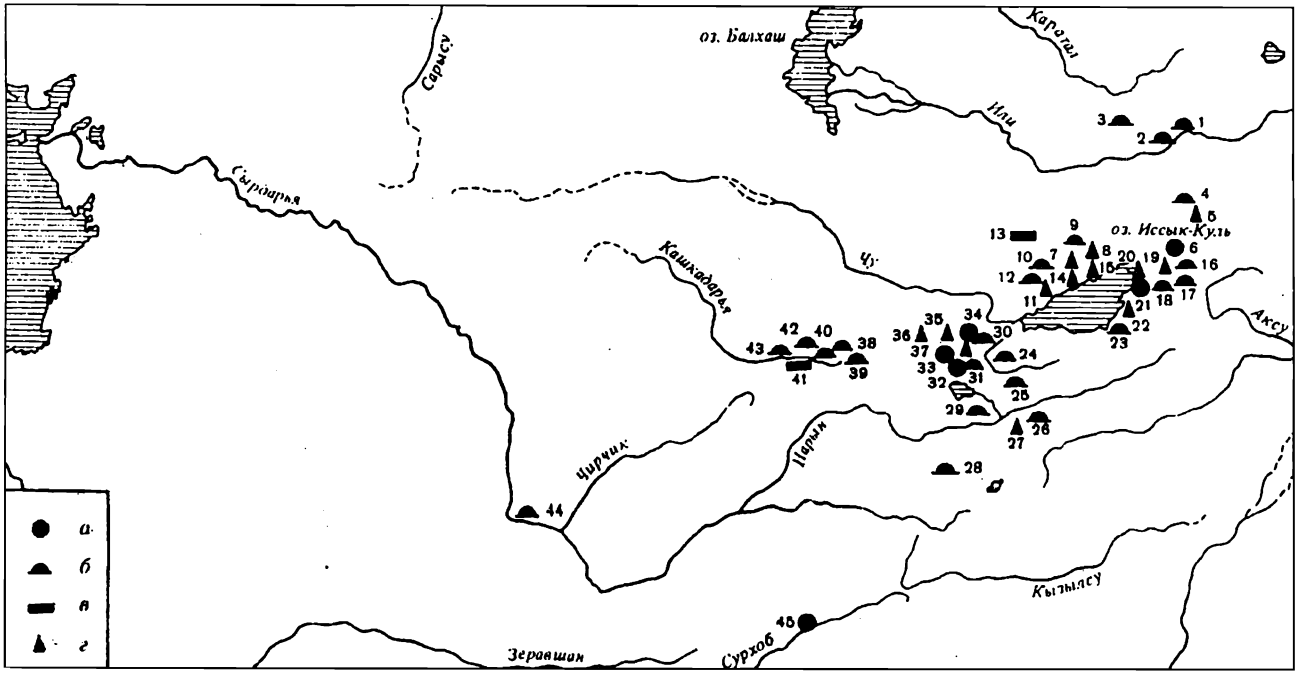
Армянский историк Хоренаци сообщает о походе сарматов-аланов на армян во II в. до н.э.[113], завершившемся заключением «договора о дружбе» и династическим браком армянского царя Арташеса Первого (II в. до н.э.) с аланской царевной Сатиник.

Такого рода походы и династические соглашения были, видимо, традиционными; во всяком случае, войска крупных держав, вторгавшихся в малые государства Закавказья, постоянно натыкались на «ограниченный контингент» скифских войск, присутствовавших там. Так, Аппиан сообщает, что знаменитый римский полководец Помпей Великий, воевавший в Закавказье в 60-е гг. до н.э., провел в триумфе пленных колхов, иберов, армян, албанцев, а также неких «царственных женщин скифов»[114]. По свидетельству Тацита, в середине I в. н.э. сарматы пришли на помощь к армянам во время военного конфликта с Парфией[115] и т.д. В связи с этим возникает вопрос. Каким образом в Закавказье античной эпохи могли существовать малые государства (Колхида, Иберия, Армения и Албания), если в ту пору власть над этим регионом оспаривали крупнейшие империи — Персидская, эллинистическая, Римская, Парфянская? Между тем несомненно, что малые государства в Закавказье существовали и процветали и довольно успешно отражали натиск с юга неизмеримо сильнейших соседей.

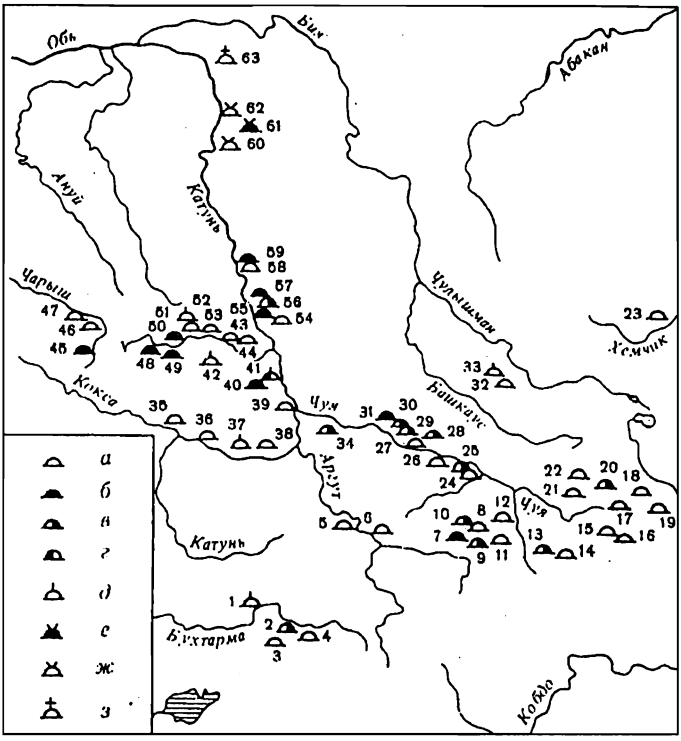
Нельзя более игнорировать простой и очевидный факт: быть ни от кого не зависимыми закавказские государства в античную эпоху не могли. И если они успешно отражали натиск с южной стороны, то только потому, что были вовлечены в систему связей Севера, со стороны Великой Скифии. Другими словами, МАЛЫЕ ГОСУДАРСТВА ЗАКАВКАЗЬЯ В АНТИЧНОМ МИРЕ ПРЕДСТАВЛЯЛИ СОБОЙ ЮЖНУЮ ПЕРИФЕРИЮ ВЕЛИКОЙ СКИФИИ.

Скифы в Средней Азии и Южной Сибири

Как писал Геродот (История, 1, 204): «К востоку солнца [от Каспийского моря] простирается равнина необозримой обширности. Сей-то великой равнины немалую часть занимают те массагеты...» С другой стороны, он утверждает о массагетах, что «СЕЙ НАРОД, ПОЧИТАЕМЫЙ ВЕЛИКИМ И МУЖЕСТВЕННЫМ, обитает к востоку солнца за рекой АРАКСОМ» (1, 201).



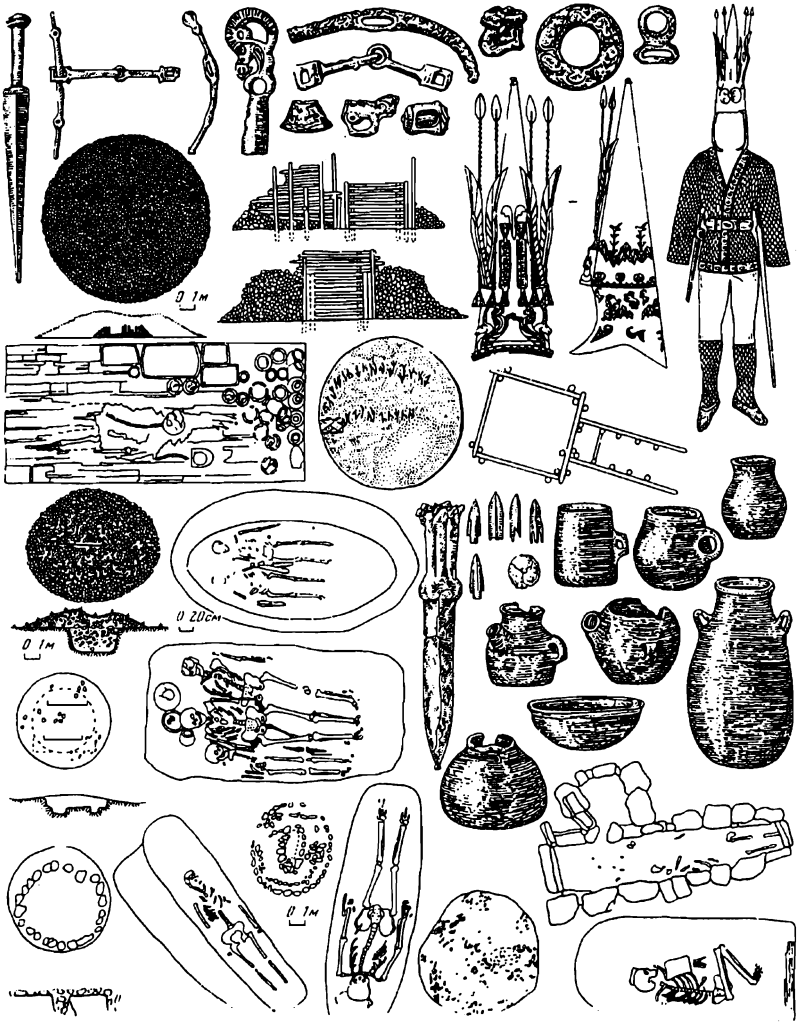
Основные памятники Семиречья с VIII в. до н.э.



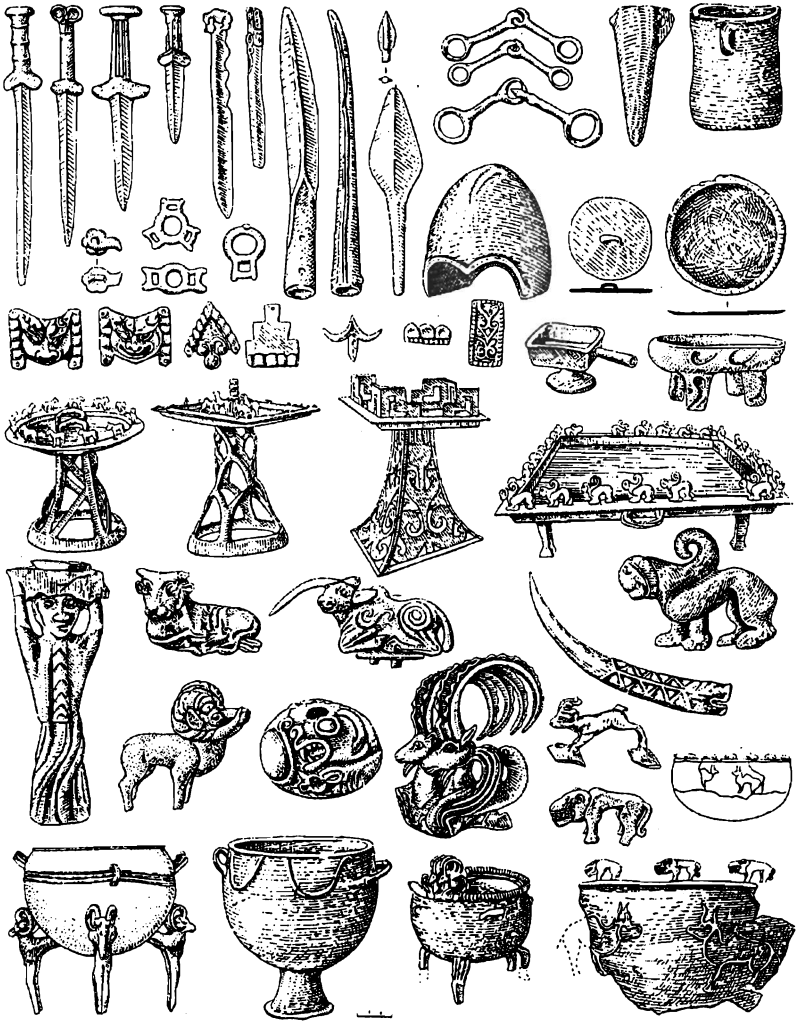
Памятники Пазырыкской культуры скифов. Горный Алтай

Комментаторы обычно утверждают, что Аракс — это Амударья, то есть массагеты, по их мнению, жили в основном в степях, на территории современного Казахстана, а не в более южных областях собственно Средней Азии (древней Согдианы, Бактрии, Маргианы и Парфии). Но именем Аракс в античное время называли самые разные реки Великой Скифии. Видимо, это имя имеет тот же корень, что и этноним «роксаланы», и есть не что иное, как искаженное «Арусь», «Орусь», то есть просто «Русская река». Такое имя на просторах Скифии чаще всего давали Дону и Волге. По Геродоту, «река Аракс» — это именно Волга, и тогда сообщение о том, что массагеты живут к востоку от Аракса, просто повторяет сообщение, что они живут к востоку от Каспийского моря.

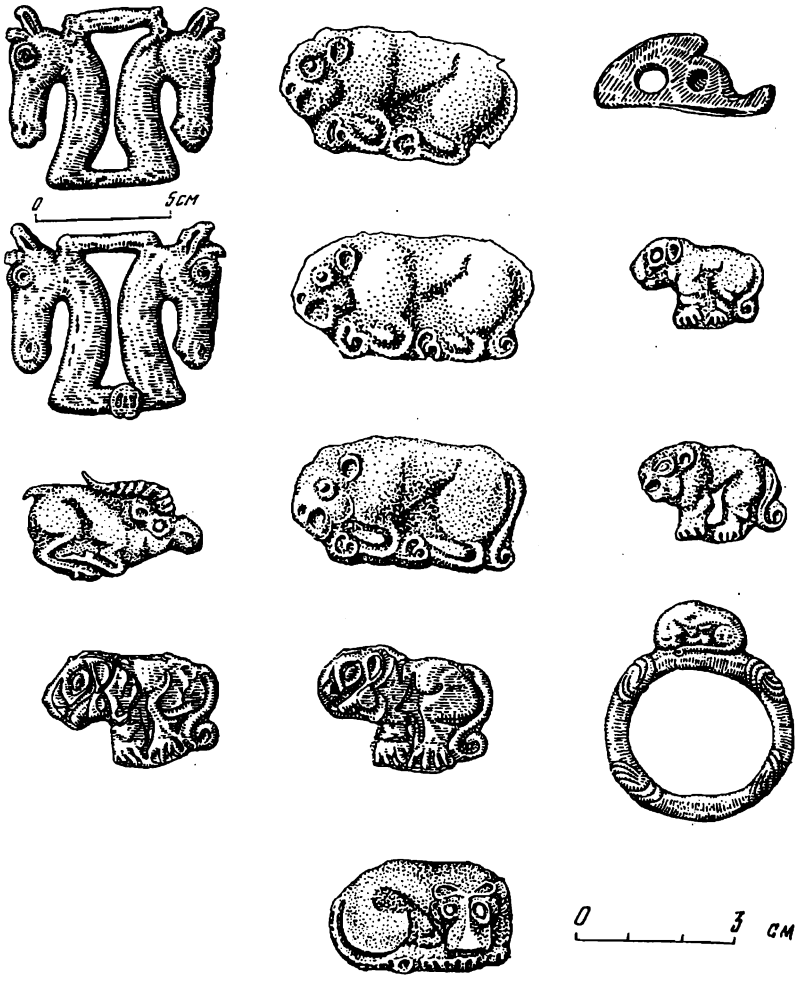
Многочисленные источники свидетельствуют, что скифское население занимало не только закаспийские и приаральские



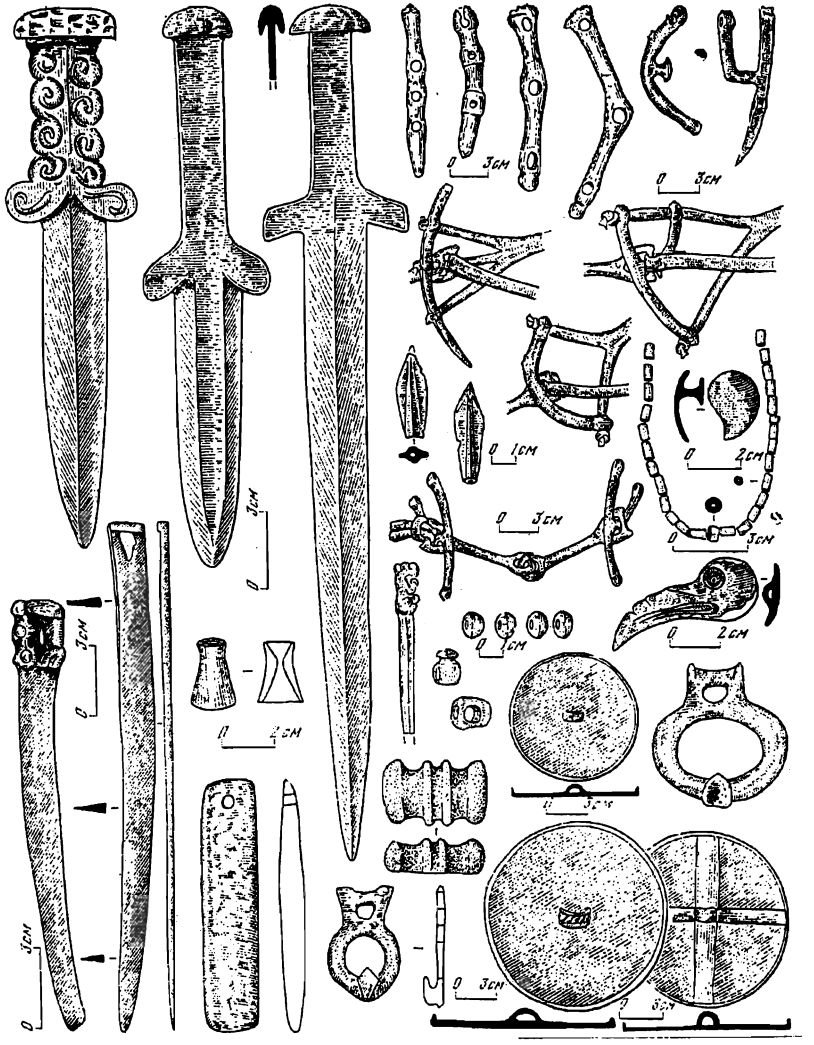
Саки Семиречья и Тянь-Шаня. Планы и разрезы курганов, могильный инвентарь



Саки Семиречья и Тянь-Шаня. Оружие, конская сбруя, украшения, предметы культа в «зверином стиле»



Скифы-саки Нижней Сырдарьи оставили нам таких вот забавных зверюшек. Но не надо думать, что русские заимствовали у саков своих коньков на крышах изб и теремов, нет — это просто одна традиция, идущая из глубин тысячелетий



Ранние кочевники Алтая VIII—VI вв. до н.э.
Мечи и вещи из захоронений

Ранние кочевники Алтая V—III вв. до н.э. Вещи из захоронений

степи, но и более южную земледельческую зону предгорий Копетдага, Памира и Тяньшаня, а также и сами эти горы. Помпей Трог прямо утверждает, что парфяне и бактрийцы произошли от скифов[116]. Археологические исследования подтверждают это, позволяя включить в область непосредственного расселения скифов не только плодородные предгорья, но даже бесплодные ныне высокогорные пустыни Восточного Памира[117]. Высокие горные цепи служат естественными границами, «работающими» всегда, во все времена.

Очевидно, в пору своего наивысшего могущества Великая Скифия включала в сферу своего политического влияния и более южные области — территорию Афганистана и бассейн реки Инд, где на рубеже н.э. сложились так называемые индо-скифские царства. Недаром же античные источники считали, что Скифия и Индия — это соседние страны...[118]

Что касается южных пределов Скифии на востоке, в Сибири, то здесь определение их представляет сложную задачу. Ярко выраженных естественных границ здесь нет, а есть только переход в другую климатическую зону, собственно «Центральную Азию». Поэтому границы Скифии в этом регионе (совпадавшие с разделительной линией белой и монголоидной рас) в разные эпохи значительно колебались. Относительно середины I тыс. до н.э. у нас есть точные сведения, что скифы не только контролировали всю Центральную Азию (Монголию и Восточный Туркестан), но и подчинили себе на несколько столетий китайские царства по всему течению Хуанхэ[119].

Эту ситуацию можно считать соответствующим «максимальному продвижению» скифов на юго-востоке. В менее благоприятные времена (как в климатическом, так и в политическом смысле) скифы, вероятно, «откатывались» далеко на север, собственно в Сибирь, к Алтаю и Тянь-Шаню.

Итак, южные границы Великой Скифии очерчены достаточно четко: они практически совпадают с так называемыми естественными границами, положенными самой природой, высокими горными хребтами и глубокими морями. Черное море — Кавказ — Каспийское море — Копетдаг — Памир — Тянь-Шань — Алтай... К северу от этой линии жили древние арии и скифы, как и сейчас живут их прямые потомки — русские* .

---

* Современная наука признает существование огромного «скифо-сибирского мира». Но по «академической» схеме это какой-то странный, вненациональный и внерасовый безликий мир «вымерших народов», не

Западная граница Древней Скифии (истоки Днестра, по Геродоту) точно совпадает с послевоенными границами СССР. Правда, на востоке, в Сибири, картина несколько иная: владения скифов выходили далеко за пределы современной России, захватывая Монголию и прилегающие области Северного Китая. Рассмотрим теперь, где проходила граница Великой Скифии на севере.

Скифы и «гипербореи»

Естественно, что однородную в климатическом смысле степную и лесостепную зону континентальной Евразии населял единый великоскифский народ. Далее к северу, вплоть до Ледовитого океана, простиралась иная природная зона: лес и тундра. Ее населяли нескифские народы: область хвойных лесов Крайнего Севера от Балтики до Урала — угро-финны; северную Сибирь — палеоазиаты, которых античные историки именовали «гипербореями».

(Гипербореями все-таки были русы-бореалы «севера». — *Примеч. Ю.Д. Петухова.)*

В каких отношениях находились скифы и гипербореи лесов Северной Евразии? Где заканчивалась Скифия на севере? Античные источники считали, что скифам принадлежат все земли континентальной Евразии вплоть до «безжизненных пустынь» за Полярным кругом; даже Северный Ледовитый океан носил название Скифского[120]. Почему-то эти недвусмысленные сооб-

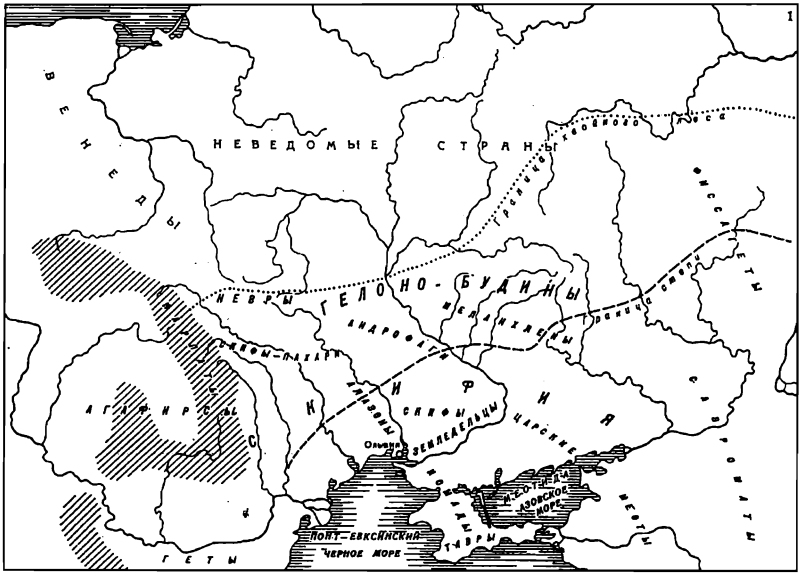
---

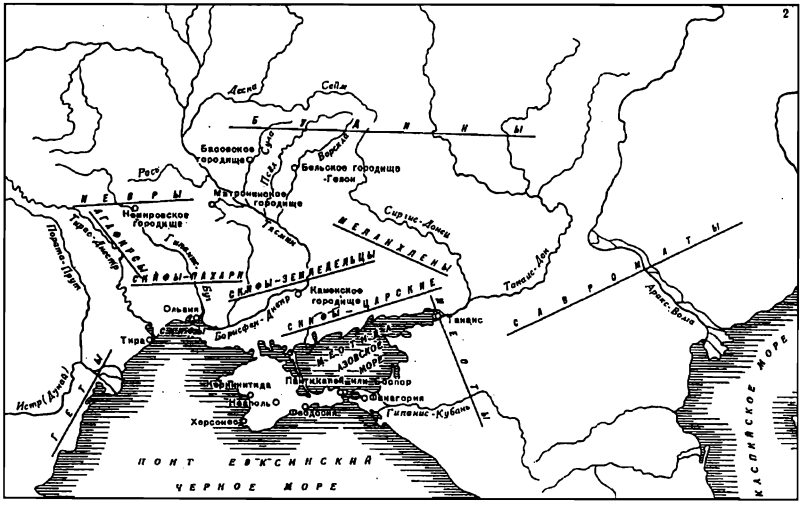
имевший никакого отношения к России и русским. Заслуга автора данной книги в том, что он восстанавливает историческую правду: не какие-то безликие роды и племена, а многие поколения наших прямых предков, миллионы и миллионы русов-скифов, исконных русских людей, обживали, возделывали, оберегали и созидали этот бескрайний мир Русской Евразии, который потом органично (правда, далеко не полностью) вошел в состав нашей Великой России (Российской империи, СССР). Даже такие земли, как Маньчжурия, Внутренняя Монголия, совсем не случайно попали в сферу интересов, а затем и фактически вошли в состав Российской империи, не говоря уже про Сибирь, Алтай, Саяны, Среднюю Азию... — это наследие, наше законное наследие, оставленное нам нашими предками — русами-скифами. Попытки представить дело иначе — скрытая, но откровенная идеологическая, политическая диверсия, цель которой — лишить нас нашего законного исторического наследия, причем не только природных богатств, залежей сырья, лесов, озер, территорий, но и права на будущее как великой исторической нации, как великой цивилизации, как суперэтноса. — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*

щения до недавних пор было принято отрицать. Однако данные современной археологии позволяют пролить свет на эту интересную проблему.

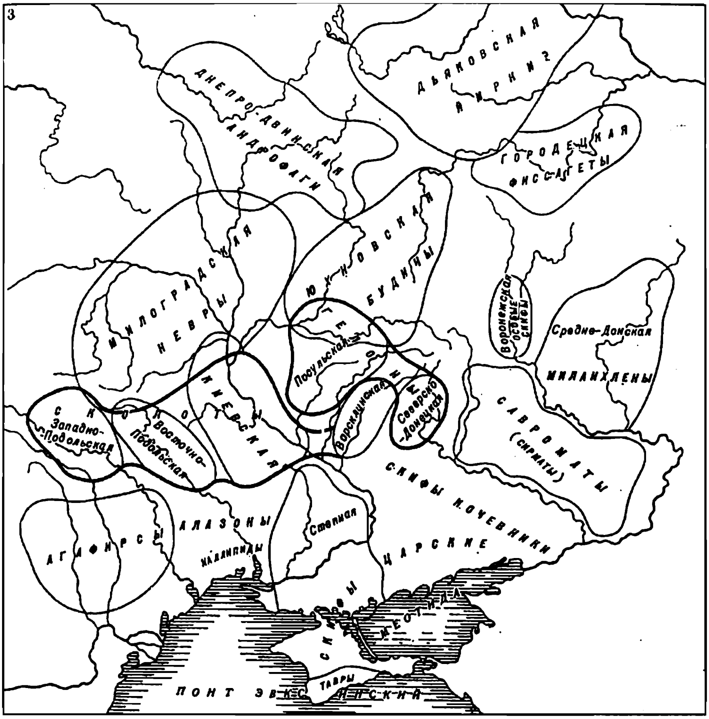
Как показали исследования, **влияние скифов захватывало не только юг Сибири, от Урала до Алтая, но и долину Оби и прилегающие таежные области.** В середине I тыс. до н.э. у лесных племен и жителей западносибирской лесотундры появляются характерные скифские котлы. В Салехарде найдены образцы резьбы по кости в скифском зверином стиле. Скифская культура захватила и долину Енисея, Ангары, Лены. Вот что писал о скифском влиянии в северных таежных районах выдающийся русский археолог и историк, исследователь палеокультур А.П. Окладников: «Отраженные волны бушующей в степных просторах скифской кочевой стихии рано докатываются и до далекого Севера. В долину Оби и соседние с ней районы Западной Сибири проникают кочевые скотоводы-конники... Едва ли не самым ярким примером влияния [скифов в Сибири] могут служить шишкинские писаницы в верховьях Лены, где изображено мифическое чудовище, живо напоминающее клыкастого зверя, столь излюбленного в скифском искусстве, и еще более замечательный фриз из семи лодок... По своему содержанию эти замечательные рисунки обнаруживают удивительное сходство с более древними памятниками искусства бронзовой эпохи не только в Скандинавии и Карелии, но и в далекой Италии. В стилистическом же отношении, как свидетельствует фигура лани, они в свою очередь сближаются с предскифским и скифским искусством Восточной Европы, Сибири и Центральной Азии. Насколько широко на север и восток Азии распространилось подобное влияние скифо-сарматского искусства, помимо находок в курганах древних гуннов Монголии и Забайкалья, показывают древние писаницы, уцелевшие на далеком Амуре. Ниже Хабаровска, в местности Секачи-Алян, на одном из огромных валунов видно большое изображение лося, в бедро которого вписана характерная спиральная фигура, столь обычная на скифо-сарматских и родственных им памятниках искусства, точь-в-точь такая же, как и на изображении оленя, сопровождающем фриз из семи лодок в Шишкино»[121].

Добавим, что подобного рода следы не могут быть оставлены в результате торгового обмена или чего-то подобного. Эти рисунки могли быть созданы только руками самих скифов. Значит, в период расцвета скифской культуры население степной

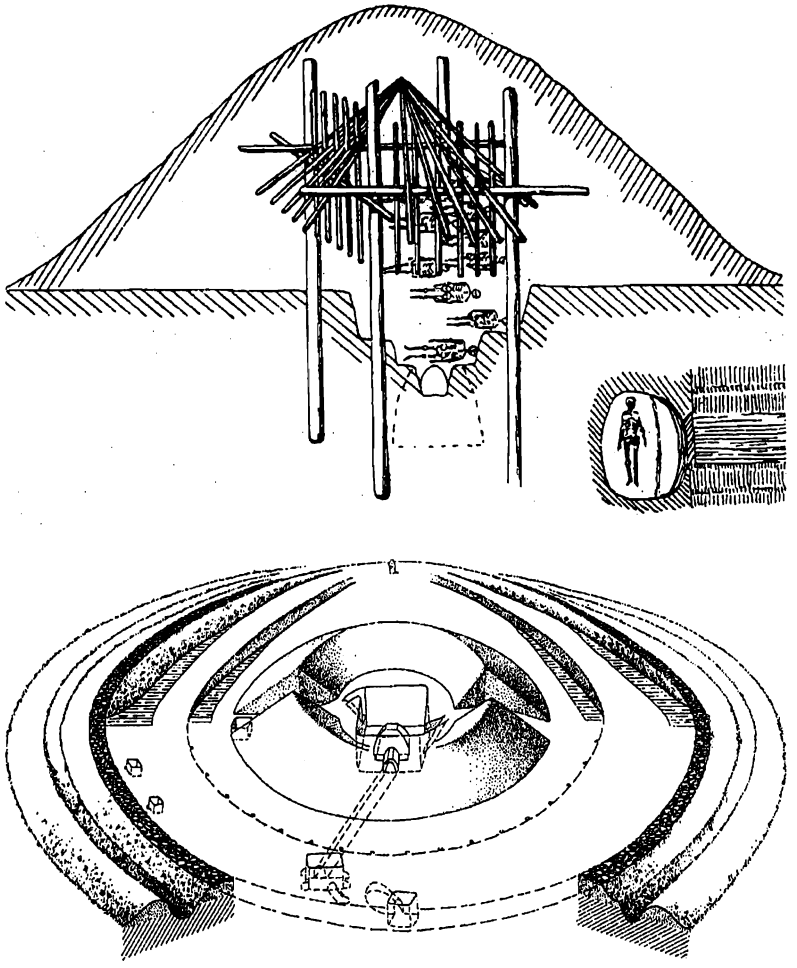




Племена-роды скифов, упоминаемых «отцом истории» Геродотом:
1) по М.И. Артамонову;
2) по Б.Н. Грекову;
3) по Б.А. Рыбакову;
4) по А.Н.Тереножкину и В.А. Ильинской


3
Днепро-Двинская
андрофаги
Дьяковская
Городецкая
фиссагеты
Милоградская
невры
Юхновская
будины
Посульская
Воронежская
Средне-Донская
меланхлены
савроматы
(сирматы)
Западно-Подольская
Восточно-Подольская
Киевская
Ворсклинская
Северско-Донецкая
скифы кочевники
агафирсы
алазоны
каллипиды
Степная
царские
скифы
Меотида
тавры
Понт Эвксинский

4
андрофаги
меланхлени
будіни
неври
скіфи-землероби
скіфи
орачі
Борисфен
Сіріс
Гіпаніс
алазони
Пората
Тірас
каллiпiди
скіфи-кочовики
Танаїс
скіфи царські
агафірси
Маріс
Ольвія
Тіра
Геррос
Меотіда
Істр
фракійці
Неаполь
Пантікапей
таври
Херсонес
Понт Евксинський
меот
Гіпаніс



Курганы скифов. Вверху: захоронение знатного воина (боярина) у станицы Костромской. Внизу: большой княжеский курган с опоясывающими рвами, тайными ходами и камерами. Вот такие курганы стали прообразами не только десятков тысяч захоронений по всей Евразии, но и знаменитых египетских пирамид Северной Африки, куда свои традиции занесли предки-прародители скифов — ранние русы-индоевропейцы

зоны Евразии проникло в очень отдаленные регионы, в лесотундру на севере, в Забайкалье и на Амур на востоке. Если вспомнить относительно низкий уровень развития палеоазиатских народов Крайнего Севера, неудивительно, что их взаимодействие со скифами носило односторонний характер. Скифы-степняки, поднимаясь на север, несли с собой высокую культуру. Отношения скифов с сибирскими «гипербореями» складывались, видимо, по той же схеме, что и отношения русских землепроходцев XVII—XVIII вв. с ними же...

«Отложившиеся скифы», ирки и фиссагеты

Насколько далеко к северу простиралось влияние Скифии на территории Восточно-Европейской равнины? Этот вопрос издавна вызывает ожесточенные споры. Любители игры «на понижение», стараясь всячески принизить значение великой империи Евразии, отрицают вообще всякое влияние степной культуры на севере; они «отнимают» у скифов не только лес, но даже и лесостепь. С их точки зрения, «лес» и «степь» представляют собой несовместимые природные зоны, жители которых должны быть враждебны друг другу и никак не могут принадлежать к одному и тому же народу.

Данные археологии ясно свидетельствуют о прохождении скифами всей Сибири вплоть до Тихого и Ледовитого океанов. А что в лесах Русской равнины? То же самое. В «раннежелезных» культурах Средней и Верхней Волги, Городецкой и Ананьинской, обнаружено множество вещей, свидетельствующих о скифском влиянии, в частности, предметы скифского вооружения.

Эти культуры принадлежали народам угро-финского происхождения, известным еще в раннее Средневековье как меря, мордва и пр.; очевидно, именно они описаны у Геродота под именем фиссагетов и ирков (последнее слово есть искаженное «угры»). Собственный уровень развития этих народов был довольно низок: античные источники отмечают преобладание у них охоты. Очевидно, железный век наступил на севере благодаря скифскому влиянию, и только с применением железа в северных лесах появилось «настоящее» сельское хозяйство.

Само имя фиссагеты относится к скифскому кругу (среднеазиатские скифы назывались массагетами). Уже один этот факт свидетельствует о прочном влиянии скифов (или, может быть, их арийских предков) в верхней части бассейна Волги.

По-видимому, в период своего расцвета Скифское государство осуществляло над Верхним Поволжьем прямой политический контроль. Появление в Ананьинской культуре (соврем. Татарстан и Марий Эл) скифского оружия и погребального обряда следует связать с пребыванием в этих краях «ограниченного контингента» скифских войск, возможно, выведенных из Закавказья после окончания войн в Передней Азии[122].

Геродот, называя рядом с фиссагетами и ирками неких *скифов, отложившихся* от «царских», вероятно, имел в виду государственное образование, созданное в среде угро-финских народов Поволжья выходцами из южнорусских степей. «Отложившимися» от своих собратьев верхневолжские скифы стали, видимо, после того, как их государство на юге, на Нижней Волге и Дону, сменилось савроматским и оказалось «выдавлено» на Украину. Северная лесная периферия империи, как и западная (Украина), обычно дольше поддерживала старую политическую традицию.

Итак, Верхнее Поволжье в железном веке заселено угро-финнами, находившимися под скифским культурно-политическим влиянием. Поскольку скифы — прямые предки русских, можно сказать, что ситуация в этом регионе мало отличалась от той, какую застало раннее Средневековье: чудь, весь, меря и мордва «сидят» в северных лесах и платят дань Руси. А что на западе, от Волги до Двины?

Скифы, гелоны и будины

Зону смешанных и широколиственных лесов от Западного Буга до бассейна Оки в железном веке занимали однородные археологические культуры (штрихованной керамики, днепродвинская, юхновская, милоградская, верхнеокская), принадлежавшие, несомненно, народу индоевропейского происхождения. Все они обнаруживают преемственность с местными культурами шнуровой керамики эпохи бронзы, начиная со времен XXII—XVIII вв. до н.э.

Это все, на чем сходятся историки и археологи. Какому конкретно народу принадлежали эти культуры? Еще недавно было принято утверждать, что создавшие их народы разговаривали на языках *балтской группы* (совр. литовский, латышский языки). Балты якобы и жили в Белоруссии и на северо-западе России чуть ли не до «прихода славян» в VIII—IX вв., после чего

их язык на всей этой огромной территории якобы «исчез без следа».

Утверждалось, что русские не были на «русском севере» местными жителями. Но данные археологии опровергают это голословное утверждение. Дело в том, что культуры типа штрихованной керамики обнаруживают преемственность не только с предшествующими, но и с последующими — вплоть до славянского Средневековья. В них отчетливо заметны черты, сближающие как с «пражской керамикой», так и с другими славянскими культурами этого региона. Те же углубленные в земле однокомнатные жилища с очагом в углу, лепные горшки той же формы, те же обряд погребального сожжения и культовые центры — круговые ограды с идолом посредине[123].

В этом регионе никакого «разрыва» при переходе к Средневековью вообще не было. Славяне Русского Севера — *автохтоны*, коренные жители. Но, с другой стороны, анализ топонимов показывает, что все-таки было время, когда зону смешанных и широколиственных лесов Восточной Европы заселял народ, говоривший на языке балтской группы[124]. Когда это было? Во времена Геродота, в раннем Средневековье? Некоторые исследователи придерживаются именно такого мнения; они настаивают на существовании еще в недалеком прошлом «балто-славянского единства». «Балто-славянам» они и приписывают археологические культуры Русского Севера, обнаруживающие сходство с поздними славянскими. По этой концепции, славяне поздно, чуть ли не в VI—VII вв. н.э., «отпочковались» от балтов, и произошло это где-то на периферии зоны широколиственных лесов, чуть ли не в *болотах* бассейна Припяти[125].

Перед нами очередная концепция «автохтонии» славян в России: опять предков огромного народа пытаются загнать в маленький уголок, ничем не ограниченный посреди великого евразийского пространства. Честно говоря, уголок Б.А. Рыбакова (среднее Поднепровье) выглядит гораздо уютнее: сторонники происхождения славян «от балтов» пытаются утопить их предков *в болоте* в буквальном смысле слова.

Однако современные исследования подвергают сомнению существование балто-славянского единства в сравнительно недавнюю эпоху[126]. Балтские языки обнаруживают большое сходство со славянскими (как и с санскритом) — но сходство это очень странное. Огромный общий словарный запас — но совершенно иная языковая структура, древние различия в фонети-

ке, отсутствие общих названий для меди и бронзы и других важных культурных терминов[127]. (Напомним, что фактически балты вычленились из достаточно поздней общности русов-славян. Балтские «языки» — примитивно-периферийные латинизированные католическими миссионерами славяно-русские диалекты. В целом «балтская проблема» — это не проблема этноистории, ведь балты — латыши, литовцы — есть ассимилированные славяно-русы, не более того — а проблема политическая, проблема отторжения от России прибалтийских земель. Антропологически и генетически балты не меньшие русы, русские, чем сами русские и их предки скифы, исключая, разумеется, тюркский элемент, влившийся в литовцев после переселения в Литву значительного числа татар. — *Примеч. Ю. Д. Петухова.*)

Каким же было отношение древних балтов к древним славянам? Ответ на этот вопрос — ключ к истории Русского Севера. Очевидно, расхождение балтской и славянской языковых групп началось еще в неолите (иначе были бы общие названия для технических терминов металлургии бронзы). Если считать, как делает это большинство исследователей, что «протославяне» тогда еще входили в арийскую общность Древнеямной культуры (степи Южной России, III тыс. до н.э.), то можно предположить, что балтская общность занимала северную лесную зону Восточно-Европейской равнины именно в те времена. В таком случае протобалтам следует приписать комплекс культур *ямочно-гребенчатой керамики*, заполнявший этот регион в V—III тыс. до н.э. Если это так, то балты оказываются одним из древнейших народов арийской семьи. Надо полагать, расхождение языков севера и юга Восточно-Европейской равнины в V—III тыс. до н.э. было сравнительно небольшим, поскольку этому препятствуют сами геополитические условия. Вот в ту пору и существовало «балто-славянское», вернее, еще «балто-арийское» языковое единство. И оно *не успело распасться*, поскольку уже на рубеже III и II тыс. до н.э. из степей на север двинулись культуры шнуровой керамики...

Такое предположение, сделанное на основе данных лингвистики и археологии, полностью совпадает с сообщениями русских летописей. Как гласит новгородская традиция (представленная в Никаноровской летописи и у Татищева), славяне впервые пришли на север «от берегов Понта и Меотиса» в XX в. до н.э., что практически совпадает с датой появления Фатьяновской культуры бронзового века, охвативший регион от Белоруссии до Вер-

хней Волги. Очевидно, большинство местных жителей, наследников ямочно-гребенчатой культуры, перешло на славянский язык уже в эпоху средней бронзы, прежние языки сохранились только в Восточной Прибалтике и там «законсервировались».

(Данное положение автора требует особого пояснения. Мы должны помнить, что русские — стволовое развитие суперэтноса русов (бореалов-индоевропейцев) — имеют своими предками не только ту составляющую, что пришла с юга («славянскую»), но и автохтонную (бореалы Евразии, в частности, Европейской России) и «возвратную» северо-западную (та часть ариев-индоевропейцев, что из южно-русских степей Северного Причерноморья ушла на север, в том числе в Скандинавию, Восточную и Центральную Европу, а затем, возвращаясь на восток и юго-восток, органично влилась в бореальную и «славянскую среду» — мы знаем, что скандинавы-«норманны» есть не пресловутые вымышленные «германцы», а прямые потомки тех же скифов-ариев.) Практически между этими тремя основными составляющими русов не было существенных различий, все они были носителями этнокультурно-языковых, антропологических и генетических признаков суперэтноса русов. Переместившись со вторичной прародины ариев-индоевропейцев, две основные составляющие пространственно разошлись, но не изменились, — слияние их было естественно (вспомним, «язык руський и славянский один есть»). На фоне метаисторического процесса слияния русов и образования русских современного типа, «балтский вопрос» выглядит микроскопической составляющей. «Балты» не древней «славян». Говорить о «балто»-арийской общности не приходится, как не приходится говорить об «украинско»-ностратической общности. А роднит «балтские» языки и, скажем, санскрит не их прямое родство, а та часть языка русов, что сохранилась в порожденных им как «балтских» языках, так и санскрите. Вот уже два века с появлением «индоевропеистики» мы «бродим между трех сосен» и не можем понять, что без ствола и корней из разрозненных листьев и веток мы дерева никогда «не сложим». Когда мы говорим о «германо-балто-славянской» общности, мы должны четко понимать — никакого «триединства» не было, это было единство — общность русов, из которой вычленились в результате ассимиляций их пришлыми «этносами» так называемые этносы германской языковой группы (ассимилированные русы-славяне), а затем — «балты». В отличие от активных «германцев» и «сла-

вян», «балты» осели в своих «болотах», по-своему храня и по-своему искажая этнокультурно-языковое наследие русов-ариев. Но, повторим, наибольшую культурно-языковую деформацию «балтам» нанесло именно католическое миссионерство романо-«германских» культуртрегеров — именно вследствие этого направленного воздействия пруссы были уничтожены и ассимилированы полностью, а «балты» искусственно вычленены из суперэтноса русов; при этом антропологически они остались русами. — *Примеч. Ю.Д. Петухова*).

Вернемся теперь к Геродоту и посмотрим, кого он «увидел» на месте археологических культур типа штрихованной керамики, Юхновской и др. Как известно, в его времена там обитали будины и гелоны — народы разного происхождения и образа жизни. Будины — это *водь*, народ угро-финского происхождения, а гелоны и есть носители тех культур лесной зоны, которые признаны индоевропейскими и... славянскими.

Описание Геродота дает представление о взаимоотношениях двух основных этнических групп севера Русской равнины: будины были менее развиты, занимались более охотой, тогда как гелоны жили в той же земле, но в укрепленных поселениях (городах), занимались высокопродуктивным сельским хозяйством. Гелоны мирно колонизировали землю будинов, распространяя на север свою высокую культуру. Такими же были отношения славян и угро-финнов и в Средневековье.

ГЕЛОНЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА БЫЛИ СЛАВЯНАМИ — вполне в современном смысле этого слова. Сходство языка гелонов с языком скифов, которое отмечал уже Геродот, есть не что иное, как общность языков одной славянской группы или, может быть, даже *диалектов внутри одного языка*.

«Лесные» народы Центральной России раннего железного века были не просто близки скифам, но входили с ними в одну политическую систему. Когда скифская цивилизация подверглась опасности со стороны персидской империи Ахеменидов (поход Дария в Причерноморье в 512 г. до н.э.), ее поддержали ближайшие родственники: донские савроматы и северные гелоны и будины, тогда как меланхлены и агатирсы в этот критический момент «отпали».

Гелоны под несколько измененными именами известны на севере Русской равнины вплоть до Средних веков. Еще в V—VI вв. н.э. по левобережью Днепра, в бассейне Десны и верхней Оки обитали, как сообщают источники, ГОЛЬТЫ и ГОЛЬТЕСКИФЫ. Последний термин ясно указывает на большую бли-

зость гелонов-гольтов и скифов, о чем говорил и Геродот. В русских летописях жители бассейна верхней Оки назывались ГОЛЯДЬЮ, при этом никогда не отмечалось их иноязычие по отношению к славянскому населению. Средневековая «голядь» — потомки древних гелонов, сохранивших свои этнополитические структуры; остальные вошли в состав нового славянского объединения, созданного вендами-вятичами.

Скифы, невры и венеты

Восточные Карпаты и Волынь в раннем железном веке были «местом встречи» родственных народов: венетов — предков западных славян и скифов, которых можно прямо называть *славянами восточными*. Первым «венетским» народом на западной границе Великой Скифии были, видимо, невры.

С одной стороны, Волынь входила в общность полей погребальных урн, занимавшей в раннем железном веке Центральную Европу. С другой стороны, строгой границы с Великой степью не было: к востоку от Днепра поля погребальных урн плавно переходили в скифскую культуру. В лесостепной зоне Киева-Харькова-Полтавы прослеживается культура курганов, подобная степной, «классической» скифской, но несколько отличающаяся преобладанием земледелия. В этой же самой области присутствует и культура погребальных урн, аналогичная центральноевропейским.

Античные авторы называли народ, населявший Восточные Карпаты во II—III вв. н.э., ВЕНЕДАМИ-САРМАТАМИ, подчеркивая тем самым, что никакой строгой границы между Центральной и Восточной Европой в то время не существовало.

По-видимому, такое двойственное название носили те самые анты, к которым некоторые историки пытались свести происхождение всех русских (концепция Б.А. Рыбакова и предшественников). Из одних источников известно, что *антами* называлась самая восточная часть *венетов*, из других — западная часть *сарматов*.

Анты (венеты-сарматы) представляли собой промежуточное звено между славянами западными (венетами) Центральной Европы и славянами восточными (скифами-сарматами) Восточной Европы, они жили на границе двух крупных природных и цивилизационных зон. Недаром «анты» переводится с санскрита как... «украинцы».

Скифы, агатирсы и геты

Бассейн Дуная еще в эпоху классической античности заселяли геты. Жившие на западной границе Великой Скифии агатирсы были, очевидно, родственны дунайским гетам. Язык гетов относят к фракийской языковой группе. Однако если это и верно, то только для эпохи бронзы, самое позднее — для раннежелезного века. Нет никаких оснований полагать, что бассейн Дуная был заселен «фракийцами» вплоть до Великого переселения народов. Имеются бесспорные свидетельства, что уже в III в. до н.э. почти весь дунайский регион принадлежал... скифам и савроматам.

В самом деле, рассказывая о походах Александра Македонского (330 г. до н.э.), Арриан пишет о Дунае: «Это самая большая из европейских рек; она протекает через многие и многие земли, образуя границу между самыми воинственными племенами. Большинство из них — племена кельтские; в их земле Истр и берет свое начало. У *самых истоков* ее живут квады и маркоманы, потом *язиги, племя савроматов*, и потом *геты*, дарующие бессмертие; потом *большинство савроматов* и потом *скифы* — до самого устья, до того места, где пятью рукавами Истр впадает в Эвксинское море»[128].

Во времена Александра Македонского только истоки великой реки принадлежали кельтам. А весь остальной дунайский регион был занят скифами-савроматами. В начале н.э. античные источники твердо указывают, что все жители северо-дунайского бассейна являются скифами-сарматами. Как сообщает Плиний Старший:

«В ЦЕЛОМ К СЕВЕРУ ОТ ИСТРА (ДУНАЯ) ВСЕ ПЛЕМЕНА СКИФСКИЕ, однако места, прилегающие к побережью, заняли разные народы; в одних находятся ГЕТЫ, которых римляне называют ДАКАМИ; в других — САРМАТЫ, по-гречески САВРОМАТЫ (в их числе гамаксобии или АОРСЫ); в третьих — выродившиеся и произошедшие от рабов скифы или троглодиты и затем АЛАНЫ и РОКСАЛАНЫ... до тех мест, где границы германцев, поля и равнины населяют ЯЗЫГИ-САРМАТЫ, а горы и леса до реки Патисс — изгнанные ими даки»[129].

В сообщении Плиния среди названий дунайских народов перечислены почти все «скифские» этнонимы. Дунайские геты (даки), очевидно, тоже были скифами. Ведь сами их имена имеют неоднократный «повтор» на всей территории Евразии (фис-

сагеты на Волге, массагеты на Аму-Дарье, даки к востоку от Каспия).

Неудивительно поэтому, что источники V—VII вв. н.э. постоянно «путают» дунайских *гетов* и *готов* Причерноморья, упорно считая их за один и тот же народ[130]. Лингвистическая путаница? Невозможно: ошибки речи не могут держаться тысячелетиями. Просто и геты, и готы были обыкновенными скифами.

Скорее всего дунайский регион перешел под контроль Скифской империи в эпоху ее расцвета, в VII в. до н.э., и тогда же, если не раньше, началось «языковое замещение». Уже геродотовы агатирсы, с одной стороны, похожи на фракийцев по нравам и образу жизни, а с другой — родственны по происхождению скифам (что предполагает и языковое родство). Во времена Александра Македонского народы Дуная, несомненно, были «скифоязычны»; конечно, они и называли себя так же, как и скифы Южной России — СКОЛОТАМИ; несколькими веками позднее это имя изменилось и стало звучать как «склавены», а в Средние века — «славяне»...

Археологические культуры Приднестровья и Восточного Прикарпатья уже в раннем железном веке обнаруживают черты родства со средневековыми славянскими; есть основания полагать, что геродотовы агатирсы, занимавшие этот регион, были славянами. Но в таком случае, славянами были также ближайшие родственники агатирсов — геты, даки, и все эти дунайско-днестровские народы представляли собой не что иное, как западную группу сарматов.

Начиная со II—III вв. н.э. на Дунае источники обнаруживают явные следы пребывания славян — в надписях встречаются чисто славянские имена; дошедшие слова дунайских народов звучат по-славянски. А ведь никаких крупных перемещений, которые могли бы устранить отсюда скифов-савроматов, не было; напротив, в эпоху «великого переселения» на Дунай опять двинулись народы Причерноморья. **Так разъясняется загадка «дунайской прародины» славян.**

Легенда о трех братьях

В легенде о происхождении народов Великой Скифии, изложенной Геродотом (История, 4, 8—10), их предками названы три сына Геракла: Скиф, Гелон и Агатирс. Это предание надо

понимать в том смысле, что все названные народы имели генетическое родство. «Скифы» — это арийские народы степной зоны Евразии, под именем «Гелона», очевидно, скрываются родственные им народы северной, лесной зоны Восточной Европы (примерно по линии Минск — Новгород — Рязань), а под именем «Агатирса» — народы Западной Украины и бассейна Дуная.

Считать эти народы изолированными друг от друга значит делать ошибку. Ведь, согласно сообщениям античных авторов, они происходили от братьев и говорили на родственных языках, то есть относились к одной языковой группе.

Еще в неолите брат Агатирс говорил на языке, предковом для фракийской группы, и ему принадлежала Трипольская культура Украины и родственные дунайские культуры; «брат Гелон» — говорил на языке балтской группы, и ему принадлежали культуры ямочно-гребенчатой керамики Русского Севера. Но расхождение между этими языками в те времена было еще очень небольшим.

В какой-то момент времени (видимо, в эпоху бронзы, в XXII—XVI вв. до н.э.) один из родственных языков этой группы вытеснил остальные. Но, поскольку локальные географические различия огромного «евразийского региона» продолжают действовать постоянно, на месте старой тут же образовалась новая языковая группа, *современная славянская*, занявшая ту же территорию, что и ее предшественница. Речь идет о языковом замещении, о «тонкой материи» духовной культуры, поскольку, начиная с бронзового века, население «евразийского региона» почти везде сохраняло физическую (антропологическую) и культурную преемственность.

Основным языком, вытеснившим остальные близкородственные и образовавшим новую «евразийскую» группу, был именно *скифский*, или, называя вещи своими именами, *русский язык*. Ведь все данные свидетельствуют о безусловном военно-политическом доминировании степных ариев и их потомков скифо-сарматов во всей внутренней Евразии эпохи бронзы и железного века... Сами условия евразийской геополитики, отсутствие естественных границ на огромных пространствах, предопределяют сохранение определенного цивилизационного единства этого региона. Народы континентальной Евразии просто не успевают далеко «разойтись»: как только это происходит, новые импульсы интеграции восстанавливают разрушенное единство. И роль объединителя принадлежит народу, насе-

ляющему степную зону континента, — «великоскифскому» народу, предназначенному к этому самой природой.

Возвращаясь к легенде о «трех братьях» — сыновьях Геракла, можно сказать, что символ «Скиф, Гелон и Агатирс» во времена Геродота означал примерно то же, что в наше время «Русский, Белорус и Украинец»... Разница между древними языками «Скифа, Гелона и Агатирса», своеобразный параметр «дельта» (показатель разницы цивилизационного характера), постепенно увеличивалась со временем; как только был превышен «допустимый уровень», сработал «сброс», и система вернулась в исходное положение.

Что же можно сказать в итоге о границах Скифии/Сарматии? На западе естественным барьером служили Карпаты и прилегающие речные рубежи (Днестр). На юге — Кавказские горы, причем в Закавказье, судя по обилию находок наконечников скифских стрел, находились скифские «военные базы». В Средней Азии скифское население «компактно проживало» еще на Памире, причем в зону политического влияния входил и Афганистан. В Сибири южная граница не была стабильной, проходя в основном по Алтаю-Саянам, но, опускаясь до среднего течения Хуанхэ в благоприятные времена... а на севере Сибири в зону влияния попадали бассейны рек Оби, Лены, Амура.

ГРАНИЦЫ ВЕЛИКОЙ СКИФИИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПРИМЕРНО СОВПАДАЛИ С ГРАНИЦАМИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА 1945 г. Эти границы обусловлены как чисто геополитическими причинами, с одной стороны, так и состоянием социума, с другой. Можно сказать, что такие границы цивилизация континентальной Евразии занимает в своем *нормальном* состоянии.

2.2. Города Скифии

Цивилизация немыслима без особых центров — городов, жители которых оторваны от сельскохозяйственной деятельности и занимаются созданием культурных ценностей. Возможно ли существование такой высокой культуры, как скифская, без городов? Конечно, нет. Но ведь скифские города... не обнаружены? На самом деле скифские города хорошо известны. Некоторые из них, погибшие, раскопаны археологами, другие, уцелевшие, существуют и по сей день. Вот только приписывают эти города совсем не скифам.

В XVIII—XIX вв. в исторической науке сложилось представление, что «классические» античные греки колонизировали весь бассейн Средиземноморья от Гибралтара до Танаиса. Построили там свои «полисы» и принесли местным «варварам» свою развитую культуру. Но так ли это? Действительно ли города Приазовья-Причерноморья I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. принадлежали грекам, или греческая колонизация Понта — это очередная иллюзия, сложившаяся в историографии под воздействием европоцентристской традиции, всячески преувеличивавшей влияние средиземноморской цивилизации в прошлом?

Хорошо известно, что так называемая греческая колонизация бассейна Черного моря началась еще в VII в. до н.э. В 657 г. до н.э. был основан г. Истрия в устье Дуная, в 645 г. до н.э. появились поселения в устье Днепра и Буга. В том же столетии были основаны и первые греческие поселения на территории будущего Боспорского царства. Что это было — завоевание? Ведь никто не позволяет добровольно распоряжаться чужакам на своей территории. Или же греки строили свои прибрежные полисы в землях совершенных дикарей, лишенных какой бы то ни было политической организации? Обычно так и изображают строительство причерноморских городов: приплывают на кораблях культурные «греки», дарят «варварам» связку бус и занимают удобную землю...

Но позвольте! Это же VII век до н.э. В это самое время огромные армии скифов вторгаются через Кавказ в Переднюю Азию и громят там «сверхдержавы» вроде Ассирии. Непохоже, чтобы эти походы были предприняты «дикарями», не способными к государственному строительству. Безусловно, в VII в. до н.э. у скифов существовали мощные политические объединения, которые, конечно, не допустили бы никакой колонизации своих берегов... Хорошо известно, что в то же самое время скифо-киммерийские войска вторгались и на Балканы, устрашая тамошние «греческие полисы»* . Реальная политическая обстановка

* Современная наука позволяет с уверенностью говорить о том, что никаких древних греков, как единого народа, никогда не существовало. Лексический фонд так называемого «древнегреческого языка» на 95% заимствован у окружающих племен. В древнегреческом пантеоне нет ни одного греческого божества, все боги заимствованы извне. А сам древнегреческий язык — искусственный язык «международного общения», койне. Используя псевдоэтноним «древние греки», мы должны знать, что под ним понимается совокупность разных народов, племен, родов,

диаметрально противоположна идиллической картине «греческой колонизации Скифии».

То же самое и в экономике Северного Причерноморья-Приазовья. Доказано, что в городах этого региона *не было никакого импорта* стратегически важного сырья — железной руды: так, в Ольвии использовалась криворожская руда (разрабатывавшаяся скифами), на Боспоре — местная керченская[131]. Оружие в городах Северного Причерноморья также было местного производства. Возможно ли это при «греческой колонизации варварских земель»?

Прибрежные города в Северном Причерноморье и Приазовье были основаны с ведома и при прямой поддержке скифского государства (в то время сильного и единого). Подтверждение этому можно найти и в ранних «греческих» источниках. Так, например, о крымском городе Керкинитиде (совр. Евпатории), по данным археологии, известно, что он, как и многие другие города Причерноморья, возник на базе местного поселения раннего железного века, преемственного, в свою очередь, с эпохой бронзы[132]. С другой стороны, Гекатей Милетский (источник еще «догеродотовский», VI в. до н.э.) упоминал его так: «Керкинитида, *город скифский*»[133]. Между тем античная Керкинитида ничем не отличалась от других причерноморских «полисов»... которые, надо полагать, в момент основания тоже были обыкновенными скифскими городами.

История не донесла до нас никаких свидетельств о столкновении греков-«колонизаторов» со скифами. Один этот факт полностью опровергает версию колонизации Причерноморья в

которые обитали в Эгеиде, на Пелопоннесе, шире, в Средиземноморье, а также и по берегам Понта Эвксинского — Черного или Русского моря. Причем, если в эпоху Троянской войны за псевдоэтнонимом греки скрывались русы-пеласги (они же «филистимляне»), арии-микенцы, славяне-дорийцы, русы-тавроскифы Ахилла и т.д., то при Перикле греки были в большей степени уже смешанными полунегроидными представителями малой средиземноморской расы, при этом греки-македонцы и появившийся еще позже Александр Филиппович Македонский — были полными славянами, не знавшими «древнегреческого языка» и не понимавшими «греков». В «эллинистический период» «греками» считались торговцы, спекулянты, ростовщики, посредники и «финансисты», проживавшие по всему побережью Средиземного и Черного морей в городах и городищах иных народов и народностей — именно им был нужен прежде всего «международный» койне. Миф о «Древней Греции» создан в эпоху Возрождения, обработан романтиками-литераторами эпохи Просвещения и поэтами периода немецкого романтизма. — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*

стиле «вестерна». Но как объяснить тогда присутствие в причерноморских полисах влиятельной греческой прослойки? Почему сильное скифское государство разрешило вторгнуться в свои пределы чужакам?

Очевидно, скифы были заинтересованы в строительстве морских портов. Прибрежные «полисы» служили для посредничества между двумя цивилизациями, континентальной скифской и морской греческой, *равноправными* в культурном отношении, каждая из которых могла предложить другой то, что у нее отсутствовало.

Античные понтийские города лежали «на границе» двух миров. Но все же берег, на котором они закрепились, был скифский. И скифское влияние преобладало на протяжении всей истории этих городов. В момент основания, в VII—VI вв. до н.э., понтийские города не могли не быть в прямой политической зависимости от Скифского государства. Их обособление, очевидно, началось в V—IV вв. до н.э., когда скифская держава ослабла. Позднее история понтийских городов знала значительные политические колебания — в зависимости от усиления или ослабления средиземноморской цивилизации, с одной стороны, и степной евразийской — с другой.

Но, как бы ни складывались отношения Великой Скифии и Средиземноморья, римско-эллинистическому миру никогда не удавалось добиться перевеса и закрепиться на северных берегах Черного моря (не говоря уже о Приазовье). На этот счет у нас есть недвусмысленные свидетельства источников. Так, Прокопий Кесарийский, авторитетный автор VI века н.э., признавал, что «местности же вокруг Понта Эвксинского, простирающиеся от Византия до Меотийского озера, описать все точно невозможно, так как из-за варваров, обитающих к северу от Истра, называемого Данувием, *этот берег совершенно недоступен для римлян*». Он заявил однозначно, что владения римлян простирались до устья Истра (Дуная), с одной стороны, и до устья Фасиса (Риони) в стране колхов, то есть Грузии — с другой, — но и то только в «древние времена», в период расцвета Римской державы! [134]

Очевидно, что ни одна военная экспедиция Рима против Крыма и Причерноморья (а таких экспедиций известно довольно много: и при императоре Августе, и при Нероне, и при Антонинах) не завершилась успехом; северный берег Понта так и остался «недоступен для римлян». Отсюда следует, что изобра-

жение городов Причерноморья в составе Римской империи, принятое в «западной» историографии, является подтасовкой, выдающей желаемое за действительное. Не только в 1854 году англо-франко-турецкий десант не смог взломать оборону Севастополя: так же заканчивались и все походы со стороны Средиземноморья на Крым...

Рассмотрим кратко историю важнейших азово-черноморских портов, а также некоторых наиболее значительных «континентальных» пограничных городов Великой Скифии.

Борисфен (Ольвия — Счастливая)

Ольвией («счастливой») греки называли крупный порт Северо-Западного Причерноморья, расположенный в устье Днепра; однако известно, что сами жители предпочитали называть город Борисфеном, как и реку Днепр. Название — местное, отнюдь не греческое.

Из истории Ольвии известно, что город неоднократно находился под прямым политическим контролем скифов и сарматов. Согласно рассказу Геродота, скифский царь Скил (V в. до н.э.), прямо поселился в Ольвии и «увлекся» процветавшей там культурой греческого образца; увлечение это, однако же, стоило ему короны и жизни[135]. Обычно этот рассказ понимают так: дикий «варвар» робко постучал в стены «цивилизованного города», был там принят, обласкан, обучен... и убит родным братом, «цивилизации» не понимавшим. Но, если оставить *тон* рассказа Геродота (благожелательного по отношению к «своим»), события предстают в ином ключе.

Очевидно, скифский царь мог поселиться в Ольвии только в том случае, если город целиком подчинялся ему (иначе вряд ли впустили бы горожане столь властного и опасного гостя). Фактически переселение царя в Ольвию означало перенос столицы, политического центра. Такого «крена» в сторону морской цивилизации «континентальные» соотечественники Скила не потерпели и свергли своего царя, пренебрегшего их интересами (поведение Скила можно сравнить с политикой Петра Первого, также тяготевшего к «морю» и перенесшего столицу; это действие тоже вызвало сильнейшее оппозиционное движение, которое, правда, было не столь успешно, как в скифские времена).

Кто же населял город Борисфен во времена царя Скила? Может быть, «греки-колонисты»? Но почему тогда наиболее

ранними постройками в черте города являются однокамерные дома-полуземлянки[136], похожие на жилища местного, черноморского населения и не имеющие ничего общего с «греческой» традицией?

Обнаружены интереснейшие свидетельства господства скифов в Ольвии и в северо-западном Причерноморье на самых ранних этапах становления морских портов. Как известно, один из важнейших признаков политического влияния — это средства денежного обращения, монеты. Оказалось, что в этот период (VII—V вв. до н.э.) в Ольвии выпускались бронзовые монеты-«стрелки», имевшие оригинальную форму двухлопастных стрел очень древнего типа[137]. Дело в том, что настоящие наконечники стрел издавна служили скифам деньгами (вещь нужная, в хозяйстве сгодится, и вместе с тем удобна, как монета). Понятно, что ольвийские «стрелки» — это уже настоящие деньги, имитирующие форму древнего средства обращения.

Исследователи «стрелок» удивляются: зачем бы это грекам понадобилось копировать скифские деньги. Первоначально думали, что жители Ольвии делали «стрелки» специально для торговли со скифами. Но выяснилось, что «стрелки» были мелкой монетой, вряд ли далеко выходившей за пределы городского рынка...

Скифский царь располагается в Ольвии как у себя дома, а жители города расплачиваются между собой скифскими деньгами. Стоит ли утверждать после этого, что Ольвия была греческим полисом? Очевидно, бронзовые «стрелки» были первым этапом настоящего денежного обращения *у самих скифов*. Появление приморских городов и одновременное появление в этих городах первых скифских денег — звенья одной цепи.

Ясно, что ранняя Ольвия (VII—V вв. до н.э.) и соседние с ней города были построены самими скифами для торговли с греками и находились под контролем Скифского государства. А что было потом?

В 331 г. до н.э. под стены Ольвии из Фракии (совр. Болгарии) явился Зопирион, полководец Александра Македонского и попытался взять город штурмом. Великий Александр пытался присоединить к своей империи Великую Скифию! Но не вышло. Жители Ольвии, борисфениты и соседние скифы оказали яростное сопротивление, македонская армия была разгромлена. Для II в. до н.э. у нас есть надежное свидетельство господства скифов в Ольвии: выпущенные здесь монеты с изображением царя Ски-

лура. Тогда же скифам подчинялись и города западного берега Крыма, главным из которых была Керкинитида (Евпатория). Чуть позднее северо-западное побережье Черного моря перешло под контроль сарматов. Так, Дион Хрисостом, посетивший Ольвию в 82 г. н.э., писал, что реки Днепр (Борисфен) и Буг (Гипанис) впадают в море около «крепости Алектор», принадлежащей «супруге сарматского царя»[138]. Военная крепость сарматов, перекрывая устья рек, полностью контролировала окрестные города, самым крупным из которых была Ольвия.

А кто населял этот город, в политическом отношении никогда не отдалявшийся от скифского и сарматского государств? Может быть, все-таки «классические» греки, одетые в хитоны и увенчанные лавровыми венками? Оказывается, нет. Дион Хрисостом сообщает, что все ее жители одеты «по-скифски», то есть в штаны и сапоги, носят бороды, прекрасно умеют обращаться с конями... Из всей греческой культуры интересуются только древним эпосом — «Илиадой». В самом деле, греки ли они? Или настоящими греками были только немногие купцы, находившиеся там по своим торговым делам? (Это уже близко к истине. — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*)

Об истории Ольвии на рубеже н.э. Дион сообщает следующие подробности: «Город борисфенитов по своей величине уже не соответствует своей былой славе, чему виной постоянные войны и разрушения. Ведь этот город, построенный очень давно, в самой гуще варварских племен и притом, пожалуй, наиболее воинственных, постоянно подвергается нападениям и не раз бывал захвачен врагами. Последнее и наиболее страшное разрушение он претерпел около ста пятидесяти лет тому назад. В ту пору геты захватили и этот город, и многие другие по левому берегу Понта до самой Аполлонии. Поэтому положение греков, живших в этом краю, стало очень тяжким: некоторые города вовсе не были заселены заново, другие — едва-едва, причем по большей части в них поселились варвары. Немало городов в разных областях подвергалось захвату и разрушению, так как греческие поселения рассеяны повсюду».

Очевидно, город попал под удар в ходе одной из «пограничных» войн между южнорусскими скифами и их дунайскими соседями — гетами (собственно говоря, жителей причерноморских степей в это время уже называли сарматами, но Дион, как и многие авторы, не делает между скифами и сарматами никакой разницы).

Нападение гетов было отбито, и Ольвия возвращена законным хозяевам: «БОРИСФЕНИТЫ ПОСЛЕ РАЗРУШЕНИЯ СВОЕГО ГОРОДА СНОВА, СОБРАВШИСЬ ВМЕСТЕ, ЗАСЕЛИЛИ ЕГО, ПО-ВИДИМОМУ, СОГЛАСНО ЖЕЛАНИЮ СКИФОВ, которые хотели вести торговлю с греками, приезжавшими в эту гавань; когда город стал необитаем, греки перестали заезжать в него, так как у них не находилось земляков, у которых они могли бы остановиться...»[139] Отношения «греков» и скифов в этом пассаже предстают совершенно ясно: и те, и другие были заинтересованы в торговле, нуждались друг в друге; «борисфениты» же были посредниками в этих отношениях.

Херсонес Таврический: Солнечный город в Крыму

Херсонес, стоявший на месте современного Севастополя, был важнейшим среди городов Южного берега Крыма. Западное побережье с центром в Керкинитиде (Евпатории) иногда подчинялось Херсонесу, а иногда входило в ту же политическую систему, что и Ольвия. Восточный берег Крыма издавна входил в Боспорское царство.

Имя города безуспешно пытаются вывести из греческого языка. На самом деле оно восходит к глубокой древности и лежит в общем культурном поле цивилизации южнорусских степей, с одной стороны, и северно-европейской цивилизации кельтов — с другой. Кроме Херсонеса в Крыму, на полуострове Ютландия (!) в древности был известен Херсонес Киммерийский... Очевидно, название Херсонес (Корсунь) относится к киммерийской или более ранней эпохе и связано с культом солнечного бога Хорса, хорошо известного на Руси. (Чрезвычайно интересное предположение и, скорее всего, верное. В теониме «Хор-Хорс» заключены понятия «крас-ный, хорош-ий» — «красно-солнышко» — Гор. «Хрсн-» = «крсн-» — Херсон-Корсунь. Цвет русов — красный; этимология-значение этнонима «рус, рос» — «светлый, красный = к-рас-ивый, хорош-ий, свой». В таком случае Херсон-Корсунь — город русов или носителей этнокультурно-языковых традиций русов, но отнюдь не негроидных метисов «греков». — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*)

На месте Херсонеса поселения существовали еще в начале I тыс. до н.э.[140] Но утверждают, будто город был основан греками; спорят лишь о том, чьей колонией он являлся... Основываясь на данных источников, что в «основании Херсонеса» уча-

ствовали выходцы из Гераклеи Понтийской и с острова Делоса, некоторые исследователи пришли к выводу, что такая совместная колонизация по политическим соображениям могла иметь место только в 422 г. до н.э. (все остальное время Делос и Гераклея входили во враждебные политические блоки). Но греческая керамика на месте Херсонеса, согласно данным археологии, появилась раньше, еще в VI в. до н.э. Тогда приходится сделать вывод, что этот «ранний» Херсонес не имел с «поздним» Херсонесом ничего общего...[141]

Конечно же, это не так. Сообщение о «колонизации» Херсонеса представителями двух враждебных государств Греции может означать только одно: ни одно из этих государств — ни дорийская Гераклея, ни ионийский Делос — не обладали в Херсонесе *политической властью*, их граждане «колонизировали» город как *частные лица*, поселившись там как простые купцы и ремесленники. Греки не «создали» Херсонес, но «вписались» на определенных условиях в структуры, заложенные местным населением — таврами и скифами (как «вписываются» азербайджанские и армянские «землячества» в Москву и иные русские города. — *Примеч. Ю.Д. Петухова*).

ХЕРСО́НЕС ИЗНАЧАЛЬНО ПРИНАДЛЕЖАЛ ТАВРО-СКИФАМ. Такой вывод подтверждается всеми данными: и преемственностью Херсонеса с местными поселениями эпохи бронзы, и его местным, древнеарийским именем, и общим обликом города и его жителей, большинство которых, как и везде в Причерноморье, были скифами.

О политической и идеологической независимости Херсонеса от эллинского мира свидетельствуют слова присяги, которую приносили граждане этого города. Достаточно прочитать ее, чтобы убедиться: они исповедовали *вовсе не греческую религию*. Клятва херсонесцев включала имена главных богов: Зевс, Гея, Геракл и Дева. Монеты Херсонеса выпускались с изображениями Девы и Геракла. Очевидно, что эти четыре божества и были наиболее почитаемы в городе. Зевс и Гея — боги неба и земли, верховная супружеская пара, правящая миром, почитаемая... не у греков, а у скифов (по свидетельству Геродота). У греков глава Олимпа Зевс вовсе не был тождествен богу неба Урану, супругу Земли-Геи, и вообще культ Урана (высшего бога-творца) отошел на задний план. Культ Геракла в Причерноморье хорошо известен (отмечено у Геродота). Если в Элладе Геракл был героем эпоса, то в Скифии это был один из главных богов,

притом же, как утверждали греки, «прародитель» скифов. Наконец, культ херсонесской Девы сильно отличался от греческих, зато скифские цари клялись «Девой и Зевсом», ставя эту богиню наравне с верховным божеством. Что за люди давали такую присягу? Допустим, греки в Причерноморье могли переодеться в скифский костюм, использовать скифские деньги, подчиняться скифским царям. Но не могли же они отречься от своей религии... Нет, Херсонес, подверженный влиянию Средиземноморья, населяли все же не греки, а тавроскифы, почитатели божественной Девы.

В скифские времена Херсонес был независимым государством, представляя собой своеобразный «буфер» между цивилизациями Моря и Степи*. Однако уже с начала II в. до н.э. влияние античного мира стало перевешивать: Херсонес склонялся к союзу с Понтом, эллинистическим царством севера Малой Азии. Скифские цари Крыма безуспешно пытались установить над ним контроль.

При Митридате Понтийском (около 107 г. до н.э.) Херсонес вошел в его империю, а после ее разгрома подчинился Боспорскому царству. И только в конце I — нач. II в. н.э. Херсонес оказался в прямом подчинении у Рима; начиная с этого времени, цивилизация Средиземноморья не выпускала этот важный пункт из своих рук вплоть до XVIII столетия. Отношения Херсонеса с окружающим «скифским миром» с этого времени стали в основном враждебными (хотя оставалось и поле для культурного контакта).

Неаполь (Новгород) Скифский

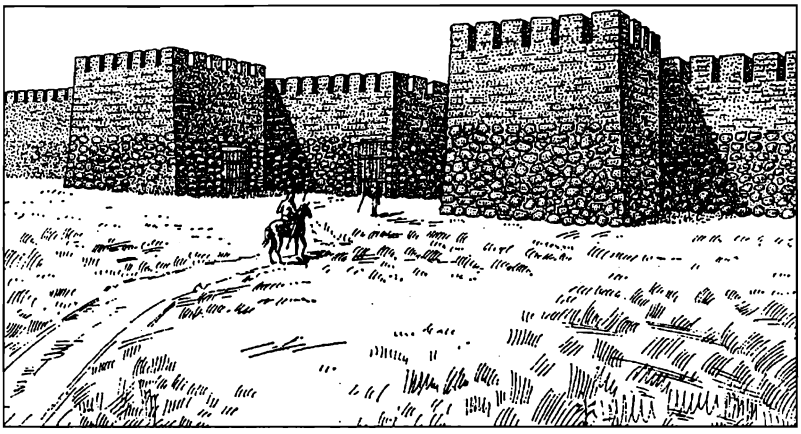
Скифская столица в Крыму располагалась на месте современного Симферополя и именовалась греками Неаполем (перевод с русского «Новгород»). Город получил такое название потому, что представлял собой новую столицу скифского царства: прежняя находилась на Днепре. По своей материальной культуре Неаполь Скифский мало чем отличался от Херсонеса: того же типа городские стены, дома, общественные здания с колоннами, те же статуи «греческих» богов и греческие надписи, что и в других городах... сходные погребения, сходная керамика.

* Автор развивает концепцию А. Дугина о «противостоянии моря и суши». Но для суперэтноса русов этот дуализм вторичен. — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*

Если бы не было достоверно известно, что Неаполь был столицей скифского царства и к грекам ни имел никакого отношения, его тоже вполне могли бы записать в «греческие полисы»!

Подступы к Неаполю со стороны Херсонеса были укреплены при помощи мощной системы крепостей-фортов. Очевидно, скифы опасались морского десанта, и не напрасно. Войны с Понтийским царством на рубеже II и I вв. до н.э. развивались именно по такой схеме: сначала высадка в Херсонесе, потом агрессия против Скифии.

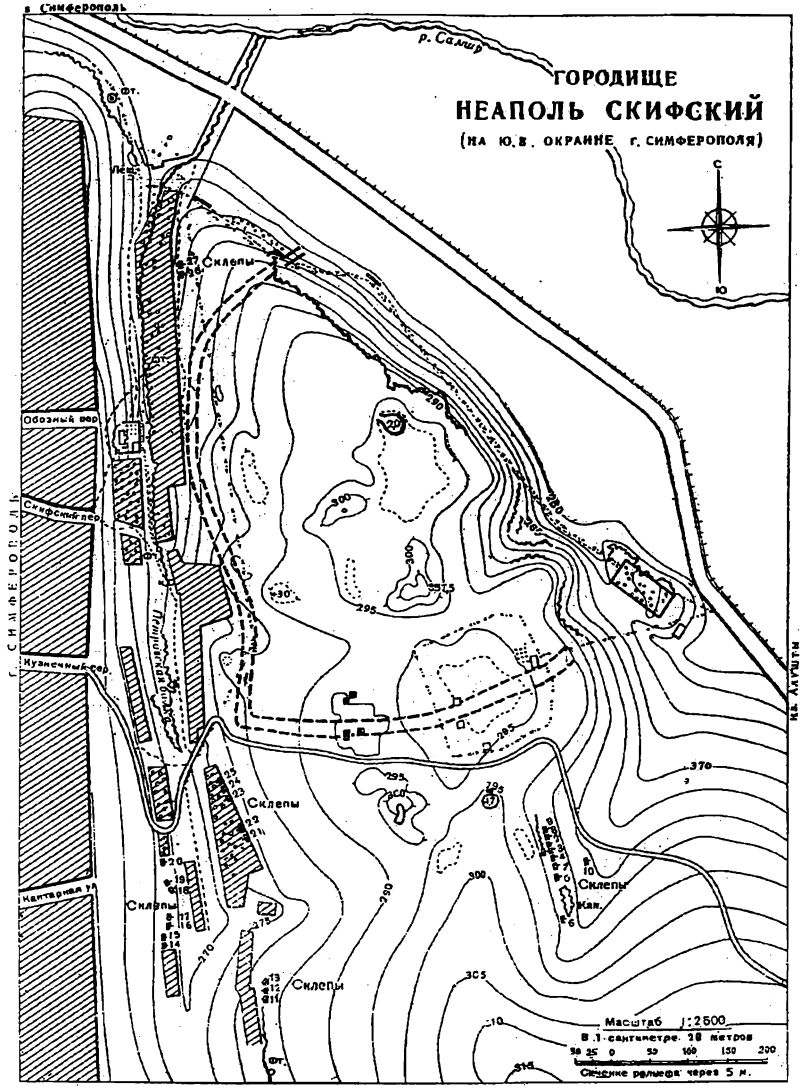
Впечатляют и укрепления самого города: «Неаполь-Скифский был огражден оборонительной стеной в III в. до н.э. Она была сложена из крупных необработанных камней на глиняном растворе. Ширина ее первоначально доходила до 2,5 метра. Позднее стену расширяли и укрепляли пристройкой новых панцирных поясов... Общая ширина стен достигает 8,5 метра, а в некоторых местах доходит до 12,4 метра. ТАКИХ МОЩНЫХ СТЕН НЕ БЫЛО НИ В ОДНОМ ДРЕВНЕМ ГОРОДЕ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ — НИ В ОЛЬВИИ, НИ В ПАНТИКАПЕЕ, НИ В ХЕРСОНЕСЕ»[142]. Неудивительно, ведь Неаполь был столицей, тогда как остальные крымские города — лишь морские порты... Дома в городе были добротные — каменные, с черепичной двускатной крышей. «На коньке крыши вертикально поставлена стрела, по сторонам ее как бы вырезанные из дереве головы двух коней, обращенные мордами в разные стороны»[143]. Как отмечал исследователь Неаполя П.Н. Шульц, архитектура жилых домов удивительно напоминает русские избы — с такими же коньками... Можно сравнить узоры на скифских ларцах из кости и на традиционных русских деревянных изделиях, чтобы убедиться в сходстве их стиля. Рельефные портреты скифских царей напоминают средневековые изображения русских князей, а одно предвосхищает «канонические» изображения св. Георгия. Мавзолей правителей Неаполя, переполненный золотом, был расположен вне городских укреплений, у стен скифской столицы, и стоял первоначально открытым. «Казалось, что даже не защищенный еще стенами, он оберегал город, так же как и жители его были призваны оберегать священный прах своих властителей» (*П. Шульц*). В каменной гробнице мавзолея, самой древней и богатой, был погребен царь Скилур, основатель тавроскифской державы, изображения которого известны по монетам и по каменному рельефу. (Царь, который посоветовал сыновьям сохра-



Неаполь Скифский. Так этот город-крепость называли «греки» — колонисты, проживавшие в скифских городах Причерноморья, как и ныне проживают греки в русских городах Крыма. Новый город. Новгород

нять единство и показал, что бывает в противном случае на примере отдельных прутьев и целого пучка, переломить который не так-то просто.)

На стенах склепов скифского некрополя обнаружены росписи, многие из которых отличались высокохудожественным исполнением. На стене «склепа № 9» изображен «бородатый скиф в высокой шапке, в мягких сапогах. НА НЕМ ШИРОКОПОЛЫЙ КАФТАН С ОТКИДНЫМИ РУКАВАМИ, НАПОМИНАЮЩИЙ ДРЕВНЕРУССКИЕ КАФТАНЫ. Скиф играет на "греческой" лире»... На другой стене «мы видим скифа, выезжающего на охоту. Он сидит на статном тонконогом коне, напоминающем арабского скакуна, в правой руке держит повод, в левой — копье. На голове у него остроконечная шапка. А перед ним две собаки — красная и черная; с яростью и вместе с тем со страхом набрасываются они на дикого ощетинившегося кабана...» (*П. Шульц*). Псовая охота уже и в те времена была привилегией аристократии. Основным же занятием крымских скифов было земледелие (на первом месте!) и скотоводство, особенно коневодство. Зерно в большом количестве шло на экспорт в Грецию и Рим, а из Средиземноморья ввозилось вино и оливковое масло. Кроме традиционной скифской лепной керамики, местные жители изготовляли посуду на гончарном круге. Тав-



План-схема Неаполя (Новгорода) Скифского

роскифы уже в III—II вв. до н.э. имели тот культурный уровень, который, как еще недавно считалось, был достигнут в России только в Средневековье.

В Неаполе Скифском заметны следы пожара, датируемые концом II в. до н.э. Это был единственный случай за всю его 700-летнюю историю, когда враги (Митридат Понтийский) прорвали оборону. Кроме последнего, заключительного удара: в конце IV в. город подвергся внезапному разрушению, причем многие жители были вынуждены бежать, оставив все свои вещи. Это было нашествие гуннов... После этого Неаполь запустел. Но какие-то функции крымской столицы впоследствии были восстановлены. В конце VIII в., по свидетельству греческого источника («Жития св. Стефана Сурожского»), некий *русский князь Бравлин из Новгорода* совершил нападение на восточно-крымский город Сурож. Под влиянием местного «святого» Бравлин принял христианство (православие)* ...

В этом сообщении видели свидетельство влияние северного, «варяжского», Новгорода на юге еще в VIII веке; но археологами установлено, что Новгород на Ильмене был основан только в 860-е гг. (как и сказано в летописях). Естественно видеть в Новгороде из «Жития Стефана» Неаполь Скифский, старую столицу Крыма, тем более хорошо известно: русскими византийцы называли прежде всего тавроскифов, то есть скифов, живущих в Крыму.

Боспорское царство Меотиды

Города в Восточном Крыму образовались еще в VII в. до н.э. (в период пика могущества скифской цивилизации). Около 480 г. до н.э. здесь возникло самостоятельное Боспорское царство, столицей которого стал Пантикапей (совр. Керчь). Само название «Пантикапей» опять-таки не греческое, а местное: сравнивая с индоиранскими языками, его можно перевести как «путь рыбы». (Это сомнительная этимология. Пантикапей — «панти—кап», где «панти» = «пять» (внутри характерное «но-

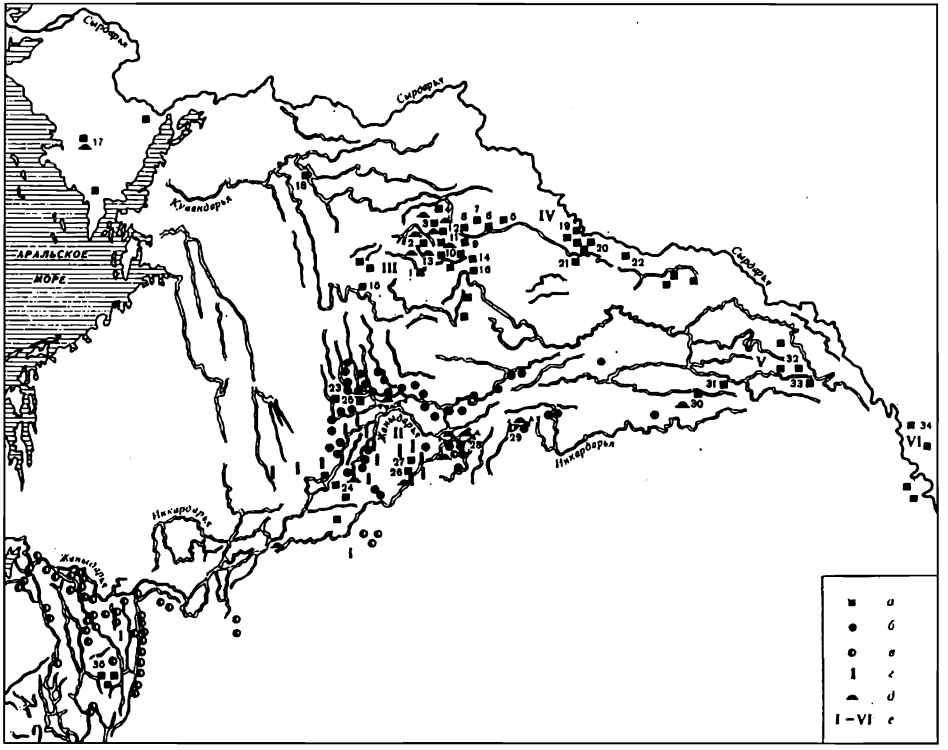
* Не надо забывать, что русы Севера, варяги Северной Руси и Скандинавии — выходцы из Великой Свитьод, Великой Скифии — те же скифы-русы, носители звериного скифского стиля и прочих традиций русов. Новгород на севере, Новгород на юге... на новом месте русы и закладывали «новые города». Сколько «новгородов» было по всей русской ойкумене, можно только гадать. — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*

совое «н», см. санскритскую и ту же новгородскую фонетику), а «кап» = «капище». Пантикапей — город «пяти капищ», «пяти святилищ». — *Примеч. Ю.Д. Петухова*). Пантикапею подчинились Нимфей, Мирмекий, Киммерик, Тиритака и Феодосия на крымской стороне, Фанагория, Гермонасса (совр. Тамань) и Синдская гавань (Горгиппия, совр. Анапа) на таманской. В конце концов Боспор включил в свои владения почти все Приазовье, вплоть до устья Дона, и значительную часть Кубани.

Боспорским царством в 480—438 гг. до н.э. правила династия Археонактидов, о которой практически ничего не известно. В 438 г. до н.э. царем стал Спартак, основавший династию, правившую три с половиной века. На том, что вторая боспорская династия была не греческой, а местной, сходятся все исследователи; более того, они вынуждены признать, что боевую силу боспорской армии составляла *скифская конница*[144]. Но почему-то не решаются прямо сказать: КОМУ ПРИНАДЛЕЖАЛА ПРАВЯЩАЯ ДИНАСТИЯ И ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ, ТОМУ ПРИНАДЛЕЖАЛА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ. БОСПОР НА САМОМ ДЕЛЕ БЫЛ МЕОТО-САРМАТСКИМ ЦАРСТВОМ!

Не желая признавать очевидный факт, некогда запустили «утку», что якобы династия Спартакидов была не местной, а... фракийской — будто из Фракии до Приазовья было рукой подать. На каком основании? Да только на том, что имена некоторых боспорских царей совпадали с именами фракийцев. Между тем известно, что многие народы индоевропейского происхождения имели одинаковые имена — наследие прежнего единства... (и во Фракии, и в Таврии, и в «германиях» с франциями — вспомним Меровингов — и в Скифии правили династии русов, вышедших из одного гнезда, из одного суперэтноса — поэтому и имена они носили схожие, имена русов. Нам давно уже пора перестать удивляться этому факту. — *Примеч. Ю.Д. Петухова).*

Ввиду местного, приазовского, меото-сарматского происхождения династии Спартакидов нет никаких оснований называть Боспорское государство греческим. Само существование на Боспоре сильной, стабильной царской власти, принципиально отличной от античных «парламентских демократий», перемежающихся с непрочными «тираниями», показывает, что Боспор находился в русле иных, чем греческие, традиций. Это было именно полноценное царство, наследственная монархия, а вовсе не тирания.



Памятники восточного Приаралья VII в. до н.э. — V в. н.э.

Боспорское царство находилось под властью местной, национальной династии на протяжении практически всей своей 1000-летней истории. Падение Спартакидов (107 г. до н.э.) произошло в результате агрессии с южного берега Черного моря: Крым был ненадолго захвачен Понтийским царством, располагавшимся на территории современной Турции. Но, после разгрома Митридата Понтийского римлянами, Боспор восстановил независимость и смог ее утвердить, отразив натиск Римской империи. В 47 г. до н.э. представитель местного населения Аспург сверг наследника Митридата с престола и женился на его дочери Динамии; так была основана новая династия Рескупоридов, правившая четыре столетия.

Имя «Аспург» указывает на происхождение нового царя из приазовских меотов-аспургиан. Название этого народа можно расшифровать как «асы» (ясы), живущие в крепостях (пургос — по-гречески башня). Как известно, «асы» — одно из древнейших наименований ариев (оно сохранилось в скандинавских и индийских преданиях об Асгарде — городе асов). В 1 тыс. н.э. и в Средние века имя «асы» носили донские и азовское сарматы. Об этническом облике новой боспорской династии говорит и то, что несколько ее представителей носили имя Савромат. Сарматские всадники составляли основную военную силу Боспора на протяжении всей его истории.

Рескупоридам пришлось столкнуться с Римской империей, объединившей все цивилизации Средиземноморья в один политический организм. Максимального влияния на берегах Понта Рим достиг в правление императоров Траяна и Адриана. Римские гарнизоны стояли в ту пору в Херсонесе и низовьях Днепра. Но напрасно составители исторических карт включают прибрежное Причерноморье в состав Римской империи. Этого не было никогда. Боспорские цари сохраняли формальный титул и реальную политическую власть[145].

На это указывает все: и сохранение стабильной преемственности местной национальной династии Рескупоридов на протяжении столетий, и длительная чеканка собственной монеты, продолжавшаяся до середины IV в. н.э. (ничего подобного в зависимых от Рима царствах не было). Хотя боспорские цари I—II вв. н.э. именовались римлянолюбивыми, это не означало политической зависимости (властители Парфянской империи тоже считались эллинолюбивыми). Зависимый от Рима правитель не смог бы принять титул царь царей, как сделал это Савромат Первый еще в конце I в. н.э.

Боспор не только не входил в римские владения, но был объектом постоянной агрессии со стороны Рима, пытавшегося всячески вмешаться в его внутренние дела. Крайними владениями римлян во II в. н.э. на востоке Черного моря были Херсонес и Диоскуриада (совр. Сухуми). Флавий Арриан, посетивший Диоскуриаду в 134 г., составил краткое описание пути на Боспор для императора Адриана («Перипл Понта Эвксинского»). По сути дела, «перипл» представлял собой разведданные, описание путей, пригодных для военных экспедиций[146]. О подвластных землях, «провинциях» империи, в подобном тоне не пишут. Боспорское царство так и не подчинилось Римской империи — оно продолжало выполнять роль «заслона», перекрывающего римлянам путь во Внутреннюю Евразию.

История Боспора была долгой, а политическая власть удивительно преемственной (за 800 лет там сменилось только две династии). В 370-е гг. н.э. боспорские города подверглись разгрому гуннами... На примере азово-черноморских городов Боспорского царства особенно ясно видна удивительная, многотысячелетняя преемственность культуры Южной России. Возникшие еще в эпоху бронзы, наиболее значительные из них существуют и по сей день.

После кратковременного упадка «великого переселения народов» **Боспорское царство было восстановлено как Тмутараканское княжество в рамках государственности варяжской Руси;** новый подъем испытали и его города. Так, древний Пантикапей, заселенный уже в бронзовом веке, достигший вершины могущества в V в. до н.э. — IV в. н.э. как столица Боспора, после кратковременного упадка возродился в составе Хазарии (VII—VIII вв.), стал известен с конца VIII в. под именем Корчев и вошел в состав русского Тмутараканского княжества (X—XII вв.).

Столицей этого княжества стал другой древний город Боспора, Гермонасса, получивший имя Тмутаракань. Другой важнейший город Боспора Киммерийского, Феодосия, был заселен еще в неолите (!), в бронзовом и железном веках. В V—VI вв., оправившаяся после гуннского погрома Феодосия представляла собой *поселение аланов*[147]; с конца VI в. перешла к Хазарии, с X в. известна под именем Кафы, в XI в. вошла в состав Тмутараканского княжества.

Город Судак, заселенный еще в эпоху бронзы и в раннем железном веке, существовал и в античный период, с IV в. до н.э. (об этом предпочитают не упоминать: ведь ни один греческий

полис не «взял на себя ответственность» за его основание!). Согласно источникам, в 212 г. н.э. алано-сарматы построили здесь крепость под названием Сугдея... В русских летописях город известен под именем Сурож, скорее всего это его изначальное имя: от древнего арийского солнечного бога Сурьи. Еще один Солнечный город. По имени этого города и Азовское море называлось Сурожским...

Настоящий упадок азово-черноморские города испытали в XIII—XVII вв. После татаро-монгольского нашествия Крым действительно был «колонизирован» предприимчивыми средиземноморцами. С согласия татар, Феодосия с 1270-х гг., а Керчь с 1318 г. перешли под власть генуэзцев, превративших их в крупнейшие центры работорговли. Прибыль с «живого товара», славянских рабов (которых называли: esclavo, slaves), шла немалая, Европа в «симбиозе» с татарами занималась «первоначальным накоплением капитала»...

Так продолжалось, пока не был раздавлен последний змееныш из логова Змея Горыныча, крымско-татарское ханство (конец XVIII в.) и *солнечные города* Крыма и Приазовья не были возвращены России.

Танаис на Русской реке

Свое название город получил по имени великой реки Дон (Танаис), в устье которой он и расположился. Дон и Тана/Танаис — это формы одного слова, которое, если судить по иранскому и древнеиндийскому языкам, некогда у ариев означало «река». Другое древнее название Дона — Сину (в Средние века переиначенное как Синяя вода) также имеет аналоги в санскрите: Синд, Синдху — тоже значит «река». Слово «дон» входит в название и других рек Восточной Европы (Днепр — Данапр, Дунай), но только Дон именовался просто «Рекой». В раннем Средневековье — Русской Рекой (то же название иногда относили и к Волге).

Танаис, наверное, один из самых загадочных городов Приазовья-Причерноморья. Неизвестно, кто основал его. Молва приписывает это деяние боспорцам, но... выясняется, что город, существовавший с III в. до н.э., первоначально не был подчинен Пантикапею. Он вошел в Боспорское царство только после войны на рубеже н.э., когда был подвергнут разорению войсками царя Полемона (ставленника Рима, вскоре свергнутого своими гражданами).

Если сохранить в силе тезис «Танаис — это *эллинистический* город», то из этого следует странный вывод: ранний Танаис был «независимый *греческий* политический организм, *противостоящий* окружающим *варварским* племенам»[148]. Но долго ли смог бы такой «независимый организм», оторванный от базы, «противостоять» — или тут же был бы сметен сильным сарматским государством?

Разберемся, можно ли вообще применять к Танаису такие смелые термины, как «греческий» или «эллинистический» город.

По своему внешнему виду, типу застройки Танаис мало отличается от других городов побережья Черного и Азовского морей античной эпохи. Но это ни о чем не говорит: ведь так же выглядит и Неаполь, столица крымских скифов. Что же особого, характерного дали раскопки Танаиса? Прежде всего, это керамика. Обнаружены многочисленные амфоры греческого типа — как привозные из Боспора, так и местные. Но бытовая посуда горожан, найденная в большом количестве, была иной, представляя собой керамику ручной работы. Эта лепная керамика (полусферической формы типа горшка и обычного кувшина с суживающимся горлом) имела местное происхождение. Такая же керамика была распространена в Боспорском царстве (в Пантикапее, Фанагории, Тиритаке, Мирмекии)[149].

Эта же боспорская лепная керамика находит аналогии и на Северном Кавказе, в Прикубанье, Нижнем Поволжье. То же относится и к «сероглиняной лощеной» керамике позднего Танаиса: она распространена и в Подонье, и в Прикубанье, и в Поволжье, и в Поднепровье, в Северо-Западном Крыму и в Ольвии (по Д.Б. Шелову). Лепная керамика принадлежала местному, «варварскому» населению. Ясно и другое: она была распространена в «местах обитания сарматов». В любом другом случае был бы сделан вывод: ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА ТАНАИСА И ДРУГИХ АЗОВО-ЧЕРНОМОРСКИХ ГОРОДОВ ПРИНАДЛЕЖАЛА САРМАТАМ. Но только не в этом: «Делать какие-либо выводы о связи лепной керамики с определенной этнической группой населения в настоящее время *преждевременно*... Отметим, что наиболее распространенные типы танаисских сосудов находят аналогии на очень большой территории и поэтому не могут быть связаны с какой-либо определенной этнической группой»[150].

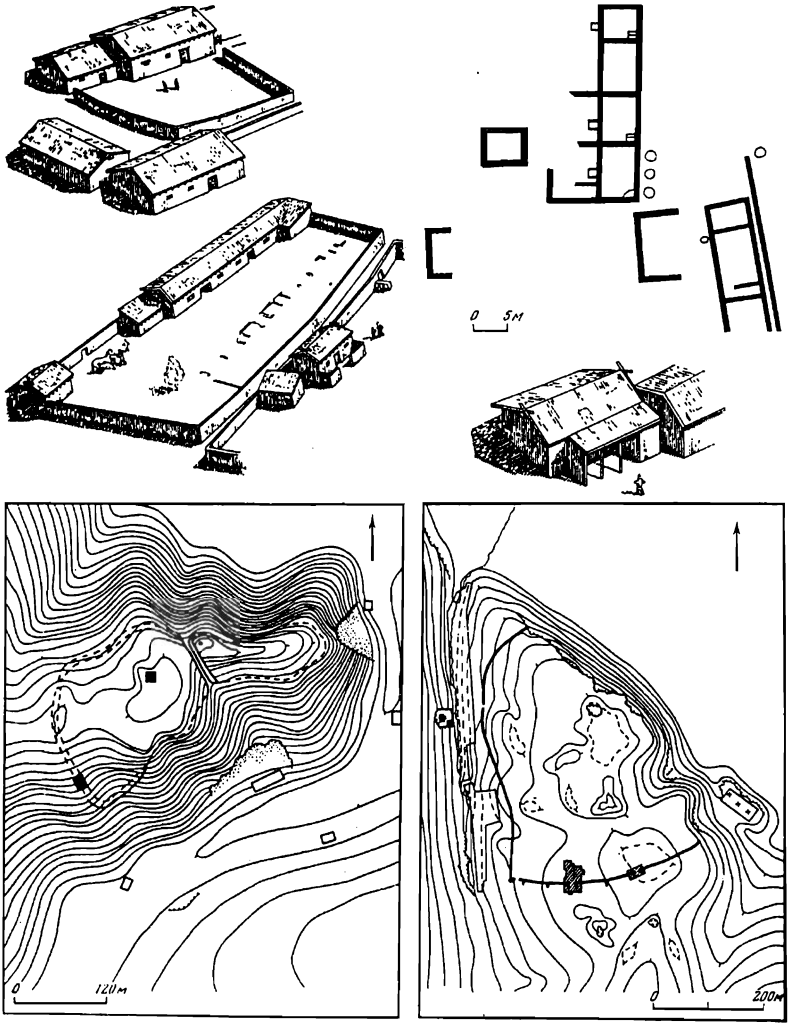
Еще бы! Если бы в этом случае применили «керамический критерий», на который так любят ссылаться археологи (быто-

вая посуда служит ярким идентификатором этнической принадлежности), то оказалось бы, что все якобы «греческие» северопонтийские города были на самом деле сплошь заселены... сарматами! Оказывается, что *очень уж большую* территорию покрывает сарматская лепная керамика (ну что поделать: Россия так велика). Слишком много городов попадается на этой территории. И слишком сильно напоминает сарматская лепная керамика II—III вв. н.э. славянскую, такую, какой она известна в раннем Средневековье.

Небезынтересно узнать, что за люди жили в Танаисе и почему они лепили «сарматскую» керамику. Жители Танаиса делились на две группы, называясь «эллинами» и «танаитами», причем каждая из них управлялась собственными *архонтами*. Но установлено, что различия между этими двумя группами *не носили этнического характера*. По-видимому, и те и другие горожане были сарматами, поскольку даже «сами архонты эллинов носили иногда негреческие имена и, вероятно, происходили из среды эллинизированной туземной знати»[151]. Скорее всего, эллинами назывались граждане Танаиса, включавшие себя в поле греческой культуры — в отличие от своих собратьев, оставшихся верными древним устоям.

Знаменитая плита Трифона, найденная в Танаисе, может дать представление о том, кем были «архонты эллинов» в действительности. Судя по греческой надписи, на плите изображен некий «Трифон, сын Андромена». Но «*несмотря на греческое имя, это, несомненно, сармат*... Одетый в пластинчатый панцирь, со шлемом на голове, Трифон сидит на коне вполоборота, держа наготове двумя руками длинное и тяжелое копье... Можно думать, что плита эта была вделана в кладку самой башни или примыкающей к ней оборонительной стены и что Трифон принимал участие в строительстве этих крепостных сооружений»[152].

Добавим, что имена типа Трифон или Андромен вряд ли можно считать заимствованными у греков. Хорошо известно, что имена такого типа (тот же «Трифон», имена на «андр» — Андрей, Александр) издавна были популярны на Руси. Если напомнить, что дорийская элита античной Греции имела северное, дунайско-причерноморское происхождение, то возникает большой вопрос: а не был ли характерный для нее «именной набор» первоначально занесен в Грецию с берегов Дона? Не относились ли греческие и меото-сарматские приазовские имена к



Позднескифские городища и жилые комплексы

одной и той же традиции? (Верное замечание. Большая часть «греческих», «еврейских», «римских» имен фактически занесены в перечисленные вторичные псевдоэтнообразования русами — так, Иван отнюдь не из «иоханаана» — то и другое из местоимения «он, ен», давшего первоначальную форму «ян» — «йан, иан, иоанн» и т.д.; так же и Анна, Яна — исходит из местоимения «она» — диалектного «ена, яна». Исходные имена русов, привнесенные в вычленявшиеся и периферийные этносы, позже, в Средневековье, вернулись к нам в искаженной форме — такой, что мы зачастую и не узнаем их. И это немудрено, мало кто и сейчас сможет узнать в энглизированном «Айвенго» русское Иванко, а в арабском «Гарун ар-Рашид» — Ярун из Руси или, точнее, Ярун Русид — Ярун сын Руса, хотя всем известно, что «Раша» и «Рош» есть Россия, Русь, а, скажем, Зевс Кронид — это Зевс сын Крона. Замороченные русофобствующими политтехнологами и шарлатанами от исторической науки, мы порой не видим явного. — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*)

Можно проверить, были ли в Танаисе настоящие эллины или нет. Ответ на этот вопрос дают антропологические исследования[153]. Они выявили в городе два типа населения: 1) «длинноголовый европеоидный с узким и невысоким лицом» и 2) «короткоголовый европеоидный с несколько уплощенным лицом». Второй тип, как установлено, чисто сарматский (похожий на сибирский). Может быть, первый — греческий? Но при сравнении его с древнегреческим «отчетливо прослеживается разница». Зато большое сходство первый тип жителей Танаиса обнаруживает с коренным населением Приазовья — с синдами и меотами. На местное происхождение указывает и обряд погребения людей первого типа — скорченные захоронения, обряд, сложившийся в Южной России еще в каменном веке. Разумеется, таким способом были погребены не греки, а коренные жители Нижнего Подонья.

Исследования некрополя Танаиса вообще не обнаружили обычных для греческих погребений плит с изображениями умершего и надписями. Все особенности — долбленые гробы-колоды, курганные насыпи — имеют местное, меото-сарматское происхождение[154]. (Эти же особенности погребений были характерны и для славян раннего Средневековья...) Не следует относить к влиянию греков и обряд кремации, иногда встречавшийся в Танаисе в первые века его существования. Среди коренных жителей Восточного Приазовья и Причерноморья мео-

тов (в отличие от чисто степных сарматов) этот обряд поддерживался с древнейших времен до раннего Средневековья, о чем свидетельствуют еще источники X в.

Древняя одежда танаитов не сохранилась, но зато остались ее металлические детали — застежки (так называемые фибулы). Эти фибулы уже давно служат археологам в качестве «следа», безошибочно указывающего путь перемещения народов. Ранний, еще II—I вв. до н.э., тип танаисских фибул — это так называемые пружинные броши. Их археологи находят в городах «с сильно варваризованным населением (Неаполь, Танаис) или на варварской периферии античных центров (Кубань, Приазовье)». Греческие фибулы в Северном Причерноморье «очень плохо известны по археологическим материалам»![155] Если убрать никому не нужные и совершенно не научные выражения типа «варвары» и «варварская периферия», то эта фраза означает: ДРЕВНЕЙШЕЕ НАСЕЛЕНИЕ ТАНАИСА СОСТАВЛЯЛИ СКИФЫ И САРМАТЫ — ТЕ ЖЕ САМЫЕ, ЧТО ЖИЛИ В КРЫМУ, В ПРИАЗОВЬЕ, НА КУБАНИ.

Вывод прост. В ТАНАИСЕ ГРЕКОВ НЕ БЫЛО ВООБЩЕ. Почти не было даже купцов на постоянном жительстве. Есть все основания полагать, что ТАНАИС БЫЛ ОСНОВАН САРМАТАМИ И ПЕРВОЕ ВРЕМЯ ПРЯМО ВХОДИЛ В САРМАТСКОЕ ГОСУДАРСТВО. Поэтому источники и не упоминают до I в. н.э. о его подчинении Боспору.

Находки кремниевых орудий «свидетельствуют о возникновении поселения на месте Танаиса задолго до образования здесь города». Клиновидный каменный топорик датируется рубежом III и II тыс. до н.э. «Эта находка свидетельствует о НАЛИЧИИ ЖИЗНИ НА МЕСТЕ ТАНАИСА ВО ВСЯКОМ СЛУЧАЕ С НАЧАЛА ЭПОХИ БРОНЗЫ»[156].

Выходит, что Танаис возник не в сарматскую эпоху, но имел более древнюю традицию. Он не был «основан», а развился в город в силу естественных причин из древнего поселения. Настолько древнего, что корни его восходят к «протоарийской» эпохе.

Танаис удивителен не только своей глубокой древностью, но и дальними связями. В городе обнаружены стеклянные сосуды хорошего качества. Изготовлялись они тут же, на месте, но имели ярко выраженный и хорошо известный в эпоху поздней античности (III—IV вв.) «кельнский тип». Основные центры изготовления стекла такого типа находились в долине Рейна;

оттуда шел экспорт по Римской империи, Центральной и Северной Европе.

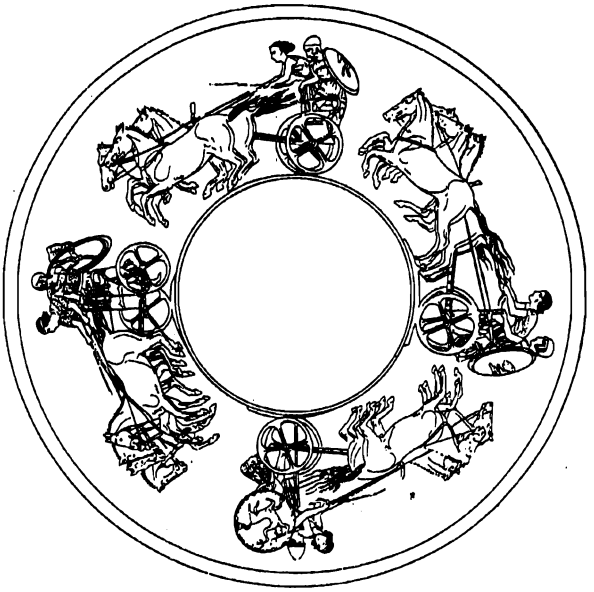
В районе Бахчисарая была обнаружена мастерская, изготовлявшая «кельнское стекло». Налицо местное производство по иностранным образцам; «не исключено, что в Танаисе работали приезжие стеклодувы»[157]. Очевидно, связи с Германией были прямые.

На Германию как на источник культурных «новшеств» на Нижнем Дону и в Причерноморье-Приазовье III—IV вв. указывают и фибулы. В I—III вв. н.э. танаисские фибулы напоминали те формы, характерные для Северного Причерноморья вообще и для Боспорского царства в частности (именно в это время Танаис вошел в состав Боспора). А в III в. н.э. произошла смена типа фибул: аналоги их находятся в юго-восточной Прибалтике, нижневисленской культуре, в Словакии, Моравии, на Эльбе. То же наблюдалось во всей северопонтийской зоне — судя по находкам в Крыму, фибулы среднеевропейских форм изготавливались на месте, а не ввозились.

«Кельнское» стекло и балтийско-германские фибулы появились в Танаисе в первой половине III в. н.э., когда в Причерноморье возникла империя готов. Это государство, основанное династией из Скандинавии, было образовано силами среднеевропейских вендов. Археология подтверждает это: и стекло, и фибулы указывают на Германию, а не Скандинавию как источник культурного влияния **(вендская Германия еще в начале н.э. не была германоязычной)**.

Из источников известно, что к Танаису продвинулся союз *герулов*, которых средневековые источники отождествляли с *гаволянами*, одним из славяно-вендских народов Северной Германии[158]. Поскольку танаисские фибулы довольно сильно отличались от причерноморских, собственно «готских», ясно, что они были именно «герульскими»[159].

С другой стороны, в Танаисе III—IV вв. обнаруживаются и фибулы восточно-сарматского типа. В эту эпоху город находился на границе двух крупных государственных образований — готской империи Причерноморья, образованной «германскими» вендами, и волго-донского царства, основанного аланами-сарматами. Соседство империи готов стало для Танаиса роковым. Около 250 г. н.э. город был разрушен, очевидно, в ходе гото-аланских войн. После погрома город восстановлен в 330-е и окончательно погиб в конце IV в. в результате нашествия гун-



Городские скачки воинов на колесницах. Серебряное блюдо из скифского кургана. В Таврии было особенно заметно влияние так называемой «греческой» диаспоры. Среди скифов, подобно Скилу, находилось множество приверженцев «греческой» моды. Они заказывали у ремесленников «греческой» диаспоры утварь. Но делать из этого вывод, что причерноморские города были «греческими колониями», нелепо. К примеру скажем, что если археологи далекого будущего найдут на месте Москвы артефакты с клеймами «made in China», это не значит, что Москва была китайской колонией

нов. О падении Танаиса упоминает ряд источников. В некоторых из них он выступает под другим именем. Византийские, арабские и персидские авторы свидетельствуют о городе «РОСИЯ», который стоял в устье Дона и был разрушен готами и гуннами[160]. Видимо, это и был город Танаис, который носил второе название, такое же как и Танаис, Дон — Русская река.

Дербент: Каспийские ворота на замке

О том, что скифы и сарматы имели города в Северном Причерноморье и Приазовье, известно давно. Правда, количество этих городов недобросовестные историки всячески старались приуменьшить, записывая большинство их в греческие поли-

сы. Археологические исследования последних десятилетий показывают, однако, что в раннем железном веке города возникали не только в Причерноморье, но и других областях Великой Скифии.

Одной из зон ранней урбанизации оказался Северный Кавказ. В период своего расцвета скифское, а затем сарматское государства контролировали всю степную зону к северу от Кавказского хребта, вплоть до предгорий. Высокие горные вершины служили южной границей Великой Скифии. И здесь, на границе, уже в начале I тыс. до н.э. возникли мощные скифские крепости.

Одна из них, пожалуй, самая известная, была расположена в месте, предназначенном самой природой для возведения оборонительных сооружений, там, где Каспийское море подходит к горам почти вплотную. Эта крепость, замыкавшая единственную на Восточном Кавказе удобную дорогу на юг, называлась в древности Каспийскими воротами; на ее месте теперь стоит город Дербент.

О том, что Дербент был построен очень давно, упоминали различные источники. Одни считали, что он основан знаменитым персидским царем Хосровом Ануширваном (531—579 гг. н.э.); другие — Александром Македонским (330-е гг. до н.э.), третьи вообще приписывали основание города легендарным персидским шахам (Лехраспу или Афридону), правившим в начале I тыс. до н.э. И, похоже, древние предания не преувеличивали возраст города: первое упоминание Каспийских ворот есть уже у Гекатея Милетского (VI в. до н.э.) и у Хареса Мителенского (автора IV в. до н.э., в рассказе о событиях VIII—VII вв. до н.э.). Наконец, в персидской хронике «Дербенд-наме» называется даже точная дата: 733 г. до н.э.[161]

Археологические раскопки в Дербенте подтвердили эту дату. Город был еще старше: древнейшее поселение на его месте возникло в раннем бронзовом веке, в конце IV — нач. III тыс. до н.э. Уже тогда его жители использовали природные условия для создания военных укреплений. Однако крепость в современном смысле слова (со стенами впечатляющей семиметровой толщины) появилась на вершине холма в конце VIII в. до н.э., что совпадает с датировкой 733 г. до н.э.: «В это время здесь был основан *мощный укрепленный пункт*, который существовал и развивался, господствуя над проходом, вплоть до сасанидского проникновения [тысячу лет спустя] и возведения иранцами тут

нового типа оборонительных сооружений, частично воспринявших планировку древних укреплений Дербента. Этот мощный опорный пункт возник на базе поселения предскифского времени, сменившего здесь в IX—VIII вв. до н.э. более древнее поселение бронзового века» (Кудрявцев, с. 30—36).

Персидские хроники правильно назвали возраст Дербента, но «неточно» приписали основание крепости своим правителям. Раскопки показали, что иранцы к возведению древних Каспийских ворот не имели отношения. Дербентская крепость существовала тысячу лет без них, пока в IV в. н.э. ее не захватили сасанидские шахи. Хорошо известно, что конец VIII в. до н.э. — это время скифских войн, вторжений из южнорусских степей в Переднюю Азию. Нет сомнений, что возведение Каспийских ворот было связано с этими событиями. В слоях VIII в. на дербентском холме обнаруживаются следы пожара, находки изящных скифских наконечников стрел и неуклюжих массивных закавказских. «Подобные наконечники стрел были найдены у стен Ашшура и Вавилона, в слоях древних городов Урарту Тейшебаини и Аргиштихинили, павших в разгар активности скифов в Передней Азии в VII — нач. VI в. до н.э., и во многих других городах Древнего Востока...» (Кудрявцев, с. 40—42).

Но кто же воевал у стен Дербента? Кто и от кого построил крепость? Может быть, все же иранцы (мидийцы) — от скифов, защищаясь от «агрессии варваров»? Но в Дербенте не найдено никаких следов иранской культуры: вся керамика VIII—VII вв. до н.э. или местная, чисто кавказская, или... *скифская* (Кудрявцев, с. 37). Это значит, что в Дербентской крепости жили скифы, а наконечники скифских стрел принадлежали не нападавшим, но защитникам.

Анализ политической ситуации конца VIII в. до н.э. позволяет сделать тот же вывод, что и данные археологии: Каспийские ворота были построены скифами. Геродот писал, что скифы вторгались в Азию «по верхней дороге, имея по правую руку Кавказские горы», то есть именно через Дербентский проход. Первые сведения о вторжении скифов относятся к 722—715 гг. до н.э. (клинописные таблички с сообщениями ассирийских шпионов о поражении, понесенном урартами от северного народа «гимирри»). Значит, вторжения начались *сразу же* после основания крепости (733 г. до н.э.). Разве могла крепость быть основана *против* скифов, если она изначально использовалась как база для скифской экспансии на юг?

Печально, что этим простым вопросом не пожелали задаться исследователи дербентской крепости. Не обнаружив в ней ничего иранского, они постарались приписать ее основание местным жителям Кавказа, чтобы оставить в силе прежний тезис: скифы не могли строить городов... Но следует напомнить, что ранний железный век в Передней Азии — это время противоборства великих держав: Скифия вела войны с могущественными империями Ближнего Востока. Предположить, что такой важный стратегический пункт, как Каспийские ворота, принадлежал не одной из великих держав, а малому народу, совершенно невозможно.

Находки вещей местного, кавказского, и северного, скифского, происхождения в нижних слоях Дербентской крепости показывают, что ее население в древности мало отличалось от современного населения северокавказских городов (тогда: кавказские народы + скифы, сейчас: кавказские народы + русские, при тождестве скифы = русские). Очевидно, что крепость между Кавказским хребтом и Каспием была построена скифами при поддержке местных жителей *для обороны от экспансии с юга*. Именно экспансии, потому что рабовладельческие империи Ближнего Востока были вовсе не так «безобидны» и «беззащитны», как их представляют. Следы пожара в дербентских слоях конца VIII столетия до н.э. — свидетельство агрессии южных держав против Скифии, попытка уничтожить пограничные укрепления. Но попытка эта не удалась...

Первоначальная агрессия исходила именно с юга на север. Да это и не удивительно, если припомнить «подвиги» разнообразных Тиглатпаласаров и Ашшурбанипалов. ПОХОДЫ СКИФОВ ЧЕРЕЗ КАСПИЙСКИЕ ВОРОТА НА ЮГ БЫЛИ ТОЛЬКО ОТВЕТНЫМ УДАРОМ, ПОЛОЖИВШИМ КОНЕЦ УРАРТО-АССИРИЙСКОЙ АГРЕССИИ.

Дербентская крепость служила скифской пограничной заставой, запирая Каспийские ворота на замок. Когда скифское политическое влияние в Предкавказье сменилось сарматским (видимо, это произошло уже в VI в. до н.э.), положение Дербента не изменилось. Южные великие державы напрасно точили зубы: Каспийские ворота открывались только для того, чтобы выпустить хорошо вооруженный «ограниченный контингент» сарматских войск.

Все данные говорят о том, что Дербентский проход никогда не принадлежал ни Риму, ни Парфянской (иранской) империи.

Богиня. Прорисовка изображения на бронзовой пластине из Олимпии. Интересно, что архаические произведения Древней Греции значительно ближе к скифскому искусству, чем к творениям понтийских и эллинистических «греков»-колонистов. Почему? Загадки здесь нет. Искусство скифов и архаичных «греков» это традиция (суперэтноса русов). Изображения поздних «греков» — художественно-ремесленническое развитие традиции, своеобразный античный «гламур»

Только Нерон предпринял было поход к Каспийским воротам, но был вынужден вернуться из-за восстания в Галлии. Между 72 и 74 гг. н.э. в Закавказье и на территорию Мидии через Дербент вторглись сарматы-аланы. Парфянский царь Вологез обратился за помощью к своим врагам — римлянам, но в помощи ему было отказано... Возможно, что этот поход был ответом алан на Неронову попытку.

Согласно Диону Кассию, в 134—135 гг. аланы опять предприняли поход через Дербент. Ограниченные вооруженные контингенты скифов, согласно Иосифу Флавию и Тациту, участвовали в войнах римлян и их союзников армян с Ираном. Судя по сообщениям Тацита, аланы-сарматы во всех своих походах на юг использовали Дербентский проход. Значит, что крепость принадлежала им.

Однако среди историков бытует мнение, что в античные времена Дербентская крепость принадлежала маленькому государству, так называемой Кавказской Албании, находившемуся на территории современного Азербайджана... Но Дербент в состав Албании не входил: ни один источник этого не подтверждает. Вообще удивительно, как сама Албания, это мини-государство, сохраняло относительную независимость, не подчиняясь ни Риму, ни Парфии, ожесточенно боровшимся за власть над Передней Азией на рубеже новой эры. Может быть, потому, что она находилась в сфере политического влияния третьей силы — Великой Скифии?..

Согласно «Истории Армении» Фавста Бузанда (IV в. н.э.), область Дербента была подвластна царю родственных аланам маскутов Санесану, который назван «аршакидским царем маскутов... ибо и их цари и армянские цари были одного происхождения и рода»[162]. Поскольку еще в середине IV в. н.э. общая ситуация в регионе оставалась такой же, как несколько столетий назад, можно считать сообщение Фавста Бузанда свидетельством принадлежности Дербентской крепости аланам. Имя аланского властителя Дербента — Санесан — встречается в русских летописях. Похожие имена (Великосан, Сан и Авелгасан) упоминаются в рассказе о договоре «храбросердого народа словенского, славнейшего и знатнейшего колена русского» с державой Александра Македонского[163]. Очевидно, имена на «Сан» были популярны у сарматов, и не удивительно, что в России до сих пор пользуется таким почетом имя «Александр».

Не вызывает удивления и тот факт, что Фавст Бузанд называет аланского князя Санесана представителем той же династии Аршакидов, что армянские и парфянские правители. Не следует думать, что это армянские правители «внедрились» на Северный Кавказ. Все наоборот: Аршак, основатель династии, правившей в античные времена в Иране и Армении, был родом из донских сарматов...

Каспийские ворота контролировало государство волго-донских аланов. Керамика Дербента античной эпохи представляет ту же смесь сарматских горшков, мисок и кувшинов с кавказскими формами, что и в прежние времена. Керамика Дербента первых веков нашей эры удивительно похожа на современную ей керамику Танаиса...

В начале новой эры положение Великой Сарматии пошатнулось. На рубеже н.э. Дербент пережил краткое запустение

(точно в то же время, что и Танаис). Новый кратковременный расцвет наступил в I—III вв. н.э.; в этот период Дербент из крепости превратился в крупный город. Тогда же усилилась и Кавказская Албания, известная в античном мире успехами земледелия, основанного на искусственном орошении (влияние Сарматии в Закавказье принесло процветание этому региону).

Крах наступил в середине III в. н.э. На дербентском холме этим временем датируется сплошной слой угля и золы... (тогда же был разрушен и Танаис). Из источников известно, что Дербентскую крепость взяли войска шаха Шапура Первого (250-е гг.), но персам тогда закрепиться на севере не удалось. В начале IV в. сарматский Дербент пережил еще одно возрождение, пока в конце этого же столетия гунны не нанесли ему последний удар (такой же была и судьба Танаиса). Тогда же погибла и Кавказская Албания, а другие государства Закавказья надолго лишились независимости и пережили немало бед (ясно, что в античные времена они держались в основном за счет помощи с севера).

Некоторое время Дербент принадлежал гуннам, которые пытались, опираясь на эту крепость, вторгаться в Закавказье и Иран (395 г. н.э.). Но победу на этот раз одержали южане: власть над проходом уже в начале V в. перешла к иранским шахам, перестроившим укрепления по своему вкусу (стены Хосрова Ануширвана, отчасти сохранившиеся по сей день). Северо-Восточный Кавказ вышел из-под контроля Сарматии почти на полтора тысячелетия... Потом Дербент достался арабам, потом... Русские вернулись в город, построенный скифами, только в XVIII столетии. Петр Первый прибыл в Дербент 23 августа 1722 г., и горожане преподнесли ему ключи от города и историческую хронику «Дербент-намэ»...

Хорезм: Солнечный город в Азии

Великая Скифия почитала солнечного бога Хорса; неудивительно, что города, названные в его честь, были разбросаны по всей ее огромной территории. Херсонес в Крыму и Хорезм на Амударье — оба «города Солнца» были посвящены одному богу.

Высокий уровень культуры древнего Хорезма, «оазиса» в среднеазиатских пустынях, был хорошо известен еще в Средневековье. Но восходила эта культура к древним, доисламским временам. Правда, из письменных источников об этих временах было

мало что известно. Еще бы! После того как араб Кутейба взял Хорезм в 712 г. н.э., никаких «источников» не осталось. Как писал великий хорезмиец Ал-Бируни, «и всеми способами рассеял и уничтожил Кутейба всех, кто знал письменность хорезмийцев, кто хранил их предания, всех ученых, что были среди них, так что покрылось все это мраком и нет истинных знаний о том, что было известно из их истории во время пришествия к ним ислама...»[164]

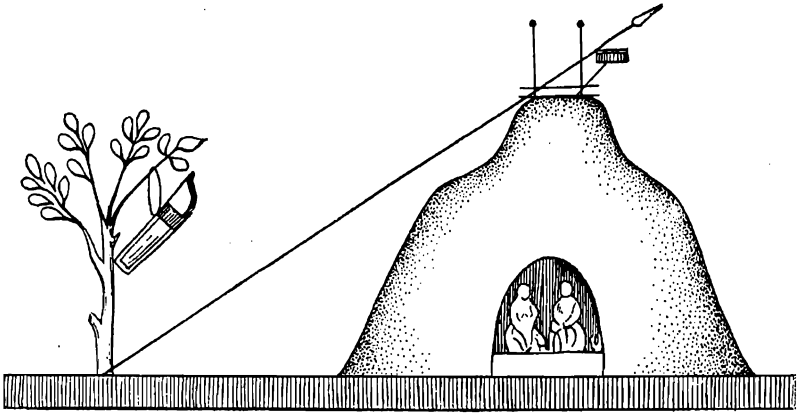
Археологические раскопки позволили заглянуть в прошлое Хорезма. Город возник на рубеже V—IV вв. до н.э., почти одновременно с северопонтийскими «полисами»; его основанию предшествовала миграция в среднеазиатские оазисы населения арало-каспийских степей (скифов-массагетов). Изначально Хорезм был центром самостоятельного государства, которое не подчинилось ни одной из мощных империй, время от времени накатывавшихся на Среднюю Азию с юга. Ни персидские Ахемениды, ни Александр Македонский так и не овладели Хорезмом. Противостоять натиску Хорезм мог, только опираясь на среднеазиатских скифов-массагетов (или саков, как называли их персы). Город представлял собой пограничную крепость скифского мира, защищая его от экспансии.

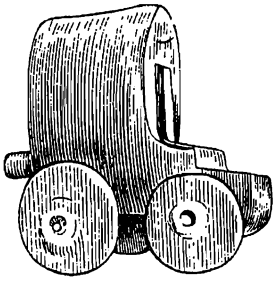
Во II в. до н.э. ситуация переменилась в пользу Скифии. Из среды скифов-саков вышли парфяне, установившие контроль над Ираном, а из среды восточно-туркестанских скифов — кушаны, завоевавшие большую часть Средней Азии и Северной Индии.

В сферу влияния Кушанской империи вошел и Хорезм.

После распада этого государства (в III в. н.э.) Хорезм стал самостоятельным центром и начал чеканить свою монету; к этому времени относятся его наиболее яркие памятники. Вот как выглядит резиденция царей Хорезма, замок Топрак-Кала: «Грандиозный замок-дворец подавляет своим суровым величием. Карликами перед ним кажутся огромные большесемейные жилые дома города. Центральный массив замка поднимается на 16 метров над уровнем моря, а три башни, каждая 40 × 40 метров площадью, вздымают свои плоские вершины на 25 метров»[165]. Общая площадь комплекса достигает 11 тыс. кв. м. В замке обнаружены алебастровые статуи, монументальная скульптура, настенная живопись высокого качества — в общем, все то, что было характерно для развитых цивилизаций юга.

Стиль топрак-калинской живописи замечателен: есть нечто общее с кушано-гандхарскими образами (впитавшими тради-





Наверху архаический «круглый дом» ранних скифов (по фреске из Керчи). В степной зоне, где не было леса, скифы делали круглые дома-мазанки, знакомые русам-индоевропейцам ещё с 15 тыс. до н.э. Слева — детская игрушка из глины. Так выглядели повозки, в которых скифы перекочевывали с одного «стана» на другой

ции Северной Индии), но есть и нечто... египетское, и... северочерноморское, напоминающее *сарматские росписи керченских катакомб*. Подобная яркая живопись обнаружена и в других среднеазиатских центрах, например, в храмах древнего Пянджикента (Согдиана).

Утверждали (да и сейчас еще утверждают), что искусство Средней Азии — завозное, из Ирана, Индии и даже Греции. Якобы великолепные образцы живописи, в частности Средневековая «персидская» книжная миниатюра, развились на основе южных традиций и были «северными варварами» заимствованы. Но раскопки древних городов Средней Азии говорят о другом. «Теперь нельзя уже так беззастенчиво уверять, что в Средней Азии нет своей самобытной культуры: факты не только опровергают это, но в некоторых случаях переворачивают вопрос и ПРИОРИТЕТ в пользу среднеазиатских народов. Памятниками живописи античной и дофеодальной эпохи оказался богат не Иран, а Средняя Азия. Естественно, что и при

решении вопроса о происхождении персидской миниатюры ВСЕ АРГУМЕНТЫ СКЛАДЫВАЮТСЯ В ПОЛЬЗУ СРЕДНЕЙ АЗИИ КАК ЕЕ РОДИНЫ. В свете этих фактов нельзя не пересмотреть и самого термина персидская миниатюра...»[166] Удивительного в этом нет: культурный уровень Средней Азии, связанной с Великой Скифией, всегда был выше, чем граничащих с нею южных стран...

...Кратковременный расцвет независимого Хорезма скоро сменился упадком. «Солнечный город» держался, пока был связан с Великой Скифией тысячью незримых связей. Но в III—IV вв. н.э. эти связи порвались... Как сообщил Ал-Бируни, в 305 г. н.э. столица была перенесена Афригом, основателем новой династии, из древнего Хорезма в город Кят. С IV в. дворец Топрак-Кала запустел, но город жил до VI столетия. С этого времени «тысяча городов» Средней Азии пришла в упадок; их сменили укрепленные замки. Замки строили не только аристократы, но и крестьяне. Буквально каждая семья превратила свой дом в крепость. Времена были тяжелые: со всех сторон на Великую Скифию обрушились полчища варваров.

Выразительные крестьянские «замки» в Средней Азии раннего Средневековья в достаточной степени характеризуют ее социальный строй: «Перед нами, несомненно, еще не крепостное крестьянство, а такой общественный слой земледельцев, *которому аристократия не противостояла еще как класс-антагонист*»[167]. Это был государственно-общинный строй, объединявший свободных общинников и военно-культурную элиту в целостную систему.

К сожалению, внутреннее единство Великой Скифии в это время было нарушено, и она не смогла защитить свой южный рубеж — наиболее опасный, имеющий мало естественных границ, — «мягкое подбрюшье». С юга напирали варвары — «воины ислама»...

«На протяжении 30-х годов VII века мекканско-мединская военно-политическая община подчиняет себе всю Аравию и начинает набеги на территорию азиатских владений Византии и на Иран... В 651 году арабы впервые появились на границах Средней Азии под стенами Мерва, Герата, Балха, ограничиваясь на первых порах заключением договоров и наложением значительных контрибуций. Мерв и Балх становятся оперативными базами для дальнейших грабительских набегов в глубь Средней Азии» (Толстов, с. 192). Война продолжалась полтораста

лет, пока предательство не привело к захвату страны войсками Кутейбы-Ибн-Муслима (712 г.).

Однако и при арабах, несмотря на погром, учиненный Кутейбой, культура Средней Азии сохраняла во многом прежний высокий уровень. Средневековый Хорезм оставался крупным земледельческим и торговым центром, связывавшим Европу, Южную и Центральную Азию. В XII веке Хорезм ненадолго обрел независимость; население сразу возросло. Вот что писал о Хорезме 1219 г. известный путешественник Якут: «Не думаю, чтобы в мире были где-нибудь обширные земли шире хорезмийских и более заселенные, при том, что жители приучены к трудной жизни и довольству немногим. Большинство селений Хорезма — города, имеющие рынки, жизненные припасы и лавки. Как редкость, бывают селения, в которых нет рынка. Все это при общей безопасности и полной безмятежности...»[168] Эта «безмятежность» продлилась недолго: уже в 1220-е гг. земледельческие оазисы Средней Азии подверглись тотальному погрому... (Здесь автор ссылается на пресловутых «татаро-монголов». Это закономерная ошибка и основной жупел западной пропаганды о «неисторичности русских». Никаких «татаро-монголов» не было. Татары-булгары мирно жили в Поволжье. Монголы мирно пасли своих лошадок в Монголии и никуда из нее никогда не выходили. Экспансия XIII века была делом русов-язычников могучего и обширного скифо-сибирского мира, того самого, о котором и пишет автор данной книги. И мы не должны замалчивать этот факт. — *Примеч. Ю.Д. Петухова*) ... Прежний уровень экономики был восстановлен и превзойден только в XX веке, когда Россия вернулась в среднеазиатский регион.

Но при арабах культура Средней Азии все еще светила отраженным светом древней культуры Великой Скифии и делилась этим светом с окружающим миром. Достаточно вспомнить таких уроженцев Хорезма, как выдающийся математик конца VIII — нач. IX в., создатель алгебры аль-Хорезми (само имя которого трансформировалось в слово «алгоритм»...), астроном, историк и географ аль-Бируни (XI в.), Ибн-Сина (Авиценна) ... Неудивительно, что когда «Хорезм входит в систему арабского халифата, его ученые сразу занимают выдающееся, пожалуй, САМОЕ ВЫДАЮЩЕЕСЯ МЕСТО СРЕДИ СОЗДАТЕЛЕЙ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ АРАБСКОЙ НАУКИ. Да полно, в самом ли деле «арабской»? Арабские — или индийские — те цифры, которыми

мы пользуемся? «История античной и афригидской культуры Хорезма, давшая такие убедительные доказательства в найденных нами памятниках культуры, позволяет утверждать, что аль-Хорезми силен не только личным гением, но и тем, что он опирался на многовековую традицию хорезмийской математики, выросшей на почве практических потребностей ирригации, путешествий, строительств и торговли. С ЭТОЙ-ТО ЗРЕЛОЙ ХОРЕЗМИЙСКОЙ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ НАУКОЙ ПОЗНАКОМИЛ АЛЬ-ХОРЕЗМИ ПОЛУВАРВАРОВ-АРАБОВ, А ЗАТЕМ, В ЛАТИНСКИХ ПЕРЕВОДАХ, И ЕВРОПЕЙСКИЙ УЧЕНЫЙ МИР» (Толстов, с. 197).

2.3. Проблемы урбанизации в России

Великая Скифия с древнейших времен имела собственные города. До сих пор эти города старались приписать кому угодно, но только не скифам. Считалось, что кавказские и среднеазиатские города (типа Дербента и Хорезма) были основаны иранцами; когда это было опровергнуто, стали приписывать их неким «местным жителям». Дольше всего держался стереотип о «греческой колонизации» бассейна Черного моря...

Древние города Приазовья-Причерноморья процветали с VII—VI вв. до н.э. по IV—V вв. н.э. Эти города имели интенсивный торговый и культурный обмен с цивилизациями Средиземноморья и заимствовали оттуда многие достижения. Однако колониями «средиземцев» эти города никогда не были. В самом деле:

1. Их населяли местные народы: скифы, меоты и сарматы; собственно греков было мало или даже не было вообще (как в Танаисе).

2. Горожане использовали в быту керамику скифско-сарматского типа, носили скифскую одежду, от которой сохранились характерные застежки-фибулы (как в Танаисе). Их погребения были в большинстве скифского типа — подкурганные (как на Боспоре).

3. Города возникли в период максимального могущества Скифского царства (VII—VI вв. до н.э.), которое не страдало от агрессии извне, напротив, само активно вмешивалось в дела государств Передней Азии и Греции. Почти все города развились из селений киммерийского времени и эпохи ранней бронзы; они носили местные имена.

4. Большинство этих городов никогда не покидало сферы влияния скифо-сарматской цивилизации. Борисфен-Ольвия и прилегающие города Северо-Западного Причерноморья в основном принадлежали скифам; они успешно отразили агрессию Македонии в 331 г. до н.э., хотя во времена могущества Понта и Римской империи иногда теряли независимость. Приазовские города Боспорского царства управлялись царскими династиями меото-сарматского происхождения и почти всегда успешно отражали натиск Средиземья. Только Херсонес и южное побережье Крыма, начиная с I в. до н.э., перешли под контроль Рима и затем Византии.

5. Начальные этапы денежного обращения в Северо-Западном Причерноморье были прямо связаны с местной, скифской традицией (монеты-стрелки). Боспорское царство имело собственную систему денежного обращения, процветавшую около 800 лет; ареал распространения боспорских денег доходил... до Камчатки.

6. В азово-черноморских городах создавались произведения искусства, не имевшие аналогов в Средиземноморье. Используя «импортные» традиции, они отражали культуру скифо-сарматского народа.

7. Религия, которую исповедовали жители этих городов, уходила корнями в местную, скифо-меото-сарматскую традицию (культ неба, олицетворяющего бога-творца, и его союза с «матерью-землей», культ божественной Девы-«амазонки», мужественных богов-героев Геракла и Ахилла, прекрасной богини любви).

Это были не греческие колонии, а скифо-сарматские города. Такие же города, кроме азово-черноморской прибрежной зоны, были построены скифами на Кавказе и в Средней Азии. Поскольку скифы-сарматы были прямыми предками русских, у нас есть все основания сказать правду: В ПРИАЗОВЬЕ-ПРИЧЕРНОМОРЬЕ, НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И В СРЕДНЕЙ АЗИИ, НАЧИНАЯ С VII—VI ВВ. ДО Н.Э., СУЩЕСТВОВАЛИ РУССКИЕ ГОРОДА.

Эти города в IV—VIII вв. н.э. испытали серьезный кризис, но не исчезли. Между русскими городами Средневековья и античными городами Приазовья-Причерноморья существует прямая преемственность. Многие русские города, возникшие в античное время, живут и поныне: Азов — это древний Танаис, Керчь — Пантикапей, Тамань — Гермонасса, Евпатория — Кер-

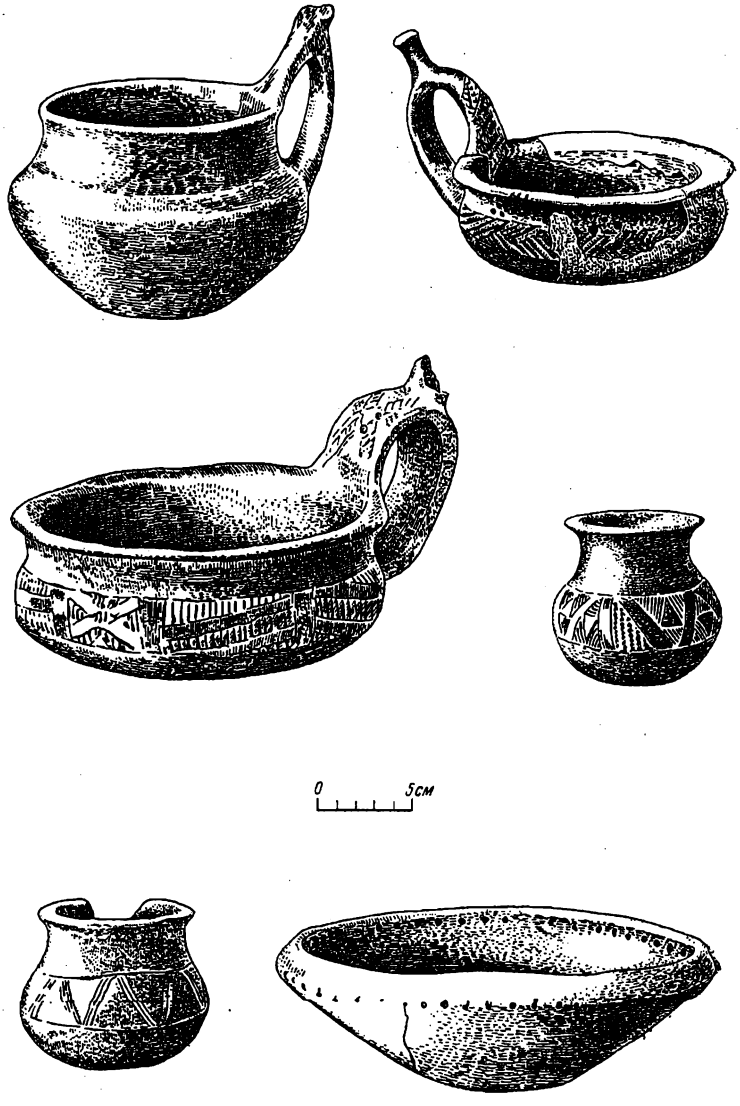
кинитида, Севастополь — Херсонес, Симферополь — Неаполь Скифский, Сухуми — Диоскуриада, Феодосия осталась Феодосией, Дербент существует до сих пор...

Рассматривая древние скифские города как «свои», следует оценить их культурный уровень относительно общего уровня той эпохи, когда они существовали. На первый взгляд кажется, что древнерусские (скифо-сарматские) города уступали «мегаполисам» Древнего мира. Действительно, население Ольвии составляло только 20 тыс. человек, тогда как Древний Вавилон и Рим насчитывали сотни тысяч, если не миллион, жителей. А гигантские храмы, а роскошные дворцы Средиземноморья и Передней Азии...

Города Скифии и Сарматии были скромнее. Но следует напомнить простую истину: уровень урбанизации ограничен возможностями эпохи. Большинство античных мегаполисов не имело элементарных удобств, были центрами антисанитарии и разносчиками инфекции — физической и духовной. Каково было жить в «многоэтажках» (в 3—4 этажа) без канализации? А римский водопровод со свинцовыми трубами, из которого шла не вода, а чистая отрава?

Конечно, город представляет собой «сгусток энергии» цивилизации. Избыточная урбанизация возникает в обществе, опутанном неразрешимыми противоречиями, и служит верным признаком надвигающейся гибели цивилизации. Античные «мегаполисы» в сотни тысяч человек населяла чернь, отбросы общества, занимавшиеся не производительным трудом, но обслугой загнившей государственной элиты или просто вымогательством. Население их состояло из ремесленников, производивших «предметы роскоши» и строителей гигантских монументальных сооружений, из торговцев и «переторговцев», из раздувшегося «госаппарата», из проституток и преступников... Жили такие «мегаполисы» до тех пор, пока не высасывали окончательно все соки из окружавших их деревень и малых городов. После чего цивилизация гибла. Собственно говоря, те же самые явления захватывали и русскую урбанистическую культуру, но здесь они никогда не достигали того предела, за которым уже становились необратимыми. Поэтому русская цивилизация развивалась волнообразно: избыточная концентрация сил в городах всякий раз приводилась к «норме» самой жизнью.

Теперь есть все основания полагать, что скифские города I тыс. до н.э. были далеко не первыми... Задолго до расцвета скиф-



Лощеная керамика лесостепной полосы в скифское время. Из курганов у Рыжановки, Константиновки, Турьи. У скифов было врожденное чутье на прекрасное и отменный вкус. Но даже свою посуду они украшали (точнее, защищали) обережными знаками

ского царства, за тысячу и даже две тысячи лет, еще в эпоху бронзового века, на территории России появились первые укрепленные поселения городского типа. Самые знаменитые из них — Синташта и Аркаим, обнаруженные в южноуральских степях.

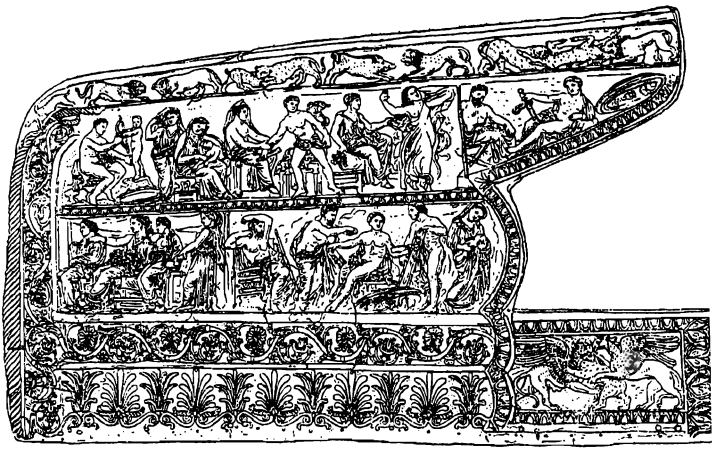
Синташту «почти уничтожила протекавшая здесь река, которая потом изменила свое русло. Однако следы двух линий оборонительных сооружений: внешней — прямоугольной и второй — круговой — сохранились. Они состояли из рвов и глинобитных стен, верхняя часть которых была оборудована бревенчатым частоколом. Крупные дома площадью до двух сотен квадратных метров располагались по кругу, плотно прижимаясь друг к другу».

Синташта и подобный ей, но гораздо лучше сохранившийся Аркаим, созданные древними ариями, носителями Андроновской культуры, — это уже достаточно крупные и развитые центры, которые археологи по праву называют древнейшими городами: «ТЕПЕРЬ ИСТОРИЮ ГОРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА МОЖНО ОТСЧИТЫВАТЬ ОТ ВРЕМЕНИ ОСНОВАНИЯ ДРЕВНЕГО ПОСЕЛЕНИЯ НА РЕКЕ СИНТАШТЕ — 4 ТЫСЯЧИ ЛЕТ НАЗАД»[169].

Той же эпохой, что и города южноуральских степей, датируются укрепленные поселения на Нижнем Дону — *каменные крепости* типа Ливенцовки 1 на берегу Мертвого Донца: «На западной окраине нынешней Ливенцовки сохранились остатки мощных оборонительных сооружений того времени. Исследовано три полуокружных укрепления, стены которых толщиною до 7 м (!!!) при сохранившейся высоте 2—3 м были сложены из крупных известняковых камней и блоков»[170]. Ливенцовская крепость была разрушена в XIV в. до н.э.; почти тогда же прекратили свое существование южноуральские поселения, и новые города на территории России возродились только в VIII—VII вв. до н.э.

Русская цивилизация за последние 4 тысячи лет испытала по меньшей мере четыре эпохи урбанизации, перемежающиеся относительными упадками:

1. ПЕРВАЯ ВОЛНА УРБАНИЗАЦИИ В РОССИИ НАЧАЛАСЬ ЕЩЕ В XVIII—XVI ВВ. ДО Н.Э., КОГДА БЫЛИ ПОСТРОЕНЫ «ГОРОДИЩА» ТИПА АРКАИМА В ЮЖНОМ ПРИУРАЛЬЕ (АНДРОНОВСКАЯ КУЛЬТУРА) И КАМЕННЫЕ КРЕПОСТИ НА НИЖНЕМ ДОНУ. Население крупнейших из



Золотая обкладка горита. Курган Чертомлык. Скифский артефакт «греческой работы», в котором переплетаются вкусы заказчика, приверженного одновременно моде «греческой диаспоры» скифских городов и родным традициям. Урбанизация Крыма проходила и при посредстве прививки народной культуре скифов «побегов» завозной «демократии», то есть «греческого декаданса», за приверженность к которому в свое время поплатился «греколюбивый» Скилур

поселений бронзового века доходило до нескольких тысяч человек, что позволяет считать их городами. К началу железного века эти древнейшие русские города пришли в запустение.

2. ВТОРАЯ ВОЛНА УРБАНИЗАЦИИ — ЭТО СКИФО-САРМАТСКИЕ ГОРОДА ПРИАЗОВЬЯ-ПРИЧЕРНОМОРЬЯ, СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ, СУЩЕСТВОВАВШИЕ С VII В. ДО Н.Э. ПО КОНЕЦ IV В. Н.Э. Это были уже полноценные города, с населением порядка десятка тысяч человек. Они пришли в упадок в эпоху «великого переселения», но многие все же сохранились и в Средневековье, оказав существенное влияние на урбанизацию севера России.

3. ТРЕТЬЯ ВОЛНА УРБАНИЗАЦИИ — СРЕДНЕВЕКОВАЯ. Городское строительство охватило на этот раз всю Восточно-Европейскую равнину. Максимальное население достигло порядка сотни тысяч человек (Киев). Южные города Приазовья-Причерноморья пережили в этот период возрождение (Тмутараканское княжество), но «татаро-монгольское» (скифское. — *Примеч.*

Ю.Д. Петухова) нашествие нанесло по ним удар. Городская культура в России пережила в XIII—XIV вв. упадок.

4. ЧЕТВЕРТАЯ ВОЛНА — СОВРЕМЕННАЯ. Началась в XV—XVI столетиях и продолжается до сих пор...

Развитие городской культуры тесно связано с консолидацией политической власти. Появление первых городов или протогородов является верным показателем возникновения полноценного государства. И уже не вызывает удивления, что традиционная **«геродотовская» датировка начала Скифского царства (XVI в. до н.э.) прекрасно совместима с датой основания первых городов по русским летописям (XIX в. до н.э.) и полностью совпадает с датировкой первый крупных «городищ» Великой Скифии типа Аркаима... Древняя историческая традиция говорит правду.**

3. Культура Великой Скифии

В античном мире Средиземноморья скифов называли варварами. Казалось бы, какая у них культура? В самом деле, от скифов и их сородичей не осталось столь заметных памятников, как, скажем, от Греции и Рима. Не встретишь в южнорусских степях ни развалин величественных храмов, ни пышных дворцов. Не осталось книг, подобных «Илиаде»... Но значит ли это, что Скифия была варварской? Кое-что, однако, осталось: сохранились вполне заметные материальные следы, по которым можно восстановить картину прошлого. **Славного прошлого, которым по праву могут гордиться современные русские — потомки древних скифов.**

Один из важнейших показателей материальной культуры — это монументальные сооружения. Они первыми «бросаются в глаза»: вспоминая Древнюю Грецию, мы представляем себе Парфенон, Рим — Колизей, Египет — пирамиды... Ничего подобного в южнорусских степях не обнаружено. И причиной вряд ли был низкий уровень развития экономики и государственности (как мы убедились, в политическом отношении Скифия была очень сильна). Все дело в том, что монументальные сооружения древности «дворцового» типа свидетельствуют не столько о развитии, сколько о «переразвитии» цивилизации, о появлении

жесткого социального расслоения, неизбежно ведущего общество к гибели[171]. Недаром за лихорадочным расцветом дворцового строительства всегда с неизбежностью следует «мерзость запустения», причем иногда такая, что от цивилизации не остается ничего. Вспомним храмы майя, заросшие джунглями через несколько веков после их строительства, или занесенные песками 100-тысячные города долины Инда.

Подлинным свидетельством высокого развития культуры следует считать не пышное дворцовое строительство (которое в дотехническую эпоху требовало неокупаемых сверхусилий со стороны общества и возникало в периоды, когда цивилизацию охватывали неизлечимые социальные болезни), а следующие параметры.

1. Уровень «военных технологий»: качество оружия, оборонительных сооружений, военной организации.

2. Уровень развития транспортных средств и связи.

3. Уровень развития политических и торговых коммуникаций.

4. Экономика: а) качество металлургии и металлообработки; б) продуктивность сельского хозяйства — земледелия и скотоводства.

5. Уровень жизни основного населения: жилища, питание и т.д., гражданские права.

6. Государственность: способность к независимому, самодостаточному развитию, степень влияния на другие государства.

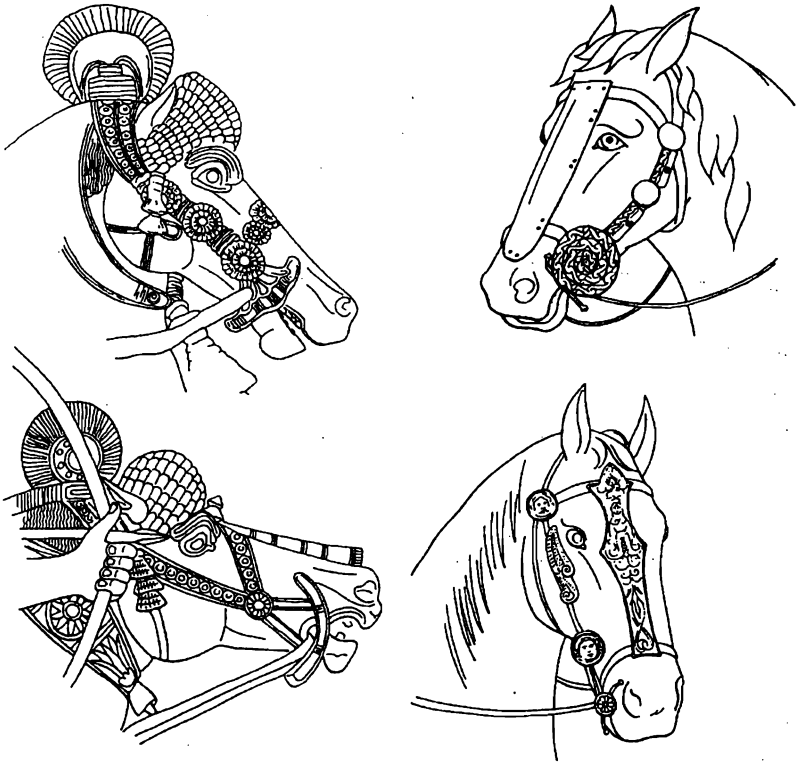
7. Новые, «свежие» и оригинальные формы культуры: письменности, художественного творчества, религии.

Именно эти параметры являются на самом деле важными. Может ли служить признаком культуры каменная «гигантомания» в строительстве, если население страны живет в хижинах из тростника и питается ячменными лепешками, как, скажем, в Древнем Шумере? Если «продвинутая» в постройке храмов и пирамид цивилизация оказывается не способна сама организовать государство и нуждается в постоянном притоке варваров в свою элиту?

Какова же на самом деле была культура скифов?

3.1. Конь Хорса

Скифское и сарматское войско — это в первую очередь конница. Нельзя сказать, чтобы скифам не были известны приемы



Украшения коней. Скифы любили своих коней, и порой конь князя или боярина-воеводы нёс на себе больше золота, чем его хозяин. Но прежде всего все украшения, как коней, так и людей, носили «обережный» характер. Коня защищали не только конские доспехи, но и родовые знаки, символы, изображения покровителей, добрых богов и духов, зачастую — предков скифов (это традиция суперэтноса русов, где боги — прародители, а верховный Бог объединяет всех прочих, как ипостаси, в себе)

пешего боя: до нас дошли изображения скифских воинов, нападающих на вражеского всадника. Но это был всего лишь тактический маневр, применяемый в определенных условиях. Боеспособность вооруженных сил в Древнем мире (как и сейчас) во многом определялась их быстро- и дальнодействием, и лучшего средства передвижения, чем конный транспорт (если исключить флот) ,не было. Вплоть до изобретения огнестрельного оружия «конновооруженность» войска определяла его успех на суше. Всадник представлял собой идеального воина, с которым на

открытом пространстве не мог сравниться пехотинец. Одержать победу над конницей могла только другая конница — лучшая.

Далеко не случайно поэтому народы, занимавшиеся коневодством, имели огромное военно-политическое преимущество перед остальными. Особенно «эффект всадника» сильно сказывался в том случае, когда армия состояла из народного ополчения, то есть приемами конного боя владел каждый взрослый мужчина. Армии такого типа характерны для социально нерасчлененного общества, состоящего из свободных военнообязанных граждан.

Как известно, скифско-сарматское общество имело именно такой тип организации, который произвольно именуют родовым строем. Более точным является термин «государственно-общинный строй», поскольку о примитивном «родовом» обществе в степях Евразии ни в скифскую, ни в сарматскую эпоху не может быть и речи: в то время здесь уже существовали полноценные государственные объединения, контролировавшие огромную территорию[172].

Ранние государства сложились на просторах Евразии далеко не случайно и вовсе не от того, что «усилилось социальное неравенство». Хорошо известно, что неравенство скорее подтачивает основы государства, чем служит его укреплению; так это есть сейчас, и нет оснований полагать, что в древности было иначе. Стимул к образованию больших евразийских государств, «империй», подобных царству скифов, был задан прогрессивным развитием средств связи. Его можно назвать одним словом: КОНЬ.

С приручением лошади резко, качественно возросли связи между отдаленными территориями, и впервые появилась возможность поддерживать социальные корреляции более высокого уровня, чем одна община или племенное объединение. Это и был «великий скачок», приведший к образованию государств современного типа.

Сейчас трудно представить, чем была лошадь для древнего человека... Разница между пешеходом и всадником значительнее, чем между всадником и автомобилистом.

Возникновение раннегосударственных объединений в Европе и Северной Азии (вне пределов теплого субтропического пояса) относится ко времени много более раннему, чем полагалось, — к эпохе раннебронзового века. Именно в это время на просторах Евразии и распространился конный и колесный транспорт.

Сейчас точно доказано, что по крайней мере в III тыс. до н.э. колесный транспорт уже был достаточно развит. Носители Ямной культуры южнороссийских степей (предки скифов, сарматов...) использовали колесницы, запряженные лошадьми, причем колеса имели современную конструкцию — со спицами. В то же время самые «цивилизованные» среди южных народов, шумеры, ездили (и то только с конца III тыс. до н.э.) на громоздких колымагах, запряженных быками, со сплошными колесами...

За развитым колесным транспортом южнорусских степей бронзового века стоит более древняя традиция. Есть все основания утверждать, что КОЛЕСО БЫЛО ИЗОБРЕТЕНО В V—IV ТЫС. ДО Н.Э. В СТЕПЯХ ПРИАЗОВЬЯ — ПРИЧЕРНОМОРЬЯ. ТОГДА ЖЕ ЗДЕСЬ ВОЗНИКЛО И КОНЕВОДСТВО — ТОЖЕ ВПЕРВЫЕ В МИРЕ. Об этом свидетельствуют бесспорные данные археологии: кости домашней лошади обнаружены еще на поселениях V—IV тыс. до н.э., предшествующих Ямной культуре. В IV тыс. до н.э. более половины костей домашних животных принадлежало лошади, что показывает: коневодство стало важнейшей отраслью хозяйства[173]. Похоже, что древние арии изобрели колесо «под лошадь», другие животные использовались только как вспомогательная тягловая сила.

На Ближнем Востоке колесницы и лошади появляются только в середине II тыс. до н.э. В те времена, когда источники свидетельствуют о приходе в этот регион ариев. (Признавая эти факты, некоторые историки продолжают утверждать что-то невнятное: «*возможно*, колесный транспорт в Европе и в евразийских степях и распространился *при влияниях, шедших из Передней Азии*, однако это происходило за много веков до начала II тысячелетия до н.э.»)[174]

Распространение нового, прогрессивного вида транспорта происходило с севера на юг, а не наоборот. Иначе не степняки Евразии доминировали бы на Ближнем Востоке, а древние шумеры и египтяне хозяйничали бы в Северном Причерноморье.

Древние арии прекрасно осознавали, что (вернее, кто) является основой их могущества. Недаром же конь считался у них священным животным, посвященным верховному божеству — Солнцу. Отголоски солнечно-конного культа можно найти в русских народных обычаях и в некоторых современных европейских языках: так, по-английски конь — horse, что, несомненно, связано с именем солнечного бога Хорса, известного еще

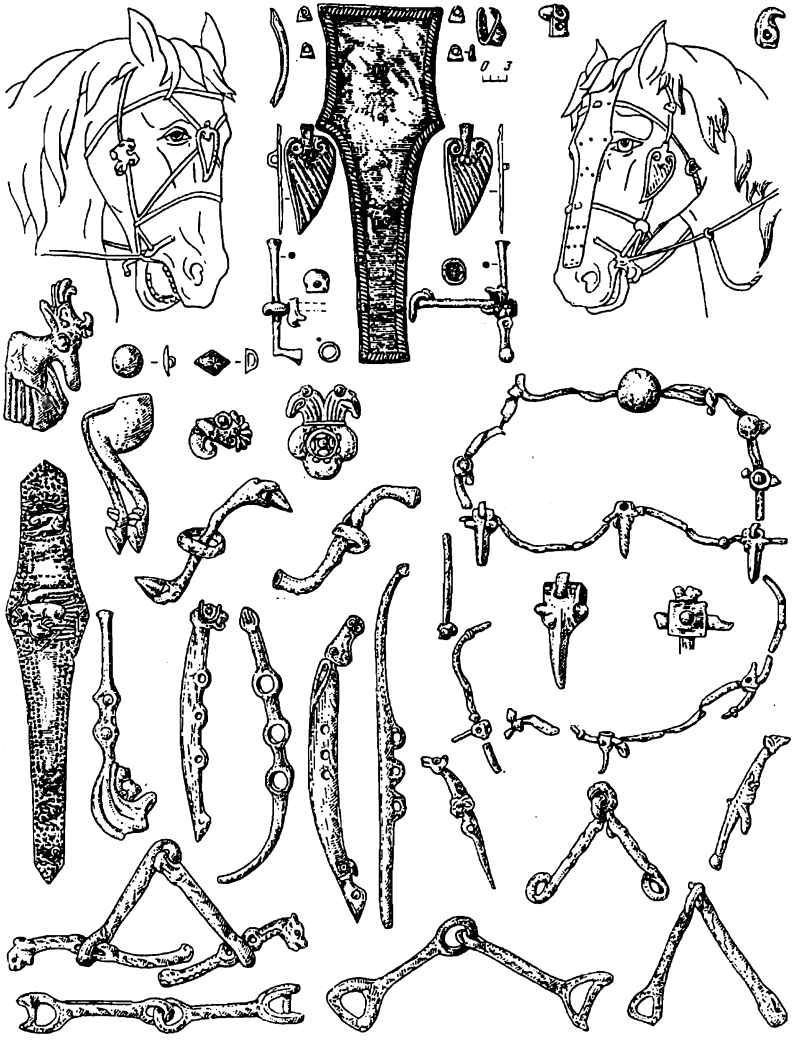
в средневековой России и, видимо, некогда общего для всех ариев[175]. По Геродоту, среднеазиатские скифы — массагеты — поклонялись только одному богу, Солнцу, и посвящали ему коня, считая, что быстрейшему из всех богов соответствует быстрейшее из всех животных на земле.

Скифы и сарматы, потомки древних ариев III—II тыс. до н.э., наследовали и усовершенствовали традиции коневодства. На огромном протяжении евразийских степей — от Причерноморья до Горного Алтая — скифы пользовались уздой, седлом и упряжью одного и того же типа. А вот народы «южного пояса» в раннем железном веке новых приспособлений, связанных с конным транспортом, не знали: «СЕДЛА... ВПЕРВЫЕ ПОЯВИЛИСЬ У СКИФО-САКСКИХ НАРОДОВ. Седел не было ни у древних греков, ни у ассириян, ни у мидян, ни у персов. Вместо седел они покрывали верховых коней только коротким чепраком, обычно ковровым, который удерживался на коне без подпруги, только при помощи нагрудника»[176].

Украшения узды и седла у скифов, судя по находкам в Пазарыкских курганах, выполнялись с высоким искусством и покрывались *листовым золотом*. Кроме верхового скифы пользовались и гужевым транспортом. В Пазарыке найдены телеги (с запряжкой как коней, так и волов), а также экипажи на высоких колесах (1,5 м, по 34 спицы) с упряжкой в дышло — типа тачанок. В южных странах в те времена на таких экипажах не ездили...

Разведение породистых лошадей также следует признать заслугой скифов. Судя по находкам на Алтае, тамошние жители держали как простых рабочих лошадей, так и высокопородистых, служивших, видимо, только для боевых и престижных целей. По всем параметрам коневодства Великая Скифия держала приоритет. Скифо-сарматская конница была «самой передовой» в мире.

Однако ошибочно считать, что скифское войско состояло *только* из конницы. Такое представление восходит к нелепому мнению о народах степной Евразии как о «варварах-кочевниках», живущих якобы «в кибитках». На самом деле древние источники сообщают, что и европейские скифы, и их ближайшие азиатские родственники использовали в бою и пехоту, и конницу — в зависимости от обстоятельств. Так, Геродот (История, 1, 215) сообщает о закаспийских скифах-массагетах: «МАССАГЕТЫ... ВОЮЮТ НА КОНЯХ И ПЕШИЕ, ИБО РАВНО ИСКУСНЫ В ТОМ И ДРУГОМ».



Конское снаряжение скифов VII—V вв. до н.э.

Поскольку массагеты по образу жизни были типичными степняками, эти слова можно считать характеристикой войска всей Великой Скифии. Конные войска больше «бросались в глаза» иностранным наблюдателям, потому что именно они были ударной силой, но для выполнения многих задач требовалась и пехота. Скифы использовали оба рода войск, что делало их тактику гибкой и создавало возможность для успешной защиты протяженных границ.

Смешанной, пехотно-конной, была русская армия и в Средние века, причем конница, как и прежде, составляла основную силу, особенно на юге, в степях. Во всех древних былинах и во многих сказках богатыри представлены всадниками. Войско князя Святослава, с которым он сокрушил Хазарию и угрожал Византии, было в основном конным. Тмутараканский (приазовский) князь Мстислав Храбрый одержал победу над варяжско-новгородским войском Ярослава Мудрого именно с помощью конницы. Только конницу вел в поход князь Игорь Святославич в 1185 году на Дон, и конное же 150-тысячное войско встретило «татар» в битве на Калке.

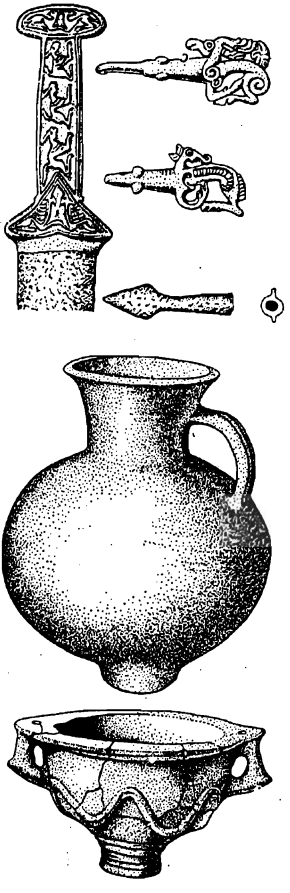
Судя по крупнейшим сражениям, в которых были собраны все силы Южной России, численность русского войска, состоявшего в основном из конницы, доходила в те времена до 150, если не 200 тысяч, что, по тогдашним европейским меркам, было совершенно невероятно: в Европе (да и в Азии) в Средние века конь очень ценился и являлся принадлежностью только элитарных, аристократических военных подразделений. Не удивительно, что на родине древних ариев так долго сохранялись их военные традиции...

3.2. Трояновы валы и белокаменные крепости

Некоторые полагают, что конные степняки — это непременно «кочевники», не имеющие постоянных жилищ и не способные ни к какому виду строительства. Это далеко не так. «Кочевое» хозяйство в чистом виде на территории России никогда не применялось, хотя бы из-за климатических условий (холодные многоснежные зимы полностью исключают такую возможность). Постоянные поселения, конечно, строились, причем некоторые из них наслаивались на одном и том же месте веками и даже тысячелетиями. Так что строительными навыками юж-

норусские степняки владели, и применяли их по мере надобности.

Дворцов и храмов в Древней Скифии не было, но «монументальные» сооружения возводились. Правда, это были в основном постройки военного назначения. Речь идет о знаменитых «Змиевых валах» (или «Трояновых валах»), до сих пор сохранившихся в обширных степях Южной России.



Скифские вещи из воронежских курганов (Частые, Мастюгинские курганы, Волошинское городище)

Южнорусская система оборонительных сооружений — «валов» — поистине уникальна. Она вполне сопоставима с другими, более знаменитыми оборонительными системами Евразии. Пресловутая Великая Китайская стена по большей части представляет собой тоже простой земляной вал, общая протяженность которого достигает внушительной длины 4000 км (полноценные каменные стены существуют только на сравнительно небольших участках). Менее известна, чем Китайская стена, так называемая германская граница, то есть система древних валов по Рейну и Дунаю, опоясывающая Германию с юга и запада. Сохранились оборонительные валы, оставшиеся от римлян, например, Адрианов вал на границе Англии и Шотландии (бывшей некогда границей Римской империи). Так называемые римские валы встречаются в Румынии, Венгрии, Болгарии, Югославии, хотя не вполне ясно, строились ли они римлянами или против римлян. Встречаются они и на территории Польши (Шленские валы), где никаких римлян не было.

СРЕДИ ЕВРОПЕЙСКИХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ ДРЕВНОСТИ НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИТЕЛЬНЫМИ И ПРОТЯ-

ЖЕННЫМИ ЯВЛЯЮТСЯ ЮЖНОРУССКИЕ ЗМИЕВЫ (ТРОЯНОВЫ) ВАЛЫ. Их общая длина достигает 1000 км, что вполне сопоставимо с Великой Китайской стеной. Они тянутся от устья Дуная и Прута, верховий Днестра на восток, встречаются по Бугу, Днепру и Северскому Донцу, также на Керченском полуострове. Кто и когда их построил?

Некогда решили: раз валы называются Трояновы, то построил их... римский император Траян. Но, между прочим, имя Троян встречается в массе географических названий в Центральной России, на Украине, в Болгарии. В «Слове о полку Игореве» оно упомянуто три раза: в одном случае как название исторической эпохи (века Трояна), в двух других — как название земли, и, очевидно, степной зоны Южной России. Загадочный «Троян» находит объяснение в славяно-русской религии: это не что иное, как Триглав, божественная Троица. Очевидно, что название системы оборонительных валов чисто русское, притом очень древнее.

Император Траян и римляне не имели отношения к строительству валов не только в Северном Причерноморье, но даже и в бассейне Дуная. Так, при исследовании оборонительной линии у румынской Констанцы, состоящей из трех параллельных валов, было обнаружено, что ров проведен у самого южного из них. Это значит, что оборонялся не цивилизованный Юг от «варварского» Севера, а наоборот; да и все исторические данные свидетельствуют об этом. Придунайские валы строились для защиты от римлян.

Южнорусские валы были возведены местными жителями. Против кого? Время строительства основных валов — это период II в. до н.э. — VII в. н.э., хотя есть и более ранние, еще скифо-киммерийского времени. Строительство прекратилось в начале раннего Средневековья. Русские летописи упоминают о валах, но только как об ориентирах местности, а не оборонительных сооружениях. Очевидно, в военных целях они уже не применялись. И неудивительно: к VII—IX вв. относится строительство в бассейне Дона и Северского Донца более эффективной оборонительной системы, состоявшей из полноценных военных крепостей (Салтово-Маяцкая культура).

Основная масса Трояновых валов построена в период, который можно назвать сарматским. Невозможно отрицать, что их возвели местные жители, и что эти жители были предками современных русских (иначе не носили бы валы славянского Тро-

янова имени)... Но признать скифов и сарматов предками русских для многих и многих «представителей научной мысли» явно нежелательно. Вот и выдвинули они предположение, что построили эти валы робкие «лесовики»-славяне, обороняясь от... сарматов. Но если считать, как это у них принято, славян земледельцами-лесовиками, вечно обороняющимися от степняков, то строительство системы валов необъяснимо: ведь валы находятся в основном как раз в степной и лесостепной зоне. Они строились именно в местах обитания сарматов, и строились, очевидно, самими же сарматами.

Трояновы валы представляли собой систему глубоко эшелонированной обороны, прикрывающую открытые степные пространства, крайне неудобные для защиты по всем направлениям. Эта система включала в себя не только ограждения, но и полноценные крепости. О том, что САРМАТЫ СТРОИЛИ КРЕПОСТИ, было в общем-то известно давно, но... почему-то большинство историков старалось не заострять на этом внимание[177]. Может быть, мешал затверженный стереотип о «варварах-кочевниках»...

Об уровне военного строительства в сарматскую эпоху можно судить хотя бы по крепостям Крыма[178]. Они использовали все достижения античного военного искусства и нисколько не уступали современным средиземноморским аналогам. Развитая фортификация отличала и городища скифо-сарматской эпохи левобережья Днепра. К какому же времени относится возникновение в Южной России традиции строительства каменных крепостей?

Как свидетельствует археология, еще к раннекиммерийскому, то есть к периоду Срубной культуры (XVI—X вв. до н.э.). ЕЩЕ В СЕРЕДИНЕ II ТЫС. ДО Н.Э., В ЭПОХУ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ, НА НИЖНЕМ ДОНУ — В ПРИАЗОВЬЕ — БЫЛИ ПОСТРОЕНЫ КАМЕННЫЕ КРЕПОСТИ, ОПОЯСАННЫЕ МОЩНЫМИ СТЕНАМИ И ГЛУБОКИМИ РВАМИ[179]. В то же время на Южном Урале, в ареале Андроновской культуры, появляются такие укрепленные поселения, как Аркаим, которые уже можно назвать протогородами[180]. Первые крепости и города в XVII—XVI вв. до н.э. Несомненно, бронзовый век в Южной России — это время развитой государственности, поскольку трудно себе представить строительство каменных крепостей (и саму необходимость такого строительства) вне соответствующих структур.

Традиции монументального строительства, сложившиеся в эпоху бронзы, сохранялись и в последующее время, однако вместе с ослаблением или усилением поддерживающей их власти наблюдался подъем или упадок. Некоторый упадок по сравнению со срубной и андроновской культурами представляет переходная киммерийско-скифская эпоха, но уже в античное время в южнорусских степях снова возводят крепости. Затем следует новый упадок на рубеже Древнего мира и Средних веков. Но в VIII—IX вв. н.э. в тех же местах, где протянулись Трояновы валы, на защиту русской земли встали белокаменные крепости Салтово-Маяцкой культуры, принадлежавшие русам-аланам-ясам, которых древние называли сарматами.

С какой целью и против кого возводили сарматы протяженные валы, а потом и крепости? Враги были многочисленны и могущественны. Во II в. до н.э. — II в. н.э. Скифии угрожала могущественная Римская империя; римские гарнизоны стояли на Дунае, в Ольвии и Херсонесе и создавали прямую угрозу Северному Причерноморью. Сарматы вынуждены были вести постоянные войны с римлянами и их союзниками. Затем пришли в движение готы, затем финно-угорские племена Урала и Западной Сибири...

Степи Южной России оказались в самом центре столкновений, но это не значит, что они представляли собой некий «коридор», по которому взад и вперед разгуливали все, кому не лень. Трояновы валы свидетельствуют: коренные жители Великой Скифии защищали свою землю от захватчиков и в конце концов отстояли ее. Недаром современные русские обнаруживают полную преемственность с народом, заселявшим бескрайние просторы Евразии в скифо-сарматскую эпоху...

3.3. В чешуе как жар горя...

Боевые качества скифов и сарматов общеизвестны. Если бы киммерийцы и скифы не владели в полной мере «высокими технологиями» производства оружия, вряд ли им удалось бы господствовать в Азии. В скифский период на вооружении степной конницы были сравнительно короткие железные мечи и лук со стрелами. Скифский лук — не простое приспособление: чтобы натянуть его, требовалась большая сила и ловкость. Недаром испытание с натягиванием лука было сюжетом скифской легенды об основателях царства и изображалось на предметах прикладного искусства.

Скифское защитное вооружение. Шлемы, личины, щиты, латы

В сарматский период в области «военных технологий» был достигнут значительный прогресс. ОСНОВУ АРМИИ САВРОМАТОВ И ПОЗДНИХ САРМАТОВ СОСТАВЛЯЛА ТЯЖЕЛАЯ КОННИЦА, ИСПОЛЬЗОВАВШАЯ ДЛИННЫЕ ОБОЮДООСТРЫЕ МЕЧИ И КОПЬЯ. И ВСАДНИК И КОНЬ БЫЛИ ЗАЩИЩЕНЫ ЧЕШУЙЧАТЫМИ ЖЕЛЕЗНЫМИ ДОСПЕХАМИ[181]. В таких чешуйчатых доспехах сарматские воины изображены на знаменитой колонне Траяна в Риме, на росписях стен среднеазиатских дворцов, на плите Трифона из Танаиса.

По сути, сарматские всадники были рыцарями — в средневековом смысле слова. Арабо-персидские источники VIII—X вв.[182] отмечали, что рыцарство составляет значительную прослойку южнорусского общества, но, судя по данным археологии, его формирование уходит корнями в более раннюю, именно сарматскую эпоху.

Большой интерес представляют находки сарматского вооружения, особенно шлемов. Один такой шлем был обнаружен в кургане у Манычской плотины, другой на правобережье Дона у с. Ново-Прохоровка, третий на Нижней Волге, еще один в Воронежской области, и еще — в низовьях Буга, то есть по всей территории Южной России. Все найденные САРМАТСКИЕ ШЛЕМЫ ИМЕЮТ КОНИЧЕСКУЮ ФОРМУ С ШИШАКОМ. Шлемы именно такой формы носили русские богатыри Средних веков, Ильи Муромцы и Добрыни Никитичи (как на картине «Три богатыря»).

Но вот парадокс: у некоторых именно это и вызывает «недоумение». Нежелание признать сарматов *прямыми предками русских*, приводит к поразительным по абсурдности утверждениям. Якобы свои шлемы сарматы... импортировали из Западной Европы, покупали (или отбирали?) у кельтов (Максименко, с. 109). Не может сильная армия существовать только за счет импорта оружия сейчас, не могла и тогда. У кельтов и в самом деле были распространены подобные формы шлемов, но удивляться тут не приходится: недаром же многие кельтские племена носили имя кимвров и сохранили память о своем приходе в Европу из Киммерии, с Дона. Сходство сарматского и кельтского вооружения античной эпохи — следствие общности происхождения, общих традиций, не больше.

Не следует удивляться, что тип сарматского вооружения полностью совпадает с описаниями в русских сказках и былинах. «В чешуе как жар горя», выходили тридцать три богаты-

Шлемы скифов. Бронзовый и железный. Скифские «колпаки» (наряду с фригийскими) послужили прообразами для создания металлических шлемов подобного скифского типа. Более того, гребни на так называемых «древнегреческих» шлемах того же происхождения

ря — а между тем в Средние века на Руси чешуйчатые доспехи уже сменились более легкой и гибкой кольчугой... Сказочные богатыри были воспоминанием не о Средневековье, а о более ранней героической скифо-сарматской эпохе.

Военные технологии южнорусских степняков активно прогрессировали. В I—II тыс. до н.э. бронзовое оружие было вытеснено железным. Скифы обладали мобильной конницей, вооруженной железными мечами и стрелами с железными наконечниками; они начали строить оборонительные укрепления-валы. В сарматскую эпоху вооружение конницы стало тяжелым: мечи и копья удлинились, всадники и лошади одели броню. Именно в сарматскую эпоху была выстроена основная система валов общей протяженностью до 1000 км. Наконец, в раннем Средневековье (VIII—IX вв.) в южнорусских степях, на Донце и Дону, появились мощные крепости, возведенные из каменных блоков (Салтово-Маяцкая культура).

Уже одно это не позволяет утверждать, что в сарматскую эпоху наблюдался упадок по сравнению со скифской. О каком упадке может идти речь, если укрепилась армия (скифы в последнее время существования своего государства постоянно терпели поражения, прекратившиеся именно во II в. до н.э., с утверждением власти сарматского государства), прогрессировало

вооружение и технология его изготовления. В III—II вв. до н.э. произошел значительный подъем цивилизации степной Евразии, в это время среднеазиатские степняки, родственники сарматов, установили политический контроль над Ираном и Северной Индией (Парфянское и Кушанское царства).

Обратившись к античным источникам, можно убедиться, что САРМАТСКОЕ ВООРУЖЕНИЕ В СВОЕ ВРЕМЯ БЫЛО САМЫМ СОВЕРШЕННЫМ В ЕВРОПЕ (а может, и в мире). Тацит, описывая стычку римских легионов с сарматами-роксаланами в Мезии (совр. Болгарии) в 69 г. н.э., сообщает о вооружении сарматов: «В тот день, однако, шел дождь, лед таял, и они (роксаланы) не могли пользоваться ни *пиками*, ни *своими длиннейшими мечами, которые сарматы держат обеими руками*; лошади их скользили по грязи, а *тяжелые панцири* не давали им сражаться. Эти *панцири, которые у них носят вожди и знать, делаются из пригнанных друг к другу железных пластин или из самой твердой кожи*; они действительно непроницаемы для стрел и камней, но если врагам удается повалить человека в таком панцире на землю, то подняться сам он не может»[183].

Другими словами, сарматы уже в начале н.э. имели полноценное «рыцарское» вооружение, какое другие народы приобрели только в период Средневековья. Как явствует из рассказа Тацита, римские легионеры, вооруженные *дротиками, короткими мечами и одетые в легкие кожаные панцири*, на этот раз одержали верх только благодаря засаде и сложным погодным условиям (лошади сарматов «вязли в глубоком и рыхлом снегу»). Но в целом преимущества тяжеловооруженной сарматской конницы столь очевидны, что не приходится удивляться, почему два-три столетия спустя Римская империя все же обрушилась под ее натиском...

Император Деций, воевавший в середине III в. н.э. против Великой Скифии, так напутствовал своих легионеров: «Вы не должны, без помощи союзников, идти на битву с ВОИНАМИ, КОТОРЫЕ ВСТРЕТЯТ ВАС С ТВЕРДОЙ СИЛОЙ, У КОТОРЫХ МНОГОЧИСЛЕННАЯ КОННИЦА, МНОГОЧИСЛЕННАЯ ТЯЖЕЛО- И ЛЕГКОВООРУЖЕННАЯ ПЕХОТА, КОТОРЫЕ СТРАШНЫ СВОЕЙ ОПЫТНОСТЬЮ В ВОЕННОМ ДЕЛЕ И СВОЕЙ НАРУЖНОСТЬЮ...» (Дексипп, фр. 19).

Союзники Децию, впрочем, не помогли: по некоторым источникам, римская армия и сам император погибли в южнорус-

ских степях не то у Дуная, не то даже у Танаиса... Очевидно, император правильно определил военный потенциал Скифии, но, как и многие захватчики, переоценил собственные силы.

3.4. От Боспора Киммерийского до Индии и Камчатки

Развитые транспортные средства позволяют устанавливать связи на дальние расстояния. Но это не всегда учитывают историки.

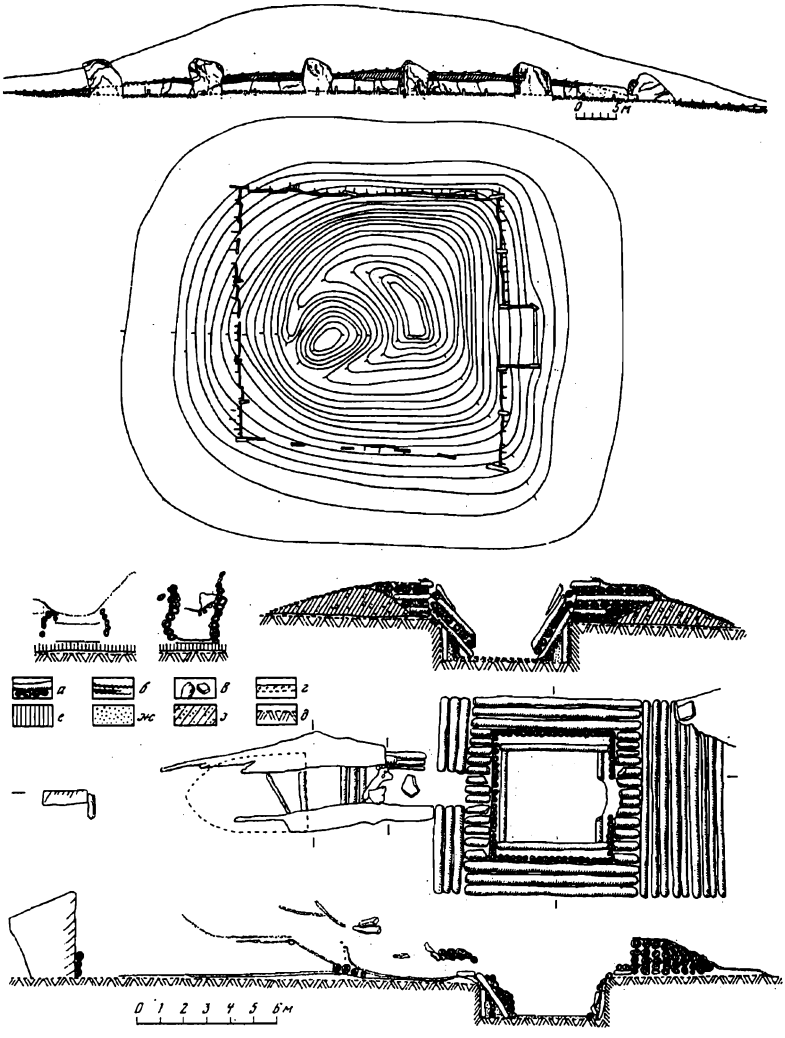
Из того факта, что скифы и другие их «родственники» в совершенстве владели конным транспортом, ясно следует, что уже в эпоху античности (а скорее всего, и много ранее) огромные пространства Евразии были вполне «проницаемы». Скифам ничто не мешало совершать путешествия по тем же направлениям, которым следовали русские землепроходцы в XVI—XVIII вв., и они их совершали.

Некоторые греческие путешественники заходили во внутренние пространства континента очень далеко — чуть ли не до Сибири. До сих пор идут споры о личности знаменитого в древности Аристея Проконнесского, написавшего книгу о путешествии в Скифию (как и многие другие источники, книга эта, «Аримаспея», не сохранилась).

Аристей утверждал, что добрался до земель чуть ли не исседонов: (исседоны — скифы Южной Сибири). Аристей вполне мог совершить «воображаемое» путешествие, опираясь на сведения, полученные из чужих уст. Однако, сведения эти были достаточно точны. Знали в античной Греции и о крайнем севере и полугодовой полярной ночи, и об Уральских (рипейских) горах, и о людях желтой расы, у которых бороды не растут.

Встречающиеся в античных источниках фантастические описания одноглазых «аримаспов», обитавших у подножия гор, в которых гигантские крылатые собаки-грифоны стерегут золото, находят объяснение: некоторые арийские народы Южной Сибири и Алтая (где издревле велась добыча золота и почитались мифические грифоны) носили на голове «зеркальные», отражающие солнечный свет украшения, что создавало эффект «третьего глаза»[184].

Великая Скифия была в древности вполне проходима — от берегов Черного моря до Алтая и Саян. Это трудно представить,



Тагарская культура. Большой курган, погребальные камеры

исходя из реалий Средневековья; но следует вспомнить, что эпоха X—XVI вв. н.э. отличалась глубоким политическим упадком, дроблением на мелкие государства, разделенные религиозной враждой. «Узость» рамок средневекового мира была вызвана чисто политическими причинами, а вовсе не плохим состоянием транспортных средств. (Такой «классический» взгляд на Средневековье неверен. Он навеян нам идеологами «буржуазных революций», «боровшихся с мраком Средневековья». Именно Средневековье было расцветом наук, культуры, образования — расцветом арийской цивилизации. Пришедшие на смену ариям «буржуазные историки», наделенные моралью ростовщиков, все переиначили. Но об этом разговор особый. — *Примеч. Ю.Д. Петухова*).

Главные свидетельства «проницаемости» Древней Скифии для торговых и других связей предоставила археология. МОНЕТЫ, ВЫПУЩЕННЫЕ ДВЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ НАЗАД В ПРИАЗОВЬЕ, И ТОВАРЫ, ИЗГОТОВЛЕННЫЕ ТАМ ЖЕ, БЫЛИ ОБНАРУЖЕНЫ НА АЛТАЕ И В ДРУГИХ МЕСТАХ СИБИРИ... ВПЛОТЬ ДО КАМЧАТКИ! Боспорские монеты чеканки 111—105 гг. до н.э. и 324 г. н.э. были обнаружены на р. Чарыше к югу от Барнаула. Неподалеку от Джунгарских ворот нашли клад из 16 боспорских монет, а в Западном Тянь-Шане найдены боспорские монеты выпуска 400 г. до н.э. Наконец, на Камчатке, на озере Ушки, — две боспорские монеты III в. до н.э. и XVII в. н.э. и хорезмийские — раннего Средневековья (Марков, с. 7—16).

Интересно, что найдены монеты именно боспорской чеканки, то есть выпущенные в приазовском государстве, входившем в сферу влияния «скифского мира». Видимо, хождения «иноземной» валюты на просторах Скифии в древности не допускалось...

Если торговые пути два тысячелетия назад протягивались *от Азовского моря до Охотского*, значит, скифы южнорусских степей знали о Тихом океане, а может, и об Америке. От скифов географические сведения поступали в античные полисы Средиземноморья, и даже в Средние века память о них сохранялась. Недаром составители карт эпохи Возрождения считали, что Америка отделена от Евразии проливом, до того, как этот пролив был обнаружен.

Помнили об этом проливе и в России. Еще до знаменитого похода Ермака в Сибирь Иван Грозный назначил награду тем

морякам, которые, двигаясь Северным морским путем, первыми обогнут Азию (Марков, 263—274). Кучум «правил» западной Сибирью, а Иван Грозный уже задумывался о Беринговом проливе, достигли которого русские моряки десятилетия спустя. Память о проливе, отделяющем Азию от Америки, хранилась в России со скифских времен.

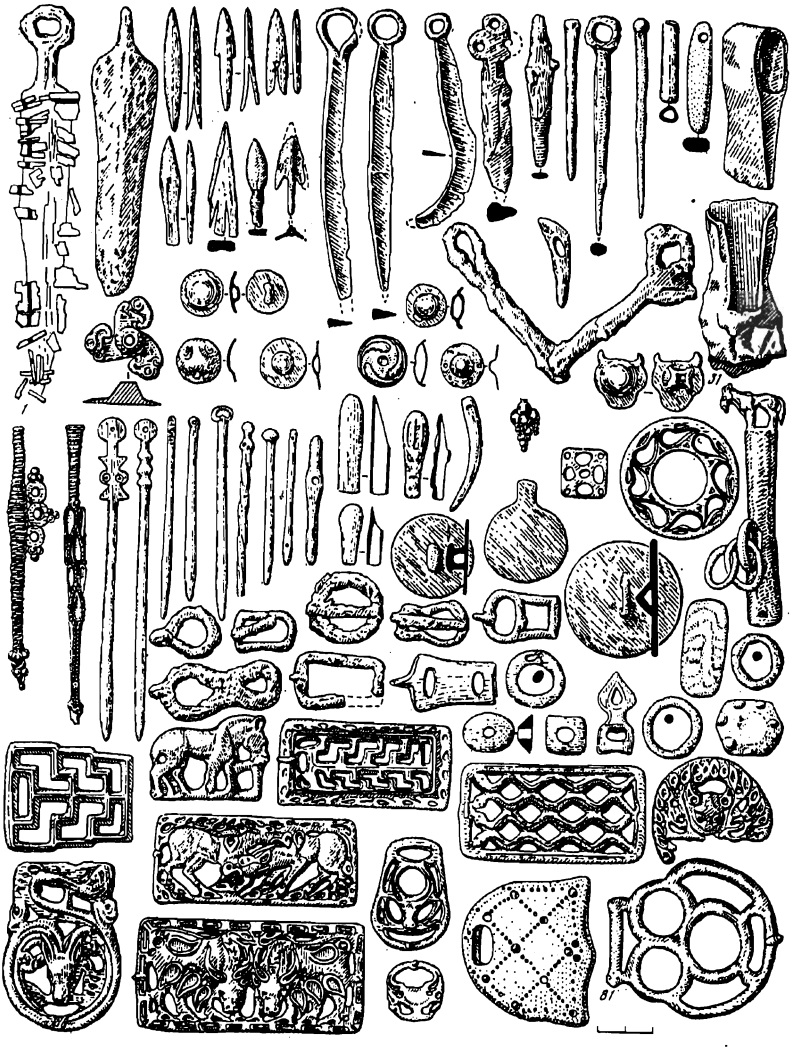
По просторам Скифии совершали путешествия не только деньги, но и товары. В погребениях скифских вождей Южной Сибири обнаружены украшения, носящие явные следы влияния причерноморских традиций, и ткани, изготовленные там же. Обнаружены и предметы, импортированные из Индии. Торговые связи с Южной Азией осуществляли прежде всего среднеазиатские скифы (саки). Особенно тесными эти связи становились в те времена, когда политическое влияние скифов простиралось далеко на юг, как это было в кушанскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.). Движение товаров от скифской степи до Индии в этот период отчетливо прослеживается археологически: с севера на юг осуществлялся в основном экспорт оружия и технологий его изготовления, с юга — продукты легкой промышленности (Марков).

В Средние века «внутриевразийский» товарооборот сократился. Однако прямые континентальные торговые связи, налаженные еще в античную эпоху и раньше, продолжали существовать до XVI века, изменившего направление товарных потоков на морские пути.

Средоточием, главным центром «евразийских» связей была Великая Скифия — Россия. Хождение золота и серебра еще в раннем Средневековье на Руси было столь интенсивным, что в тогдашней «бедной» Франции сложилось выражение: «все золото России» (в смысле: несчитаные богатства)[185]. Иностранцы были твердо убеждены, что русские и позднее — московские князья располагают неисчерпаемыми рудниками.

Но добыча драгоценных металлов в те времена на Руси почти не велась. Весь свой «золотой запас» Россия получала посредством торговли: власти не пускали «транзитные» перевозки из Европы в Азию, удерживая важнейшие торговые пути в своих руках и пользуясь налогами от этого. При этом «западное» серебро не пускалось в оборот, но перечеканивалось в свои деньги. Так продолжалось вплоть до открытия морского пути в Америку и Индию[186].

Еще в XV столетии общая геополитическая ситуация в Евразии была совершенно не похожа на привычную картину Но-



Скифы Среднего Енисея. Тесинский этап II в. до н.э. — I в. н.э. Вещи из захоронений, находки

Таштыкская культура. Одежда, уиварь, реконструкции. Минусинская котловина

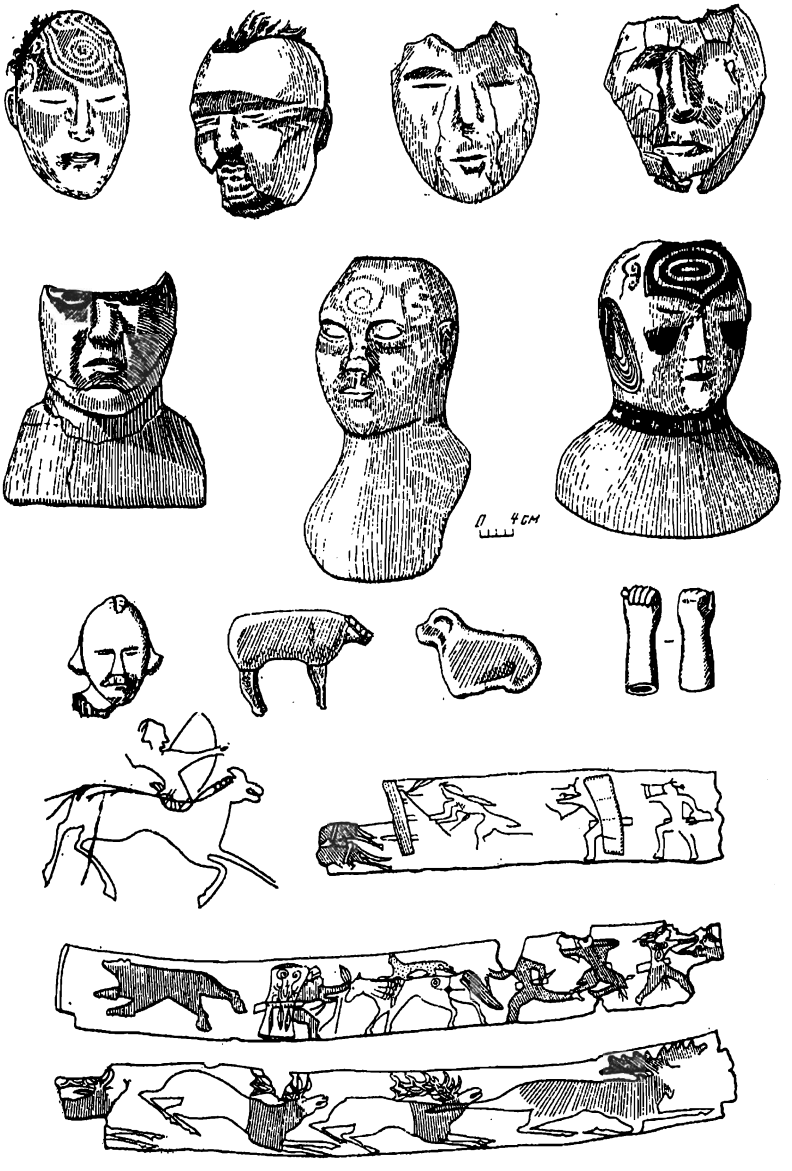
вого времени. Помпоний Лэт, посетивший в конце этого века низовья Танаиса (Дона), утверждал, что СКИФИЯ (так он называл РОССИЮ) ГДЕ-ТО В АЗИИ ГРАНИЧИТ С ИНДИЕЙ. Для античной эпохи это было «нормально», но в позднее Средневековье... И следует подчеркнуть, что для итальянского путешественника XV в. (как и для всех его современников) **Скифия однозначно была *Россией*.**

Почему Помпоний Лэт так сближал Индию со Скифией и иногда отождествлял Сибирь с Верхней Индией? Вероятно, это было основано на известиях о проникновении индийских товаров на русские рынки. В те годы, когда Помпоний любовался Доном, *устье Танаиса было открыто только для русской торговли*. Турки после захвата Царьграда изгнали генуэзцев с Азовского и Черного морей, пускали туда лишь купцов с Руси. Они по-прежнему доставляли в Азов меха северных зверей и дорогую кость...[187] Азов и города Крыма не только служили «перевалочными пунктами» для русско-индийской торговли; вполне вероятно, что в те времена все еще поддерживались и прямые пути из России в Индию и обратно. На существование таких связей еще в XV столетии указывает сохранившийся письменный памятник, знаменитое «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина[188].

Долгое время это «Хождение» интерпретировали как свидетельство *первого* путешествия из России в Индию, невзирая на полный абсурд такого утверждения. Если это было первое путешествие, *открытие* торгового пути, почему же за ним не последовали другие? Не секрет, что в Новое время торговые связи России со странами Южной Азии были слабыми. Зато подобные связи поддерживались в более ранний период, прежде всего в античную эпоху, о чем свидетельствуют археологические находки.

На самом деле путешествие Афанасия Никитина было не первым, а одним из *последних* в своем роде, замыкающим целую эпоху русско-индийских связей, эпоху Великой Скифии. Во времена Никитина и Помпония Лэта индийские товары все еще попадали на русские рынки (через Азов и Кафу), и все еще возможны были транзитные путешествия по всему пути. Почему такие путешествия прекратились, становится ясно из «Хождения за три моря».

Дело Афанасия Никитина прогорело потому, что он встретил враждебное к себе отношение со стороны мусульманских



Таштыкская культура скифов. Искусство. Минусинская котловина

правителей Индии. Хотя Афанасий был до предела, чисто по-русски, веротерпим и утверждал, что ислам сам по себе хорош, и вообще «правую веру бог ведает», на предложение перейти в ислам он ответил отказом, за что был брошен в тюрьму. Хотя ему удалось избежать расправы, о ведении торговых операций уже не могло идти и речи.

Вот что послужило причиной свертки старинных «внутриевразийских» торговых отношений: глубокое проникновение ислама в Среднюю Азию и Индию, отрезавшее эти страны от России. В результате развала системы, связывавшей Евразийский континент в единое целое (а центром этой системы всегда была именно Скифия-Россия), образовались такие самостоятельные геополитические реалии, как прибрежная «Европа» и прибрежная же Азия, и стала возможна морская агрессия первой против последней.

Континентальные пути заглохли по причинам вовсе не «технического», но религиозно-политического характера; в результате стала возможна высадка морских пиратов (сначала португальских и голландских, затем английских) на берегах Индии, Индокитая и Китая. Основанные пиратами «колониальные империи» разграбили богатства Азии, накопившиеся за тысячелетия нормального развития. Континентальную *систему равновесия* сменила морская *антисистема*, резко перераспределившая доходы в пользу «цивилизованного» побережья Западной Европы... Положение начало меняться только в XX столетии, когда Великая Империя Евразии возродилась под именем Советского Союза.

3.5. Экономика евразийских степей

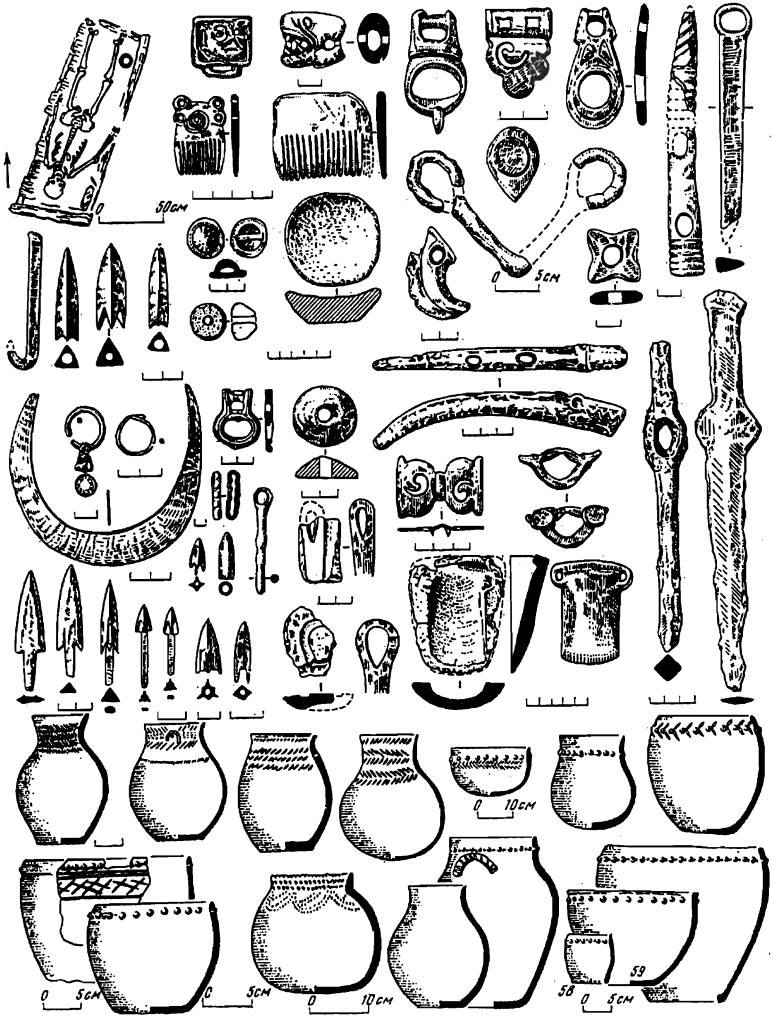
Основой евразийской экономики в скифский период было скотоводство. На этом основании еще недавно скифов объявляли «варварами-кочевниками», неспособными к созданию культуры. В настоящее время негативизм по отношению к цивилизациям, базис экономики которых составляло животноводство, преодолен, но «реликты» его мешают правильному пониманию древней истории.

Долго считалось, что земледелие и только земледелие дает возможность для «нормального» развития общества. Это мнение восходит еще к поздней античности. Некий Фемистий, ритор IV в. н.э., говорил: «...И чем более у кого развито земледе-

лие, тем обеспеченнее жизнь. Если же кто предпочел земледелию *неприветливый, дикий, кочевой образ жизни скифов*, то его ошибочный выбор и послужит ему наказанием: кочевник ведет жизнь бездомную, звериную... А люди, живущие оседло и упорядоченно, избавившись от забот о пропитании, первыми взглянули на небо, почтили богов, узнали правосудие и законы: им уже не было необходимости с трудом раздобывать себе самое необходимое — при обеспеченной жизни они стали искать мудрости. Они объединились в государства, воздвигли храмы, стали жить по справедливости, установили законы, так что и в этом они превосходят всех остальных...»[189]

Известно, что в обществе с сильно выраженным преобладанием земледелия (как, например, «ирригационные» цивилизации Древнего Востока), рацион питания не достаточен для нормального поддержания жизни. Белковое голодание — вот удел «простого земледельца». Пища древнего обитателя Двуречья состояла в основном из ячменных лепешек. Трудно представить, как они жили...

Античная Греция выгодно отличалась от чисто земледельческих цивилизаций развитием скотоводства (на горных пастбищах) и активным использованием даров моря. От белкового голодания не страдали и жители континентальной Евразии. Если поедание ячменных лепешек приводило древних земледельцев Передней и Южной Азии к физической деградации, малорослости, то у скифов и сарматов, специализировавшихся на животноводстве, средний рост составлял 180 см. (И все-таки прежде всего скифы России-Скифии были земледельцами, они снабжали зерном весь античный мир. А хлеборобов Междуречья и Ближнего Востока спасало от недоедания развитое скотоводство, в том числе свиноводство — они были ариями, как мы помним, зона «плодородного полумесяца» совпадала с зоной носителей микролитов, т.е. первичной прародиной индоевропейцев. Очень важно помнить, что семиты пришли на Ближний Восток поздно — и именно они «сокрушили» все индоевропейские цивилизации Ближнего Востока. Ни в коем случае нельзя судить о развитых арийских государствах Древнего Востока по поздним разрушенным семитами «обломкам былого величия». Что касается дистрофии, малорослости и деградации, то эти явления наблюдались при смешении автохтонов-ариев с пришлыми «чужаками»-деградантами, носителями паразитарного присваивающего способа хозяйства. — *Примеч. Ю.Д. Петухова*).



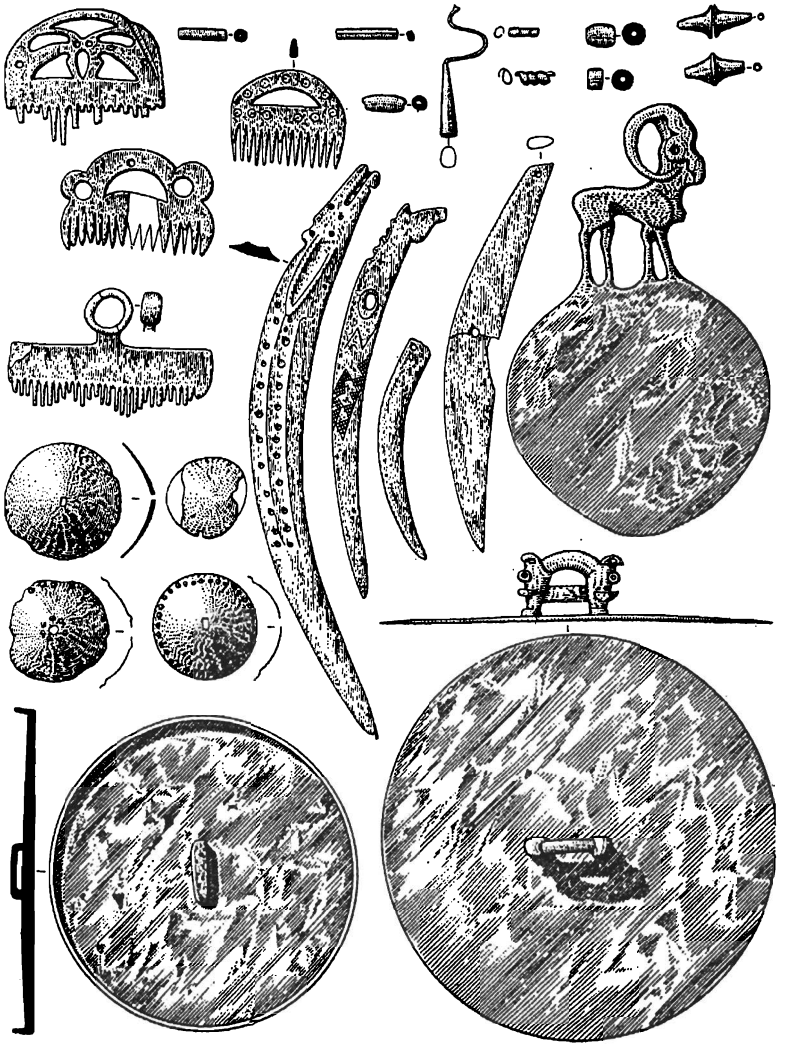
Большереченская культура. Инвентарь и посуда из захоронений. V—I вв. до н.э.

Что такое кочевники, и были ли скифы кочевниками? Если под кочеванием понимать постоянное «таборное» перемещение, то для такого «способа ведения хозяйства» места под солнцем на Восточно-Европейской равнине просто нет. Степи южной России зимой покрываются снегом, достаточно глубоким; а если добавить сюда мороз хотя бы в 10—15 градусов, но при сильном ветре, нередком в этих краях... В общем, историкам, рассуждающим о «кочевании», следовало бы самим попробовать «покочевать» при таких условиях. Другое дело — степная зона Центральной Азии (в районе Монголии). Солнечные бесснежные зимы позволяют там кочевать круглый год, чем местные жители и пользовались.

Жители степей Восточно-Европейской равнины — скифы — никогда не кочевали в прямом смысле слова; сам климат делал необходимым существование оседлых поселений. Другое дело, что эти поселения были достаточно подвижны; после зимовки они легко могли быть перенесены на новое место. Такую подвижность и называли греки кочеванием... Кстати, они применяли этот термин и к лесным земледельцам, применявшим подсечно-огневой метод и вынужденным через несколько лет менять место жительства.

Поселения скифов-скотоводов были мобильны, но *в меру*: и для «культурного накопления», и для свободного перемещения в пространстве, экспансии, освоения новых территорий. Относительное постоянство места жительства давало возможность и для занятия земледелием. Можно с полным основанием утверждать, что россказни о «кочевниках» в степях Русской равнины не соответствуют действительности. **Экономика Великой Скифии была *смешанной* — скотоводческой и земледельческой одновременно.**

Правда, на востоке евразийских степей, в Сибири и Центральной Азии, скотоводство всегда преобладало. Но и здесь «кочевание» в чистом виде встречалось далеко не везде. Вот что писал о сибирских скифах С.И. Руденко, открывший на Алтае знаменитые Пазарыкские курганы: «...Скотоводы Горного Алтая ВСЕГДА БЫЛИ ОСЕДЛЫМИ. В пользу оседлого образа жизни... помимо наличия, как мы полагаем, ПРОЧНЫХ, ХОРОШО ПОСТРОЕННЫХ БРЕВЕНЧАТЫХ ЖИЛИЩ, свидетельствует и ряд других фактов. Например, часть скота — ВЫСОКОПОРОДНЫЕ ЛОШАДИ И ТОНКОРУННЫЕ ОВЦЫ, КРУПНЫЙ РОГАТЫЙ СКОТ, кроме яков, — зимою должна



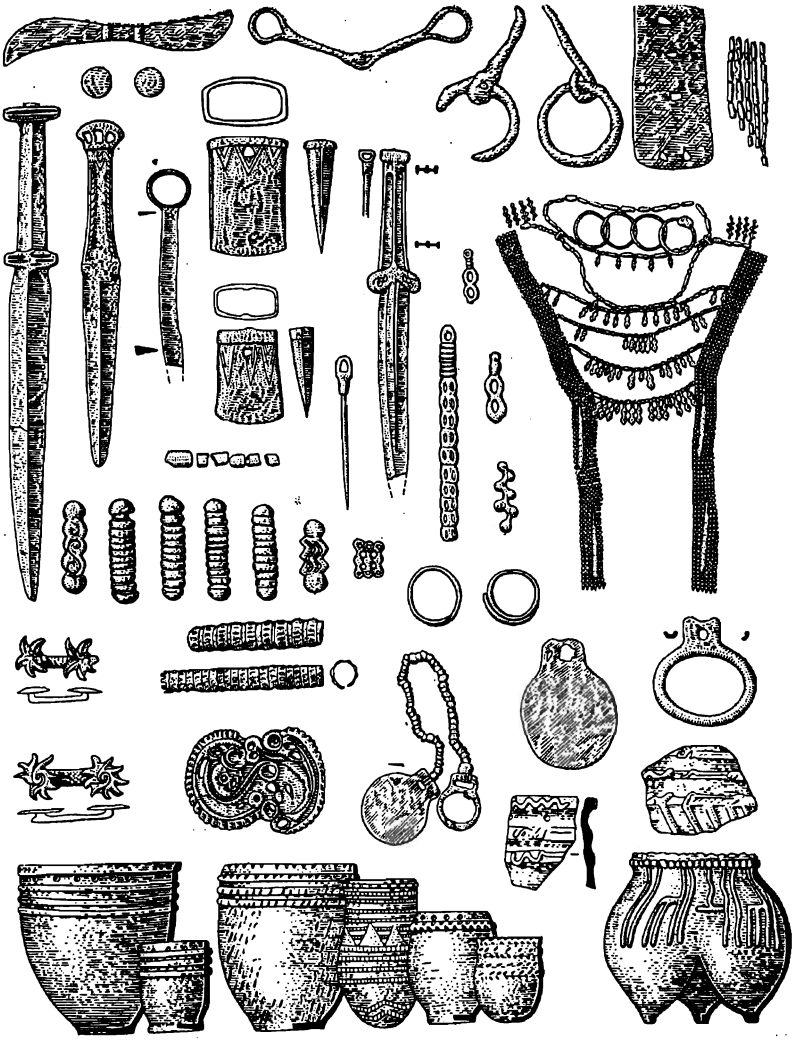
Тагарская культура. Украшения, гребни, предметы обихода

была содержаться в закрытых помещениях, некоторые из высокопородных коней частично содержались на концентрированных кормах. Многочисленные, часто весьма реалистические изображения петухов указывают на то, что разводились и куры. Последнее могло иметь место только при оседлом образе жизни. Наконец, глиняная посуда, особенно большие глиняные кувшины, не вяжется с нашим представлением о посуде кочевых народов»[190].

Восточных скифов можно назвать *оседлыми скотоводами*. Тогда как западных — европейских — скифов и сарматов следует признать *оседлыми земледельцами и скотоводами*. Короче говоря, большинство скифов вели оседлый образ жизни. В самом деле, при «таборном кочевании» не может быть по-настоящему развито не только земледелие, но и скотоводство (высокопородистый скот требует соответствующего ухода). Между тем есть бесспорные свидетельства, что и причерноморские скифы разводили породистых лошадей и коров, тонкорунных овец...

Л.Н. Гумилев писал о способе ведения хозяйства в степях Восточно-Европейской равнины: «СКИФЫ И СМЕНИВШИЕ ИХ САРМАТЫ ЖИЛИ ПОЛУОСЕДЛЫМ БЫТОМ, СОВМЕЩАЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ С ОТГОННЫМ СКОТОВОДСТВОМ. Скот нуждался в сене, потому что в степях снеговой покров превышал 30 см, что исключает тебеневку (добычу скотом корма из-под снега)... Луга и лесостепь сарматы умели осваивать... Поэтому, сопоставив карту распространения сарматских племен I в. н.э. и разнотравно-дерновинно-злаковых степей, нетрудно определить размеры Сарматии: от среднего Дуная на западе до Яика и даже Эмбы на востоке»[191]. Добавим: до Кавказа на юге и Воронежской области (включительно) на севере...

В сущности, даже термин «полуоседлый быт» для древних жителей этой большой области не применим. **Земледелие вообще требует полноценной оседлости, а сарматы занимались им основательно**; недаром многочисленные свидетельства источников говорят, что именно **СКИФИЯ (САРМАТИЯ) БЫЛА ГЛАВНЫМ ЭКСПОРТЕРОМ ХЛЕБА ДЛЯ ГРЕЦИИ И РИМА**... Еще Геродот отмечал, что причерноморские скифы-пахари сеют хлеб не для себя, но «на продажу». Уже в IV в. до н.э. Боспор стал главным поставщиком хлеба для греческого мегаполиса — Афин, большая его часть поступала не из самого Крыма и Тамани, а из скифских степей[192]. В римские времена торговые связи еще усилились: со Скифией как экспортером хлеба мог сравниться только Египет.



Скифская культура плиточных могил. Инвентарь могильников, керамика. Забайкалье

Чтобы вести широкомасштабную торговлю хлебом, надо его произвести. А это значит, что скифы и сарматы были столь же искусными земледельцами, как и скотоводами. Об этом повествует и легенда о происхождении скифов, гласящая, что первый царь Колоксай получил с неба в виде символов своей власти ЗОЛОТОЙ ПЛУГ, ЗОЛОТОЕ ЯРМО, ЗОЛОТУЮ ЧАШУ И ЗОЛОТУЮ СЕКИРУ. Плуг — орудие земледельческого труда — поставлен на первое место; на втором ярмо, означающее скотоводство; на третьем чаша — символ богатства и на четвертом — меч, чтобы это богатство охранять.

В сущности, род занятий и быт скифов и сарматов в античное время мало отличался от рода занятий населения Южной России еще XIX века. Так что, говоря о скифах и сарматах, применять термин «кочевники» становится просто неприлично. Правильнее назвать их подвижными земледельцами и скотоводами.

Забавно, но признавая, что в южнорусских степях античной эпохи было развито земледелие (об этом теперь говорят не только источники, но и данные археологии), многие историки все же не желают отказаться от привычного им образа «варвара-кочевника». В результате появился миф, что земледельцы южнорусских степей были... не скифами, а каким-то другим народом, подвластным скифам. Так была пущена утка, что сами-то скифы были воинственными кочевниками, притом «иранцами», а зато среди подвластных им народов в «степях Украины» обитали мирные земледельцы и натуральные славяне, которых, якобы звали сколотами.[193]

Но, по Геродоту, сколоты — это *самоназвание* скифов. «Скифы-пахари», упомянутые им, ничем в этническом смысле не отличаются от «скифов-пастырей» — только преобладанием того или иного рода занятий. Кроме того, ареал земледелия в Южной России железного века выходил далеко за пределы тех малых областей Поднепровья, где академик старался разыскать славян. Известно, что далеко от Днепра, в чисто сарматских краях на Кубани, в древности существовала даже сложная система ирригационных сооружений.

И все же миф о «скифах-кочевниках» оказался живуч. Настолько живуч, что появилась новая версия: земледельцы азово-черноморских степей были не скифы, а... меоты-синды (индоарии, которые якобы не успели в свое время уйти в Индию). Это именно они возделывали плодородную почву донских и ку-

банских степей, а кочевники-скифы только «собирали дань»...[194] Ну никак, несмотря на данные источников о том, что сколоты и скифы тождественны, а синды-меоты-сарматы были один народ, несмотря на свидетельства археологии о полной однородности культуры южнорусских степей того периода, некоторые исследователи не могут привыкнуть к мысли, что в древности одни и те же люди могли заниматься и земледелием, и скотоводством — как и сейчас...

Когда же впервые в южнорусских степях появилось производящее хозяйство и насколько развито оно было в античную эпоху? Установлено, что ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ С СЕРЕДИНЫ III ТЫС. ДО Н.Э. (то есть со времен Ямной культуры) НАСЕЛЕНИЕ ПРИАЗОВЬЯ-ПРИЧЕРНОМОРЬЯ УЖЕ ЗАНИМАЛОСЬ ПАШЕННЫМ ЗЕМЛЕДЕЛИЕМ И РАЗВОДИЛО НЕСКОЛЬКО ВИДОВ ПШЕНИЦ.

Разумеется, пашенное земледелие, каким оно сложилось в Южной России к сер. III тыс. до н.э., — не начало производящего хозяйства, а его развитая форма. Ясно, что «МЕСТНОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ ИМЕЕТ ДОСТАТОЧНО ГЛУБОКИЕ КОРНИ - И ВОСХОДИТ, ВОЗМОЖНО, К ЭПОХЕ НЕОЛИТА»[195].

Типичная «арийская» культура южнорусских степей III—II тыс. до н.э., от Ямной до Срубной и Андроновской — это прежде всего развитое земледельческо-скотоводческое хозяйство. Это разведение лошадей, крупного и мелкого рогатого скота; это телеги и колесницы; это обработка земли с помощью плуга (с бронзовым наконечником) и тягловой силы быка. Это оседлые и хорошо спланированные укрепленные поселения типа Аркаима в южном Приуралье, которые иногда называют протогородами. Тот материальный уровень, который определял состояние экономики в Средние века, во многом был в бронзовом веке уже достигнут.

Однако уровень развития земледелия испытывал колебания, связанные с изменениями климата. В условиях Евразийского континента такие изменения имели решающее значение. Так, в раннем железном веке (собственно скифское время) земледелие сократилось по сравнению с эпохой поздней бронзы, тогда как скотоводство усилилось (что дало повод считать скифов кочевниками). Это было связано с усыханием степи, с учащением засух. В античное время роль земледелия опять возросла (степь увлажнилась), и сарматы стали экспортировать хлеб в большом количестве.

Смешанный тип экономики был «настроен» на сильные колебания континентального климата и позволял адаптироваться к нему, стимулируя то земледелие, то скотоводство. Восточно-Европейская равнина, в основном ее южные области, была одним из самостоятельных, «первичных» очагов развития производящего хозяйства. Становление этого очага сейчас относят к VII—IV тыс. до н.э. (период неолита — позднего каменного века) (Шнирельман, с. 108).

На его основе уже в глубокой древности сложилась особая сельскохозяйственная зона, занявшая огромную территорию континентальной Евразии, протянувшуюся от Южной Скандинавии через Прибалтику, Белоруссию, Центральную Россию до Волги, Каспия, Южного Урала и Южной Сибири (Алтая). Здесь в период неолита развивалось неорошаемое подсечно-огневое и пойменное земледелие с ведущими культурами проса и ячменя, а также скотоводство (разведение коров, овец, лошадей, и на востоке этой зоны — двугорбого верблюда)[196]. В отношении лошади установлено, что это домашнее животное было впервые приручено именно здесь; то же, видимо, относится и к верблюду (возможный вариант — Иранское нагорье).

Евразийская сельскохозяйственная зона оказала существенное влияние на окружающий мир. Можно считать установленным, что культура проса (один из ранних возделываемых злаков) распространялась именно отсюда по крайней мере, двумя путями: первый вел на юг, в Среднюю Азию; второй далеко на юго-восток, вплоть до бассейна реки Хуанхэ. Здесь, в Северном Китае, просо стало основным злаком ранних неолитических культур V—III тыс. до н.э. Это значит, что восточно-азиатский очаг развития производящего хозяйства (послуживший основой для становления цивилизации Китая) сложился под влиянием «евразийского».

Современные данные позволяют утверждать, что становление производящего хозяйства на территории внутренней, «континентальной» Евразии началось в неолите (с VII—VIII тыс. до н.э.). Но есть основания полагать, что на самом деле гораздо раньше...

Сейчас стало ясно, что восточноевропейский очаг земледелия развивался в то же самое время, что и переднеазиатский (неолит, VIII—IV тыс. до н.э.). Однако считается, что первый находился под влиянием второго. Тем не менее сама древность

северного очага указывает на его самостоятельность, а особенности его развития таковы, что позволяют предположить: онто и был первичным. Влияние северного (восточно- и центрально-европейского) очага преобладало над влиянием южного (переднеазиатского), а не наоборот.

Земледелию везде предшествовало животноводство. Ведь дикорастущие злаки мало пригодны в пищу. Трудно себе представить, что люди столетиями (!) занимались селекцией злаков без непосредственного эффекта — как будто заранее поставив себе цель лет через тысячу вывести культурные растения. Увы, человек не столь расчетлив, тем более что охотничий быт препятствовал оседлости.

Как ни парадоксально, земледелие «изобрели» скотоводы. Скотоводческое хозяйство степной зоны Восточно-Европейской равнины издавна было развитым, самостоятельным и оказывало влияние на другие цивилизации (приоритет в приручении лошади уже доказан). Можно полагать, что здесь впервые появилось и земледелие, тем более что первые культурные злаки Старого Света происходят отсюда. Наконец, сами природные условия, знаменитый чернозем создавали все возможности для начального этапа земледелия, когда при малом вложении затрат и энергии была необходима высокая продуктивность.

Пути распространения культуры земледелия в древней Передней Азии также указывают на влияние с севера. Наиболее ранняя и развитая земледельческая культура обнаружена в Северо-Западном Иране (поселение Ганджи-Депе, VIII тыс. до н.э.). Она обладала поразительно высоким для своего времени уровнем: здесь обнаружена наиболее древняя глиняная посуда и двухэтажные (!) дома (для сравнения: культуры Палестины и Малой Азии начали производить керамику только в VI тыс. до н.э.). Очевидно, что Ближний Восток узнал земледелие из Северного Ирана или же *через* Иран. А Иран, в свою очередь, всегда был тесно связан со среднеазиатскими культурами. А среднеазиатские культуры, как уже стало ясно, постоянно испытывали воздействие с севера... Средняя Азия была своего рода «горлом кувшина», откуда в раннем неолите в страны южного пояса внезапно «разлилась» культура развитого земледелия в готовом виде. (Так или иначе, но одно уже доказано, одно бесспорно — первыми земледельцами были арии, индоевропейцы, то есть русы, предки русских. — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*)

Что касается дунайско-балканского комплекса земледельческих культур (первичного для Центральной и Западной Европы), то его становление явно происходило под воздействием с востока, с территории Восточно-Европейской равнины, а вовсе не с юга, через Малую Азию — из областей Восточного Средиземноморья. Конечно, южный путь физически был вполне возможен, но есть обстоятельства, показывающие, что он использован не был. Дело в том, что дунайский комплекс сложился довольно поздно, во второй половине V тыс. до н.э. А именно в это время земледельческие культуры Малой Азии и Палестины испытали глубокий кризис и пришли в упадок почти на целое тысячелетие...

Итак, отчетливо прослеживаются три пути, через которые первичный очаг производящего хозяйства, сложившийся на территории континентальной Евразии, оказывал влияние на окружающий мир: 1) через Алтай и Центральную Азию — в бассейн реки Хуанхэ; 2) через Среднюю Азию на юг, в Иран и Индию; 3) из Северного Причерноморья на Дунай и Балканы. Последующая история развития земледелия в Южной России подтверждает приоритет по всем пунктам. Пашенное земледелие, использующее тягловую силу домашних животных, появилось впервые здесь же; применение металлов для изготовления орудий началось тоже здесь.

Самое занятное, что первенство Восточной Европы (Скифии) в развитии земледелия в древнейшие времена был признан в странах Восточного Средиземноморья. Историк Скифии Помпей Трог рассказал о «споре» между скифами и египтянами о том, «какой народ древнее», причем в подтверждение своей правоты скифы приводят такой аргумент: в Египте земледелие стало возможно только после проведения масштабных ирригационных работ, а это уже само по себе указывает на позднее заселение этой страны, на перенос туда высокой культуры в готовом виде[197].

Этот аргумент применим ко всем раннеземледельческим культурам Передней Азии, основанным, как известно, на ирригации в бассейнах крупных рек... И недаром, с точки зрения Помпея Трога, скифы оказались правы и выиграли «спор о древности».

О том, что такого рода «споры о приоритете культуры» в античном мире действительно велись (как и сейчас!), свидетельствует и греческая легенда о начале земледелия. Это важней-

шее достижение цивилизации греки, разумеется, приписывали себе (для чего, как показывают современные исследования, у них не было оснований). Самое интересное, что в этой легенде приоритет Греции в области земледелия оспаривают... скифы. Это предание в высшей степени показательно; оказывается, в глазах «цивилизованных» греков скифы не только не были «варварами-кочевниками», но имели реальные притязания на важнейшие культурные открытия. Разумеется, в греческом мифе восхваляются и подкрепляются божественным авторитетом достижения своей цивилизации: скифский царь Линх, приписывающий себе изобретение земледелия, наказан за это богиней земледелия Деметрой, отдавшей первенство сыну элевзинского царя Триптолему[198]. Но сама «постановка проблемы» показывает, что именно скифы казались грекам единственными соперниками в этом вопросе...

Следует напомнить, что сами скифы определенно считали свою страну родиной как земледелия, так и скотоводства — вспомним легенду, родовое предание о «луге» и «ярме», которые были дарованы Небом (но не каким-либо земным народом).

3.6. Медь, бронза и железо

Индустрия металлов определяла в последние несколько тысяч лет технологический прогресс. Недаром же исторические эпохи получили название: век каменный, бронзовый, железный...

Первые медные изделия появились в неолитических культурах VII—VI тыс. до н.э., однако это были в основном украшения. Обработка меди проста, но ее применение дает мало преимуществ в сравнении с каменными орудиями. Но открытие меди положило начало металлургии. Где и когда произошло это событие? Современные данные археологии не позволяют точно ответить на этот вопрос, однако древняя историческая традиция высказывается вполне определенно. Выдающийся римский ученый Гай Плиний Старший в своем труде «Естественная история», ссылаясь на авторитет Аристотеля, утверждает, что мировая металлургия началась с того, что СКИФ ЛИД ПОКАЗАЛ, КАК СПАИВАТЬ И ПЛАВИТЬ МЕДЬ...[199]

Утверждение о скифе Лиде, первооткрывателе медной индустрии, стоит легенды о скифе Линхе, оспаривавшем приоритет на открытие земледелия... Но и это еще не все: тот же Плиний

Старший передает, что ЛУК И СТРЕЛЫ ИЗОБРЕЛ СКИФ, СЫН ЮПИТЕРА![200] Древняя «греческая» традиция все крупнейшие изобретения эпохи перехода к производящему хозяйству приписывала... скифам! Почему-то на этот факт историки, объявляющие жителей южнорусских степей хроническими «варварами-кочевниками», стараются не обращать внимания.

В прошлом, как и сейчас, была тенденция преувеличивать достижения собственной цивилизации — в ущерб другим, и **если жители Средиземноморья в античное время считали, что все культурные ценности достались им от скифов, значит, так оно и было.**

Поскольку изобретение лука, начало земледелия и, видимо, медной металлургии следует отнести к эпохе мезолита (не позднее XII—VI тыс. до н.э.), а нерасчлененное единство народов будущей индоевропейской семьи существовало именно тогда, то легенды о скифах как двигателях культурного прогресса можно считать просто «воспоминанием» народов Средиземноморья об их протоарийских предках. Производящее хозяйство распространялось в Евразии вместе с расселением из зоны континентальных степей, из Великой Скифии, что и отразилось в преданиях, в которых Скиф выступает «культурным героем». Очевидно, что **античные народы были твердо уверены в преемственности современных им СКИФОВ с древними АРИЯМИ...**

Следующий важный шаг в развитии общества, изобретение технологии выплавки бронзы относится уже к эпохе протогородской и городской культуры. Это событие вызвало в производстве революцию: эффективность труда с применением бронзы повысилась, не говоря уже о возросшем качестве вооружения. Чрезвычайно интересно проследить «историю» бронзы, пути ее распространения.

Чтобы изготовить бронзовый сплав, надо по меньшей мере иметь две компоненты: медь и олово. Ареал изобретения бронзы должен иметь месторождения этих металлов. Если месторождений меди Древний мир знал довольно много, то олово было редким и ценилось высоко. Оно добывалось в Испании, на Британских островах, на Кавказе. Но все эти центры стали доступны для цивилизаций Передней Азии довольно поздно. А раньше...

Прежде всего, следует сократить круг поиска места изобретения бронзы за счет Восточной Азии. В Китае бронзового века как такового не было: этот металл начал применялся поздно, в эпоху Шан-Инь (конец II тыс. до н.э.), и из него изготовляли

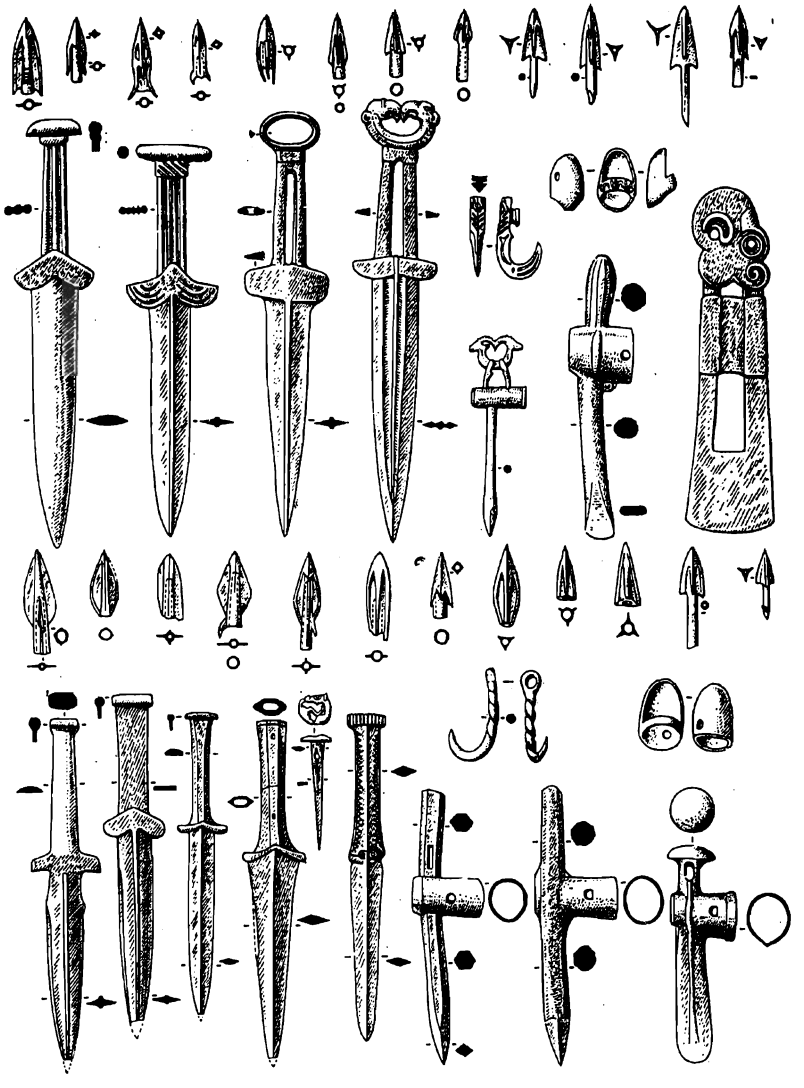
Тува. Оружие скифского времени

только украшения и оружие, а не орудия труда. Африка и Америка отпадают. Западная Европа могла бы стать местом изобретения бронзы, поскольку здесь имелись месторождения олова. Могла, но... не стала. Культура бронзы, как явственно прослеживается на материалах археологии, была принесена в Западную Европу с востока в конце III тыс. до н.э., и только после знакомства с уже готовой технологией в этом регионе были задействованы запасы местного сырья.

Круг «претендентов» сужается за счет периферии Старого Света и приближается к внутренним районам Евразии... Перейдем к Средней Европе. Здесь, от Альп до Днепра, в IV тыс. до н.э. существовала «балкано-карпатская металлургическая провинция», пользовавшаяся своим сырьем и производившая массивные медные орудия и украшения из золота. Эта технология полностью исчезла в III тыс. до н.э., а вся территория ее распространения была поглощена новой, циркумпонтийской (причерноморской) провинцией. Новая провинция, основные центры которой находились в Южной России, заняла огромную территорию от Южного Урала на востоке, Кавказа и Закавказья на юге до бассейна Дуная на западе[201].

Формирование новой металлургической общности связано, очевидно, с расселением из степей Причерноморья ариев (носителей Ямной культуры). Однако же новая «циркумпонтийская» технология, более прогрессивная по сравнению со старой европейской, все же не была совершенной: орудия в Восточной Европе раннебронзового века изготовлялись из особого сплава меди с мышьяком. Это и неудивительно, поскольку природных источников олова здесь почти нет.

Остается переднеазиатско-средиземноморский центр, которому принято приписывать все достижения культуры... Но здесь выходит неувязка: Шумер и Египет в древности были лишены доступа к необходимым металлам. Из претендентов на изобретение бронзы их следует исключить. В Египте и соседних странах бронзовый век начался только во II тыс. до н.э., но в Шумере несколько раньше: в начале III тыс. до н.э. появились первые изделия из бронзы (культура Джемдет-Наср), а важнейшие орудия труда — мотыга и плуг — стали бронзовыми в конце этого же тысячелетия, около XXIV—XXII вв. до н.э. И эта дата — самая «передовая» в регионе. Итак, шумеры не могли быть изобретателями бронзы, но применили ее первыми. Значит, они первыми получили секрет ее изготовления. Откуда?..



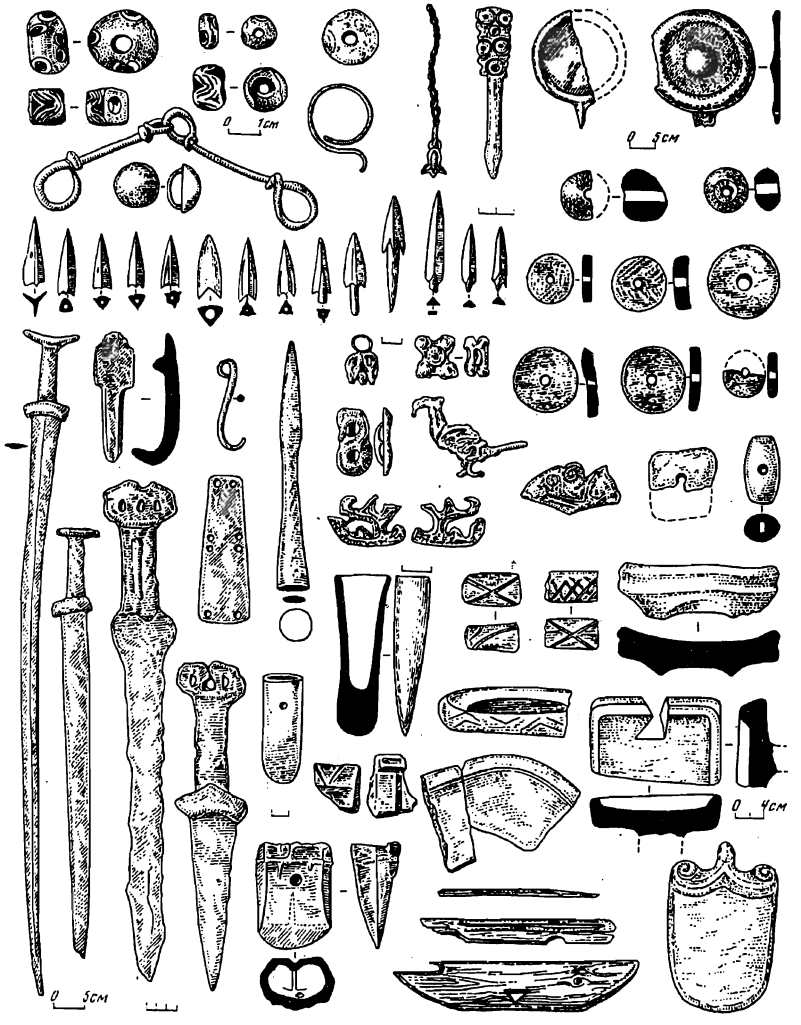
Тагарская культура. Оружие VII—III вв. до н.э. Минусинская котловина

По-видимому, бронза пришла в Междуречье с востока, из Ирана. Установлено, что в Иране уже в IV тыс. до н.э. (раньше, чем где-либо во всем регионе «южных цивилизаций»!) применялись бронзовые орудия земледельческого труда: «Бронзовые проушные тесла или мотыги с отверстием и намечающейся цапфой известны в слоях ЧЕТВЕРТОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н.Э. в Сузах-С и Сиалк-3 [Центральный Иран]. ЭТОТ ТИП ОРУДИЯ С ШИРОКОЙ РАБОЧЕЙ ЧАСТЬЮ И СТАЛ, ВИДИМО, ПРОТОТИПОМ ЖЕЛЕЗНЫХ КЕТМЕНЕОБРАЗНЫХ ОРУДИЙ, КОТОРЫЕ ВПОСЛЕДСТВИИ, В ПЕРВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н.Э., ШИРОКО РАСПРОСТРАНЯЮТСЯ ПО ВСЕЙ ЗОНЕ ИРРИГАЦИОННОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ»[202].

Мотыги из бронзы, датируемые 3000 г. до н.э., обнаружены не только в Западном и Центральном, но и в Восточном Иране, и в Афганистане. Первые бронзовые лопаты также найдены в Сузах (Западный Иран) и в долине Инда, а на сузианских печатях имеются изображения плуга, датируемые около 3000 г. до н.э. Короче говоря, приоритетом на изготовление бронзы в «южном поясе» обладал Иран. Но именно эпохой ранней бронзы, согласно новейшим исследованиям, и датируется начало миграций в Иран ариев. Как выясняется, собственно «индоиранская» общность, отличная от других «арийских» цивилизаций, сформировалась в Средней Азии к началу IV тыс. до н.э. С этого времени началось ее продвижение на юг, в Иран и Индию, отчетливо наблюдаемое археологами по распространению так называемой культуры серой керамики.[203]

Первоначальный ареал серой керамики занимал Гиссар и Горган (современная Западная Туркмения). Оттуда, как из горла кувшина, культура серой керамики в течении III тыс. до н.э. «разливалась» по Иранскому нагорью и к началу II тыс. до н.э. докатилась до Месопотамии (первые сведения об ариях на севере Месопотамии — митаннийцах и кутиях — относятся к этому времени). В раннем железном веке, когда Иран был арийским, серая керамика доминировала.

Раньше считалось, что расселение народов арийской семьи и, в частности, становление цивилизаций Ирана и Индии произошло в виде какого-то «взрыва» в самом начале железного века (около 1000 г. до н.э.). Но теперь становится ясно, что это был только один из этапов длительного процесса, продолжавшегося тысячелетиями... ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ БРОНЗЫ, ОЧЕВИДНО, ПРИШЛА В ИРАН И ИНДИЮ ВМЕС-



Гороховская культура скифов. Вещи из захоронений. Лесостепное Приртышье VII—VI вв. до н.э.

ТЕ С АРИЯМИ — НОСИТЕЛЯМИ КУЛЬТУРЫ СЕРОЙ КЕРАМИКИ — ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ. Оттуда она и распространилась на Ближний Восток...

Честь «открытия» бронзы принадлежит, видимо, восточным (сибирско-среднеазиатским) группам ариев, имевшим доступ к богатым месторождениям металлов. От них научились бронзовой металлургии восточноевропейские группы ариев, а поток переселенцев, направленный из южнорусских степей, принес индустрию бронзы в Европу. Появление бронзы в Китае — результат взаимодействия с сибирской и центральноазиатской группой ариев.

За несколько столетий цивилизованный мир познакомился с производством бронзы. Одновременность говорит о происхождении индустрии бронзы из одного истока, а пути распространения указывают на степные пространства Евразии как на отправной пункт.

Индустрия железа распространилась по миру так же быстро и неожиданно — на рубеже II и I тыс. до н.э. Если относительно «бронзового» пути есть только данные археологии, то о том, откуда пришло железо, могут рассказать письменные источники...

Как и в случае с бронзой, из числа претендентов на изобретение черной металлургии «отпадают» Африка (включая Египет), Аравия, Индия, Китай и Юго-Восточная Азия. Там индустрия железа распространилась одновременно и довольно поздно — с IX по V в. до н.э. Остается опять внутренняя, континентальная, северная Евразия с прилегающим переднеазиатско-средиземноморским поясом.

В настоящее время господствует мнение, приписывающее «изобретение» черной металлургии древним хеттам (восточная часть Малой Азии) или же их соседям в Закавказье. Здесь обнаружены довольно ранние изделия из железа, датированные еще серединой II тыс. до н.э. Хетты изготовляли из железа предметы роскоши и даже оружие, хотя оно и не получило широкого применения. Уже в те времена свойства железа были прекрасно известны и хеттская металлургия вызывала у соседей зависть. Так, египетский фараон обращался к хеттскому царю с просьбой продать ему какое-то количество этого важного стратегического сырья, но хитрый царь ответил, что у него, дескать, железо в этом году «не уродилось».

Но первые этапы обработки железа еще не означают начало настоящего железного века. Новый металл становился действи-

тельно полезен и эффективен только после соответствующей обработки, после изобретения стальных сплавов. А здесь надо «секрет знать»... Похоже, для хеттов он остался тайной: их армия на вооружение железные мечи так и не получила. Зато в конце XIII в. до н.э. на голову хеттам обрушилась армия, у которой с железными мечами было все в порядке... Это была эпоха Троянской войны. Все Восточное Средиземноморье было потрясено нашествиями «народов моря» (как называли их в Египте). Загадочные «народы моря» обрушились на побережье Малой Азии и проникли вглубь полуострова; хеттское царство пало. Египтянам удалось отбиться; зато «народы моря» завоевали Палестину (получившую от них свое имя). По-видимому, эти же «народы моря» обрушились и на Грецию, поскольку крушение ахейской цивилизации относится как раз к этому времени (около 1200 г. до н.э.).

Источники свидетельствуют: «НАРОДЫ МОРЯ», ЗАВЛАДЕВШИЕ ПАЛЕСТИНОЙ, ОДЕРЖИВАЛИ СВОИ ПОБЕДЫ ПРИ ПОМОЩИ ЖЕЛЕЗНОГО ОРУЖИЯ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО У МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ.

Железный век начался в Средиземноморье и Передней Азии после нашествия «народов моря». Постепенно победители «вписались» в южные цивилизации, «растворились в местном населении» и передали ему секрет черной металлургии. Но откуда же пришли эти загадочные завоеватели?.. Скорее всего, с севера Балкан, из бассейна Дуная. «Морскими» эти народы изначально не были (так их назвали египтяне, на которых они напали со стороны моря). С севера пришли в Грецию дорийцы, образовавшие аристократическую элиту в среде местного ахейского населения. В дорийское время, в XI в. до н.э., в Греции появляется железное оружие...

А на севере Балкан, в бассейне Дуная, археология фиксирует накануне (XII в. до н.э.) так называемую предскифскую миграцию, направленную из степей Южной России. Становится очевидно, что «ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК, ЕГО РАННЯЯ СТАДИЯ СВЯЗЫВАЮТСЯ В ВЕНГРИИ, РУМЫНИИ И БОЛГАРИИ С КОНТАКТАМИ МЕСТНЫХ ПЛЕМЕН С КИММЕРИЙЦАМИ (ДОСКИФСКОГО ПЕРИОДА) И СКИФАМИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ»[204]. И это были не просто культурные контакты, но именно миграции, перемещения народов. Потомки киммерийцев и скифов, утвердившихся на Балканах на рубеже II и I тыс. до н.э., основали город Сингидун (совр. Белград).

Дунайские культуры (так называемый фракийский Гальштадт) раннего железного века обнаруживают следы мощного киммерийско-скифского влияния; напрашивается предположение, что ИМЕННО КИММЕРИЙЦЫ ПРИНЕСЛИ В БАССЕЙН ДУНАЯ И НА БАЛКАНЫ РАЗВИТУЮ ТЕХНОЛОГИЮ ОБРАБОТКИ ЖЕЛЕЗА (ВИ, т. 3, с. 358). Возможность распространения черной металлургии с юга на север следует отбросить: военно-политическая экспансия исходила *с севера на юг*, из Причерноморья на Балканы, в Малую Азию и Палестину, а не наоборот, и есть надежные свидетельства, что железо распространилось на юг именно в руках воинов...

Исходным пунктом «железного пути» в Европу и Восточное Средиземноморье (через бассейн Дуная и Балканы) были киммерийские степи Южной России. Вот откуда исходил импульс, положивший конец древним средиземноморским цивилизациям бронзового века. Вот откуда пришли «новые технологии».

В то же время на востоке события развивались похожим образом. В Средней Азии и Восточном Иране ранний железный век датируется еще XIV—IX вв. до н.э. — намного раньше, чем где-нибудь еще. Общеизвестно, что отсюда пошла последняя по времени волна «арийской» миграции, заложившая на рубеже II и I тыс. до н.э. основу цивилизаций Индии и Ирана. Расселившиеся арии принесли с собой в Индию технологию обработки железа... В Китае железный век начался в IX—VIII вв. до н.э., в эпоху «раннего Чжоу». Чжоуское царство в бассейне Хуанхэ было основано центрально-азиатскими ариями...

Итак, мы видим три основные пути распространения крупных технологических новшеств, местом изобретения которых была Великая Скифия — «континентальная» Евразия: первый путь, из Северного Причерноморья на Балканы и в Малую Азию, стимулировал развитие цивилизаций Средиземноморья; второй путь — через Среднюю Азию в Индию и Иран (вплоть до Междуречья) и третий — из Южной Сибири в Китай. Путь через Кавказ почти всегда был закрыт: горы препятствовали серьезному взаимодействию.

Этим путем прошли в VIII—V тыс. до н.э. новшества неолитического земледелия и скотоводства; в IV—III тыс. до н.э. — металлургия бронзы, в XIV—X вв. до н.э. — железа. Интересно, что наиболее ранние следы технологических новшеств обнаруживала всегда Средняя Азия и Иран (самое раннее и развитое неолитическое поселение Ганджи-Депе VIII тыс. до н.э., пер-

вые бронзовые орудия Сиалка и Суз IV тыс. до н.э., ранний железный век Средней Азии XIV—XI вв. до н.э.); за ними — балкано-дунайский центр и затем — сибирско-китайский.

В последнее время выясняется огромная роль в прошлом южно-сибирского — алтайского — центра металлургии[205]. Алтай славился производством металлов на протяжении всей «писаной» истории Древнего мира, и неудивительно. Богатые сибирские месторождения полезных ископаемых не иссякли еще до сих пор.

В связи с этим предполагают, что как медно-бронзовая, так и железная металлургия впервые были освоены в Южной Сибири. Но? видимо, это верно только по отношению к бронзе. Но для первых шагов обработки железа требуется не столько обильное, сколько легкообрабатываемое сырье. УНИКАЛЬНЫЕ ЗАПАСЫ ЛЕГКОПЛАВКОГО ЖЕЛЕЗА, ОЗЕРНО-БОЛОТНЫХ РУД (ДО 3/4 ВСЕХ ЕВРАЗИЙСКИХ) СОСРЕДОТОЧЕНЫ В РАЙОНЕ СРЕДНЕРУССКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ. Здесь же в изобилии сырье для древесного угля, которое только и применяли древние металлурги.

Видимо, первые шаги по изобретению земледелия были сделаны в Центральной и Южной России (европейской части), и здесь же была освоена металлургия железа [206], тогда как обработка бронзы является приоритетом восточного — южносибирского — центра.

Великая Скифия никогда не испытывала недостатка в новых идеях и новых технологиях. И земледелие, и скотоводство, и металлургия бронзы и железа были здесь всегда на высоком уровне. Богатство сырьевой базы создавало возможность для совершенствования материальной культуры, развитый транспорт позволял широко пользоваться этими богатствами, а резкие колебания климата и постоянная опасность в условиях открытых пространств стимулировали необходимость прогресса. При этом Великая Скифия, уже в силу чисто географических факторов доступная влияниям со всех сторон, так же легко отдавала вовне плоды своего прогресса, как и заимствовала достижения других цивилизаций.

3.7. Золото

Это, наверное, самый известный атрибут культуры скифов: курган — «царская могила», и под ним клад, полный искусно

изготовленных украшений из драгметаллов... Погребения скифских вождей под курганами в середине I тыс. до н.э. встречаются на огромной территории континентальной Евразии — от Нижнего Дуная до Алтая и Саян. На крайнем западе скифских земель, в Приднестровье (алазоны), обрядом погребения в VI—IV вв. до н.э. было сожжение, на всей остальной территории преобладало захоронение — уцелело множество ритуальных предметов, которыми снабжали усопших.

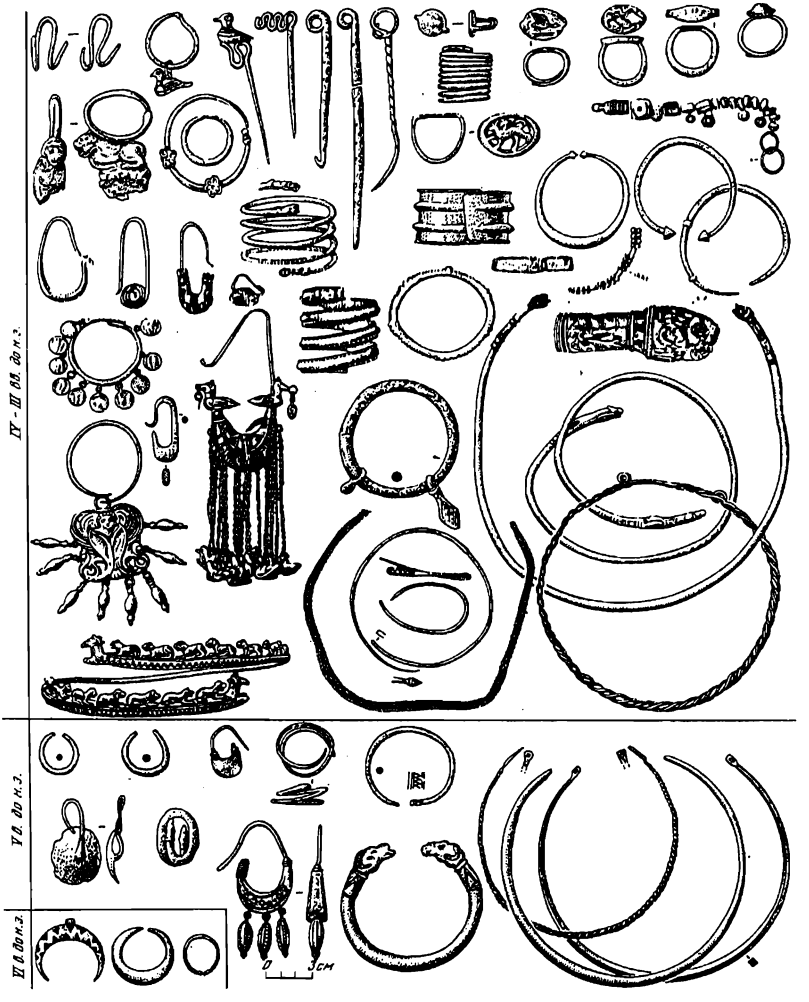
Самые известные находки были сделаны в курганах Приазовья-Причерноморья, которые начали раскапывать в XVIII в. В 1830 г. был открыт наиболее примечательный курган Куль-Оба (близ Керчи); этот клад положил основу скифской коллекции Эрмитажа. Находки с тех пор не прекращались, похоже, что скифский «золотой запас» еще до сих пор не исчерпан...

Не менее значительными оказались находки, сделанные на другом конце скифского мира, в приалтайских степях. «Золотая коллекция» петербургских музеев началась именно с сибирских кладов, обнаруженных еще при Петре Первом. Систематические раскопки, однако, начались только в XX в. Они дали не только изделия из драгметаллов, но и множество других вещей, которые сохранились благодаря вечной мерзлоте.

Масштабы курганного строительства в Южной Сибири впечатляют. Если в Причерноморье такого способа погребения удостаивались цари, то на востоке и прочие люди. Только в районе Саглы (Тува) — около 19 тыс. курганов скифского времени! В них обнаружены импортные предметы из Индии и Средиземноморья, а также множество вещей местного изготовления.

Распределение памятников античной эпохи Евразийских степей показывает, что скифская цивилизация имела два центра: один южнорусский, от Днестра на западе до Волги на востоке и Кавказа на юге, и другой — южносибирский, в районе Семиречья — Алтая-Саян. Среднеазиатские скифы были тесно связаны с сибиряками.

Предметы скифского прикладного искусства I тыс. до н.э., обладающие художественными достоинствами и выполненные в едином зверином стиле, обнаружены на огромной территории, от Дуная до Байкала. Кто и когда создал эти предметы? Казалось бы, ответ ясен; но не для всех: «Памятники искусства, добытые из скифских курганов, поражают утонченным мастерством, совершенством форм, экспрессией, выразительностью



Украшения из курганов степной Скифии

стиля. Интерес к этим памятникам очень велик как среди специалистов, так и среди широких кругов ценителей искусства. Им посвящена поистине необъятная литература. Однако до сих пор *нет окончательного ответа* на вопросы об истоках, путях развития и первоначальном происхождении этого искусства»[207].

Раньше на вопрос о происхождении скифского золота отвечали: все это греки делали. Развитые, цивилизованные греческие мастера изготовляли и продавали украшения варварам... Правда, ранние скифские вещи имеют мало общего с греческой традицией. Но тогда, значит, их сделали в другом «цивилизованном» месте: «В VII—VI веках до н.э. привозные украшения поступали к скифам главным образом из Передней Азии. Они попадали к ним через Кавказ как предметы торговли или как трофеи, награбленные на Ближнем Востоке во время завоевательных походов кочевников...»[208]

Но ведь скифские клады найдены на огромной территории, от Дуная до Алтая и Саян. Причем сибирские памятники, сохранившиеся в вечной мерзлоте, выполнены не только на золоте, но и на дереве, ткани, кости — в том же своеобразном зверином стиле. И появились эти памятники как-то «сразу»: в одно и то же время на всем огромном пространстве «скифского мира»... Это исключает культурное заимствование не только из Греции, но и из Месопотамии. Нет чтоб сказать: скифы сами создали свое искусство... Все равно утверждают, что сначала «мастера передней Азии» выполняли драгоценные украшения для скифов, а позднее — греки.

Фактически истоки скифского звериного стиля — местные, южнорусские и уходят корнями к нач. III тыс. до н.э. Этим временем датируется курган вождя одного из прикубанских племен, обнаруженный на окраине Майкопа. Коллекция украшений, найденная в нем, поистине не имеет себе равных: «Майкопский курган — памятник мирового значения. Среди захоронений бронзового века в Европе по богатству находок с ним могут соперничать только знаменитые микенские гробницы в Греции» (Галанина, с. 12).

Достаточно сравнить фигуру золотого бычка и изображения животных на серебряном кубке из Майкопского кургана с золотыми оленем и пантерой, найденными в кубанских же курганах скифской эпохи, чтобы убедиться в их стилистическом единстве. Сходство с ними обнаруживают и предметы звериного стиля, найденные в других районах Великой Скифии, однако есть

и местные особенности. Так, восточые, среднеазиатские и сибирские изделия отличались склонностью к стилизации, тогда как в Причерноморье-Приазовье большей популярностью пользовался «реализм».

При чем же здесь «греческие мастера»? Ведь в Греции в III тыс. до н.э. изделий, подобных украшениям из Майкопского кургана, обнаружено не было. Даже пресловутые сокровища из микенских гробниц датируются многими веками позднее, начиная с XVI в. до н.э. Кстати, древние греки-ахейцы, оставившие эти выдающие памятники, были пришельцами на юг Балкан с севера, вполне возможно, из Причерноморья. Вот такая получается цепочка: сначала высококлассные предметы, изготовленные из драгоценных металлов, обнаруживаются к северу от Кавказа, в Приазовье; затем, несколько веков спустя на Балканах, вместе с продвижением сюда нового населения. Напрашивается предположение: а не принесли ли ахейцы «высокие технологии» металлообработки с севера, с Дуная или даже Причерноморья?

То же самое относится и к ювелирному искусству Передней Азии. Никаких «предвестников» скифского стиля там не обнаружено; клады VIII—VII вв. до н.э., найденные на территории древнего государства Урарту и явно принадлежавшие скифским вождям, содержали изделия, которые скифы сделали сами для себя и по своему вкусу... Мало того, установлено, что «МНОГИЕ ПРЕДМЕТЫ СКИФСКОГО ТИПА БЫЛИ СКОПИРОВАНЫ УРАРТАМИ СО СКИФСКИХ ОБРАЗЦОВ»[209]. То есть это скифы принесли в Переднюю Азию свое высокое искусство, а не наоборот...

А как же античные города Причерноморья? А как же знаменитая морская торговля, соединявшая Афины с Херсонесом, Пантикапеем и Танаисом? Неужели этого не было? Конечно же, было. Невозможно отрицать, что товары греческого производства поступали в Причерноморье, притом в достаточно больших количествах. Чтобы правильно представить себе культурное взаимодействие греков и скифов в античных причерноморских полисах, следует забежать далеко вперед по шкале времени и найти подходящую модель такого взаимодействия. От берегов Черного моря перейдем к берегам Балтики, и из V в. до н.э. — в XVIII в. н.э. Как известно, в этом столетии в самом восточном углу Балтийского моря возник город Санкт-Петербург (как когда-то в самом восточном углу Меотиды — Танаис). Допустим,

примерно через 4 тысячи лет о Петербурге не сохранится точных сведений, но останутся образцы архитектуры и прикладного искусства. Некий исследователь, сравнивая их с сохранившимися немецкими, французскими или итальянскими образцами, пожалуй, заключит, что город был немецкой (или итальянской) колонией, тем более что надписи предоставят некоторые имена типа Росси, Растрелли, Фальконе, Фаберже... Но мы-то знаем, что это не так. Петербург был зоной культурного контакта, взаимодействия цивилизаций, но вовсе не «колонией». И несмотря на огромный пласт западноевропейской культуры, который Россия впитала в XVIII в., ни у кого не возникнет сомнения, что русское искусство петербургского периода глубоко национально. То же можно сказать и о скифском искусстве античности: несмотря на явное средиземноморское влияние, оно оставалось своеобразным, ни на что не похожим, в том числе и на греческие «образцы».

Хорошо известно, что многие сюжеты, изображенные на драгоценных предметах из причерноморских курганов, имеют местное происхождение. Это сцены скифских сражений, как на золотом гребне из кургана Солоха, сцены укрощения диких коней, как на серебряной амфоре из Чертомлыкского кургана, просто изображения скифских всадников, как на золотой гривне из Куль-Обы. «Типовым» сюжетом был скифский миф о первопредке, выигравшем состязание с натягиванием лука, как на электровом сосуде из Куль-Обы или аналогичном изделии, найденном под Воронежем. Знаменитая пектораль из кургана Толстая Могила представляет собой изображение трех частей мира в представлении скифов: нижняя — мир хаоса (грифоны, терзающие коней), верхняя — идеальный мир «порядка» (люди, занятые ритуальной обработкой «золотого руна», и домашние животные в спокойных позах) и средняя — связующее эти два мира «древо жизни» (растительный орнамент).

Те же предметы, на которых, казалось бы, изображены античные сюжеты, на самом деле представляют «общее религиозное поле» греческой и скифской цивилизаций. Учитывая общее арийское происхождение* , удивляться этому не стоит.

---

* «Греки» времен «полисов» в Крыму уже далеко не арии, в них большая примесь негроидности средиземноморской малой расы. Впрочем, «греков» в скифо-русских городах побережья Русского моря было не столь и много — значительно меньше, чем сейчас их проживает в Севастополе, Одессе, Евпатории. Что касается Ахилла, он тавроскиф,

Так, например, электровая обивка горита (колчана), найденная в Чертомлыкском кургане, украшена сценами из жизни Ахилла. «Гомеровский» герой Ахилл почитался в Причерноморье как бог, и этот культ был местного происхождения. Недаром же «греческая» традиция называла Ахилла царем не то Мирмекия (на Боспоре), не то Танаиса...

Знаменитая золотая подвеска из кургана Куль-Обы изображает, как принято считать, греческую богиню Афину Палладу, причем является копией статуи Фидия, помещенной в Парфеноне. Стоит напомнить, что и жители причерноморских полисов, особенно Херсонеса, и скифы (по свидетельству Геродота) превыше всех богов почитали некую Деву. Греки сравнивали скифскую богиню то со своей Артемидой, то с Гестией, но, скорее, она была подобна Афине, в честь которой греки назвали свой главный город и построили лучший храм — Парфенон (то есть храм Девы). И греческая, и скифская Девы занимали в пантеоне богов первое место, что указывает на общность происхождения этого образа. И вполне возможно, что богато украшенный шлем Афины с боспорской подвески вовсе не является копией статуи Фидия, а просто восходит к некой общей традиции изображения этой богини...

Кстати, о боспорских подвесках и серьгах. Пожалуй, они представляют собой венец скифского ювелирного искусства. Особенно примечательны серьги, найденные в Феодосии, и подвески из Куль-Обы. Они представляют собой довольно сложную конструкцию (диск с большой подвеской в виде полумесяца, к которой крепятся цепочки с маленькими подвесками) и выполнены с применением техники зерни, к настоящему времени утраченной.

Древние мастера покрывали поверхность своих изделий узором из мельчайших золотых зерен, расположенных правильными группами по четыре в каждой. «Когда в 1853 году феодосийские серьги были найдены, они привлекли внимание золотых дел мастеров. Известные ювелиры Парижа и Петербурга пытались сделать копию украшения, но задача оказалась не-

---

рус, а к «древним грекам» имеет только то отношение, что попал в эпос и мифологию средиземноморских народов, которых обобщенно считают за «греков». А для скифов-русов Ахилл — их национальный герой. К слову, нам давно пора стряхнуть «греческую» раззолоченную шелуху с великой и изначальной мифологии и в целом культуры русов. — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*

выполнимой. Ювелиры смогли соединить только три зерна, а не четыре»[210].

И этот шедевр называют высшим достижением греческого искусства, вышедшим якобы из мастерской Фидия. Позвольте, но ведь в самой Греции подобных шедевров не обнаружено? И не обнаружено больше нигде, кроме Боспорского царства... Почему-то лучшие произведения древней микротехники обработки металла найдены именно на территории России, где они и были изготовлены местными мастерами.

Во времена господства сарматов стиль украшений несколько изменился; реалистические изображения сменились «авангардом», похожим на сибирский. Одно это показывает, что они изготовлялись местными мастерами: с востока пришло новое население и принесло с собой культурную традицию, близкую сибирской.

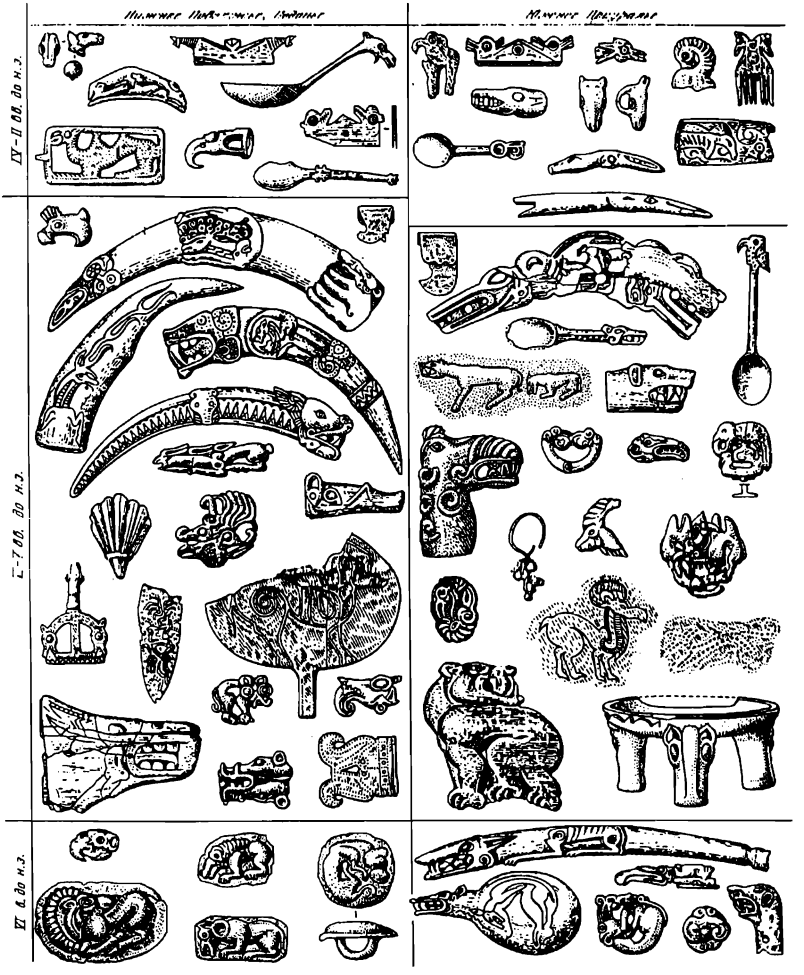
Древняя скифская металлообработка мало уступала европейскому уровню Нового времени!

3.8. Скифские ремесла и прикладное искусство

До недавних пор понятие «скифское искусство» сводилось к золотым украшениям из скифских курганов. Блеск золота затмевал глаза... Постепенно, однако, выяснилось, что скифы изготовляли не только ювелирные изделия.

В глубине Алтайских гор, в небольшой степной котловине — долине Пазырык на правом берегу реки Большой Улаган — сохранились древние курганы. Бальзамированные тела умерших здесь хоронили в бревенчатых погребальных камерах, в саркофагах-колодах, выделанных из цельного дерева. Сверху насыпали землю со щебнем... Благодаря уникальным условиям вечной мерзлоты, в этих курганах сохранилось то, чего нельзя найти в других скифских памятниках.

Оказалось, что в Скифии «...художественные изделия выполнялись не только из золота, и не столько из золота, сколько из самых разнообразных, и общедоступных, материалов, таких, как дерево, рог, кожа, мех, цветной войлок... Искусство это... было общенародным. Одни и те же изделия нашли в богатых и бедных погребениях»[211]. В этом нет ничего странного: ювелирные изделия обычно не столь распространены, как всевозможные поделки, которыми люди любят украшать быт. Резь-



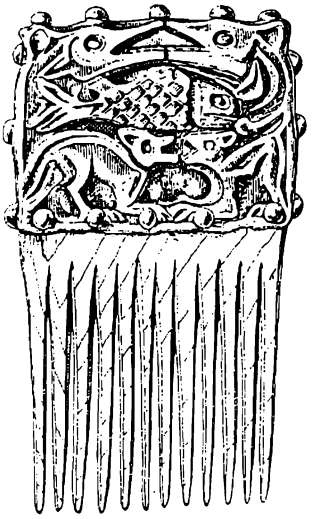
«Звериный стиль» савроматов и ранних сарматов

ба по дереву и кости была более популярна у «простых скифов», чем золотое дело. Но ведь горе-исследователи скифской культуры утверждали, что золото, добытое в курганах, скифы купили (или захватили) у греков... А оказалось, что в том же стиле выполнены и простые бытовые предметы, которые изготавливали даже не профессиональные ремесленники, а простые рядовые скифы — для своего удовольствия.

Судя по находкам в Пазарыке, скифы украшали все, что возможно: конскую сбрую, посуду, кожаные вещи, мебель, одежду, ковры... Интересны ткани, обнаруженные в алтайских курганах: ведь в обычных условиях так долго (2,5 тыс. лет) они не сохраняются. Пазарыкские ткани оказались в основном местного производства, причем очень высокого качества: это и полотно, и войлок, и тонкая шерсть (вытканная с двусторонним саржевым переплетением и диагональным рисунком). В качестве красителей применялся пурпурин, ализарин, индиго. Ткани, кожаные и меховые изделия искусно комбинировались, расшивались и украшались аппликациями. Одним из важных предметов прикладного искусства в скифском быту были ковры, в условиях прохладного сибирского климата явно не роскошь. Население Горного Алтая во времена Пазарыкских курганов жило в основном в бревенчатых домах (*типа изб*), стены и полы которых застилались войлочными коврами.

О скифской одежде прежде судили только по изображениям, но находки в Пазарыкских курганах позволили посмотреть на нее воочию. Верхняя одежда простого скифа состояла из короткого — до колен — кафтана с косыми, заходящими одна за другую полами, перетянутого ременным поясом. Теплый кафтан изготовлялся из меха, шерстью внутрь, более легкий из шерстяной ткани (например, из тонкого войлока). Иногда поверх накидывали на плечи плащи с застежкой на груди или правом плече. Штаны носили длинные узкие меховые или широкие войлочные; они заправлялись в мягкие сапоги и перевязывались ремнем. Под кафтанами одевали полотняную рубаху (тоже до колен). Головные уборы носили высокие, остроконечные, с полями, перекрывающими плечи, или же шлемовидные *шапки-ушанки* (нечто типа буденовки).

На большом войлочном ковре, найденном в Пазарыке, всадник изображен в короткой, перетянутой в талии поясом *куртке со стоячим воротником* и с коротким плащом за плечами, в узких штанах в обтяжку (Руденко, с. 127). Эти приталенные



Скифский гребень. Среднее Подонье. Чеканная золотая обкладка. Гребень касался головы, и поэтому всегда украшался «обережными» знаками или изображениями животных, отпугивающих злых духов. По большей части появлению искусства как такового мы обязаны именно «обережным знакам». Не «красота ради красоты», нет, психология архаичного человека была иной — изображения защищали и хранили его самого, посуду, утварь, коня, оружие, — всё, к чему он прикасался

куртки с воротниками-стойками напоминают русский костюм, принятый при дворе московских царей в XVII столетии... Правда, накидные плащи на одной пряжке тогда уже вышли из моды, но в Средние века, как известно, они были непременным атрибутом княжеской одежды.

Женский костюм включал те же короткие кафтаны, меховые или войлочные, *с длинными декоративными рукавами* (так напоминающими рукава русского средневекового костюма). В наряд входили меховые нагрудники, полусапожки из мягкой кожи с вышивкой и тонкие войлочные носки. Судя по всему, женщины по необходимости носили штаны, как и мужчины, но все же предпочитали платья. Все это было расшито и украшено по мере возможности. Головы скифских женщин украшали *косы*, иногда оформленные в сложные прически, с булавками, войлочными жгутами и даже накладными волосами. Головные уборы имели вид кожаной «скуфейки» с тульей и прикрывающей плечи меховой оторочкой или же представляли собой нечто типа деревянного «шлема» с разукрашенной кожаной покрышкой и отверстиями для кос, укладываемых поверх (последний тип напоминает русские средневековые женские шапочки — кики или кокошники).

И мужчины, и женщины носили серьги, гривны (на шее) и браслеты, выполненные в знаменитом зверином стиле в техни-

ке перегородчатой эмали и зерни, пользовались зеркалами (серебряными и бронзовыми). Еще в X столетии греков поражал вид русского князя Святослава с жемчужной серьгой в ухе... Кроме всего прочего, скифы любили такой экстравагантный вид украшения, как татуировку* . Изображения реальных и фантастических зверей, лошадей, орлов, грифонов — покрывали плечи и руки скифских мужчин.

Ремесла и прикладные искусства, украшающие быт, находились у скифов на самом высоком уровне. Скифская одежда была проста, удобна и как нельзя лучше подходила для климата евразийских степей. Надо отметить, что «заграничные» жители в конце концов не нашли ничего лучшего, чем скопировать скифскую одежду хотя бы в такой важной детали, как *штаны*. Начиная с IV—III вв. до н.э. от центрально-азиатских скифов, осевших в среднем течении реки Хуанхэ, штаны позаимствовали китайцы (до этого они носили только халаты). А во II—IV вв. н.э. мода на штаны наконец докатилась до «цивилизованных» греков и римлян...

3.9. Скифская письменность

Античные греки особо отмечали высокий культурный уровень Скифии, отличающий ее от соседних народов. Еще Геродот писал: «Понт Евксинский... представляет вкруг себя народы, всех стран непросвещеннейшие, исключая лишь скифский: ибо по сию сторону Понта ни одного народа мы не можем предложить, мудростию известного, ни одного мужа, ученостию знаменитого, *кроме народа скифского* и царя Анахарсиса».[212] По свидетельству Диогена Лаэртского, способность скифов поддерживать культурную беседу даже вошла в поговорку: «говорить, как скиф»[213].

Неужели можно быть «знаменитым ученостью» и прославиться красноречием, не читая книг? Еще совсем недавно само словосочетание «скифская письменность» казалось столь кра-

---

* В захоронениях найдены мумии скифов с достаточно хорошо сохранившейся на коже татуировкой растительных и звериных мотивов. Это тот же стиль, что использовали «расписанные травами и зверями» агафирсы. Точно такие же татуировки, по описанию Ибн-Фадлана, носили средневековые русы, которых он встретил на Волге. Один этнос (суперэтнос русов) — одни традиции, пронесенные сквозь тысячелетия. — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*

мольным, что всякая дискуссия на эту тему давилась в самом зародыше. Считалось, что якобы письменность изобрели древние шумеры и египтяне, независимо от них китайцы... что якобы «хитрые купцы-финикийцы»* усовершенствовали шумерскую клинопись и создали алфавит, который заимствовали у них греки, а от них римляне и все остальные. Такая концепция родилась в XIX столетии и держится до сих пор в справочных изданиях, хотя за последние десятилетия накопилась уйма фактов, разбивающих ее в пух и прах.

Откуда такой консерватизм, такое поразительное равнодушие к фактам и элементарной логике? Все дело в том, что вопрос о письменности — очень важный. По сути, система письменности представляет собой основу, костяк духовной культуры. Ведь это система обработки и хранения информации, отражающая сам «способ мысли», принятой тем или иным народом. Пересмотр истории развития письменности неизбежно приводит к созданию новых концепций общеисторического развития, а этого-то многие и не хотят.

До недавних пор утверждали следующее: 1) письменность родилась в момент появления культуры городского типа и связана со становлением «классового» государства; 2) письменность развилась от иероглифической системы к алфавиту; 3) все это произошло в Передней Азии с конца IV тыс. по конец II тыс. до н.э. (когда появился «венец творения» — финикийский алфавит). Разберемся, насколько эти положения соответствуют действительности.

Система письменности тем совершеннее, чем меньше в ней используется знаков (при адекватной передаче информации).

---

* Достижения финикийцев нам не следует приуменьшать, тем более что финикийцы, точнее, «фенеци» и «венеты» — этимологически одно слово-понятие и один народ. Несмотря на усиленные старания гебраистов и «библеистов», загнать венетов-финикийцев в искусственно создаваемую общность семитских народов Ближнего Востока не удалось и не удастся. Ни шумеры, ни аккадцы, ни сурийцы, ни палестинцы-пелиштим-филистимляне, ни ассуры-ассирийцы, ни египтяне, ни хетты никогда не были семитами — и выходцев из Аравии называли «чужаками», «людьми пустынь», «людьми смерти». Венеты Средиземноморья, позже венеци, основавшие Венецию и множество иных городов, вены — были русами-индоевропейцами. Уже позже, на рубеже эр, их «экологическую нишу» занял «торгово-ростовщический интернационал» — наслоился на исходный пласт, заслонил его от взора неискушенного исследователя, увы... — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*

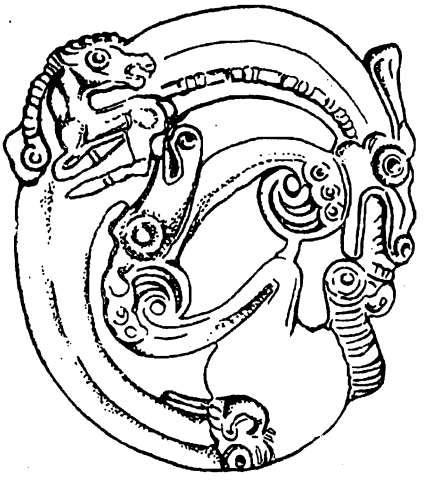
Бронзовое навершие. Грифон, пожирающий лань. Грифон — символ Гипербореи. Он стережет золото скифов. Так думали греки. И скифы не спорили с ними

Иероглифическое письмо работает на принципе «одно слово — один символ» и обычно насчитывает около 2000 знаков (именно столько «разговорных» слов содержат современные языки) плюс еще специальные термины. Промежуточной формой между иероглификой и алфавитом является слоговое письмо (от десятков до нескольких сотен знаков). Обычные алфавиты, работающие на принципе «один звук — один символ», имеют около тридцати знаков (от 20 до 45).

Кроме того, по написанию различают «рисуночное» и «линейное» письмо. В первом случае в качестве знаков используют картинки, во втором — абстрактные символы. Следует помнить, что рисуночное письмо и примитивная пиктография (когда первобытный человек рисует, как он пошел на охоту и что там добыл...) представляют собой разные вещи. При желании и алфавит можно сделать рисуночным.

Как пример развития письменности, обычно приводят историю шумерской клинописи. Известно, что, начиная с 3200—3100 гг. до н.э. в Месопотамии пользовались рисуночным протошумерским письмом, насчитывавшим до 2000 знаков. Это была не примитивная пиктография, а обычная иероглифическая система, подобная современной китайской (которая содержит примерно столько же ходовых знаков). Но уже в середине III тыс. до н.э. появилась более совершенная клинопись: картинки сменились абстрактными символами, а число знаков сократилось до 600 (многие знаки обозначали уже не отдельные слова, а слоги). Казалось бы, есть прогресс. Но не слишком ли внезапный? С какой стати шумеры отказались от иероглифики (которой китайцы прекрасно пользуются до сих пор)? Ответ на этот вопрос дает сравнение с Египтом. В III—II тыс. до н.э. здесь тоже сложилась система письменности, подобная клинописи, насчитывавшая до 700 знаков. Эта система сохранялась вплоть до античной эпохи, но к концу ее существования число знаков...

увеличилось до 2000. Египетская письменность за многие тысячелетия развивалась «естественным» путем. Но только не совершенствовалась, а *деградировала* (увы, естественный путь развития — это увеличение энтропии, хаоса, упрощение системы). В конце концов она стала чисто иероглифической, по принципу «одно слово — один символ» (2000 знаков). Египетские иероглифы демонстрируют «процесс возрастания энтропии» в отдельно взятой культуре...



Фантастический зверь. Бронзовая бляха из кургана Кулаковского

Если напомнить, что Месопотамия была «перекрестком цивилизаций», то «прогресс» шумерской письменности становится объясним. Клинопись появилась в тот момент, когда в Месопотамии стали доминировать аккадцы (XXIV в. до н.э.). Похоже, что собственно «шумерским» было рисуночное иероглифическое письмо, более развитую клинопись принесли с севера Месопотамии аккадцы.

Клинописью пользовались и многие другие малоазийско-закавказские народы: хурриты, урарты, древние хатты (Малая Азия), сменившие их хетты. Утверждение, что все они заимствовали письменность у шумеров, не соответствует действительности: на самом деле систему передачи информации цивилизации меняют только со своей «шкурой». Именно это и произошло с шумерами: их завоевали аккадцы, навязали им свою (сложившуюся в Северной Месопотамии) культурную традицию, и... шумеры после этого исчезли как этнос. Итак, клинопись — это «аккадское» (или скорее малоазийско-закавказское), а не «шумерское» письмо.

Одновременно с шумеро-аккадской клинописью существовали и более совершенные системы. Так, в бассейне Инда цивилизация Хараппы использовала рисуночное письмо всего с 400 знаками (с XXII в. до н.э.). А в Эламе (юго-запад Ирана)

Бронзовый олень из кургана Чмырева Могила. Прекрасный образец

уже в конце IV тыс. до н.э. существовало так называемое рисуночное письмо, насчитывавшее всего 150 знаков. Эта «протоэламская» письменность пока не расшифрована, но ясно, что она слоговая, а не иероглифическая. И ею пользовались тогда, когда на глиняных табличках Шумера выдавливали до 2000 знаков!

Начиная с XXIV в. до н.э. в Шумере появилась более развитая 600-знаковая клинопись, но эламиты тоже «прогрессировали»: тогда же перешли на 90-знаковое письмо (тоже не расшифровано). Правда, оно использовалось недолго: уже в XXII в. до н.э. было вытеснено шумерской клинописью. Но не потому, что было хуже. Просто как раз в это время Шумеро-Аккадское царство завоевало Элам...

Очевидно, что письменность Древнего Ирана была гораздо «прогрессивнее» современной ей переднеазиатской. А Балканы? Крито-микенская письменность эпохи бронзы, известная не ранее XX в. до н.э., далеко «обгоняла» шумерскую клинопись и находилась примерно на том же уровне, что и эламская (слоговое письмо, 80—90 знаков). С наиболее ранней формой этой письменности, так называемым критским рисуночным письмом, была связана и ранняя форма малоазийской письменности — хеттское рисуночное письмо. Очевидно, обе системы восходили к одному источнику.

Хетты, народ арийского происхождения, обосновавшись в Малой Азии, вписались в местную культуру и в конце концов позаимствовали здешнюю — так называемую хаттскую — письменность, полностью аналогичную аккадской 600-значной клинописи. Она была гораздо примитивнее слоговой, собственно хеттской, но... при культурном контакте победила. Так что не всегда при взаимодействии цивилизаций выигрывает более прогрессивная форма.

Системы евразийской письменности

Известные системы письменности V—II тыс. до н.э.	Время	Структура и число знаков
1. Тэртерийское письмо (дунайские культуры)	5000 г. до н.э.	Слоговое, 150—200 знаков
2. Эламское рисуночное письмо (Иран)	3200 г. до н.э.	Слоговое, 150 знаков
3. Шумерское рисуночное письмо	3200 г. до н.э.	Иероглифическое, 2000 знаков
4. Египетское иероглифическое письмо	3300 до н.э. — I тыс. н.э.	Иероглифическое, от 700 до 3 тыс. знаков
5. Хараппское рисуночное письмо (Индия)	С XXII в. до н.э.	Иероглифическо-слоговое, 400 знаков
6. Шумеро-аккадская клинопись (Месопотамия)	С XXIV в. до н.э.	Иероглифическое, 600 знаков
7. Эламское слоговое письмо (Иран)	XXIV—XXII в. до н.э.	Слоговое, 90 знаков
8. Рисуночное письмо Крита	XX—XVII в. до н.э.	Слоговое, 150 знаков
9. Критское линейное письмо А (минойское)	XIX—XV в. до н.э	Слоговое, 80—90 знаков
10. Крито-микенское линейное письмо Б (греческое ахейское)	С XV в. до н.э.	Слоговое, 80 знаков
11. Кипро-минойское письмо (Кипр)	Тогда же	Слоговое, 80—90 знаков
12. Фестский диск (Крит) — рисуночное письмо	XVII в. до н.э.	44 знака. Предалфавитное?
13. «Хаттская» клинопись (древнего доарийского населения Малой Азии — Анатолии) в Анатолии	До хеттов	Иероглифическое, подобно аккадской, 600 знаков
14. Рисуночное письмо ариев-хеттов, более древнее, чем хеттская же клинопись (Малая Азия)	До прихода в Анатолию?	Слоговое, сходство с рисуночным критским.
15. Хеттская клинопись (Малая Азия)	С XVIII в. до н.э.	Иероглифическое, 600 знаков
16. Финикийское слоговое письмо	С XVII в. до н.э.	Слоговое, 100 знаков
17. Письменность басков (Испания)	Ок. 1500 до н.э.	Слоговое, ок. 150 знаков
18. Китайские иероглифы эпохи Шан-Инь	С XIV в. до н.э.	3500 знаков, из них 2500 сохранились До сих пор
19. Финикийское консонантное (без гласных)	С XII в. до н.э.	Около 20 знаков
20. Письменность южносибирских ариев «чжоу»	XI в. до н.э.	Орхонские руны?

Столь развитая письменность, как слоговая эпохи бронзы, не могла, конечно, возникнуть на голом месте. И недавние археологические находки пролили свет на историю ее возникновения. В 1961 г. при раскопках в Румынии (неолитическая культура Турдаш) была обнаружена знаменитая тэртерийская табличка — надпись на глиняной дощечке, датируемая около 5000 г. до н.э. Это самые древние (на сегодня) письмена. Впоследствии нашлись и другие надписи, принадлежавшие носителям «дунайских культур» V—IV тыс. до н.э. Хотя дешифровка их пока вызывает споры, ясно видно, что система письменности — слоговая, а не иероглифическая: количество знаков не превышает двухсот. Вот где оказались истоки балканского слогового письма эпохи бронзы!

Тэртерийская находка опровергла еще одно предвзятое убеждение: становление письменности оказалось никак не связано с появлением государства в современном смысле слова (носители культуры Турдаш V—IV тыс. до н.э. были типичные неолитические земледельцы). Следует учесть, что слоговое письмо тэртерийской таблички должно было иметь какое-то предварительное развитие...

Наиболее ранняя письменность Месопотамии — «протошумерская» (известная только со времени около 3000 г. до н.э.) обнаруживает большое сходство с балканским слоговым письмом (5000 г. до н.э.). При этом шумерское письмо, сравнительно позднее по времени, оказалось и намного «худшего» качества (до 2000 знаков по сравнению с 200 балканскими). Не приходится сомневаться, что письменность Передней Азии, а вместе с нею, разумеется, и все то, что называют словом «цивилизация», сложилась под сильнейшем влиянием, шедшим с Балкан[214]. Миф о «культурных шумерах», заложивших основы общества не соответствует действительности.

Становление письменности в цивилизациях «южного пояса» обнаруживает те же закономерности, что и развитие металлургии. Переднеазиатские культуры создали для себя иероглифическое письмо, лучшие образцы которого насчитывали до 600 знаков. А вот более СОВЕРШЕННОЕ СЛОГОВОЕ ПИСЬМО ПОПАДАЛО В ПЕРЕДНЮЮ АЗИЮ ДВУМЯ ПУТЯМИ: ЧЕРЕЗ ИРАН (ПРОТОЭЛАМСКОЕ ПИСЬМО С IV ТЫС. ДО Н.Э.) И БАССЕЙН ДУНАЯ — БАЛКАНЫ (ТЭРТЭРИЙСКОЕ ПИСЬМО НАЧАЛА V тыс. до н.э.). Поскольку известно, что именно в IV—III тыс. до н.э. через Балканы в Малую Азию и

через Среднюю Азию в Иран расселялись арии, неся с собой высокую культуру бронзы, то становится ясно, что прогрессивная слоговая письменность принадлежала именно им[215].

Нет оснований утверждать, что основы современной культуры заложила шумеро-аккадская клинопись. По всей видимости, с ней имел мало общего даже финикийский алфавит. Ведь финикийское слогового письмо (около 100 знаков), которое послужило основой для этого алфавита, появилось много позже после того, как стали известны аналогичные иранские и балканские слоговые системы...

Сравнительно недавно были прочитаны письмена народов Анатолии раннего железного века (нач. I тыс. до н.э.). Оказалось, что они обнаруживают сходство с греческим и с финикийским алфавитами, причем сходство, которое не позволяет утверждать их однозначное происхождение ни от первого, ни от второго. Выходит, в раннем железном веке алфавитных систем было много, и все они, имея оригинальную форму, имели нечто общее между собой. Не решаясь оспорить устаревшую теорию, исследователи, прочитавшие малоазийские письмена, объясняют «странное» сходство так: жители Малой Азии кое-что в своей системе переняли у греков, кое-что греки у них... а в конечном итоге финикийский алфавит все же первичен[216]. Но алфавит — это не сборная солянка. Как это можно заимствовать алфавит частично — по букве, что ли? И как мог осуществляться такой взаимообмен? Ведь древние греки и анатолийцы даже в состав одного государства не входили. Новые исследования показывают, что свести происхождение всех алфавитов мира к финикийскому невозможно. Так, надписи бронзового века, принадлежавшие коренному населению Пиренеев баскам, имеют сходство с «синайским шрифтом», который послужил основой для финикийского письма, но относятся к более раннему времени — около 1500 г. до н.э. Очень похоже пиренейское письмо и на алфавитные системы Малой Азии (Кондратов, с. 201). Но особенно тесную связь оно обнаруживает с древними письменностями Кавказа — абхазской и грузинской... Это доказывает, что по крайней мере кавказские алфавиты от финикийского не «происходили».

Скорее всего, источник, из которого развились первичные алфавиты, находился не в самом Средиземноморье, а где-то севернее, в континентальной Европе. Где именно, проливает свет знаменитый фестский диск. Эта круглая глиняная табличка,

найденная на Крите и датированная около 1700 г. до н.э., содержит 44 рисуночных знака, выполненных с помощью штамповки; анализ показал, что всего их могло быть до 55. Известно, что некоторые алфавиты, например южнославянская глаголица, содержат как раз 44 знака...

Самое интересное, что один из знаков фестского диска — голова человека — копия египетских рисунков, изображавших воинов «народов моря», обрушившихся на Средиземноморье около 1200 г. до н.э. Согласно Библии, в Палестину «народы моря» (филистимляне) пришли с острова Крит. Но Крит мог быть «промежуточным этапом» их похода. Уникальность находки фестского диска свидетельствует, что его авторы на Крите особенно не задерживались...

Становится ясно, что развитое слоговое письмо (может быть, уже алфавитное) пришло в Восточное Средиземноморье одновременно с металлургией железа: и то и другое принесли с собой «народы моря», пришедшие через Дунай и Балканы *из киммерийских степей*. На единой основе этого письма, насчитывавшего всего 44—50 знаков, и сложились (самостоятельно и одновременно) некоторые известные алфавиты Восточного Средиземноморья; только этим и можно объяснить их сходство.

Археологические исследования не могут выявить ранние этапы развития письменности. Писали-то обычно на очень непрочном материале. Поэтому оценить время возникновения письменности можно только по косвенным данным. Если учесть, что около 5000 г. до н.э. слоговое письмо *уже существовало*, то предысторию его развития следует отнести примерно к XII—VI тыс. до н.э. И это только верхняя граница.

Нам известны великолепные наскальные рисунки, оставленные первобытными людьми Солютрейской эпохи (XVIII—XV тыс. до н.э.). Письменность тесно связана с живописью. Если люди умели создавать изображения высокого качества, то почему бы не допустить, что они могли рисовать абстрактные символы и пользоваться ими для передачи информации?

Чтобы накопить свод астрономических данных, который имели развитые культуры Древнего мира, требовались непрерывные наблюдения в течение 20 тысяч лет. Находка на верхнепалеолитической стоянке в Сибири (близ Ачинска) «жезла колдуна» позволяет утверждать, что уже 18 тыс. лет назад уровень «первобытной астрономии» был высок. На жезле был обозначен с высокой точностью лунно-солнечный календарь и орбитальные периоды планет...

Как пишет известный исследователь сибирских палеокультур В.Е. Ларичев: «Достаточно знать, насколько сложна задача разработки всех упомянутых календарей и каких точных расчетов требуют они, чтобы воздать должное величию познаний в математике, геометрии и астрономии тех древних, которые жили в Сибири 18 000 лет назад. Ведь в любой книге о календарях такого рода достижения, которые ранее приписывались шумерийцам, оценивались как величайшие прозрения человеческого ума. Отныне эта честь будет принадлежать охотникам за мамонтами из Сибири»[217].

Существование календарных систем и постоянное ведение астрономических наблюдений просто невозможны без *столь же развитой системы письменности*... Ранняя, верхнепалеолитическая, датировка возникновения системы слогового письма позволяет объяснить ее сходство у разных народов. Слоговое письмо народов Евразии не исчезло вместе с появлением алфавитного, а продолжало использоваться вплоть до Средневековья. Известны его различные системы: 1) скандинавские руны; 2) кельтское «огамическое письмо»; 3) славяно-русские руны («черты и резы», как выразился о древнейшей славянской письменности Черноризец Храбр в X столетии[218]); 4) индийское письмо «брахми», сохраняющееся с некоторыми изменениями до сих пор; 5) орхонские руны — памятники письменности Сибири, и некоторые другие.

Особенно впечатляет сходство скандинавских и сибирских (орхонских) рун — около 20 знаков полностью совпадают по написанию. Понятно, что сибиряки не «импортировали» свою письменность из Скандинавии, и обратный процесс тоже вряд ли возможен. Складывается картина, что вся внутренняя, континентальная Евразия была некогда полем распространения древней рунической слоговой письменности. Такое «общее поле рун» могло существовать только в период арийского единства в южнорусских степях[219]. С распадом этого единства в бронзовом веке (IV—III тыс. до н.э.) слоговое письмо начало «расползаться» по всем направлениям; лучше всего оно сохранилось на периферии.

Представители русофобской исторической традиции XVIII—XX вв. долгое время пытались отрицать сам факт существования у славян рунической письменности. Однако находки древнейших рунических надписей на славянских языках совершенно замолчать не удалось, и даже в самые неблагоприятные

времена появлялись исследования, посвященные им.[220] Как и следовало ожидать, скандинавские и славянские руны оказались тесно связаны между собой, причем именно славянская письменность выглядит первичной.

На происхождение скандинавских рун указывает сам их алфавитный порядок, образующий формулу-заклинание «ПЕРУНАН СТЕАРВ МЛНАИ БИ», известную по надписи на славянском идоле из Ретры. Скандинавы, как известно, не знали Перуна. Приходится сделать вывод, что «германский алфавитный порядок, а, следовательно, и сам алфавит были заимствованы у славян в древнейшие времена»[221], или, что вернее, обе системы происходят из общего источника, причем славяне сохранили более других индоевропейских народов преемственность со своим древнеарийским прошлым. (В Скандинавии I—X вв. н.э. не было никаких «германцев». Шведы, норвежцы, датчане, как народности сформировались лишь к XVII в. и при активном романо-германском воздействии. Скандинавы до XII в. говорили на общем древнескандинавском языке — этот язык был флективным, славянским. Древнейшие слои скандинавских городищ и торжищ принадлежали славянам. **Скандинавской проблемы вообще не существует — все норманны, викинги, варяги VI—XI вв. были русами,** славянами. «Проблемы» начались с XIII—XV вв., когда заезжие латинские и свежеобразованные псевдогерманские собиратели фольклора (типа Снорри Стурлусона) стали записывать славянские былины и сказания Скандинавии латынью и новообразованными искусственными для того времени «немецкими диалектами». В результате такого «испорченного телефона» исследователи получили германообразные саги — и вся дальнейшая скандинавистика и норманистика из исторической науки превратилась в самое пошлое и заурядное литературоведение, изучение и трактование переводных и заказных литературных произведений. Пример искажения, скажем, — само слово «скальд», которое исходит из слова «склад», складывателей былин — как германское Вальд происходит от славяно-русского Влад. И потому мы должны знать, что скандинавы I—X вв. н.э. — потомки скифов, носители звериного стиля — не могли говорить и писать на несуществовавших тогда германо-немецких языках, они говорили и писали исключительно на флективном славянском, а еще точнее, старорусском языке. И потому старые руны не переводятся при посредстве немецкого языка и никогда не переведутся. Снорри

Стурлусон, известнейший собиратель и обработчик саг, живший в XIII в., исландец, крупнейший магнат Исландии — по заказу короля Норвегии составлял «хроники», по сути, «политическую историю» новообразуемого христианского королевства, описывая былинные события истории русов — события пятисот — трехсотлетней давности, переводя славянский древнескандинавский на латынь и ранненемецкий, а зачастую, просто используя славянские образы и слова: основной его труд Heimskringla («Круг земной») в названии своем не калька-перевод, а прямая трансформация старорусского — «хемь»=«земь» + «кринула»=«круула, круг, круглая» с вводом характерного северного носового «н» — то есть — Земь-кругла, Землекруг — в литературном звучании «Круг земной». Германизация Скандинавии — явление позднее, имеющее характер политический, а не этноисторический. — *Примеч. Ю.Д. Петухова.*)

Попытки читать обнаруживаемые руны обширных регионов Евразии, причерноморские, хазарские, сибирские, исходя из языков германской группы, закончились провалом. Напротив, оказывается, что многие РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ, обнаруживаемые вплоть до севера современной Германии (Шлезвига) и в самой Скандинавии, ЧИТАЮТСЯ ПО-СЛАВЯНСКИ[222]. Это неудивительно, если учесть, что большая часть Германии в древности была заселена славянами-вендами (и не только вендами. — *Примеч. ред.*), и их культурно-политическое влияние — на уровне правящих династий — ощущалось и в самой Скандинавии (царский род вановвендов, согласно скандинавским сагам, имел божественное происхождение).

Не решаясь «читать» сибирские руны по-немецки, германоязычные исследователи XIX в., без всяких оснований, объявили их... памятниками тюркской письменности. Однако почти полное совпадение сибирских рун со славяно-германскими заставляет предполагать их арийское происхождение.

Сохранились свидетельства источников, что сибирские и центральноазиатские арии пользовались оригинальной системой письменности задолго до того, как на историческую арену вышли тюрки; очевидно, последние заимствовали ее у первых. Известно, что в XI в. до н.э. древнекитайское царство Шан-Инь завоевал народ «чжоу», основавший одноименную империю. Эти «чжоу» были светловолосыми ариями Восточного Туркестана (сейчас провинция Синьцзянь), родственными скифам.

Сохранились надежные сведения, что *еще до завоевания Китая* (то есть во II тыс. до н.э.) *арии «чжоу» имели свою письменность*, отличную от китайской[223]. Позже они оставили ее, перейдя на местные иероглифы. Известие о чжоуской письменности XI в. до н.э. дает верхнюю границу для поиска «скифской письменности» вообще. Ведь остальные жители Великой Скифии были центрально-азиатским ариям родственны, и имели во многом похожую культуру. Надо полагать, что орхонское письмо и есть древнее «чжоуское», принадлежавшее ариям-сибирякам Афанасьевской и Андроновской культур (III—II тыс. до н.э.), перешедшее «по наследству» тюркам уже в Средневековье.

Чтение орхонско-енисейских надписей, исходя из славянских рун, дает положительные результаты, так что можно утверждать ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ДРЕВНЕСИБИРСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ СЛАВЯНОЯЗЫЧНОМУ НАСЕЛЕНИЮ, а также аристократии славяно-русского происхождения в среде тюркомонгольских народов[224]. Это еще раз подтверждает, что арии Андроновской культуры, восточная группа «скифского мира», были славянами, а скифский язык = славянский язык.

Есть основания полагать, что с каким-то вариантом древнесибирского письма связана еще одна «загадочная» система письменности, относящаяся к началу н.э. и обнаруженная в Средней Азии и Афганистане. Ее открывателей поразило, что «надпись из Сурх-Котала была высечена на каменной плите и блоках четкими *греческими прописными буквами*. Дело было за малым: все буквы надписи ясны. Но прочесть надпись оказалось не просто...»[225] Надпись была явно не на греческом языке. Сурхкотальская надпись (и ряд других, найденных в нашей Средней Азии, худшей сохранности) была сделана во времена господства в этих краях Кушанской империи; это государство было основано одним из арийских народов Южной Сибири или Восточного Туркестана. Одни исследователи предполагали, что кушаны были ираноязычны, другие (и среди них первый исследователь сурх-котальской надписи Андре Марик) — что они были тохароязычны. Последнее предположение вернее, поскольку во времена Кушанской империи Бактрия именовалась Тохаристаном. Но... И иранские языки, и тохарский известны. Буквы надписи полагаются тоже известными — «греческими». Между тем надписи типа сурх-котальской не прочитаны до сих пор. Считается, что якобы они «прочитаны», но на самом деле имеется только произвольная интерпретация...

На самом деле буквы надписи, конечно, не греческие (видимо, и язык не иранский). Предположение, что кушаны, происходившие *из Южной Сибири* и владевшие *Средней Азией и Северной Индией*, заимствовали свою письменность *из Греции* — полнейший абсурд. Они принадлежали иному культурному кругу. Даже ближайшие западные соседи кушан — парфяне, государство которых охватывало Туркмению и Иран, писали на варианте арамейского письма, принятого и до них в империи Ахеменидов. Реальное влияние греческой культуры не простиралось дальше Месопотамии...

Кушанское письмо представляется странным «островком» эллинистической культуры в Центральной Азии. Но, может быть, оно не имело с греческим письмом прямой связи? Может быть, оно было оригинальным созданием сибирских и среднеазиатских ариев, а сходство с греческим просто обусловлено общим происхождением из одного источника?..

Итак, у центрально-европейских славян-вендов, у сибирских и среднеазиатских скифов и других славяно-ариев собственная письменность, несомненно, была. А у восточноевропейских? Если азово-черноморские города действительно принадлежали скифам и сарматам, неужели они не оставили там своей письменности? Городская бесписьменная культура, конечно же, немыслима. В северо-понтийских городах обнаружено много надписей, но на греческом языке. Значит ли это, что скифы и сарматы, жители этих городов, находились всецело под влиянием эллинистической культуры?

Уже первые исследователи припонтийских городов находили в них странные, «плохочитаемые» надписи. Вроде бы они были похожи на греческие. Но при этом... содержали «явно негреческие пассажи или НЕПОНЯТНЫЕ НАБОРЫ ГРЕЧЕСКИХ БУКВ!»[226] (Совсем как в случае с сурх-котальской надписью: вроде бы алфавит греческий, но ничего не понятно...) Эти надписи издавались и комментировались еще в конце XIX в. академиком Латышевым, «который видел в них ОБРАЗЦЫ ТУЗЕМНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ. Но уже несколько лет спустя тот же ученый беспощадно разоблачил эти "загадочные надписи" как поддельные...» (Трубачев). После этого «беспощадного разоблачения» публикация и комментирование загадочных надписей сразу прекратились. Молчание длится до сих пор... А между тем надписи находятся все в большем и большем количестве. В печать просачиваются сведения, что их обнаруже-

но уже около 10 тысяч, что вполне сравнимо со сводом знаменитой и столь же загадочной этрусской письменности (14 тыс. источников). На «подделку» это уже не спишешь...

Молчание официальных кругов науки по этому вопросу становится все менее оправданным. Вопрос-то не пустячный. Оказывается, у южнорусских скифов была своя письменность! Чем-то похожая на греческую, но все же своеобразная. Настолько своеобразная, что при помощи «греческого» ключа она не читается.

Итак, на территории России (причем как на западе, в Причерноморье, так и в Средней Азии и Сибири) уже 2,5—2 тысячи лет назад бытовала письменность. Традиции этой «общеевразийской» письменности сохранялись еще в эпоху раннего Средневековья. Большое сходство между собой обнаруживают знаки *русских князей*, знаки на сосудах, найденные в хазарских крепостях, донские и сибирские руны, клеймы Боспорского царства[227]. Их общим источником могла быть только скифская письменность.

Не эта ли «скифская письменность» и послужила основой для современного русского алфавита? Правда, позднейшая церковная легенда приписывает его создание св. Кириллу (Константину Философу), но... ведь в подлинном древнем источнике, «Житии» св. Кирилла, написанном в конце IX в. н.э., ясно сказано, что этот церковный деятель воспользовался для создания своей «кириллицы» некими загадочными *русскими письменами*.

Как известно, Константин во время своей поездки в Крым «нашел... Евангелие и псалтырь, написанные РУССКИМИ ПИСЬМЕНАМИ, и человека нашел, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи, и, сравнив ее со своим языком, различил буквы гласные и согласные, и, творя молитву богу, начал читать и излагать (их)»[228]. Поскольку Константин Философ был уроженец Северных Балкан, его родной язык, с помощью которого он успешно читал русские письмена, — один из южнославянских. А в Крыму жили «тавроскифы», которых византийские авторы твердо отождествляют с русскими. Все совпадает.

Другие источники подтверждают этот факт, более того, они содержат утверждение, что русские письмена служат именно для языка славянской группы (видимо, специально для тех, кто пытается объявить азово-черноморских русов *неславяна-*

ми). В Житии Мефодия сказано: «Тут явил бог философу СЛАВЯНСКИЕ КНИГИ и тотчас, устроив письмена и беседу составив, поехал в Моравию».

Наконец, в одной из русских книг XV в. прямо сказано, что кириллица является древним национальным письмом, а вовсе не «творением» греческих миссионеров: «А ГРАМОТА РУССКАЯ ЯВИЛАСЬ, БОГОМ ДАНА, В КОРСУНИ РУСИНУ, ОТ НЕЕ ЖЕ НАУЧИЛСЯ ФИЛОСОФ КОНСТАНТИН И ОТТУДУ СЛУЖИВ И НАПИСАВ КНИГИ РУССКИМ ЯЗЫКОМ»[229].

Собственно говоря, эти источники известны давно. Исследователи, конечно, обращали внимание на «русские письмена», но их предположения не шли дальше того, что это была своего рода «протокириллица», что русский алфавит все же возник в результате переработки греческого — но несколько раньше, чем было принято христианство. Однако следует напомнить, что все источники твердо считали эти письмена *русскими*. Если бы они все же имели греческий источник, это было бы отмечено. Есть версия, что загадочные «русские письмена» представляли собой *глаголицу*, оригинальную систему письменности, принятую у балканских славян еще в Средние века. Однако эта система принципиально отличается от кириллицы и никак не могла быть взята за ее основу. Судя по всему, глаголица восходит к одному из вариантов древнейшей дунайско-балканской письменности.

Папские средневековые документы называют глаголицу еретическим письмом ариан, а арианский вариант христианства был распространен прежде всего среди славянских народов Центральной Европы. Глаголица сходна и с лангобардским письмом VII—VIII вв.[230] (лангобарды были вендами-славянами с берегов Эльбы, завладевшими в раннем Средневековье Италией). Очевидно, что глаголица была западнославянской системой письменности, отличной от восточнославянской, собственно *русской*. Сам факт, что в раннем Средневековье сложились две столь разные системы славянской письменности, показывает, что славяно-русская цивилизация обладала очень древней культурной традицией, причем ее западная и восточная ветви разошлись довольно давно.

Глаголица на Руси не получила распространения. Зато имеются вполне достоверные сведения, что отличные от кириллицы, но вместе с тем похожие именно на нее «русские письмена» бытовали на Руси еще в Средние века. Около 20 знаменитых

новгородских «берестяных грамот» написано не кириллицей, а загадочным, «нечитаемым» письмом, подобном древнему причерноморскому...[231]

Сопоставив сведения о «русских письменах», послуживших основой кириллицы, о славянских и сибирских рунах, о странных новгородских грамотах, о непрочитанных скифских надписях в городах Причерноморья и загадочной письменности среднеазиатских кушан, надо признать, что все они восходили к одному североевразийскому источнику и принадлежали цивилизации, которая называлась в античные времена *скифской*, а сейчас — *русской*.

Особая связь скифского письма с греческим (на первый взгляд кажется, что обе системы имеют одни и те же буквы) легко объяснима. Но не заимствованием от греческого. **НА САМОМ ДЕЛЕ ВСЕ ОБСТОИТ НАОБОРОТ: НЕ РУССКОЕ ПИСЬМО ПРОИЗОШЛО ОТ ГРЕЧЕСКОГО, А ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЕ ОТ РУССКОГО.** Греческий алфавит, не связанный напрямую по происхождению с древнебалканской слоговой письменностью, был занесен в Эгеиду мигрантами-«дорийцами», выходцами из южнорусских степей...

Это было в XII—XI вв. до н.э. А в IX—X вв. н.э. положение изменилось: теперь Россия восприняла культурное влияние Греции, выразившееся в принятии христианства и в реконструкции собственной системы письменности. Именно реконструкции, потому что св. Кирилл «кириллицу» не изобретал, а несколько видоизменил «русские письмена», сделав их более близкими греческой традиции. Позднее от «грецизмов», введенных Кириллом, русский алфавит освободился.

Становится ясно, что большинство древних и современных систем письменности Евразии восходят к одному общему источнику, наиболее раннее проявление которого (около 7 тыс. лет назад) обнаружено на Дунае. Эта «протописьменность» получила название бореальной; ее развитие относится к послеледниковому времени (XII—V тыс. до н.э.). **Принадлежала бореальная слоговая письменность древним ариям, обитавшим в Южной России, и распространялась во все стороны вместе с их расселением.**

К этой бореальной основе восходят и греческий, и синайский, и латинский, и многие другие алфавиты, а также и непрочитанные до сих пор причерноморские — скифские — надписи эпохи античности, среднеазиатское кушанское письмо, славян-

ские и сибирские руны раннего Средневековья. Прямым «потомком» бореальной письменности является современный русский алфавит.

3.10. Скифский образ жизни

В сферу «культуры» кроме достижений, фиксируемых материально (архитектурных сооружений, изделий промышленности, памятников письменности), входит еще существенное понятие: *уровень жизни*, применение отдельной личностью или обществом в целом достижений цивилизации в повседневной жизни.

Уровень жизни рядового гражданина Скифской империи отличался от уровня жизни в странах «южного пояса», как небо от земли... Стоит напомнить, что рядовые земледельцы Греции, Египта, Месопотамии и др., обложенные податями, постоянно недоедали. Голод был уделом миллионов людей, и на таком «фоне» возводились храмы и дворцы чудовищных размеров, благоденствовали торговцы и ростовщики. Простолюдин южных цивилизаций не был военнообязанным (воевали наемники-профессионалы) и, как следствие, оказывался практически лишен гражданских прав.

Таким способом было организовано общество всех южных стран Древнего мира, вплоть до «классической Греции» и Рима (неравенство прав патрициев и плебеев, «коренных» жителей полиса и переселенцев и т.д.). Не говоря уже о рабстве, которое в центрах Средиземноморья охватывало до 30% населения.

Женщины южных стран были лишены гражданских (и вообще всяких) прав. В Месопотамии был заведен обычай храмовой «священной» проституции, каковой выполняли все женщины без исключения. Гаремы на Ближнем (и Дальнем тоже) Востоке считались нормой. В «классической» Греции женщинам была предоставлена на выбор жизнь домашних затворниц или гетер. Несколько лучше было положение женщин в Риме, но и здесь они не обладали гражданскими правами. Только спартанские аристократки вели образ жизни, отдаленно напоминавший «скифский» — вступали в брак на равных правах с мужчинами, занимались общественной жизнью и спортом. В обществе личность человека была почти не защищена. Не только раб или простолюдин, но и представитель высших слоев, нарушивший установления или просто не понравившийся правите-

лю, мог подвергнуться суровому наказанию (только в Греции и Риме представители элиты обладали своего рода «иммунитетом»). «Пенитенциарная система» южных цивилизаций была далека от совершенства. Самые зверские и отвратительные пытки были нормой. Таким же образом было принято обращаться с военнопленными и мирными жителями покоренной территории. Никого не удивляли ни грабежи, ни массовые депортации, ни массовые убийства. Религии большинства южных стран не только допускали, но и прямо требовали человеческих жертв.

Великая Скифия всегда опережала прилегающие южные страны как по общему развитию культуры, так и по самым существенным, хотя и не бросающимся в глаза жизненным благам. УРОВЕНЬ ЖИЗНИ В СКИФИИ ВСЕГДА БЫЛ ВЫШЕ, ЧЕМ В ОКРУЖАЮЩИХ СТРАНАХ. Наконец, лучше было само качество жизни, зачастую неуловимые со стороны, но очень важные для каждого человека отношения с окружающим обществом. К сожалению, жители Великой Скифии не всегда это ценили, пленяясь порою чужими пышными дворцами, пестрой одеждой... Но каждый раз за такое «падение» приходилось дорого платить и восстанавливать — волей-неволей — прежний высокий уровень.

Ненависть и зависть представителей тогдашнего «цивилизованного мира» к свободным народам Великой Скифии была столь же сильна, как и в наше время. Существовала целая традиция *скифофобской* литературы, и следует отметить, что именно эта литература дошла до нас в хорошо сохранившемся виде — видимо, на нее постоянно существовал спрос. Ложь и клевета скифофобии (русофобии...) опровергается очень легко как по данным точных наук, так и по сообщениям беспристрастных источников; злобная и бессильная ругань двухтысячелетней давности вызывала бы только смех, если бы не находилось ее «хранителей» и «продолжателей».

Типичная и наиболее стойкая, навязшая в зубах дезинформация: «скифы — кочевники», «варвары, живущие в кибитках». Неприязнь «средиземцев» по отношению к народам Великой Скифии доходила иногда до смешного. Так, Павсаний (II в. н.э.) имел наглость утверждать, что у савроматов *нет железа* и наконечники стрел они делают из кости[232]. И это писалось в то самое время, когда железные стрелы, копья, длинные мечи и пики савроматов обрушивались на римские легионы. Так создавался «образ врага» — дикого варвара, живущего

«на ходу», в кибитке, не вышедшего из каменного века... Это еще не все: надо было изобразить этого варвара так, чтобы вызвать к нему *чисто физическую* неприязнь. Для этой цели служили такие сочинения, как небезызвестный трактат «О воздухе, водах и местностях», приписанный знаменитому врачу Греции Гиппократу. Как оказалось, «доктор Гиппократ» к сочинению этого трактата не имел отношения, тем не менее на него продолжают ссылаться... еще бы, ведь автор этого «произведения» при *одном только виде* скифов трясся от злобы. Трясся, видимо, так сильно, что это мешало ему разглядеть скифский облик.

Как утверждал этот «псевдо-Гиппократ», «скифы отличаются толстым, мясистым, нечленистым, сырым и не мускулистым телом. Благодаря тучности и отсутствию растительности на теле обитатели (Скифии) похожи друг на друга, мужчины на мужчин и женщины на женщин... Женский же пол отличается удивительно сырою и слабою комплекцией...» (Это об амазонках?) Якобы многие скифы страдают бесплодием, в чем виноват обычай... *ношения штанов*! [233]

Оставляя в стороне забавное заявление насчет ненавистных голозадому греку штанов, следует заметить, что он тут же, не поморщившись, описывает подвиги сарматских амазонок (*сырых и слабых*), повторяя байки об отсутствии у воинственных женщин правой груди. Забавно также, что полноту и «слабость комплекции» автор относит за счет кочевого образа жизни скифов, якобы неподвижно «сидящих в кибитках»! Отсюда видно — он не имел представления о том, что народы, ведущие кочевой образ жизни, отличаются как раз сухой и поджарой комплекцией...

Поскольку все остальные источники в один голос утверждают, что скифы-сарматы — это высокие, сильные, хорошо сложенные люди нордического типа — с белой кожей и светлыми волосами, клевета этого «псевдо-Гиппократа» опровергается легко. Гораздо сложнее с теми авторами, которые искусно перемежают ложную информацию с правдивыми сведениями, как пресловутый Геродот, видимо, за то и произведенный в «отцы истории».

У Геродота можно найти и вранье о скифах-«евнухах», и чушь о «групповом браке», и даже об обычае ритуального людоедства (!) — и все это рассказано с мнимым беспристрастием, по принципу: сам я, правда, не видел, но говорят, что где-то

там... Даже столь серьезный «авторитет», как Аристотель, не стыдился бросать вскользь замечания о людоедах-дикарях, живущих якобы «у Понта»...[234]

Множество «вполне солидных» авторов повторяют эти «ценные сведения», нисколько не заботясь об их подтверждении, уже как аксиому. Следует подчеркнуть, что стереотипы скифофобии очень легко опровергнуть; так, например, миф о варварах-кочевниках разметают в прах как данные археологии, так и сведения источников о гигантском по масштабу экспорте хлеба из Скифии. Но находятся желающие поддерживать скифофобскую традицию и дальше, тем более что она подкреплена религиозным авторитетом.

Особой злобой по отношению к народам Великой Скифии отличались идеологи Ватикана и «отцы» католической церкви. Так, некий Николай Дамасский, приятель иудейского царя Ирода, а также римского императора Августа, писал: скифы не имеют домов, и потому так трудно с ними воевать... «имеют общее имущество *и женщин*» (бойтесь, мирные римляне!). Якобы «савроматы женам своим повинуются как госпожам...[235] А вот как лепил «образ врага» известный иудейско-римский историк I в. н.э. Иосиф Флавий: «Скифы, находящие удовольствие в человеческих убийствах и немногим отличающиеся от зверей...»[236]

В эпоху столкновения цивилизаций Скифии и Средиземноморья (IV—V вв. н.э.) поток клеветы и оскорблений еще усилился. Вот знаменитый «отец римской церкви» Евсевий Иероним описывает скифские нравы: «Номады, троглодиты, скифы и новая дикость гуннов питаются полусырым мясом»... Да это еще что — *едят своих стариков*! Мало того, «скифы тех, которые были любимы умершими, зарывают живьем с костями покойников». Какие ужасы можно увидеть в Скифии: «амазонки с выставленной напоказ грудью и голыми руками и коленами, вызывающие на состязание сладострастия идущих против них мужчин»...

А вот он же завывает о «зверствах скифов и гуннов»: «...от крайних пределов Меотиды, между ледяных пустынь за Танаисом и свирепыми народами массагетов... вырвались рои гуннов, которые, летая туда и сюда на быстрых конях, все наполняли резней и ужасом... Они всюду являлись неожиданными, своей быстротой предупреждая слух, не щадили ни религии, ни достоинств, ни возраста, не жалели плачущих малюток...»[237]

Византийский патриарх Фотий в 860 г. прямо называет *скифов*, осаждающих Константинополь, — *русами*[238]. Жаль толь-

ко, что ни один из «отцов церкви», писавших о «зверствах русских», не потрудился привести в подтверждение своих слов *ни одного факта*. Все эти «зверства скифов» сохранились лишь на страницах ни к чему не обязывающих *проповедей*, тогда как ни одна из исторических хроник не подтверждает их реальными событиями...

Следует, наконец, осознать, что сохранившаяся историческая традиция, в особенности относящаяся к позднеантичной эпохе, несет в себе заряд бешеной *скифофобии*, что объяснимо в силу чисто исторических причин, поэтому пользоваться ею надо осторожно, как и всякой информацией, исходящей *от врага*.

Мы можем теперь с достаточной точностью представить себе образ жизни «среднего скифа». Прежде всего, это был не кочевой, а оседлый образ жизни, позволяющий накапливать культурные ценности. В основном скифы жили в деревнях, но имели также крепости и города. Скифы занимались сельским хозяйством, выращивая пшеницу, просо, разводя крупный и мелкий рогатый скот и лошадей. Преобладание земледелия или скотоводства зависело от конкретных географических условий и от глобальных изменений климата, для континентальной Евразии очень чувствительных.

Земледелие было пахотным, начиная с III тыс. до н.э., в некоторых районах, где того требовали климатические условия (например, на Кубани), с тех же времен развивалась ирригация. В разведении высокопородистого скота — лошадей и овец — скифы достигли больших успехов. Приручение лошади, изобретение верхового и колесного транспорта — одно из важнейших достижений Великой Скифии; приоритет в этой области страна держала с начала эпохи бронзы вплоть до античных времен. Сельское хозяйство не только удовлетворяло потребности страны, но давало продукцию на экспорт (зерно, кожа, шерсть).

Металлургия Скифии, имевшей доступ к богатым месторождениям, всегда находилась на высоком уровне. Приоритет в разработке технологии производства бронзы принадлежит сибирскому, а железа — среднерусскому металлургическим центрам. Развитая металлургия позволяла скифам поддерживать производство вооружения на должном уровне, находила применение в сельском хозяйстве.

Открытые пространства Скифии, необходимость обороны буквально по всем направлениям, стимулировали развитие фортификации. Скифы в оборонительных целях возводили как

длинные насыпи-валы, так и каменные крепости (первые такие крепости, причем весьма внушительных размеров, на Дону появились еще в середине II тыс. до н.э.).

Скифские города возникали в основном в пограничных областях: в Крыму и Северном Причерноморье, на Кавказе, в Средней Азии. В некоторых местах урбанизацию стимулировала необходимость военного строительства (город возникал из крепости, как Дербент), в других — торговля (города возникали на основе порта), а чаще всего и то и другое вместе. Многие скифские города выросли из поселений, основанных еще в III тыс. до н.э. (как Танаис).

Жилища скифы строили в зависимости от природных условий. В районах, богатых лесом (как на Алтае), они жили в обыкновенных бревенчатых избах. В степных районах, как, например, в Приазовье, строили саманные дома (деревянный каркас + наполнитель на основе глины), обычно на каменном фундаменте. Занимаясь отгонным скотоводством в летний период, скифы использовали временное войлочное жилье типа палатки, которое теперь известно под названием юрты. Наконец, в своих городах скифы строили каменные дома с двускатной черепичной крышей. Короче говоря, жилища скифов ничем не отличались от домов, которые строили как на юге, так и на севере России вплоть до середины XX в.

Немаловажная деталь: хотя скифские дома различались по типу в зависимости от природных условий, все они возводились на одну семью. Жители Великой Скифии почти не использовали многокамерные большие дома с несколькими очагами. Наличие таких большесемейных домов позволяет уверенно утверждать о родовом строе их владельцев, отсутствие — показывает, что формой организации была соседская община, вроде той, какая существует в русской деревне до сих пор. Большесемейных домов не было не только у скифов, но даже и у предшественников скифов — ариев Древнеямной культуры (III тыс. до н.э. и еще раньше). То есть никакого *родового строя в Великой Скифии не было*.

Поразительно, с какой настойчивостью некоторые историки пытаются выдать скифский общественный строй за матриархат, образцом которого они считают «родоплеменные» отношения жителей каких-нибудь банановых островов... Для этого они пытаются зацепиться за некоторых античных авторов, утверждавших, что у скифов якобы господствовал «групповой брак». Но все эти сообщения на поверку оказываются просто клеветой. Так, Геродот, лично познакомившись с причерномор-

скими скифами, отметил, что никакого «группового брака» у них нет, все это россказни, но... тут же отнес его к среднеазиатским массагетам, которых лично не видел. Азиатские источники, близкие восточным скифам, свидетельствуют, что у них был принят только парный брак

Скифские женщины, как известно, были *амазонками*. К удивлению «цивилизованных» греков, они обладали равными с мужчинами гражданскими правами и даже несли наравне военную обязанность. Одна только эта особенность скифского образа жизни — признак полного отсутствия родовых отношений.

ГОСПОДСТВУЮЩЕЙ ФОРМОЙ БРАКА В СКИФИИ ВСЕГДА БЫЛА НОРМАЛЬНАЯ ПАРНАЯ СЕМЬЯ, ИСКЛЮЧАЮЩАЯ ОТНОШЕНИЯ ТАК НАЗЫВАЕМОГО «РОДОВОГО СТРОЯ — КАК МАТРИАРХАЛЬНОГО, ТАК И ПАТРИАРХАЛЬНОГО ТИПА.

Необходимым условием парного брака, исключающего загнивание общества в любом варианте родового строя, является сохранение и защита прав женщин — при условии, что женщины поддерживают социально-активный образ жизни (в противном случае сползание в матриархат обеспечено). Женщины России сохраняли права «амазонок» со времен Великой Скифии до Нового времени.

Еще в раннем Средневековье славянские женщины участвовали в боевых действиях наравне с мужчинами. После знаменитого штурма войсками «русского кагана» Константинополя в 626 г. «среди тел погибших были обнаружены и женщины-славинки»...[239]

Почти все источники, описывающие нравы скифов, славян и русских, отмечают стойкий обычай ритуального самоубийства жены при похоронах мужа, похожий на индийский обряд «сати». Этот обычай держался в России вплоть до официального крещения; еще в середине X в. его лично наблюдал в Волжской Булгарии арабский путешественник Ибн-Фадлан[240]. Из его рассказа следует, что при похоронах *русского* князя ритуальное самоубийство совершала одна из его «дополнительных» жен, а затем их тела *сжигались в ладье*. Очевидно, араб наблюдал похоронный обряд не русов-аланов, но *русов-варягов*, для которых был характерен такой тип погребения, тем более что известно: тесные отношения с Волжской Булгарией поддерживали именно варяги.

Русы-варяги отличались от русов-аланов своим «стереотипом поведения» довольно сильно; меньше, может быть, чем современные русские отличаются от немцев, но примерно в том

же направлении. У южных, степных русов-аланов также было принято ритуальное самоубийство жен, но его совершала — при определенных обстоятельствах — единственная супруга. Как отмечают арабские авторы, писавшие о приазовских и кубанских русах (Масуди), здешние обычаи погребения удивительно напоминали обряд ритуального самосожжения — «сати» — принятый в Индии[241].

Что представлял собой этот обряд в эпоху, когда арийская элита Индии была достаточно сильна? Ничего похожего на то извращение, которое он принял в эпоху цивилизационного упадка, в XIX в. Первоначально в нем не было ничего, унижающего женщину. Во-первых, «сати» совершала далеко не каждая женщина, но представительница правящего слоя, и только добровольно, при особых обстоятельствах. Главный смысл этого жестокого обычая заключался в своеобразной «селекции элиты». Известно, что элита начинает гнить «по женской линии». Представители правящего слоя постоянно подвергаются искушению вступить в связь с женщинами низших социальных слоев и негативных моральных качеств, пытающихся пробиться наверх любой ценой — для того, чтобы использовать «служебное положение» в личных целях. Качество элиты с каждым таким браком неуклонно понижается, вступают в действие силы социальной дезорганизации; результат известен.

Обычаи типа «сати», какими бы жестокими они ни казались, ставят на пути такого рода негативных процессов непреодолимую преграду. Ясно, что женщина, способная на такой поступок, должна быть мужественной, обладать повышенным чувством долга и чести. Это именно то, что требуется для правящей элиты; дети такой женщины вырастают настоящими *аристократами*.

Главный принцип нормальной правящей элиты: чем выше положение, тем больше не только прав, но и обязанностей, вплоть до самопожертвования. Общество может жить только тогда, когда соблюдается этот принцип, иначе оно превращается в негативную антисистему, *перевернутую пирамиду*.

Соблюдение в Южной России обычаев типа сати не только не противоречит представлению о высоком социальном статусе женщин-«амазонок», но напротив, подтверждает его.

Со времен первых апологетов христианства было принято считать, что парный брак якобы появился на Руси только вместе с принятием новой религии. Но в этом вопросе вряд ли следует

доверять христианским источникам, явно старавшимся опорочить все «языческое». Анализ правовых обычаев средневековой Руси показывает, что женщины занимали высокое положение в обществе, конечно, сложившееся еще до принятия христианства. Можно без труда убедиться, что ни в одной стране эпохи Средневековья (в том числе и европейской), не соблюдались такие простые и привычные (для нас теперь) правила, как на Руси.

1. Унизительной *купли жен* в России никогда не было. Женщины получали приданое, причем были предусмотрены наказания для скупых родителей, отказывавшихся выдавать дочерей замуж...

2. Феодально-сексуальных безобразий, типа «права первой ночи», известного в странах Западной Европы, русские не знали.

3. Русские женщины сохраняли право на владение собственным имуществом, состоя в браке, в том числе и недвижимостью. Этот факт поражал западных европейцев еще в XIX в.

4. Русские женщины (как и мужчины) имели право на развод по уважительным причинам, какими считались: прелюбодеяние (со стороны мужа — если имелись незаконные дети), в случае покушения супруга на жизнь и имущество, по физиологическим мотивам.

5. Преступления в отношении женщин карались так же, как в отношении мужчин, и женщины могли быть полноправными участницами судебного процесса[242].

К этому можно добавить, что путешествовавших по России еще в середине XVII столетия «лиц европейской национальности» поражало свободное, лишенное лицемерия отношение полов при полном отсутствии такого издавна принятого установления западных стран, как публичные дома... Русские женщины во многом сохраняли высокое положение «скифских амазонок» вплоть до XVII столетия. Россказни о «затворницах теремов» сложились тогда, когда произошло реальное ущемление их прав, а именно — в эпоху воздействия на Россию западной цивилизации.

Каким же был общественный строй Великой Скифии, основанный на *парной семье*? Прежде всего, как представлялось иностранным свидетелям и современникам, *справедливым*. Еще Геродот утверждал, что «ИССЕДОНЫ (то есть сибирские скифы) ПОЧИТАЮТСЯ НАРОДОМ СПРАВЕДЛИВЫМ, И ЖЕНЩИНЫ У НИХ ИМЕЮТ РАВНУЮ ВЛАСТЬ С МУЖЧИНАМИ»; тем самым «отец истории» выявил связь между социальной справед-

ливостью вообще и организацией общества на уровне его «основной ячейки». Парные семьи объединялись в общины не по принципу крови, но ПО ПРИНЦИПУ ЗЕМЛИ (А.Г. Кузьмин, цит. соч.). Более высокий уровень организации составляли территориальные политические объединения — «племена», «союзы племен» и «царства», что и составляло иерархическую структуру ГОСУДАРСТВЕННО-ОБЩИННОГО СТРОЯ.

Главным достижением цивилизации Скифии можно назвать *социальную справедливость*, отсутствие того, что называют эксплуатацией человека человеком. Взамен этого государственно-общинный строй требовал от каждой личности подчинения своих интересов интересам общества в целом. Сторонники «полной свободы» (включающей свободу погибать самому и порабощать других) называют это «государственным рабством». Можно называть это как угодно, но в любом случае приходится признать: для того, чтобы выжить, другого способа общественной организации нет. Все остальные варианты ведут к распаду и гибели общества.

На самом деле принцип «полной свободы» всегда при реализации приводил к тотальному порабощению, к самому тривиальному личному рабству, к подчинению уже не государству в целом, действующему в интересах общества, но вполне конкретной личности, причем, как обычно, личности далеко не лучших моральных достоинств (впрочем, о каких моральных достоинствах «свободной личности» может идти речь, если она по определению свободна от каких-либо обязательств по отношению к остальным...).

Только государственно-общинный строй в состоянии обеспечить личности подлинную свободу. ЛИЧНАЯ СВОБОДА была одним из главным принципов социальной организации древних ариев, скифов античного периода и их наследников, славян раннего Средневековья. Никакого рабства ни по отношению к своим соплеменникам, ни даже по отношению к врагам, военнопленным.

Эта особенность организации скифов-сарматов-аланов, как и позднее русов-славян, всегда поражала представителей «цивилизованного мира». Помпей Трог писал о скифах: «Понятие о справедливости внушено им умом собственным, а не законами. Самым тяжким преступлением у них считается воровство. К золоту и серебру они не питают страсти, подобно остальным смертным...»[243] Аммиан Марцеллин об аланах (IV в. н.э.):

«ОНИ (АЛАНЫ) НЕ ИМЕЛИ НИКАКОГО ПОНЯТИЯ О РАБСТВЕ, БУДУЧИ ВСЕ ОДИНАКОВО БЛАГОРОДНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ, и в судьи они до сих пор выбирают лиц, долгое время отличавшихся военными подвигами»[244].

То же самое сообщали и византийцы VII в. о славянах: «ПЛЕМЕНА СЛАВЯН И АНТОВ СХОДНЫ ПО СВОЕМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ, ПО СВОИМ НРАВАМ, ПО СВОЕЙ ЛЮБВИ К СВОБОДЕ; ИХ НИКОИМ ОБРАЗОМ НЕЛЬЗЯ СКЛОНИТЬ К РАБСТВУ ИЛИ ПОДЧИНЕНИЮ В СОБСТВЕННОЙ СТРАНЕ. Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, наготу, недостаток в пище. К прибывающим к ним иноземцам они относятся ласково и, оказывая им знаки своего расположения, (при переходе их) из одного места в другое охраняют их в случае надобности... НАХОДЯЩИХСЯ У НИХ В ПЛЕНУ ОНИ НЕ ДЕРЖАТ В РАБСТВЕ, КАК ПРОЧИЕ ПЛЕМЕНА, В ТЕЧЕНИЕ НЕОГРАНИЧЕННОГО ВРЕМЕНИ, но, ограничивая (срок рабства) определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там (где они находятся) на положении свободных и друзей»[245].

Социально-политический строй этого типа несколько неточно именуют военной демократией. На самом деле «военного» в этом строе было только то, что скифы-славяне были вынуждены постоянно поддерживать боевую готовность в силу чисто геополитических причин. Этот тип управления скорее можно назвать государственно-общинным строем, при котором низовые демократические общины соединялись в структуры более высокого уровня иерархии, вплоть до объединения на высшем уровне — царства. Верхние структуры, в отличие от нижних, были организованы по аристократическому принципу, вплоть до наследственной монархии.

Именно этот строй, представляющий собой великолепную защиту от энтропии, Великая Скифия экспортировала во внешний мир, порождая (или воссоздавая) новые цивилизации...

Отличия социально-политического строя порождали и особое отношение скифов к ведению войн. Хорошо известно, чем были войны в древнем (да и не очень древнем) «цивилизованном» мире. Достаточно вспомнить чудовищные пытки и казни пленных в Ассирии, массовую продажу пленных в рабство в Греции и Риме... Но даже самые пристрастные источники, авторы которых просто захлебывались от ненависти к скифам-сарматам-аланам, не могли поставить им в упрек ничего, кроме

«грабежей», представлявших, по сути, снабжение армии или обычную контрибуцию.

Не только обитатели «цивилизованного мира», но и прочие нескифские народы отличались патологической жестокостью на войне. Когда господство скифов в Азии сменилось тюркским, народы континента тут же почувствовали существенную разницу. В 628 г. н.э. тюрки взяли штурмом Тбилиси: «Победители никого не щадили, несмотря на то, что сопротивления уже не было. Взятые в плен иверский князь и персидский воевода были замучены перед лицом джабгу [тюркского правителя]...» Отступая из Грузии в 580-х гг., армия тюрков уничтожила 300 тыс. пленных, «трупы которых лежали вдоль дороги длиной около 166 км (четыре дня пути)»[246].

. Не стоит перечислять «воинские доблести» представителей современного «цивилизованного» мира, тем более что они всем памятны по политике колониализма и Второй мировой войне. Пожалуй, следует только напомнить, что очень удобный метод борьбы с партизанами (когда за одного своего убитого уничтожают целиком близлежащую деревню) был изобретен вовсе не фашистами в 1941 г.: таким образом англичане усмиряли Индию еще в году 1858-м, и никого это не удивляло, «парламентским демократиям» не мешало...

Но никто не может сказать подобное о русской армии, привести хотя бы один случай, порочащий ее, ставящий на одну доску с остальными. Одно только это доказывает прямую преемственность русской и скифской цивилизации, тождество ее нравственных основ с глубокой древности до наших дней...

Разумеется, поддержка особого, антиэнтропийного строя Великой Скифии стоила больших внутренних затрат энергии. Негативные влияния постоянно проникали извне, со стороны продвинутых в так называемых рыночных отношениях цивилизаций, вместе с предметами бессмысленной роскоши и «порчей нравов». Великой Скифии приходилось воздвигать «железный занавес» и фильтровать внешние влияния, чтобы пропускать только хорошее. Недаром же Геродот сказал о скифах (История, 4, 76), что «сии народы имеют сильное отвращение от иноземных обычаев»... Интересно, что в древней Скифии путешествия «за границу» были довольно затруднены, как во времена Советского Союза. Современники отмечали, что «скифы странствуют только в пределах своей страны», и что скифский «диссидент» царевич Анахарсис первым нарушил этот обычай[247].

Очевидно, скифы предпочитали путешествовать за границу «на танках», то есть — на конях...

Тем не менее препятствовать социальному разложению удавалось не всегда. На периферии Великой Скифии — в Северном Причерноморье, на юге Средней Азии — классовая дифференциация общества (сопровождавшаяся ростом городов, накоплением богатств в руках элиты, расцветом искусств) была гораздо сильнее, чем в центре страны, сохранявшем общинный строй в чистоте. Так, например, в курганах Горного Алтая середины I тыс. до н.э. представителей правящего слоя сопровождали в последний путь 10—15 лошадей и любимая жена, тогда как в курганах Приднепровья — до нескольких сот лошадей, да еще жены и слуги...

Время от времени периферия Скифии «загнивала». Представители элиты украшались золотом с ног до головы, окружали себя челядью, заводили гаремы, строили роскошные дома и дворцы. Обычно это долго не продолжалось: «загнившая» элита оказывалась неспособна управлять страной и держать круговую оборону. Из центра Великой Скифии постоянно исходили обновляющие импульсы, восстанавливающие государственно-общинный строй и укрепляющие единство страны.

Такого рода импульсы исходили с Волги и Дона в Северное Причерноморье: киммерийское царство сменялось скифским, скифское — сарматским... Таким же образом сибирские скифы доминировали над Средней Азией и Восточным Туркестаном. Старые, обособившиеся и «прогнившие» династии сменялись новыми, родственными друг другу, бодрыми и свежими.

Скифская цивилизация занимала примерно территорию Советского Союза в границах 1945 г. (правда, освоение таежного севера в раннем железном веке было намного слабее, но зато на юге влияние скифов захватывало Центральную Азию — Монголию, Восточный Туркестан и даже Тибет). Постоянное обновление государственности, исходившее из центра на периферию, поддерживало не только культурное, но и политическое единство Великой Скифии. Это единство проявляется настолько сильно, что можно с полным основанием назвать Скифию в железном, а возможно, и бронзовом веке ИМПЕРИЕЙ.

Существование в самом центре Евразии Великой Скифской империи обусловлено причинами чисто геополитического характера. По-другому жить здесь просто нельзя...

Примечания

[1] Так, Плутарх утверждал, что западноевропейские кимвры произошли от смешения скифов и кельтов или от киммерийцев. См.: Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2. М., 1963, с. 71.

[2] *А.Г. Кузьмин.* Откуда есть пошла Русская земля. Т. 1, М., 1986, с. 686.

[3] *M. Gimbutas.* The first wave of Eurasian steppe pastoralist into Copper Age Europe // The Journal of Indo-European Studies, 1977; В. Леман. Индоевропеистика сегодня // Вопросы языкознания, 1987, № 2; J.P. Mallory. In search of the Indo-Europeans. Language, archaeology and myth. L., 1989.

[4] *М. Скржинская.* Герои киммерийских и скифских легенд в греческой поэзии и вазовой живописи. VII—VI вв. до н.э. // ВДИ, 1986, № 4, с. 89—92.

[5] История Дона с древнейших времен. Ростов-на-Дону: РУ, 1965, с. 31.

[6] *В.Е. Максименко.* Савроматы и сарматы на Н. Дону. Р-н-Д.: РГУ, 1983.

[7] *Л. Галанина.* Скифские древности Поднепровья. М.-Н., 1977, с. 7.

[8] *Геродот.* История, 4, 81. М.: ХЛ, 1976, с. 129.

[9] *Геродот.* История, 4, 7.

[10] *Геродот.* История, 4, 6. см.: Историки Греции..., с.107.

[11] *Рыбаков Б.А.* Геродотова Скифия. М.: Наука, 1979.

[12] *Юстин.* Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» Пер. А.А. Деконского и М.И. Рижского // ВДИ, 1955, № 1.

[13] *Латышев В.В.* Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе, т. 1—2, СПб., 1893—1906. (Переизд.: ВДИ, 1947—1949.)

[14] *П.М. Золин.* Реальная история России. СПб.: Лань, 1997, с. 33.

[15] *Савельев Е.П.* Древняя история казачества. Новочеркасск, 1915, с. 153.

[16] *Тацит.* Сочинения. Л.: Наука, 1969, т. 1, с. 71.

[17] См.: *Латышев В.В.* Цит. соч. // ВДИ, 1949, № 4, с. 267.

[18] Страбон. География. / Пер. Г.А. Стратановского. М., 1964.

[19] *Савельев Е.П.* Цит. соч., с. 106—107.

[20] Никаноровская летопись. ПСРЛ, т. 27, М.—Л., 1962, с. 137—141.

[21] *Вернадский Г.В.* Древняя Русь. Тверь: ЛЕАН-АГРАФ, 1996, с. 69.

[22] См.: Цивилизация скифов. В сб.: Древние цивилизации / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.: Мысль, 1989, с. 181.

[23] *Максименко В.Е.* История Дона с древнейших времен... с. 30.

[24] Всемирная история, т. 2. Бронзовый век. Минск, 1996, с. 455—456.

[25] Г.В.Вернадский предположил даже, что киммерийская элита этого времени была инородного по отношению к подданным происхождения.

[26] *Пиотровский Б.Б.* Скифы и Урарту // ВДИ, 1989, № 4, с. 3.

[27] Там же.

[28] *Монгайт А.* В поисках исчезнувших цивилизаций. М., 1966, с. 127.

[29] *Диодор Сицилийский.* Историческая библиотека. II, 43. // ВДИ, 1947, № 3.

[30] *Квинт К.* Руф. История Александра Македонского. М.: МГУ, 1993, с. 156.

[31] *Юстин.* Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» // ВДИ, 1955, № 1.

[32] *Граков Б.Н.* Литейное и кузнечное ремесло у скифов // КСИИМК, XXII, 1948, с. 42—43.

[33] *Р. Доманский.* Горнило народов // Родина, 1997, № 5.

[34] См.: *Гриневич Г.С.* Праславянская письменность (результаты дешифровки), т. 1. М., 1993; т. 2. М.: Летопись, 1999; *Сторожев А.Н., Сторожев В.Н.* Россия во времени. Древняя история сибирских и славянских народов. Сургут — Москва: Народная школа — Вече, 1997.

[35] *Диодор Сицилийский.* ИБ, II, 43 // ВДИ, 1947, № 3, с. 307—325.

[36] *Колтухов С.Г.* Системы обороны Крымской Скифии в IV—II вв. до н.э. // ВДИ, 1991, № 4, с. 103—104.

[37] *Иосиф Флавий.* Иудейская война. Минск: Беларусь, 1991, с. 435.

[38] См.: ВДИ, 1948, № 3, с. 279.

[39] См.: *Истомина Э.Г., Николаев А.Н.* Валдай. Л., 1988, с. 6.

[40] *Диодор Сицилийский*, II, 34.

[41] *Полибий.* Всеобщая история, XXV, 2, 12 // ВДИ, 1947, № 3, с. 213—216.

[42] См.: *Страбон.* География. XI, 1; 2.

[43] *Кузьмин А.Г.* Откуда есть пошла Русская земля..., т. 1, с. 545.

[44] *Тацит.* Сочинения. Л.: Наука, 1969, т. 1, комментарий на с. 350.

[45] *Аммиан Марцеллин*, XXXI, 2, 13—16.

[46] *Геродот.* История. В кн.: Историки Греции..., с. 110.

[47] *Алексеев В.* Палеоантропология и история // ВИ, 1985, № 1, с. 35—39.

[48] ВДИ, 1948, № 2, с. 220—222; ВДИ, 1949, № 3, с. 283—305; Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.

[49] *Ставиский Б.Я.* Между Памиром и Каспием. М., 1966, с. 135, рис. 37.

[50] *Пилипко В.* Голова в шлеме из Старой Нисы // ВДИ, 1989, № 3, с. 167—177.

[51] *Федоров-Давыдов Г.* На окраинах античного мира. М., 1975, с. 45—50.

[52] *Филострат Старший.* Картины. М.—Л.: Академия, 1936, кн. 2, с. 5, 165.

[53] *Максименко В.Е.* Цит. соч., с. 91—92.

[54] П.Н. Шульц, В.А. Головкина. Неаполь Скифский // По следам древних культур. М., 1951, с. 154.

[55] *Максименко В.Е.* , там же.

[56] *Шульц П.Н., Головкина В.А.* Цит. соч., с. 161.

[57] Там же, с. 164—165.

[58] См.: Археологические открытия 1981 г. АН СССР. М.: Наука, 1983.

[59] Там же, с. 48—49, 52—53.

[60] *Шульц П.Н., Головкина В.А.*, цит. соч., с. 167—168.

[61] *Третьяков Н.П.* У истоков Древней Руси // Древняя Русь. 1953, с. 16.

[62] Цивилизация скифов: Древние цивилизации. М.: Мысль, 1989, с. 180.

[63] Основоположник — немец на русской службе В. Миллер (1848—1913).

[64] *J. Harmatta.* Studies in the history and language of the Sarmatians. 1970. (ВНР).

[65] *Витчак К.Т.* (Польша). Скифский язык: опыт описания // ВЯ, 1992, № 5, с. 51.

[66] Там же, с. 57. Это уже чересчур...

[67] См.: *Алексеев В.П.* Цит. соч.

[68] *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М., 1949; *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.

[69] *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы, с. 124.

[70] *Трубачев О.Н.* Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // ВЯ, 1977, № 6, с. 16, 25.

[71] *Трубачев О.Н.* Лингвистическая периферия... с. 26—27.

[72] *Трубачев О.Н.* О синдах и их языке // ВЯ, 1976, № 4, с. 41—44; Старая Скифия Геродота и славяне. Лингвистический аспект // ВЯ, 1979, № 4, с. 33.

[73] *Трубачев О.Н.* Старая Скифия Геродота и славяне // ВЯ, 1979, № 4, с. 29, 35.

[74] См.: *Максименко В.Е.* Цит. соч., с. 15—16.

[75] *Tilak B.G.* Orion or Researches into the Antiquity of the Vedas. Bombay, 1893, p. 206.

[76] См.: *Гусева Н.Р.* Арьи, славяне: соседство или родство. В сб.: Древность: арьи, славяне. М.: Палея, 1996, с. 70.

[77] *Трубачев О.Н.* «Старая Скифия» Геродота и славяне // ВЯ, 1979, № 4, с. 42.

[78] *Миролюбов Ю.* Славяно-русский фольклор. М., 1997, т. 2, с. 570.

[79] *Вернадский Г.В.* Древняя Русь, с. 102, 125.

[80] Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, с. 294—298.

[81] *Г.В. Вернадский.* Цит. соч., с. 124.

[82] *Диодор Сицилийский.* Историческая библиотека, II, 43.

[83] *Савельев Е.П.* Древняя история казачества... с. 153.

[84] *Вернадский Г.В.* Древняя Русь... с. 127.

[85] *Миролюбов Ю.П.* Славяно-русский фольклор. М., 1997, т. 2, с. 578.

[86] См.: *Абаев В.И.* Из истории слов // Вопросы языкознания, 1958, № 2.

[87] *Кузьмин А.Г.* Сведения иностранных источников о Руси // Откуда есть пошла Русская земля. М.: Молодая гвардия, 1986, кн. 1, с. 664—682.

[88] См.: *Савельев Е.П.* Древняя история казачества... с. 119—120.

[89] *Авдусин Д.А.* Археология СССР. М.: ВШ, 1977, с. 100.

[90] Там же, с. 102.

[91] Там же, с. 110.

[92] *Березанская С.* Об этнической принадлежности чернолесской культуры// ТМ конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988, с. 12—18.

[93] *Телегин Д.* Иллирийские и фракийские гидронимы Правобережья Украины в свете археологических исследований // ВЯ, 1990, № 4, с. 58.

[94] *Колосовская Ю.К.* Агатирсы и их место в истории племен Юго-Восточной Европы // ВДИ, 1982, № 4.

[95] Я.Филип. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага: Артия, 1961,с.23.

[96] Там же, с. 39.

[97] *Филип Я.* Цит. соч., рис. 10, с. 47: Средняя Европа в Гальштадтское время и в начале латинского времени (по состоянию находок на 1959 г.).

[98] См.: *Рыбаков Б.А.* Геродотова Скифия. М.: Наука, 1979, и др.

[99] *Мельниковская О.И.* Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967, с. 170—185.

[100] См.: *Кузьмин А.Г.* «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории, 1970, № 10; Об этнической природе варягов // ВИ, 1974, № 3.

[101] *См.: Трубачев О.Н.* Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // ВЯ, 1982, № 4, с. 11.

[102] Страбон, XI, II, 1.

[103] *Либеров П.Д.* Савроматы ли сирматы? М.: Наука, 1969.

[104] См.: *Смирнов К.Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 196.

[105] *Геродот.* История, в кн.: Историки Греции... с. 136.

[106] См.: *Граков Б.Н.* Скифы. М., 1971, с. 131.

[107] *Гуляев В.И.* «Амазонки» Среднего Дона // Природа, 1995, № 5, с. 41—42.

[108] *Псевдо-Аристотель.* Рассказы о диковинах // ВДИ, 1987, № 3, с. 248—250.

[109] *Бонгард-Левин Г.,Грантовский Э.* От Скифии до Индии. М.: Мысль, 1983, с. 32—35.

[110] См.: *Авдусин Д.А.* Археология СССР... карта на рис. 50, с. 132.

[111] *Трубачев О.Н.* О синдах и их языке. ВЯ, 1976, № 4; Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // ВЯ, 1977, № 6 и др.

[112] *Абрамова М.П.* К вопросу о раннеаланских катакомбных погребениях центрального Предкавказья. В сб.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы/ АН СССР, ИА. М.: Наука, 1978.

[113] *Хоренаци Мовсес.* История Армении. В кн.: Материалы по истории СССР / Под ред А.Д. Горского. М.: Высшая школа, 1985, вып. 1, с. 55—56.

[114] *Аппиан.* Митридатика // ВДИ, 1946, № 4, с. 280—287.

[115] Тацит, Анналы, VI, 33. К. Тацит. Сочинения, Л., 1969, т. 1, с. 171.

[116] *Юстин.* Эпитома сочинения П. Трога «Historiae Philippicae» // ВДИ, 1955, № 1.

[117] *Ставиский Б.* Между Памиром и Каспием. М., 1966, с. 130—131.

[118] *Диодор Сицилийский.* Историческая библиотека, II, 43 // ВДИ, 1947, № 3, с. 307—325.

[119] *Крюков М.* и др. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978, с. 184—186.

[120] *Плиний Старший.* Естественная история, VI, 33. М. Скржинская. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977, с. 92—111.

[121] *Окладников А.* Раскопки на Севере // По следам древних культур. М.; 1951, с. 35.

[122] *Погребова М.* и др. К вопросу об «отложившихся скифах» // ВДИ, 1989, № 1, с. 58.

[123] *Лебедев Г.С.* Вернемся к началу // Знание — сила, 1986, № 10, с. 17—19.

[124] *Топоров В.Н., Трубачев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, с. 236.

[125] *Лебедев Г.С.*, цит. соч.; *Мачинский Д.А.* К вопросу о территории обитания славян в I—VI вв. В сб.: Исследования по археологии и древней истории Восточной Европы / Под ред. Б.Б. Пиотровского. Л.: Аврора, 1976, и др.

[126] *Mayer H.E.* Die Divergenz des Baltischen und des Slavischen // ZfslPh, 1978, XL, S. 52. Schmid W.P. Baltisch und Indogermanisch // Baltistica, 1976, XII (2), S. 120.

[127] *Трубачев О.Н.* Языкознание и этногенез славян // ВЯ, 1982, № 4, с. 15—16.

[128] *Арриан.* Поход Александра. М., 1993, с. 51—52.

[129] Естественная история, IV, 80. В кн.: *Скржинская М.В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977, с. 92—111.

[130] Иордан, сам гот, постоянно называл готов гетами — даже в заглавии своего труда. *Иордан.* О происхождении и деяниях готов.. М., 1960.

[131] *Шелов Д.* Железоделательное производство в Северном Причерноморье в раннеантичное время // Античный мир и его периферия. КСИА, вып. 159. АН СССР. М.: Наука, 1979, с. 3—7.

[132] История городов и сел Украинской СССР. Крымская область. Институт истории АН УССР. Киев, 1974, с. 260.

[133] *Гекатей Милетский*, фр. 155 // ВДИ, 1947, № 1, с. 298—301.

[134] Война с вандалами. Кн. 1, I (10). См.: *Прокопий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М.: Наука, 1993, с. 177.

[135] Эту историю трактовали как «легендарную», пока... не был обнаружен перстень, принадлежавший реальному царю Скилу. *Виноградов Ю.* Перстень царя Скила. Советская археология, 1980, № 3.

[136] *Крыжицкий С.* Основные итоги работы ольвийской экспедиции // Античный мир и его периферия. КСИА. Вып. 159. АН СССР. М.: Наука, 1979, с. 9—10.

[137] *Шелов Д.* Монеты-стрелки в Нижнем Побужье // ВДИ, 1987, № 4, с. 124—131.

[138] Дион Хрисостом. Борисфенитская речь, произнесенная Дионом на его родине // Поздняя греческая проза. М.: ГИХЛ, 1961, с. 92—93.

[139] Там же.

[140] История городов и сел Украинской СССР. Крымская область... с. 111.

[141] *Шелов Д.* Северное Причерноморье 2000 лет назад. М., 1975, с. 74.

[142] *Шульц П.* ... Неаполь Скифский // По следам древних культур. М., 1951, с. 152.

[143] Там же, с. 164—165.

[144] *Шелов Д.* Северное Причерноморье 2000 лет назад. М., 1975, с. 58, 71.

[145] *Ростовцев М.* Государство и культура Боспорского царства («Скифия и Боспор») // ВДИ, 1989, № 3, с. 186—190.

[146] *Агбунов М.В.* Античная лоция Черного моря. М.: Наука, 1987, с. 87.

[147] История городов и сел Украинской СССР. Крымская область... с. 483.

[148] *Шелов Д.Б.* Танаис — эллинистический город // ВДИ, 1989, № 3, с. 49.

[149] Древности Нижнего Дона. АН СССР, Институт археологии / Отв. ред. *Шелов Д.Б.* М., 1965, с. 85; рис.7, с.14; рис. 19 с. 43; рис.31, с. 89.

[150] *Арсеньева Т.М.* Лепная керамика Танаиса, там же, с. 169, 171, 191.

[151] *Шелов Д.* Танаис — потерянный и найденный город. М., 1967, с. 118; Д. Шелов. Танаис — эллинистический город // ВДИ, 1989, № 3, с. 51—52.

[152] *Шелов Д.Б.* Танаис — потерянный и найденный город..., с. 76.

[153] Древности Нижнего Дона... 1965, с. 257—258.

[154] *Шелов Д.Б.* Танаис — потерянный и найденный город... с. 129—130.

[155] *Амброз А.К.* Фибулы из раскопок Танаиса. В кн.: Античные древности Подонья-Приазовья. АН СССР, Институт археологии. М., 1969, с. 248.

[156] Древности Нижнего Дона... с. 17, 164.

[157] Там же. 208, 214.

[158] См.: *Гельмольд.* Славянская хроника. М.—Л., 1963, с. 36—37.

[159] Античные древности Подонья... с. 262—263.

[160] *Миролюбов Ю.П.* Материалы к предыстории русов. М., 1997, т. 1, с. 474.

[161] См.: *Кудрявцев А.А.* Древний Дербент. М.: Наука, 1982, с. 15—17, 25.

[162] *Тревер К.* Очерки истории и культуры Кавказской Албании. М.—Л., 1959, с. 191.

[163] Никаноровская летопись. ПСРЛ, т. 27, АН СССР. М.—Л., 1962, с. 137—141.

[164] *Толстов С.* Древний Хорезм // По следам древних культур. М., 1951, с. 175.

[165] Там же, с. 184.

[166] *Якубовский А.Ю.* Древний Пянджикент // По следам древних культур. М., 1951, с. 266.

[167] *Толстов С.П.* Древний Хорезм..., с. 190.

[168] Цит. по: *Толстов С.П.* Древний Хорезм..., с. 194—195.

[169] *Зданович Г.* За две тысячи лет до Трои // Вокруг света, 1989, № 5, с. 39.

[170] История Дона с древнейших времен. Ростов-на-Дону: РГУ, 1965, с. 25.

[171] Лев Гумилев подметил: то, внешне «блестящее», что историки принимают за культуру — дворцы, храмы, многотомные книги — обыч-

но появляется в «инерционной» фазе развития этноса, клонящегося уже к закату.

[172] Нежелание, вопреки фактам, признать государственность скифов восходит к устаревшим представлениям, что сильная политическая власть в Древнем мире могла быть основана только на рабовладении и социальном неравенстве; однако это признаки упадка государства, а не его рождения.

[173] *Кузьмина Е.* Распространение коневодства и культа коня... М., 1977; Е. Кузьмина. Колесный транспорт и проблема... истории... // ВДИ, 1974, № 4.

[174] *Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.* От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. М.: Мысль, 1983, с. 168—169.

[175] О культе коня у славян и его связи с Солнцем см.: *Фаминцын А.С.* Божества древних славян. СПб.: Алетейя, 1995, с. 212—220.

[176] *Руденко С.* Сокровища Пазарыкских курганов // ПСДК. М., 1951, с. 126.

[177] За исключением немногих. Например, о сарматских крепостях упоминает *Л.Н. Гумилев.* Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993, с. 125.

[178] *Колтухов С.* Системы обороны Крымской Скифии... // ВДИ, 1991, № 4.

[179] *Братченко С.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976; Каменско-ливенцовская группа памятников. Арх. УССР, т. 1, Киев, 1985.

[180] См.: *Разоренов Ф.Н.* Аркаим в нашей истории. В сб.: Древность: арьи, славяне. М.: Палея, 1996, с. 141—169.

[181] *Максименко В.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Р-н-Д.: РГУ, 1983.

[182] *Рыбаков Б.А.* Первые века русской истории. М., 1964, с. 26—27.

[183] *Тацит.* История, I, 79. Тацит Корнелий. Соч. в 2-х т., Л., 1969, т. 2, с. 42.

[184] См.: *Марков С.Н.* Земной круг. М.: Современник, 1976, с. 18—19.

[185] Персонаж рыцарской поэмы, желая похвалиться своей неподкупностью, говорил обычно: «Хоть дайте мне *все золото России*, и то я...»

[186] *Фоменко А.Т.* Империя. М.: Факториал, 1996, с. 381—388.

[187] *Марков С.Н.* Земной круг... с. 198.

[188] «Хожение за три моря» Афанасия Никитина // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982.

[189] Поздняя греческая проза / ред. М. Грабарь-Пассек. М., ГИХЛ, 1961, с. 635.

[190] *Руденко С.И.* Цит. соч., с. 123.

[191] *Гумилев Л.Н.* Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993, с. 108.

[192] *Федоров-Давыдов Г.* На окраинах античного мира. М., 1975, с. 12.

[193] *Рыбаков Б.А.* Геродотова Скифия. М.: Наука, 1979, и др.

[194] *Трубачев О.Н.* Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // ВЯ, 1977, № 6, с. 16.

[195] *Шнирельман В.А.* Основные очаги древнейшего производящего хозяйства в свете достижений современной науки // ВДИ, 1989, № 1, с. 108.

[196] Карта: Мировые центры растениеводства и навыки земледелия, VIII—VI тыс. до н.э.; *Андрианов Б.В.* Земледелие наших предков. М., 1978, р.5.

[197] *Юстин.* Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» // ВДИ, 1955, № 1.

[198] Н. Кун. Легенды и мифы Древней Греции. Новосибирск, 1991, с. 55—56

[199] Плиний. Естественная история, VII, 197. Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977, с. 92—111.

[200] *Плиний.* Естественная история, VII, 201.

[201] *Черных Е.Н.* Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы. В кн.: Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988, с. 22.

[202] *Андрианов Б.В.* Земледелие наших предков. М.: Наука, 1978, с. 82—83.

[203] *Cuyler Young T.* The Iranian Migration into the Zagros // Iran, vol. 5, 1967; *Ghirshman R.* L'Iran et la migration des indo-aryens et des iraniens. Leiden, 1977; *Хлопин И.Н.* Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л.

[204] Всемирная история. Т.3: Век железа. Минск, 1996, с. 362.

[205] Кызласов Л. Проблемы археологии Сибири эпохи металла. МГУ. Ист. 1993, № 1.

[206] См.: *Доманский Р.* Горнило народов // Родина, 1997, № 5.

[207] *Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.* Цит. соч., с. 16—17.

[208] Л. Галанина и др. Ювелирные изделия в Эрмитаже. Л.: Аврора, 1972, с. 14.

[209] *Пиотровский Б.Б.* Скифы и Урарту // ВДИ, 1989, № 4, с. 4.

[210] См.: Ювелирные изделия в Эрмитаже... с. 36—37.

[211] *Руденко С.* Сокровища Пазырыкских курганов // ПСДК. М., 1951, с. 137.

[212] *Геродот.* История, 4, 46. В кн.: Историки Греции... с. 119.

[213] *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях... философов. М., 1979.

[214] *Иванов В.* Язык как средство реконструкции ... // Природа, 1983, № 11, с. 27.

[215] *Гриневич Г.С.* Праславянская письменность...

[216] *Кондратов А.* ... Когда молчат письмена. М., 1970, с. 198—199.

[217] *Ларичев В.* Пещерные чародеи. Новосибирск, 1980, с. 220; Лунно-солнечный календарь погребения Мальты... // История и культура Востока Азии. Новосибирск: Наука, 1985.

[218] Сказания о начале славянской письменности. М.: Наука, 1981, с. 102.

[219] Руны. Сост. А. Кайа. М.: Локид, 1998, с. 388—398.

[220] См.: *Воланский Ф.* Памятники письменности славян до Р.Х. М., 1861.

[221] *Торопов В.* Русские письмена, откуда они? // ЧиП, 1995, № 3.

[222] См.: *Гриневич Г.С.* Праславянская письменность... с. 9, 13—25.

[223] *Крюков М.* Проблема проточжоуской письменности // НАиА, 1965, № 6.

[224] *См.: Гриневич Г.С.* Цит. соч., с. 101—103.

[225] *Ставиский Б.Я.* Между Памиром и Каспием. М.: Наука, 1966, с. 226.

[226] *Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье // ВЯ, 1981 № 2, с. 13.

[227] История Дона с древнейших времен. Р-н-Д.: РУ, 1965, с. 71, 73.

[228] Сказания о начале славянской письменности. М.: АН СССР, 1981, с. 77—78.

[229] См.: *Власов В.* Дорога в Хазарию // Вокруг света, 1989, № 5, с. 42.

[230] См.: *Кузьмин А.Г.* Падение Перуна. М.: Молодая гвардия, 1988.

[231] *Курдаков Е.* «Влесова книга...» // МГ, 1997, № 7, с. 294, 300—301.

[232] *Павсаний.* Описание Эллады. 1, 21, 5 // ВДИ, 1948, № 2, с. 227.

[233] См.: ВДИ, 1947, № 2, с. 294—299.

[234] *Аристотель.* Никомахова этика // Соч. в 4-х т. М., 1983, т. 4, с. 200—201.

[235] См.: ВДИ, 1947, № 4, с. 175—176.

[236] *Иосиф Флавий.* Против Аппиона. II, 37 // ВДИ, 1947, № 3, с. 275—277.

[237] *Иероним.* «К Океану» и «Против Иовиана...» // ВДИ, 1949, № 4, с. 228—230.

[238] *Фотий*, беседы «На нашествие росов» : Материалы по истории СССР, под ред. А.Д. Горского. М.: Высшая школа, 1985, вып.1, с. 267—270.

[239] «Бревиарий» Никифора, патриарха Константинопольского. *Чичуров И.* Византийские исторические сочинения. М., 1980, с. 160—161.

[240] *Ковалевский А.* Книга Ибн-Фадлана... Харьков, 1956.

[241] *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербента. М., 1963, с. 192—196.

[242] *Пушкарева Н.* Женщины Древней Руси. М., 1989, с. 71—72, 142 — 149.

[243] *Помпей Трог*, II, 2, 5—8 // ВДИ, 1955, № 1.

[244] См.: ВДИ, 1949, № 3, с. 283—285.

[245] *Псевдо-Маврикий.* Стратегикон; А. Мишулин. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н.э. // ВДИ, 1941, № 1, с. 253—256.

[246] *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М., 1993, с. 108, 199.

[247] *Элиан*, V, 7. См.: Элиан. Пестрые рассказы / Пер. С. Поляковой. Л., 1964.

Содержание

Европа как западная окраина Великого Скифского мира, Великой Цивилизации русов

Вступление 3

Ю.Д. Петухов

Русы Циркумпонтиды и скифо-сибирского мира. Арийская проблема 7

Вавилон и Ассирия (Ассур-Русса). Деградация ближневосточных ариев. Крах русов Двуречья. Натиск аравийских протосемитов 7

Вторжение в Месопотамию русов-ариев Персии — По-Русии. Держава Александра Македонского. Агония русов на Ближнем Востоке 19

Русь-Сурия-Палестина — Белый Стан пеласгов. Русы, гибридные русы и «люди смерти». История протосемитов, русо-евреев и евреев 27

Мифология русов и предэтносовых племен 36

Филистимляне-пеласги (белые русы). «Народы моря». Финикийцы-венеды-венеци и «финикийская проблема» во II—I тыс. до н.э. 43

Древнехеттское царство — Империя русов. Новохеттия — сыны русов в Малой Азии 51

Русы Индостана в IV—III тыс. до н.э.
Хараппа. Мохенджо-Даро 66
Русы Средней Азии 75
«Великое арийское вторжение».
Индоарии — русы-индоевропейцы
последней волны 82

Суперэтнос русов —
расо- и этнообразующее начало 130

Н.И. Васильева, Ю.Д. Петухов

**Великая Скифия —
протороссийская империя** 136

Пролог 136

1. Краткая история Великой Скифии 140
1.1. Киммерийский период
(1600—1000 гг. до н.э.) 140
Киммерийцы и скифы 142
Самоназвание киммерийцев и скифов 150
Основные исторические события бронзового века
в южнорусских степях по сообщениям источников.
Господство скифов (ариев) над Азией
в IV—III тыс. до н.э. 151
Экспансия скифов в Малую Азию: царство амазонок
(XXI—XIII вв. до н.э.) 152
Поражение скифов от фракийцев (XVI в. до н.э.) 154
Второе господство скифов в Азии.
Войны в Египте и Палестине — XIII в. до н.э. 156
1.2. Скифский период (1000—400 гг. до н.э.) 162
Падение Киммерийского царства 162
Великая Скифия 168
1.3. Сарматский период
(400 г. до н.э. — 200 г. н.э.) 187
1.4. Скифы и русские 200
1.5. «Скифский» язык 213

2. Империя и ее города 234
2.1. Границы Великой Скифии 234
Скифы в Причерноморье, Приазовье и на Кавказе 249
Скифы в Средней Азии и Южной Сибири 251
Скифы и «гиперборei» 260
«Отложившиеся скифы», ирки и фиссагеты 265
Скифы, гелоны и будины 266
Скифы, невры и венеты 271
Скифы, агатирсы и геты 272
Легенда о трех братьях 273
2.2. Города Скифии 275
Борисфен (Ольвия — Счастливая) 279
Херсонес Таврический: Солнечный Город в Крыму 282
Неаполь (Новгород) Скифский 284
Боспорское царство Меотиды 288
Танаис на Русской реке 293
Дербент: Каспийские ворота на замке 300
Хорезм: Солнечный Город в Азии 306
2.3. Проблемы урбанизации в России 311

3. Культура Великой Скифии 317
3.1 Конь Хорса 318
3.2. Трояновы валы и белокаменные крепости 324
3.3. В чешуе как жар горя... 328
3.4. От Боспора Киммерийского до Индии и Камчатки 333
3.5. Экономика евразийских степей 341
3.6. Медь, бронза и железо 353
3.7. Золото 363
3.8. Скифские ремесла и прикладное искусство 370
3.9. Скифская письменность 374
3.10. Скифский образ жизни 391
Примечания 404

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»
129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24.
Тел.: (495) 188-88-02, (495) 188-16-50, (495) 188-65-10.
Тел./факс: (495) 188-89-59, (495) 182-60-47
Интернет/ Home page: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

Научно-популярное издание
Тайны Земли Русской

Петухов Юрий Дмитриевич
Васильева Нина Ивановна

РУСЫ ВЕЛИКОЙ СКИФИИ

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Корректор *О.Н. Богачева*
Дизайн обложки *Е.А. Забелина*
Верстка *М.В. Субботина*

ООО «Издательство «Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.98.953.Д.012232.12.06 от 21.12.2006 г.
E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 23.10.2007. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «SchoolBook C». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 13. Тираж 5000 экз. Заказ № 5164.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Эта книга потрясает и завораживает необычностью авторской концепции, масштабностью панорамы повествования. Перед читателем предстает евразийская история — от эпохи палеолита до наших дней. Теория суперэтноса русов, разработанная писателем и историком Юрием Дмитриевичем Петуховым, не просто оригинальна. Она представляет культурное наследие народов нашего Отечества, прежде всего русского, поистине великим и чрезвычайно важным для понимания всей эволюции человечества.

ISBN 978-5-9533-1985-0

Вече